

СТРАНЫ
И
НАРОДЫ
ВОСТОКА

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫПУСК
XIX

ВЫПУСК
XIX

USSR ACADEMY OF SCIENCES
GEOGRAPHICAL SOCIETY OF THE USSR
ORIENTAL COMMISSION

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

General editor
D. A. OLDEROGGE,
corresponding member
of the Academy of Sciences of the USSR

VOL. XIX

INDIA — LAND and PEOPLE
Book 4

Compiled and edited by I. V. Sakharov

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
Moscow 1977

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XIX

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД
Книга 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

91 (И5)
С83

Составитель и ответственный редактор
И. В. САХАРОВ

Книга продолжает серию сборников статей, посвященных Индии. В статьях, написанных советскими и индийскими учеными, исследуются демографические особенности Индии, размещение промышленности, языковая проблема, географическая специфика страны.

С $\frac{20901-101}{013(02)-77}$ 133-77

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

Г. Н. Вейц, И. И. Егоров

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКТОР В ЭКОНОМИКЕ НЕЗАВИСИМОЙ ИНДИИ

Освобождение от колониальной зависимости создало реальные предпосылки для ускорения темпов хозяйственного роста и достижения экономической самостоятельности странами «третьего мира». Это потребовало резкой активизации экономической роли государства, призванного внести решающий вклад в перестройку отсталой структуры хозяйства, создание современной промышленности. Экономическое самоопределение этих стран происходит в условиях обострения общего кризиса капитализма, наглядно обнажившего коренные противоречия капиталистического способа производства. Поэтому хозяйственная политика государства в известной мере направляется против свободы частного предпринимательства и неограниченной стихии рынка. Государственный контроль и планирование должны содействовать расширению масштабов национального производства, повышению эффективности использования существующих и вновь создаваемых производительных сил. Решающим для ускорения хозяйственного роста развивающихся стран явилось форсирование накопления капитала в государственном секторе и направление его ресурсов в базисные и ключевые отрасли экономики. Кроме того, в условиях крайне возросшей в эпоху общего кризиса капитализма неравномерности развития и конкуренции на мировом рынке протекционизм и непосредственное участие государства в сфере внешней торговли также приобрели важное значение для экономического роста. Наконец, если на заре капитализма развитие сложной и дорогостоящей инфраструктуры требовало централизации частного капитала в акционерной форме, то в молодых странах ее освоение было невозможно без централизации капитала на государственном уровне.

Государственный сектор стал важнейшим фактором роста сферы производства и обращения; основой регулирования и в известной мере планирования хозяйственного развития освободившихся стран.

В освободившейся от колониального ига Индии власть сосредоточилась преимущественно в руках национальной буржуазии. При этом существенное влияние в господствующем классе принадлежало мелкой и средней буржуазии. Такая расстановка классовых и политических сил имела первостепенное значение для определения политического курса развития страны.

В качестве первоочередной задачи государственной экономической политики правительство Дж. Неру выдвинуло резкое увеличение темпов и объема материального производства. Наряду с этим подчеркивалась необходимость ускоренного социального прогресса, уменьшения имущественного неравенства, повышения уровня жизни широких масс, преодоления неграмотности и т. д. Преобладание ставших традиционными в индийском обществе демократических устремлений наглядно проявилось в провозглашении правящей партией Индийский национальный конгресс задачи создания «государства благосостояния» и «общества социалистического образца».

В соответствии с принятой официальной концепцией «Новой Индии» в тексте второго пятилетнего плана подчеркивалось, что «основным критерием для определения направления движения экономики должна служить не частная прибыль, а социальные достижения, характер же развития и структуру социально-экономических отношений надлежит планировать таким образом, чтобы они имели результатом не только значительное увеличение национального дохода и занятости, но и большее равенство в доходах и богатстве» [21, 22—23]. Принципы «свободы, социальной справедливости, равенства и братства» фигурировали в Конституции Индии как основа переустройства общества.

Формирувавшаяся в связи с этим основным курсом экономическая программа партии ИНК предусматривала расширение контроля над рынком капитала, лицензирование промышленности, контроль над ценами, совершенствование трудового законодательства, а главное — активизацию предпринимательской деятельности самого государства. Комплекс подобного рода действий индийского государства в области производства и обращения был призван содействовать диверсификации производства, преодолению территориальной неравномерности распределения хозяйственного потенциала, расширению использования огромных людских и природных ресурсов страны.

В качестве основной цели и вместе с тем рычага развития в программе ИНК выдвигалась индустриализация на основе преимущественного роста производства средств производства. В многоукладной экономике Индии индустриализация неизбежно включала в себя также стимулирование и модернизацию

низших форм предпринимательства (мелкотоварного и мелкокапиталистического), призванного прежде всего содействовать росту производства потребительских товаров и сферы услуг.

В этих условиях основная тяжесть индустриализации ложилась на государство. Отсюда проистекало и отраслевое направление государственного предпринимательства: разработка недр, электроэнергетика, транспорт, ирригация, металлургия, машиностроение, химия, атомная промышленность и другие ключевые и стратегические области экономики. Требуемые в этих отраслях, отличающихся замедленным оборотом капитала, сложной технологией, низкой финансовой отдачей и т. п., крупные инвестиции представлялись неодолимым барьером для частного предпринимательства. К тому же последнему свойственно тяготение к наиболее прибыльным формам вложения капитала. Вместе с тем было очевидно, что без подъема базисных отраслей экономики немыслимо достижение в сжатые сроки хозяйственного прогресса огромной страны, в чем отдавали себе отчет (и не только в годы независимости) самые различные слои и классы Индии, включая национальную буржуазию.

Формирование политики госкапитализма в Индии нашло свое проявление в ряде важнейших официальных документов правящей партии. Так, в Резолюции по экономической программе, обнародованной еще в 1947 г., говорилось, что «средства производства, распределения и обмена должны принадлежать обществу и регулироваться им в его собственных интересах» [19]. Иначе говоря, декларировалось овладение госсектором командными высотами в национальном хозяйстве. Что касается отраслей мелкой и средней промышленности, розничной торговли, а также сельского хозяйства, то, согласно последующим документам, предусматривалось их кооперирование в рамках смешанной экономики. Соответственно намечалась и регламентация отраслевой деятельности государственного и частнокапиталистического секторов, которая проявлялась в закреплении за первым исключительного или преимущественного права на развитие ведущих отраслей тяжелой индустрии и ограничении деятельности второго в этих отраслях.

В становлении и развитии госсектора решающую роль должны были играть бюджетные инвестиции, а не национализация. Так, в Резолюции о промышленной политике 1948 г. прямо говорилось, что расширение рамок госсектора будет осуществляться скорее путем активизации предпринимательства государства «в тех отраслях, в которых оно уже принимает участие, а также строительства новых предприятий в других сферах производства, нежели путем приобретения действующих предприятий» [5, 396].

Национализация в промышленности предусматривалась в той мере, в какой (в соответствии с упомянутой Резолюцией)

за государством закреплялось «неотъемлемое право» приобретать любое предприятие, действующее в сфере зарезервированных за госсектором отраслей, когда «этого потребуют общественные интересы».

Госсектор в дальнейшем развивался прежде всего на основе крупных инвестиций центрального правительства и правительств штатов. Доля госсектора в совокупных инвестициях в экономику страны возросла с 46% в первом пятилетии до 60% в четвертом [23, 55—58; 12, 77; 9, 83].

В результате такого размаха инвестиционной деятельности государства были сооружены многочисленные промышленные и другие объекты. Созданы такие специализированные институты для стимулирования роста материального производства и обмена, как финансовые корпорации центрального правительства и штатов, банк индустриального развития, корпорации складского хозяйства, торговые корпорации, корпорации мелкой промышленности и др.

Однако, хотя новое строительство и представляло собой решающее средство расширения госсектора, следует указать и на другие методы его становления и развития.

Надо отметить, что национальное государство явилось преемником колониальной администрации в отношении железных дорог, многочисленных ведомственных мастерских, военных заводов, отдельных промышленных объектов, предприятий связи, различных предприятий муниципалитетов и других местных органов власти. Кроме того, после освобождения страны государством осуществлена национализация золотых приисков Колара, принадлежавших британскому капиталу, Резервного и Имперского банков, корпорации страхования жизни, воздушного транспорта и отдельных промышленных компаний как объектов, имеющих национальное значение.

Одной из сравнительно распространенных форм огосударствления собственности стало приобретение акций частных компаний, либо ставших убыточными, либо терпевших серьезные финансовые затруднения. Примером тому — судостроительная верфь «Хиндустан Шипъярд» (Висакхапатнам), домостроительная компания «Хиндустан Хаузинг Фэктори» (Дели). Наряду с этим предусматривалось введение государственного управления частными компаниями в случае спада производства, неправильного руководства, завышения цен, закрытия того или иного предприятия и т. п. В недавнем прошлом закрытие большого числа частных промышленных объектов сопровождалось существенным снижением производства в различных отраслях, прежде всего в текстильной, угольной, металлообработке. Поскольку это особенно коснулось текстильной промышленности, правительство приняло в 1967 г. постановление о введении государственного управления на так называемых больных фабриках и о реорганизации их капитала в плане

закрепления за правительством большей части акций. Учрежденная в 1967 г. Национальная текстильная корпорация, по данным на март 1972 г., осуществляла управление 42 «больными» текстильными фабриками, обеспечивая меры по модернизации и рационализации их производства и повышению их экономической эффективности. Индийский парламент одобрил в начале 1975 г. законопроект о национализации 103 нерентабельных предприятий текстильной промышленности. В период пятого пятилетнего плана на расширение и модернизацию этих предприятий будут затрачены значительные средства.

Своеобразную национализацию представлял собой выкуп государством собственности частных компаний в связи с истечением срока предоставленных лицензий, главным образом электростанций, рудников и шахт. Выкупленные таким образом частные предприятия нередко становились базой для развертывания соответствующей государственной отрасли, примером чему служат энергетика и угольная промышленность.

К другим формам огосударствления собственности относились также выкуп имущества княжеств правительствами штатов в связи с включением княжеств в состав Республики Индии в 1956 г. Это были главным образом небольшие предприятия сахарной, текстильной, деревообрабатывающей промышленности. Некоторые предприятия представляли собой сравнительно крупные объекты I подразделения. Часть их тогда же была передана в частные руки ввиду неспособности властей штатов наладить их эффективное функционирование.

Однако в наиболее значительных масштабах национализация началась лишь с июля 1969 г., когда был обнародован акт о национализации 14 крупнейших коммерческих банков Индии. Этот акт был результатом размежевания противоборствующих политических сил в правящей партии в условиях резкого обострения классовой борьбы в стране. В данном случае национализация, беспрецедентная по своему размаху, означала резкое увеличение влияния госсектора в банковской системе. В июле 1971 г. были также национализированы 64 местные и 42 иностранные компании общего страхования с совокупными активами 2,4 млрд. рупий. Существенно возрос госсектор также и за счет национализации в области внешней торговли. В 1971/72 г. осуществлена национализация угольной промышленности. Под правительственный контроль перешло крупное частное предприятие по выплавке стали «Индиан Айрон энд Стил К^о». Правительство постепенно усиливает контроль над нефтеобрабатывающей промышленностью — важнейшей отраслью экономики страны. Оно выкупило акции иностранных компаний «Эссо» (74%) и «Бёрма Шелл» (100%) и намерено в дальнейшем взять эту отрасль экономики под полный контроль.

В свое время, как известно, индийское правительство зани-

мало весьма сдержанную позицию в отношении национализации. Последние события говорят о многом. Они выражают саму логику классовой борьбы, показывая, что правительство, в деятельности которого сильны демократические тенденции, объективно не может отказаться от национализации, являющейся наиболее действенным средством ограничения частного капитала в жизненно важных сферах хозяйства. Развитие политической борьбы убедило правительство Индии, что без этого экономического и социальный прогресс невозможен.

Как следствие роста предпринимательской активности государства и осуществления различных методов огосударствления в сфере производства и обращения рамки госсектора (по данным за истекшую четверть века существования независимой Индии) резко расширились. В совокупной массе основного капитала (исключая землю) доля госсектора возросла с 15% в 1950/51 г. до 25,6% в 1960/61 г. и до 35% в 1965/66 г. Согласно оценкам Плановой комиссии, к концу 60-х годов доля основного капитала госсектора достигла 44% [22, 24.IV.1975]. Если в 1947 г. в Индии функционировало немногим более 30 государственных компаний, то в 1972 г. их число возросло до 352 [18, 4.VIII.1974]. Показательно, что, хотя в 1972 г. насчитывалось 32 210 частных компаний, оплаченный капитал государственных компаний составлял 50% капитала всех компаний [там же]. В так называемом организованном секторе экономики рабочие и служащие госсектора в 1972 г. составляли 49% всех занятых [8, 16].

В связи с этим становится все более весомой доля госсектора в промышленной продукции страны. Так, в первой трети 70-х годов его доля в суммарных мощностях электроэнергетики достигла 89%, в добыче нефти — 56, угля — 100%, производстве нефтепродуктов — 56, азотных удобрений — 50, выплавке слитковой стали — 66, чугуна — 86, в современном тяжелом машиностроении, включая транспортное и энергетическое, — 80—100, станкостроении — 40% [там же, 30—32; 18, 4.VIII.1974]. Неуклонно возрастает доля госсектора во внешней торговле. В 1972/73 г. на его долю приходилось около 70% импорта страны [22, 1.VIII.1973]. Основные предметы ввоза — нефть и нефтепродукты, продовольственное зерно, медикаменты, химикаты, удобрения, сырье, оборудование, запасные части и узлы.

В 1970/71 г. было решено осуществлять через государственные агентства ввоз хлопка, а также увеличить долю импортируемых государством медикаментов и химикатов. Удельный вес госсектора в экспорте, по данным за 1974/1975 г., составил 24% [2, 5.II.1976]. В связи с непрекращающимися в Индии требованиями национализации экспортной торговли как жизненно важной сферы экономики министр внешней торговли отмечал в 1971 г.: «В течение некоторого времени мы будем допу-

скасть функционирование частного сектора в экспорте, поскольку нам еще предстоит создать механизм для освоения внешних рынков, а государственные агентства еще не готовы к этому» [22, 6.IV.1971]. В перспективе правительство намерено резко повысить роль госсектора в экспорте страны.

Однако наиболее значительными темпами возрастали масштабы деятельности госсектора в банковском деле, являющимся, как известно, «главным стержнем и основным механизмом капиталистического оборота» [1, 163]. После национализации 14 коммерческих банков доля госсектора составила в депозитах 85%, в кредите — 84 и в общем числе банковских учреждений в стране — 83% [8, 17].

Наконец, государство занимает господствующие позиции в инфраструктуре, прежде всего в ее важнейших отраслях — железнодорожном и воздушном транспорте и связи. На долю госсектора также приходится 95% затрат на научные исследования и разработки [22, 26.X.1974].

* * *

Уже в период первого пятилетнего плана в Индии стала складываться официальная концепция эффективности госсектора. На него было возложено осуществление кардинальных общенациональных задач: увеличение темпов роста производства; создание основы для самообеспечивающейся экономики; предотвращение концентрации собственности на средства производства в руках частного капитала; обеспечение сбалансированного регионального развития; рост уровня жизни населения и его занятости; создание национальных кадров; повышение обороноспособности Республики [17, март 1971, 1507]. Такие задачи, по словам профессора Хуллара, потребовали «поворота от узкой концепции прибыльности к оценке эффективности госсектора на базе глубоких задач нации» [6, 1968, т. 20, № 1, 15]. На первый план был выдвинут критерий народнохозяйственной эффективности, макроэкономический подход, основанный на признании решающей роли госсектора в достижении экономической самостоятельности страны. Преимущественная ориентация государственных предприятий на стимулирование общего экономического роста и социального прогресса страны во многом предопределяла и методы хозяйствования в госсекторе.

Такой подход проявился в первую очередь в фиксировании низких цен и тарифов на ряд важнейших видов продукции и услуг.

Низкие стимулирующие цены широко используются в госсекторе всех развивающихся стран. Они устанавливаются на ряд важнейших видов продукции и услуг и призваны содействовать их ускоренному потреблению в важнейших отраслях

промышленности и сельском хозяйстве [3, 715—725]. В госсекторе Индии такие цены устанавливаются прежде всего на продукцию черной металлургии, уголь, минеральные удобрения, а также на услуги предприятий общественного пользования — электроэнергетику, ирригацию и грузовые железнодорожные перевозки.

Льготное ценообразование в названных сферах облегчается, разумеется, тем обстоятельством, что оно зачастую является в той или иной степени монополией госсектора. Вместе с тем было бы неправильно утверждать, что в госсекторе Индии был предан забвению принцип прибыльности как важнейший показатель эффективности хозяйственной деятельности.

Уже в первых программных документах правительства указывалось на необходимость обеспечения определенной финансовой отдачи и прибыльности; это объективно проистекало из намечавшихся опережающих темпов роста госсектора, необходимости создать прочную финансовую основу его расширенного воспроизводства за счет собственных накоплений. Уместно отметить, что, по свидетельству Налоговой комиссии 1953/54 г., правительство Индии поддержало принцип фиксирования цен для государственных предприятий, «насколько возможно, на коммерческой основе» [20, 195]. Это предполагало в ряде случаев установление цен по принципу «cost-plus», т. е. покрытие фактических издержек производства и получение прибыли на основе установленной рентабельности. В условиях монопольного функционирования госпредприятий применение такого метода обеспечивает возможность получения прибыли в пределах планируемого размера. В условиях действия рыночного механизма величина прибыли госпредприятий на конкурентном рынке в решающей степени определяется производственными издержками. Ярким примером может служить крупная станкостроительная компания «Хиндустан Мэшин Тулз», успешно выдерживающая конкуренцию на внутреннем рынке.

Тем не менее механизм оптимального сочетания принципов народнохозяйственной и локальной эффективности в госсекторе Индии пока находится в стадии становления. Следует подчеркнуть, что умаление роли народнохозяйственной эффективности госсектора было бы не в интересах страны. Например, компания «Хиндустан Стил» с 1959 г. реализовала в стране свыше 22 млн. т стали и 12,8 млн. т чугуна. Это обеспечило стране экономию иностранной валюты в размере 16 млрд. рупий. Кроме того, компания получила за счет экспорта валюту в сумме 2,4 млрд. рупий [18, 18.VIII.1974]. Или другой пример: за 1950/51—1968/69 гг. государственные капиталовложения в ирригацию составили 19,5 млрд. рупий, и они пока не приносят прибыли. С частнокапиталистической точки зрения они не эффективны и не оправданы. Однако если учесть, что в 1970/71 г. урожай зерновых в стране составил 108 млн. т, вдвое превысив

уровень 1947 г. (что в немалой степени было обусловлено растущими затратами государства на улучшение качества и методов обработки земли), то оценка их эффективности с позиций общества в целом выглядит совсем иначе.

Все же недооценка финансовых показателей уровня хозяйственной деятельности, значения стоимостных критериев эффективности, прибыли и рентабельности получила весьма сильное распространение на госпредприятиях, особенно в периоды первого и второго пятилетий. «В Индии не было попыток получить прибыль от государственных предприятий, — говорилось по данному поводу в журнале „Лок Удьог“. — Прибыль постоянно приносилась в жертву под предлогом общественной функции продукции и услуг этих предприятий, на ряде из них принцип „ни прибыли, ни убытков“ был принят в качестве основного критерия хозяйственной политики» [17, февраль 1970]. Нельзя сказать, что такая недооценка уже изжита. Умаление значения прибыли и рентабельности не могло не сказаться на стимулах к достижению высоких производственных показателей, организации материального поощрения и повышении уровня производительности труда. Такая практика не благоприятствовала четкому учету издержек производства, привела к ослаблению контроля за расходованием средств и другими финансовыми операциями. Отсюда нередко происходило необоснованное возрастание затрат ресурсов.

С первых лет независимости, когда был провозглашен курс на опережающий рост государственных инвестиций, было признано, что промышленные объекты в госсекторе должны быть организованы таким образом, чтобы сочетать преимущества оперативной гибкости (вообще присущей частному предпринимательству) с определенной централизацией и контролем, для того чтобы гарантировать удовлетворение общественных потребностей, кратковременных и долгосрочных, которые составляют смысл инициативы государства и его руководителей в этой области. Тем не менее внедрение организационных форм корпорации и компании в госсекторе, предусматривающих коммерческие принципы деятельности, само по себе не явилось достаточно действенной мерой для эффективного функционирования предприятий. Дело в том, что степень их автономии и оперативности на практике существенно не повысилась, не было ограничено вмешательство чиновников в повседневную практику производства. Управляющий орган — совет директоров корпорации или компании — формировался большей частью из правительственных служащих, мало пригодных для руководства современными предприятиями. Переход преимущественно к форме компании также мало способствовал росту эффективности госпредприятий, так как фактически означал лишь упрощение процедуры их учреждения, ибо создание компании не требовало специальной санкции парла-

мента. Госпредприятия до самого последнего времени были лишены реальной коммерческой самостоятельности, будучи, по существу, «придатками правительственных ведомств» [13, 123].

Однако заниженные цены и комплекс других объективных факторов оказывают решающее воздействие на финансовые результаты деятельности госсектора. Госпредприятия выплачивают за счет прибыли значительные проценты по правительственным займам, с помощью которых формируются две трети их активов. Нельзя игнорировать и то обстоятельство, что госпредприятия несут большие затраты на содержание жилого фонда и культурно-бытовых учреждений. Наибольший упор госсектора на развитие инфраструктуры и тяжелой промышленности неизбежно означает ограничение круга его деятельности прежде всего весьма капиталоемкими и сложными с точки зрения техники и технологии видами производства, что само по себе порождает ограниченную в течение длительного времени отдачу на вложенный капитал.

Ввиду отсталой структуры хозяйства освободившейся Индии, его дезинтеграции и незавершенности промышленного переворота создание предприятий современного технического уровня сталкивается с многочисленными трудностями на стадии как планирования и сооружения, так и эксплуатации, а также сбыта продукции. Все это в сочетании с задержками пуска предприятий и освоением установленных мощностей сильно завышает стоимость строительства и производства, приводит к сверхкапитализации на государственных объектах. Неизбежное при этом привлечение иностранной технической и финансовой помощи нередко ухудшает положение.

Сверхкапитализация часто происходит из планируемого расширения размера производства в расчете на предполагаемый рост внутреннего рынка. Созданные дополнительные мощности не всегда эффективно загружены, они ведут к росту амортизации, и их обслуживание требует значительных расходов. Недогрузка производственного аппарата объясняется рядом объективных причин. В одних случаях она связана с происходящим расширением проектной мощности, требующим сравнительно длительного времени, в других — с нехваткой валюты для импорта сырья и запасных частей. Буквально на всех предприятиях отражается нехватка электроэнергии, угля и подвижного состава железных дорог, а также многие другие диспропорции индийской экономики. Продолжавшийся в 1966—1968 гг. спад в экономике, связанный в том числе с трудностями, которые переживало сельское хозяйство в результате стихийных бедствий, ограничил уровень производства на предприятиях.

На многих государственных объектах сильно перерасходуются средства, что связано с наличием избыточного персонала, в том числе рабочей силы. Это объясняется обязатель-

ным трудоустройством строительных рабочих на законченном объекте, использованием ручного труда на отдельных участках взамен возможной (порой менее дорогой) механизации, завышенными нормативами, наймом бесчисленных клерков. Избыток персонала не исключает тем не менее недогрузки мощностей, вызываемой недостатком квалифицированных кадров; последнее обстоятельство к тому же вызывает значительные расходы по выплате сверхурочных. Как следствие всего этого происходит нарастание издержек производства и снижение темпов роста производительности труда предприятия, несмотря на применение новейшего высокопроизводительного оборудования.

Трудности поддержания издержек производства на запланированном уровне объясняются также накоплением товарных запасов на многих государственных объектах. Разбухание запасов связано с трудностями обеспечения сырьем (особенно импортным), перебоями в поставке сырья и материалов из-за транспортных осложнений, накоплением резервов ввиду предстоящего расширения предприятия. К числу распространенных причин затоваривания готовой продукцией относятся колебания в спросе и предложении, не говоря уже о кризисных явлениях. В определенной степени оно связано с допущенными просчетами в планировании сбыта. Сказывается неудовлетворительная постановка работы в области управления запасами.

На результаты производственной деятельности отдельных государственных объектов отрицательное воздействие оказывают и условия предоставления помощи капиталистическими странами. Если стремление государств социалистического содружества содействовать ускорению промышленного роста освободившихся стран и обеспечению их экономической самостоятельности (в данном случае Индии) находит свое проявление в соответствующих усилиях по поддержанию и повышению эффективности предприятий госсектора, то этого нельзя сказать об империалистических странах. Недобросовестность многих капиталистических фирм в разработке технико-экономических обоснований и проектов, поставках оборудования и запасных частей, подготовке национальных кадров, многочисленные ограничения так называемой связанной помощи порождают крупные дополнительные затраты по обеспечению нормального функционирования предприятий [17, август 1973, 53—56].

Серьезное влияние на работу госпредприятий оказывают трудовые отношения. Индийское правительство провозгласило принцип «образцового предпринимателя» (model employer), благодаря которому в госсекторе должен быть обеспечен «промышленный мир», трудовые отношения в нем должны стать образцом для всей страны. Однако эти надежды не оправдались, так как в госсекторе происходит острая классовая борь-

ба. В 1973 г., по данным Министерства труда, в стране было зарегистрировано 3370 конфликтов, из которых 714 (21%) пришлось на госпредприятия. В эти конфликты было вовлечено 2546 тыс. рабочих, из них 789 тыс. (31%) — в госсекторе [15, декабрь 1974, 2139].

Конфликты болезненно сказываются на работе предприятий. В 1973 г. в госсекторе было утрачено 3392 тыс. человеко-дней. Это привело к большим потерям продукции, усугубило и без того трудное финансовое положение многих предприятий.

В основе этих конфликтов лежит прежде всего тяжелое положение рабочего класса. Хотя в госсекторе средняя заработная плата выше, чем в частнокапиталистическом, она не в состоянии обеспечить достаточный прожиточный минимум. В стране наблюдалась сильная инфляция. Некоторое повышение номинальной заработной платы не могло компенсировать постоянный рост цен. Индекс цен на товары, потребляемые рабочими, в 1974 г. составил 304 по отношению к 1960 г. [15, март 1975, 483]. Подчас наблюдавшиеся недемократические методы управления, невнимание администрации к нуждам рабочих, нарушение законодательства о труде обостряли конфликты.

Политика правительства и властей штатов в области трудовых отношений в госсекторе отличается непоследовательностью, причем при практическом разрешении конфликтов это зачастую приводило к попыткам навязать трудящимся невыгодные для них решения. Иногда органы власти широко использовали недемократическую процедуру урегулирования конфликтов через принудительный арбитраж и судебные решения. Полиция нередко прибегала к прямому насилию для разгона мирных демонстраций и собраний бастующих рабочих, как это было, например, во время всеобщей забастовки железнодорожников летом 1974 г.

Таким образом, совершенствование работы госпредприятий в Индии, рост их эффективности затрагивает весь сложный социально-экономический механизм управления в госсекторе.

Отмеченные выше дефекты в работе госпредприятий зависят от разных причин. Некоторые (узость внутреннего рынка, диспропорции и дезинтеграция в многоукладной экономике, нехватка научно-технических и особенно административно-управленческих кадров, низкий уровень образования и квалификации рабочих, трудности освоения капиталоемкого производства, значительные процентные платежи по займам и др.) носят во многом объективный характер. Другие выражают дефекты механизма управления, отсутствие разработанной четкой программы экономических и финансовых обязательств госпредприятий.

С развитием курса на опережающие темпы роста госсектора индийская общественность все большее внимание уделяет

различным сторонам его хозяйственной деятельности, особенно вопросам эффективности и прибыльности предприятий, совершенствования механизма управления. Кульминацией дебатов, развернувшихся в стране по этой проблеме, стало заявление Дж. Неру, сделанное в 1961 г. в парламенте, о том, что государство вправе добиваться от своих предприятий максимальной прибыли при разумных ценах [10, 22.XII.1961, 1183]. Этот курс был закреплён третьим пятилетним планом, в котором подчеркивалось: «Государственные предприятия играют всевозрастающую роль в увеличении накоплений. Они должны работать прибыльно, а для этого повышать уровень эффективности. Необходима рациональная и экономически обоснованная политика цен, обеспечивающая соответствующий доход на капитал и участие этих предприятий в расширенном воспроизводстве экономики страны» [23, 264].

Все это говорит о том, что официальный подход к методам хозяйствования в госсекторе претерпел существенную эволюцию. В немалой мере такая эволюция обуславливалась недовольством положением в госсекторе, проявлявшимся в самых различных слоях индийского общества.

Крайне резкий и враждебный характер критики, исходившей от представителей монополистического капитала, вполне понятен. В своем стремлении закрепить вспомогательную роль госсектора индийский капитал менее всего был заинтересован в том, чтобы государство овладело ведущими позициями в экономике. Его апологеты неоднократно подчеркивали, что Неру никогда не призывал к поощрению конкуренции между секторами (хотя это и не вполне соответствовало действительности). Верхушка буржуазии все более откровенно выступала за то, чтобы умерить государственное регулирование, сократить масштабы роста госсектора и ограничить его операции инфраструктурой и отдельными отраслями тяжелой промышленности, пока таковые еще не привлекли внимания частнокапиталистического сектора. Со второй половины 50-х годов, а также на протяжении 60-х годов магнаты капитала ратовали за передачу частновладельцам отдельных государственных предприятий под предлогом их «неспособности» к эффективно-му функционированию. Укреплявшееся положение госсектора в экономике не соответствовало их интересам. Рост эффективности госпредприятий рано или поздно мог привести к утверждению рациональных экономических методов хозяйствования в госсекторе (с внедрением более обоснованной политики цен) и возникновению реальной конкуренции между государственным и частнокапиталистическим укладами. Вследствие опережающих темпов роста госсектора это не сулило выгод крупному частному предпринимательству.

Вместе с тем неудовлетворенность деятельностью госсектора наблюдалась и у мелкой и средней буржуазии. Это объяс-

нялось, во-первых, тем, что госсектор далеко не везде стал реальным противовесом крупному предпринимательству, и, во-вторых, что мелкое производство в меньшей степени могло воспользоваться созданными госсектором материальными предпосылками роста экономики. Неудовлетворенность нарастала и в среде неимущей трудящейся массы, ибо рост госсектора не принесил с собой облегчения непосильного бремени налогов и инфляции.

В последние несколько лет правительство приняло ряд мер по увеличению экономической эффективности деятельности госсектора. В подавляющей степени эти мероприятия направлены на совершенствование организации и управления, рациональное использование установленных мощностей, особенно в металлургической и машиностроительной отраслях, снижение издержек производства. Упор делается на совершенствование планирования и осуществление капитального строительства, обеспечение должного ухода за оборудованием, снижение производственных и товарных запасов, улучшение системы обучения рабочего персонала, внедрение материального стимулирования и т. д. Всем предприятиям было вменено в обязанность проведение постоянного контроля над затратами и финансовой деятельностью, включая внедрение системы учета издержек производства. В ряде случаев была упразднена практика «ни прибыли, ни убытков», повышены цены и тарифы (например, на электроэнергию). Осуществлялись мероприятия по диверсификации производства и расширению экспорта.

Министерство финансов в 1969 г. наметило важные изменения в методологии ценообразования. В тех случаях, когда деятельность госпредприятий осуществлялась в условиях конкуренции с частными компаниями, им предписывалось учитывать соотношение спроса и предложения и соотнобразовывать цены с фактическим рыночным уровнем. Для объектов монопольного или полумонопольного характера цены предложено фиксировать на основе импортных цен (*import-parity price*), причем размер последних должен рассматриваться как верхний предел. Ограничивалось применение принципа «*cost-plus*» как не стимулирующего снижение издержек производства.

Из других решений правительства следует отметить введение в декабре 1968 г. запрета на назначение чиновников министерств на посты председателей советов директоров промышленных и коммерческих предприятий, равно как на включение секретарей министерств в их состав. Проводятся меры по замене правительственных чиновников профессиональными администраторами и управляющими. Расширены права предприятий в использовании финансовых ресурсов. С 1969 г. предпринимаются более активные попытки включения в советы директоров представителей рабочих.

В целях повышения эффективности госпредприятий состав-

лены рекомендации новой экономической программы, обнародованной в декабре 1969 г. Рабочим комитетом ИНК. В них осуждается бюрократический стиль управления госпредприятиями, подчеркивается необходимость большей автономии этих объектов, обоснованной политики цен и т. д. Важными положениями программы являются демократизация государственного аппарата и требование удалить из госсектора всех тех руководителей, которые не разделяют концепции о его решающей роли в развитии страны [22, 10.X.1971]. В 1971 г. был учрежден специальный комитет по изучению всех аспектов работы госпредприятий, приняты меры по борьбе с коррупцией.

Проводящееся в последние годы совершенствование методов хозяйствования в госсекторе направлено на повышение его экономической эффективности, оно имеет тенденцию более активного использования в рамках государственного централизованного планирования механизма цен и товарно-денежных отношений. В этом заключаются несомненные предпосылки для упрочения позиций госсектора, повышения его уровня в индийской экономике в целом.

Курс на повышение уровня рентабельности госсектора в пределах ограничений, обусловленных его макроэкономическими и социальными обязательствами, является вполне оправданным и необходимым в условиях, когда его доля в основном капитале индийской экономики постоянно возрастает, и он аккумулирует огромные, постоянно увеличивающиеся инвестиции.

* * *

Госсектор вносит решающий вклад в индустриальный прогресс страны. Если в первом пятилетии доля промышленных инвестиций в общих государственных инвестициях составляла всего 6%, то в последующих пятилетних планах она значительно повысилась и колебалась в пределах 20—24%. Начиная с третьей пятилетки государственные промышленные расходы в соответствующих совокупных (государственных и частных) инвестициях, направлявшихся в промышленный сектор, стали преобладающими — в третьей пятилетке они составили 51,7%, по четвертому пятилетнему плану — 50,7%, а согласно проекту пятого пятилетнего плана, эта доля должна повыситься до 60% [23, 55—58; 12, 77; 9, 85]. Структура государственных промышленных инвестиций ориентирована на первоочередное развитие базовых отраслей производства. Рост и диверсификация I подразделения обусловили формирование взаимосвязанных промышленных комплексов, которые определяют основные направления и раскрывают характер индустриализации на современном этапе. Среди этих комплексов необходимо в первую очередь выделить металлургию, машиностроение, электронику и радиоэлектронику, топливную энергетику, химию.

Создание в госсекторе многочисленных промышленных предприятий способствовало преодолению дефицита важнейших видов продукции I подразделения — таких, как черные металлы, нефтепродукты, тяжелое оборудование, станки, удобрения и т. д. Расширение промышленной базы госсектора за сравнительно короткий срок представляет собой наглядный показатель прогресса, достигнутого в индустриализации, в частности в решении проблемы производительной реализации капитала и воспроизводства на внутренней основе. К примеру, около 63% механического оборудования и 89% стальных конструкций для первой очереди металлургического гиганта в Бокаро (сооружаемого с помощью СССР) обеспечивалось за счет местного производства, в первую очередь — государственной Корпорацией тяжелого машиностроения [17, сентябрь 1968, 223]. Вследствие этого относительно, а иногда и абсолютно уменьшается зависимость страны от импорта недостающих изделий или полуфабрикатов, экономится дефицитная иностранная валюта.

Значение роста внутренней базы воспроизводства для укрепления экономической самостоятельности исключительно велико. При недостатке инвалютных средств оказание помощи капиталистическими государствами нередко сопровождается как экономическими, так и политическими требованиями. Так, первоначально, когда правительство Индии обратилось к США за помощью в сооружении металлургического завода в Бокаро, влиятельные круги Америки высказались за создание этого объекта в частнокапиталистическом секторе [17, март 1970, 1395]. В дальнейшем задержки с оказанием обещанной помощи отрицательно сказались на темпах роста производства, а во второй половине 60-х годов они усугубили застойные явления в экономике. Создание новых отраслей в госсекторе, в частности нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности (с решающей помощью стран социализма), дает ему новые возможности борьбы против империалистов и монополий. Как известно, нефть относилась к той области индийского хозяйства, где господствовали иностранные фирмы, а частнокапиталистический сектор был не в состоянии оказать ему противодействие. Государство обрело теперь экономические рычаги, позволяющие ограничить бесконтрольное расхищение национальных богатств империалистами.

С целью содействия развитию мелкой промышленности правительства штатов создали ряд предприятий по выпуску стальных конструкций, поковок, инструментов, кожаных изделий, керамики, фурнитуры из дерева и другой продукции. Назначение их сводилось к демонстрации и распространению технического опыта и технологии современного производства в различных промышленных областях. Эти объекты сооружались в разных районах, для того чтобы стимулировать более или менее равномерное размещение промышленности. Для обеспе-

чения коммерческого функционирования такого рода предприятий, а также для повышения производительности труда и гибкости в их управлении в штатах учреждены корпорации мелкой промышленности (в форме компании).

Т а б л и ц а

**Распределение государственной собственности
по штатам на 31.III.1974 г. *.**

	Активы госсектора	
	млн. рупий	%
Бихар	14 683	23,1
Мадхья-Прадеш	7 295	11,4
Западная Бенгалия	6 502	10,1
Орисса	5 306	8,3
Тамилнад	3 652	5,7
Гуджарат	2 498	3,92
Уттар-Прадеш	2 175	3,4
Махараштра	2 039	3,2
Андхра-Прадеш	2 030	3,2
Керала	1 732	2,72
Карнатака	1 602	2,51
Ассам	1 572	2,46
Раджастан	1 155	1,81
Дели	552	0,87
Панджаб	425	0,66
Хариана	109	0,2
Джамму и Кашмир	62	0,1
Гоа	28	0,04
Химачал-Прадеш	6	0,01
Нелокализованные статьи	10 326	16,3
Вся Индия	63 756	100,0

* [7, 1973/74, II, 29].

Перечисленные выше различные стороны производственной деятельности госсектора существенно улучшили условия развития индийской экономики. В результате относительно высоких темпов роста промышленного производства его объем за два десятилетия (1951—1971) вырос в 3,5 раза, причем расширение отраслей I подразделения было более значительным по сравнению с промышленностью в целом, и особенно с отраслями II подразделения. Так, продукция общего машиностроения возросла в 18 раз, электромашиностроения — в 15, производство нефтепродуктов — в 29, химических изделий — в 7, выплавка стали — в 5, выработка электроэнергии — в 10 раз [14, 237]. В результате ощутимо изменилась макроструктура национального промышленного производства: уже к середине 60-х годов

продукция тяжелой промышленности составила более 60% стоимости всей промышленной продукции.

Невозможно переоценить значение госсектора в преодолении неравномерности развития страны в региональном аспекте.

Как предусмотрено плановыми органами, развитие сравнительно отсталых штатов в большой мере осуществляется за счет инвестиций центрального правительства (см. табл.).

Среди указанных в таблице штатов менее развитыми считаются Бихар, Мадхья-Прадеш, Орисса, Уттар-Прадеш, Андхра-Прадеш, Раджастан, Джамму и Кашмир. На долю этих 8 штатов приходится 51,3% инвестиций центрального правительства Индии. При этом три штата — Бихар, Мадхья-Прадеш и Орисса — концентрируют 42,8% инвестиций. Госсектор выступает как главный фактор освоения ресурсов и хозяйственного подъема глубинных районов, тогда как частный капитал устремляется в наиболее развитые районы в расчете на более легкие и быстрые прибыли [4, 231].

Сооружаемые госпредприятия нередко представляют собой комплексные объекты, что способствует освоению богатых природных ресурсов, облегчает задачу диверсификации промышленности на местах. Например, сооружение Бхилайского металлургического комбината имело результатом разработку угольных месторождений в Джхари, железорудных в Раджхаре. Благодаря создаваемым госсектором отраслям хозяйства, особенно в сфере инфраструктуры, в осваиваемых районах складывается благоприятная обстановка для поощрения предпринимательской активности, возникновения новых индустриальных центров.

О значении достижений госсектора в преодолении экономической отсталости отдельных районов и штатов наглядно свидетельствуют результаты усилий, предпринятых правительством штата Раджастан по созданию инфраструктуры, что в немалой мере способствовало росту промышленности. Только за 1958—1966 гг. число ценовых фабрик в штате возросло с 207 до 1564. Объем производственных фондов за 1958—1965 гг. увеличился более чем в 3 раза; вновь произведенная в обрабатывающей промышленности стоимость повысилась с 48,1 млн. до 220 млн. рупий [16, 1].

В четвертом пятилетнем плане сделан особый упор на преодоление регионального экономического неравенства. Планом было намечено три направления по оказанию помощи штатам центральным правительством: а) распределение помощи центральным правительством; б) размещение объектов центра; в) регулирование политики финансовых учреждений госсектора.

В соответствии с новыми решениями о распределении помощи центра значительные суммы предназначаются для штатов, где доход на душу населения ниже общенационального. К ним

отнесены Бихар, Мадхья-Прадеш, Керала, Орисса, Раджастан и Уттар-Прадеш. Планы развития горных территорий Ассамы, Ладакха, района в штате Джамму и Кашмир, пограничных территорий в Химачал-Прадеше, а также штатов Мегхалайя и Нагаленд финансируются за счет помощи центра, в которой 90% составляют безвозмездные субсидии и 10% — займы. Для плана развития горных районов в Уттар-Прадеше, Тамилнаде и Западной Бенгалии предусмотрена особая форма помощи. Поскольку по новой системе помощь не увязывается более с определенными проектами, власти штатов вправе использовать ее для развития самых отсталых районов.

Наконец, предусматриваются финансовые стимулы для со-
оружения проектов в отсталых районах и штатах. Например, в 1970 г. государственный Банк промышленного развития принял решение санкционировать займы на льготной основе предприятиям мелкой и средней промышленности в отсталых штатах. Подобные решения приняли и другие финансовые корпорации государства. При содействии властей штатов Плановая комиссия выделила 209 областей и территорий, на которые распространяются льготы в кредитовании за счет учреждений госсектора. Для промышленного предпринимательства в слабо развитых районах, северо-восточных штатах и в штате Джамму и Кашмир вводится система транспортных субсидий. Кредитная помощь на льготных условиях предусмотрена со стороны Корпорации электрификации сельской местности наименее развитым областям.

Весьма велико значение госсектора в решении едва ли не самой острой проблемы Индии — увеличении занятости. По имеющимся официальным данным, за 1956—1970 гг. занятость в государственной добывающей и обрабатывающей промышленности, а также в строительстве возросла примерно в 2,7 раза, а число занятых — с 675 тыс. до 1756 тыс. [11, 109].

В государственном и частнокапиталистическом секторах прирост занятости в упомянутых отраслях за 1960/61—1974/75 гг. составил 150 и 11,5% соответственно. Роль предприятий госсектора в отношении увеличения занятости тем более значительна, что преодоление безработицы в аграрной стране невозможно без подъема инфраструктуры и промышленности. На это обстоятельство специально указывала Плановая комиссия, которая подчеркивала, что улучшение показателей занятости населения «в большой мере зависит от государственных инвестиций в промышленность и разработку недр, транспорт, энергетику и связь» [12, 20].

При этом нельзя сбрасывать со счетов косвенное воздействие госсектора на уровень занятости в стране. Ускоренный рост в госсекторе добывающей и обрабатывающей промышленности, поощрение побочных отраслей и мелкого производства, развитие сельской электрификации, расширение сети услуг по ремон-

ту, размах строительных работ и деятельность в сфере торговли и банковском деле — все это заметно увеличивает занятость в сферах несельскохозяйственного труда.

Рассмотренные факторы так называемой общенациональной, или косвенной, отдачи относятся к числу основных, но не исчерпывают всего значения госсектора в стимулировании социально-экономического развития страны. Можно упомянуть и о возросшем воздействии этого уклада на рост внешней торговли, в том числе экспорта, на стабилизацию внутренней торговли, на направление кредитования, выразившееся, в частности, в предоставлении заемных средств тем, кто в них больше всего нуждается, и т. д.

Положительных результатов добился госсектор в последние годы и в отношении финансовой отдачи на инвестиции. В 1972/73 г. промышленные и коммерческие предприятия центрального правительства преодолели убыточность и достигли рентабельности в 5% (валовая прибыль по отношению к занятому капиталу) [7, 23]. По оценке Плановой комиссии, в течение пятого пятилетия (1974/75—1978/79) государственные промышленные предприятия доведут среднюю норму валовой прибыли примерно до 10% и достигнут современного уровня рентабельности в частном секторе [22, 5.III.1975]. По некоторым оценкам, такой рост прибыльности госсектора способен обеспечить увеличение прироста валового продукта страны на 3% без дополнительных капиталовложений [22, 23.VII.1974].

Учитывая это, можно без преувеличения утверждать, что прибыльность госпредприятий в современной Индии приобретает исключительную общественную значимость. «Проблема обеспечения соответствующей отдачи предприятий госсектора, — говорилось в правительственном обзоре экономики за 1970/71 г., — должна рассматриваться как органическая часть развернутой стратегии расширения и углубления базы национальных ресурсов» [11, 33].

Необходимо также учитывать, что для превращения госсектора в ведущий сектор национальной экономики требуются по крайней мере два основных условия: он должен занимать доминирующие позиции во всех важнейших сферах хозяйства, а его накопления должны быть основой расширенного воспроизводства. Пока госсектор Индии этого не достиг. Его доля в валовом чистом продукте страны в настоящее время оценивается лишь в 6,7% [8, 23]. В совокупных внутренних накоплениях в 1972/73 г. она составляла лишь 15,8% [там же, 27].

Анализ развития госсектора в Индии свидетельствует о том, что он постепенно становится ведущим общественно-экономическим укладом. В рамках многоукладной экономики это включает в себе важные предпосылки к определенной антиимпериалистической и в известной мере антимонополистической эволюции госкапиталистического уклада. Стратегия госкапита-

лизма приобретает, несомненно, более четкие социальные очертания.

Обусловленная усилением борьбы широких демократических и левых сил Индии против реакции и монополий, такого рода эволюция госкапитализма предполагает улучшение социально-экономического климата для демократического пути развития страны.

Коммунистическая партия Индии неоднократно указывала, что госсектор находится под бюрократическим управлением и поддается давлению монополистического капитала, что ставит под угрозу даже его ограниченно прогрессивную политику. Контроль рабочих над деятельностью госсектора — задача классовая, политически необходимая. Компартия считает, что госсектор является главной ареной борьбы, на которой прогрессивные силы должны дать решающий отпор правой реакции. В политической резолюции, принятой X съездом Компартии Индии, подчеркивалась необходимость эффективного участия рабочего класса на всех уровнях в принятии решений по управлению госсектором [18, 1.XII.1974]. «Если государственный сектор в должной мере не демократизирован, его рост сам по себе не приблизит нас к социализму, даже если он и занимает командные высоты в экономике», — к такому выводу пришла Коммунистическая партия Индии [18, 25.III.1973]. Справедливость этой оценки полностью подтвердили события 1975 г., когда влиятельные круги в правительственной администрации стали активно пропагандировать идею так называемого национального сектора в экономике.

В январе 1975 г. министр промышленности Индии Т. А. Пай выступил в парламенте с предложением расширить участие частного капитала в госсекторе, который таким образом должен стать «национальным» сектором. Более того, он начал предпринимать практические шаги по реализации этой схемы. Наметилась тенденция ограничить темпы роста государственного предпринимательства, больший упор делать на общее государственное регулирование, а не на инвестиции госсектора, при этом явно имелось в виду повысить роль частного капитала в развитии страны. Это создало некоторую опасность усиления воздействия частнокапиталистического уклада на государственный, ограничения конституирующей функции госсектора и развития государственно-монополистических тенденций.

Во время политического кризиса летом 1975 г. и введения в стране чрезвычайного положения в ходе осуществления программы Индиры Ганди из 20 пунктов правительство подтвердило свою решимость укрепить и демократизировать госсектор. В частности, со времени введения чрезвычайного положения представители рабочих были включены в состав управления 47 госпредприятий. Предполагается, что к 1980 г. в госсекторе будет сконцентрировано 80% основного капитала фабрично-за-

водской промышленности. Это закладывает основу для углубления прогрессивных социально-экономических преобразований в интересах трудящихся масс страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Грозная катастрофа и как с ней бороться.— Полное собрание сочинений, т. 34.
2. «Бюллетень иностранной коммерческой информации» (БИКИ). М.
3. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». М., 1972.
4. Сдасюк Г. В. Индия. География хозяйства. М., 1975.
5. Шарма Т. Р. Размещение промышленности в Индии. М., 1958.
6. «AICC Economic Review». Delhi.
7. Annual Report on the Working of Industrial and Commercial Undertakings of Central Government 1973/74. Ministry of Finance. Delhi, 1975.
8. Commerce Yearbook of Public Sector, 1974/75. Bombay.
9. Draft Fifth Five Year Plan, 1974—79. Delhi, 1973.
10. «Eastern Economist». Delhi.
11. Economic Survey, 1970/71. Delhi.
12. Fourth Five Year Plan. Draft. Delhi, 1969.
13. G o w d a S. N. Management of Public Enterprises in India. Mysore, 1967.
14. India. A Reference Annual, 1974. Delhi.
15. «Indian Labour Journal». Delhi.
16. Industrialisation in Rajasthan Growth, Potential and Prospects. Jaipur, 1968.
17. «Lok Udyog». Delhi.
18. «New Age». Delhi.
19. Report of the AICC Panel on Economic Policy. Delhi, 1969.
20. Report of the Taxation Enquiry Commission, 1953/54, vol. 1. Delhi, 1955.
21. Second Five Year Plan. Delhi, 1956.
22. «The Economic Times». Bombay.
23. Third Five Year Plan. Delhi, 1961.

Г. В. Сдаюк

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ХОЗЯЙСТВА ИНДИИ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Индия, стремящаяся к экономической самостоятельности и ускорению социально-экономического прогресса, как и другие развивающиеся страны, переживает динамичные, сложно-противоречивые процессы трансформации унаследованной отраслевой и территориальной структуры хозяйства колониального типа.

Наиболее общим и определяющим в развитии бывших колониальных стран было то, что в течение длительного времени их отраслевая и территориальная структура хозяйства складывалась не столько на основе имманентных законов развития и внутригосударственного разделения труда, сколько в процессе неравноправного международного разделения труда, определявшегося интересами метрополии. Колониальный тип хозяйства характеризуется незавершенностью развития народнохозяйственного цикла производства — почти полным отсутствием тяжелой индустрии, а также многих отраслей промышленности, производящих предметы потребления. Спрос на эти товары удовлетворялся путем импорта из метрополии. Таким образом, единый цикл народнохозяйственного воспроизводства оказывался территориально разорванным громадными расстояниями, что служило материальной основой экономической эксплуатации колоний.

Одно из ярких проявлений соподчиненного развития — гипертрофированный рост одного или нескольких морских портов, которые как бы фокусировали на себе разделение труда колонии с метрополией. От них отходили транспортно-экономические магистрали, ориентированные вовне. Тяготевшие к ним территории были втянуты в довольно активные рыночные отношения и отличались относительно высоким уровнем экономического развития. Однако на основном пространстве колониальных стран консервировались низшие докапиталистические и раннекапиталистические уклады, преобладало примитивное сельское хозяйство полупотребительского типа. Разобщенность, крайняя неравномерность и дезинтегрированность экономики — характернейшие черты хозяйства колониального типа.

Задачи экономического подъема развивающихся стран, преодоления отсталости и обеспечения хозяйственной самостоятельности требуют резкого ускорения темпов экономического развития и качественного изменения его характера, что возможно лишь на основе вовлечения всех секторов многоукладного хозяйства страны и всех заселенных территорий в общий процесс хозяйственного развития и создания таким путем единого народнохозяйственного организма.

Конкретное проявление многих черт территориальной структуры хозяйства колониального типа, так же, как и объективные возможности ее качественного изменения, зависят в большой мере от обеспеченности страны природными ресурсами и от их территориальных сочетаний.

В хозяйстве Индии, как и других развивающихся стран, среди основных ресурсных циклов первостепенное значение имеет цикл земельно-климатических ресурсов и сельскохозяйственного сырья. Особую остроту проблеме природопользования придает резкое ускорение роста населения в годы независимости: с 1951 по 1971 г. население Индии увеличилось на 187 млн. [3], превысив в середине 70-х годов 600 млн. По прогнозам, к 2000 г. в Индии будет проживать около 1 млрд. человек. В результате средняя плотность населения, составлявшая 77 человек на 1 кв. км в 1901 г., поднялась до 117 в 1951 г. и до 178 в 1971 г., а к концу века, вероятно, составит около 300.

В Индии, где доля городского населения остается низкой (около 20%) и быстро расширяется численность сельского населения, этот рост ведет к резкому усилению прямых нагрузок и сверхнагрузок на земельный фонд, который уже находится в тяжелом состоянии.

Структура земельного фонда Индии выделяется на мировом фоне чрезвычайно большой распаханностью, ничтожной долей пастбищных угодий и слабой залесенностью. Бессистемная эксплуатация природных ресурсов, нарушение нормального соотношения угодий вызывают деградацию антропогенных ландшафтов в широких масштабах. Особенно быстро развиваются эрозийные процессы, которыми охвачено примерно 60% пахотных угодий и 95% — выгонно-пастбищных. Быстро повышается в годы независимости степень использования водных ресурсов: утилизация ирригационного потенциала поднялась с 22,6% в 1950/51 г. до 40,2% в 1973/74 г., гидроэнергетического — с 1,4 до 16,9% [6]. Почти 60% водного потенциала сосредоточены в высокогорных частях бассейнов Ганга, Инда и Брахмапутры. Во многих наиболее экономически развитых штатах — Тамилнаде, Гуджарате, Панджабе, Харьяне и др. — речные и подземные водные ресурсы близки к состоянию полного истощения. В этих условиях проблемы наиболее рационального (комплексно-регионального) использования возобновимых природных ресурсов приобретают жизненно важное значение.

Вступление Индии и других развивающихся стран на путь индустриализации резко повышает значение промышленных и энергетических природных ресурсов. На современном этапе обеспеченность Индии этими видами ресурсов вряд ли можно признать вполне достаточной. Страна испытывает сырьевой дефицит в наиболее быстро растущих отраслях современной индустрии: она бедна запасами нефти и газа, цветных металлов (за исключением алюминиевого сырья), серы, что затрудняет развитие соответствующих энергопроизводственных циклов. Это вынуждает их ориентироваться на импортное сырье и вызывает тяготение к морским побережьям.

В Индии прилагаются большие усилия для увеличения добычи полезных ископаемых. За годы независимости страна выдвинулась в число крупнейших экспортеров железных руд, богатыми ресурсами которых она располагает. Освоение железорудных месторождений, строительство транспортных магистралей, создание специализированных портов — все это стало одним из важных факторов освоения ресурсов глубинных районов страны (Байладила — Висакхапатнам, Хассан — Мангалур, район Парадипа). Однако в целом природные ресурсы Индии не имеют каких-либо уникальных или особо выдающихся возможностей для массового развития экспортных производств — страна не может рассчитывать на существенный рост своего хозяйства таким путем. Ресурсно-экспортные циклы имеют в Индии относительно меньшее значение, чем во многих других развивающихся странах, и они узко локализованы. Для Индии особенно актуальны проблемы использования — на основе достижений научно-технического прогресса — новых видов и источников энергии и сырья (в первую очередь развитие атомной энергии и освоение морских ресурсов). Однако это исключительно сложные и дорогостоящие средства хозяйственного развития, и потому их использование в экономически слаборазвитых странах, в том числе в Индии, крайне затруднительно.

Ограниченность природных ресурсов делает особо важным разработку путей их комплексно-регионального развития, что предполагает тщательное изучение их территориальных сочетаний. Природно-ресурсное районирование Индии выявляет резко различные типы территориальных сочетаний природных ресурсов, которые составляют объективную основу развития географического разделения труда, широкого по территориальному охвату. Это районирование действует и как одна из первооснов экономического районирования, и как автономная система. Программы хозяйственного развития природно-ресурсных районов должны, очевидно, разрабатываться и осуществляться в увязке с общими тенденциями формирования экономических районов и программами интегрального регионального развития.

Важнейшими элементами территориальной структуры хо-

зяйства являются системы отраслевых районов, в развитии которых в годы независимости наблюдаются качественно новые явления.

Большинство населения развивающихся стран в течение длительного исторического периода остается зависимым от сельского хозяйства. В Индии в годы независимости доля сельскохозяйственного населения не изменилась (72,1%), а в абсолютном измерении его численность возросла в 1,5 раза. Хотя к концу колониального периода Индия уже была одной из самых распаханых стран мира, в течение первых примерно 15 лет независимости ее сельскохозяйственное производство увеличивалось главным образом путем расширения посевных площадей. Массированное освоение трех главных целинных районов Индии (тераев, Дандакараньи и пустыни Тхар) стало важным источником роста сельскохозяйственной продукции и существенно повлияло на трансформацию территориальной структуры хозяйства страны.

Однако в конце 60-х годов было официально признано, что «неиспользуемые земельные ресурсы почти исчерпаны» [6, 121]. Единственным путем роста сельскохозяйственного производства становятся интенсификация использования и рост продуктивности обрабатываемых земель. Потенциально возможности такого пути развития сельского хозяйства в Индии обширны, так как уровень агротехники и урожайности в стране — один из самых низких в мире. Но именно такой путь развития особенно затруднителен для освободившихся стран, ибо наталкивается на отсталую социально-экономическую структуру деревни и требует проведения радикальных аграрных реформ. Современная интенсивная агротехника отличается высокой капиталоемкостью и потому доступна лишь небольшой прослойке зажиточного крестьянства. Это, а также ограниченный пока набор выведенных гибридных семян (главным образом пшеницы, кукурузы, некоторых просяных и в гораздо меньшей степени — риса) обуславливают узкую локализацию «зеленой революции». Она связана с районами относительно более высокого уровня развития капитализма и интенсивного орошения, усиливая выделение этих территорий как ведущих производителей сельскохозяйственной продукции (Гуджарат, Панджаб, Хариана и прилегающие территории Северного Раджастхана, Западный Уттар-Прадеш, Тамилнад) и обостряя межрегиональные диспропорции развития сельского хозяйства.

Стихийно, с развитием внутреннего рынка и вовлечением в межрайонное разделение труда новых территорий, размещение сельскохозяйственных культур все более определяется благоприятными естественнoисторическими условиями: уменьшается значение традиционного фактора размещения в тех случаях, когда оно не соответствует наилучшим экологическим условиям. В Индии, например, оно особенно ярко проявляется в от-

носителем падения значения северного сахаропроизводящего пояса и быстром распространении посадок сахарного тростника в Западной и Южной Индии. Расширение внутреннего рынка сопровождается существенными территориальными сдвигами почти всех продовольственных и технических культур, что происходит в основном стихийно. Этот резерв экономического подъема может быть мобилизован при наличии сельскохозяйственного районирования — базы для научного обоснования рационального размещения культур и их территориальных сочетаний.

Наиболее динамичным фактором трансформации отраслевой и территориальной структуры хозяйства развивающихся стран является индустриализация — главный путь модернизации всех секторов экономики и усиления их взаимосвязанности, основа производственного подъема и достижения экономической самостоятельности. Разветвленные производственно-территориальные связи, присущие энергетике, транспорту, отраслям тяжелой индустрии, определяют их активное участие в процессах формирования экономических районов, их повышенный районобразующий потенциал.

В Индии, где ко времени завоевания независимости уже существовали некоторые отрасли фабричной и горнодобывающей промышленности, процесс индустриализации протекает сложно и многопланово, выражаясь в формировании промышленно-территориальных образований разных типов. В наиболее развитых районах, тяготеющих к главным морским портам, где уже существовали традиционные отрасли легкой и пищевой промышленности, индустриализация выражается в ускоренном развитии отраслей тяжелой индустрии. Происходит достройка промышленно-территориальных комплексов в старых экономических районах. В то же время в них ускоренно развиваются и новые отрасли, меняющие их производственную специализацию: так, джутопроизводящая Восточная Индия становится главной угольно-металлургической базой страны; Западная Индия, традиционный район хлопчатобумажной промышленности, становится главным районом нефтехимических производств и развития среднего и точного машиностроения и т. д.

Этот процесс оказывает двойственное влияние на территориальную структуру хозяйства страны. С одной стороны, он способствует углублению географического разделения труда, формированию более разветвленной и зрелой системы экономических районов. С другой стороны, он означает дальнейшую концентрацию производств в наиболее развитых районах (но все еще далеких от состояния промышленного насыщения и обладающих большими потенциями роста) и усиливает межрегиональные диспропорции.

Другая тенденция процесса индустриализации связана с освоением промышленно-энергетических ресурсов новых и отста-

лых районов. Мощные новостройки тяжелой индустрии и энергетики, комплексные гидротехнические узлы, создаваемые в глубинных районах, становятся ядрами формирования новых экономических районов (Бхилайский металлургический комбинат, энергетический узел Риханд—Обра—Синграули, энергомашиностроительный узел Кота и др.). Однако появление крупных современных новостроек в отсталых районах отнюдь не автоматически приводит к хозяйственному подъему прилегающих территорий. Нередко оно усиливает явление «двуализма», т. е. производственно-территориальной разобщенности. Эти предприятия общегосударственного значения обычно имеют самые развитые макрорегиональные связи, а также широкие внутрирайонные связи. Развитие же производственно-территориальных связей местного характера происходит с запозданием. При заранее составленных районных планировках этот процесс мог бы быть ускорен, что содействовало бы повышению как эффективности работы самих новостроек, так и их воздействия на окружающую местность.

Промышленно-территориальные образования разных стадий и типов развития (промышленные пункты—центры—узлы—ареалы и «стержни» — промышленные районы — пояса, переходящие в более широкие, но менее консолидированные пространства зон многостороннего производственно-территориального взаимодействия и транспортного тяготения) являются опорными конструкциями территориальной структуры хозяйства и формирующихся экономических районов.

Трансформация основных элементов территориальной структуры хозяйства сопровождается изменением потоков связей — их состава, мощности и направления. Прибегая к широкому обобщению, можно сказать, что если в колониальный период преобладало действие центробежных сил, которые стремились приобщить отдельные территории к мировому капиталистическому рынку, что усиливало внутреннюю производственно-территориальную разобщенность, то в период независимости все более важную роль приобретают центростремительные силы, стремящиеся к укреплению внутренней производственно-территориальной интеграции. В Индии это особенно ясно видно на примере центральной части, которая все больше из изолирующей территории становится важным связующим экономическим пространством.

Однако территориальная структура хозяйства характеризуется повышенной стабильностью, значительно отставая от изменений в отраслевой структуре. Еще сохраняющиеся в широких масштабах конгломератность и многоукладность хозяйственной структуры проявляются в слабости производственно-территориальных связей между промышленностью и сельским хозяйством, между крупной и мелкой промышленностью, между городом и деревней. Города и транспортная сеть, образуя «остов, который

формирует территорию, придает ей определенную конфигурацию» [1, 168], в то же время действуют в развивающихся странах как относительно замкнутая система.

В колониальный период концентрированное развитие происходило вдоль «линий проникновения», исходящих из главных морских портов. В годы независимости линии проникновения постепенно смыкаются между собой, образуя единый каркас, территориальную структуру нового типа. В этом состоит одна из определяющих новых тенденций. Этот процесс протекает при известном усилении роли главных метрополитенских центров и в значительной мере опирается на них. Децентрализация производства и прежде всего крупное промышленное строительство происходят не распыленно-равномерно, а в определенной системе, тяготея к «коридорам роста»: направлениям основных транспортных магистралей, обеспеченных производственной инфраструктурой, территориям, имеющим уже сложившиеся системы городов, которые отличаются повышенными темпами роста, и обладающим особо благоприятными условиями дальнейшего экономического развития. Эти территории получают мощные импульсы развития от крупнейших метрополитенских центров, которые они связывают между собой, к ним тяготеют многие крупные новостройки. В этом также состоит одна из ведущих тенденций формирования современной территориальной структуры хозяйства развивающихся стран.

Как нам представляется, территориальная структура хозяйства страны может быть представлена в виде районов, узлов (полюсов) и центров роста, новых и перспективных центров развития. При этом производственно-территориальные комплексы, системы городов, полюса и центры роста предстают не как отдельные, изолированные образования, а как составляющие единой системы. Карта территориальной структуры хозяйства отражает не только существующую картину размещения производительных сил, но в большой мере и будущую конфигурацию их развития [2].

Формирование крупных экономических районов представляет процесс постепенной интеграции пятиступенной пирамиды следующих типологических районов: 1) индустриально-метрополитенских, 2) сельскохозяйственно-промышленных высшего уровня развития, 3) районов товарного сельского хозяйства и формирующихся систем городов среднего уровня развития, 4) территорий отсталого сельского хозяйства и разреженной сети городов низкого уровня развития, 5) наиболее отсталых территорий низшего уровня развития, почти не имеющих городов (включая территории экстремальных природных условий).

Рассмотрение конкретного индийского материала обнаруживает, насколько качественно различны перспективы развития районов разного типа и насколько в то же время эти районы взаимосвязаны. Решение этих проблем осложняется многона-

циональным составом населения Индии и ее федеративным — на основе лингвистических штатов — устройством. Экономическая консолидация национальных территорий является одной из ведущих тенденций становления территориальной структуры хозяйства современной Индии. Вместе с тем стремление местной буржуазии и правительств штатов к созданию самообеспечивающейся экономики создает опасность автаркии и задерживает процессы территориальной интеграции хозяйства в масштабах всей страны.

В результате усиления роли государства в развитии хозяйства и связанной с этим необходимостью разработки научной базы регионального планирования вопросы экономического районирования Индии, почти не изучавшиеся ранее, выдвинулись на одно из центральных мест в системе индийской географической науки. В Индии придается большое значение разработке комплексного экономического районирования в целях перспективного планирования. В связи с этим у прогрессивных индийских ученых, работников плановых организаций и других учреждений большой интерес вызывают советская методология и методика географических исследований, их конструктивная направленность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранский Н. Н. Экономическая география. Экономическая картография. М., 1956.
2. Сдасюк Г. В. Индия. География хозяйства. М., 1975.
3. Census Centenary 1972. Pocket Book of Population Statistics. Delhi, 1972.
4. Draft Fifth Five Year Plan 1974—79. Vol. I. Delhi, 1973.
5. Draft Fifth Five Year Plan 1974—79. Vol. II. Delhi, 1974.
6. Fourth Five Year Plan, 1969—74. Delhi, 1972.

А. М. Горячева

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ КОНЦЕНТРАЦИЯ ЦЕНЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ИНДИИ

Унаследованный Индией от колониального прошлого колониальный тип территориальной структуры материального производства, особенно промышленности, сформировался под воздействием разделения труда между колонией и метрополией. Он выразился, как пишет Г. В. Сдасюк, «в чрезвычайной неравномерности регионального развития, гипертрофированном росте одного или немногих метрополитенских центров, относительной развитости тяготеющих к ним территорий и крайней отсталости глубинных районов, ориентированности вовне основных грузопотоков, слабости межрайонных и внутрирайонных производственно-территориальных связей» [2, 5]. В период независимого развития главное значение для изменения территориальной структуры приобретает разделение труда внутри страны — межрайонное и внутрирайонное. В 50-е годы, с началом развернутой индустриализации, основное влияние на трансформацию территориально-отраслевой структуры хозяйства оказало новое промышленное строительство, особенно государственные новостройки в сфере тяжелой промышленности и энергетики. «Размещение крупных государственных новостроек, — как отмечает Г. В. Сдасюк, — в глубинных районах — наиболее динамичный фактор децентрализации промышленности и становления структуры хозяйства нового типа» [3, 173]. Существенное значение для изменения общей картины размещения промышленного производства имел социально-политический фактор: «демографическое давление в старых густонаселенных районах, требование народов, населяющих отсталые районы, ускорить социально-экономический прогресс» [2, 6].

Усложнение отраслевой структуры промышленности — возникновение новых производств и дифференциация старых, — начавшееся уже в период первых пятилетних планов, способствовало и усложнению территориальной структуры. В отличие от развитых стран, где влияние отраслевой структуры на территориальную ослаблено уменьшением удельных затрат сырья и энергии на единицу продукции, удешевлением транспортных

услуг, в Индии изменение отраслевой структуры играло более существенную роль. В Индии также в связи со сравнительно слабой специализацией, «при довольно широкой номенклатуре конечной продукции и крайне слабой кооперации производства» [4, 293] усиливается относительное значение территориальной структуры, возможности ее обратного воздействия на изменение самого отраслевого состава производства.

Характеристиками территориальной структуры могут служить уровень территориальной концентрации производства, степень географической дифференциации, компактность, степень связанности и взаимозависимости интегрированных в экономическом отношении частей страны. Территориальная структура и одна из важнейших ее характеристик, уровень концентрации, изучаются в двуединой форме — интегрированной и отраслевой.

Общий уровень концентрации промышленности в стране, достигнутый на определенный момент времени, может быть определен по числу занятых, величине основных фондов, чистой стоимости продукции. Чаще других применяется показатель занятости. Ниже приводятся данные о динамике территориальной концентрации занятых в фабрично-заводской обрабатывающей промышленности Индии на наиболее существенные даты в развитии промышленности страны — предвоенный период, начало и конец второй мировой войны, первый год после раздела страны и достижения независимости, начало и конец первого, второго и третьего пятилетних планов и, наконец, 1969 год, последний год, по которому опубликованы необходимые материалы (в %) [подсчитано по: 5; 6; 7; 9; 10; 11]:

Год	Бомбей (Махараштра и Гуджарат)	Западная Бенгалия	Мадрас	Уттар- Пр-деш	Бихар	Остальные штаты
1939	28,9	32,9	12,1	9,9	6,0	10,2
1941	31,3	28,9	12,2	10,5	6,0	11,1
1946	33,8	34,3	9,8	10,3	5,3	6,5
1948	34,7	31,7	10,3	10,0	7,0	6,3
1951	30,9	25,6	15,6	9,2	7,2	11,5
1956	33,2	26,2	8,5	10,0	6,0	16,1
1961	28,1	17,7	10,4	9,4	4,1	30,3
1966	27,1	21,7	9,1	7,1	5,3	28,3
1969	27,9	19,0	10,1	6,9	5,0	31,1

Сложившийся уровень территориальной концентрации занятых обусловлен особенностями становления фабрично-заводского производства в Индии. Первые предприятия современного промышленного сектора появляются в Индии в середине XIX в. Их появление было связано с проникновением в страну английского капитала, нашедшего наиболее благоприятные условия в основных опорных пунктах колониалистов — в портовых городах Калькутте и Бомбее. Ориентация возникающих отраслей в дальнейшем преимущественно на внешний рынок вызвала сосредоточение обрабатывающей промышленности в этих

центрах. Стихийное, нерегулируемое развитие производства вплоть до возникновения государственного сектора в период независимого развития способствовало устойчивости этой тенденции, определившейся уже на самых ранних этапах. Причина заключалась как в политике колониальной администрации, направленной на поощрение вывоза из страны не готовой продукции, а сырья и сдерживание развития национальной индустрии, так и в агломерационном эффекте промышленного развития — тяготении возникающих производств к местам скопления функционирующих предприятий ввиду наличия квалифицированных кадров, развитой производственной инфраструктуры. И даже в годы второй мировой войны, когда ослабли экономические связи с метрополией, быстро увеличивалось число предприятий и ускорилась диверсификация отраслевой структуры, в целом общая тенденция концентрации промышленности в ограниченном числе индустриальных центров значительно усилилась.

Годы до начала первой пятилетки характеризовались по уровню концентрации выходом на предвоенный уровень. Широкое признание получает идея рассредоточения промышленности с целью сбалансирования развития развитых и отсталых районов, более эффективного использования местных ресурсов отдельных частей страны. В заявлении правительства о политике в области промышленности от 6 апреля 1948 г. ставился вопрос о необходимости децентрализации тех отраслей, которые характеризовались высоким уровнем территориальной концентрации. С принятием программ первого и особенно второго пятилетних планов идея децентрализации промышленности учитывается в текущем экономическом планировании. Возможности воздействия на размещение промышленных предприятий госсектора связывались с обширной программой создания инфраструктуры: строительством новых транспортных магистралей, связывающих внутренние отсталые районы с развитыми прибрежными, реконструкцией железнодорожного транспорта, прокладкой дорог с твердым покрытием, сооружением электростанций. Регулировать развитие и размещение промышленности в частном секторе предполагалось посредством системы лицензий, закрепленной в «превентивных» статьях Закона о промышленности (контроль и развитие) от 12 октября 1951 г.

Однако в связи с высокой инерционностью территориальной структуры и объективной невозможностью изменения в короткий срок даже самой мобильной ее характеристики — уровня концентрации — тенденция к снижению концентрации отчетливо наметилась лишь к середине 50-х годов и достигла «насыщения» к концу второго пятилетнего плана, после чего (по крайней мере до 1969 г.) процесс стабилизировался. Очевидно, попытки правительственных органов регулировать размещение промышленных предприятий были недостаточно

эффективны. Причем если размещение государственной собственности по штатам на 1971 г. (в Бихаре — 21,5%, Мадхья-Прадеше — 13,4, Западной Бенгалии — 11, Ориссе — 10,6% государственной собственности, и к тому же три из них относятся к наиболее отсталым в прошлом) свидетельствует о целенаправленной политике децентрализации крупного производства, то данные о лицензиях, выданных частному сектору в 1956—1966 гг. (в штате Махараштра выдано 27,4% лицензий, в Западной Бенгалии — 16,5, в Тамилнаде — 9,7% [3, 233]), говорят об относительно слабой управляемости размещения частных промышленных предприятий.

Определение отраслевой концентрации промышленности обычно затруднено из-за отсутствия необходимых статистических данных для мелкой сетки территориального деления. В индийской переписи 1961 г. приводятся материалы по занятости в 35 отраслях (по Индийской стандартной промышленной классификации, включающей три уровня агрегирования отраслей, эта группировка соответствует второму уровню) фабрично-заводской промышленности¹ по 310 округам [13]. В связи с тем, что для экономико-географического анализа представляет интерес информация по возможно более мелким территориальным ячейкам, так как при прочих равных условиях адекватность любой модели математического программирования или статистической модели повышается с уменьшением размеров пространственных ячеек, определить уровень поотраслевой концентрации в индийской ценовой промышленности оказалось возможным только для 1961 г. (на более позднюю дату опубликованных данных пока нет).

Для измерения территориальной концентрации обычно применяется коэффициент локализации, позволяющий установить относительную степень концентрации определенной отрасли по сравнению с каким-либо иным параметром национальной экономики и «сопоставить порайонное распределение занятости в данной отрасли с таким же распределением базисной величины, например с суммарной занятостью в обрабатывающей промышленности» [1, 212]. Данные расчетов коэффициентов локализации относительно двух разных базисов — всего населения и занятых в ценовой промышленности — приведены в таблице в столбцах 3 и 4. Чем выше значение коэффициента, тем выше степень концентрации. При сосредоточении всех предприятий отрасли в одной территориальной ячейке (в данном случае в округе) коэффициент локализации будет близок к единице. Отрасли ранжированы по значению коэффициента локализации при базисном показателе — доля округа в населении страны.

¹ Учтены только зарегистрированные предприятия с числом занятых более 50 и применяющие двигатель и с числом занятых более 100, не использующих двигатель.

В таблице в столбцах 5 и 6 приводятся результаты расчета и другого, менее известного показателя — H , так называемой энтропийной меры географической концентрации экономической активности (ЭМГКЭ), позволяющей определить абсолютный уровень концентрации той или иной отрасли. H является мерой абсолютной энтропии системы, т. е. им мы измеряем степень максимально достигнутой на данный момент дисперсии в данной отрасли. Формула $H = - \sum_{i=1}^N \frac{n_{ij}}{n_j} \ln \frac{n_{ij}}{n_j}$, где N — число территориальных ячеек или районов, $\frac{n_{ij}}{n_j}$ — доля района i в

занятости в отрасли j (заимствована из теории информации, где она является мерой неопределенности в системе). Чем больше районов (в нашем случае округов) имеет на своей территории предприятия данной отрасли, чем больше степень расщепления в отрасли, тем больше значение H . Значения чисел — эквивалентов F ($F = \exp H$), приводимые в столбце 6, показывают количество равноразмерных категорий, необходимых для образования наблюдаемой энтропии, т. е. то количество округов, которое при равномерном перераспределении между ними занятых в данной отрасли обеспечивает достигнутый уровень территориальной дисперсии [12]. Показатель F полезен как мера концентрации ввиду лучшей возможности его интерпретации и способности более других показателей акцентировать различия между уровнями концентрации.

Действительно, дисперсным размещением в секторе средней и крупной промышленности в 1961 г. (особенно это подчеркивают коэффициент локализации по населению и показатель F) характеризовалась только пищевая промышленность отчасти благодаря своему потребительскому характеру, а также значительной диверсифицированности отраслевой структуры. Для ее отраслевой структуры в период первых двух пятилетних планов было характерно возникновение новых производств, например маргарина, консервов, а для территориальной — изменение традиционной географии ряда производств, например продвижение сахарной промышленности на юг.

Следующую группу отраслей — текстильную, транспортное машиностроение, производство нерудной минеральной продукции (стройматериалы и стекльно-керамическая), общее машиностроение — можно отнести к относительно рассредоточенным. В этой группе самая старая и традиционная отрасль фабрично-заводской промышленности Индии — текстильная. В колониальный период это была почти единственная отрасль, в которой существовала специализация по районам. После раздела страны в 1947 г. сократились источники сырья, а в период индустриализации эта отрасль развивалась крайне медленно, и все же к 1961 г. она оставалась одной из наиболее деконцент-

**Поотраслевая территориальная концентрация в
индийской ценовой промышленности в 1961 г.***

Ранг отрас- ли	Отрасль	Коэффициент локализации		Энтропийная мера географической концентрации эконо- мической активности (ЭМГКЭ)	
		Базис: насе- ление	Базис: суммар- ная занятость в ценовой про- мышлен- ности	Н	Р
1	Пищевая (кроме напитков) .	0,489	0,639	4,47	87,5
2	Текстильная	0,710	0,665	3,43	30,99
3	Транспортное машиностроение	0,720	0,696	3,57	35,4
4	Нерудная минеральная продукция	0,733	0,730	3,78	44,0
5	Общее машиностроение . . .	0,760	0,719	3,39	29,77
6	Энергетика	0,802	0,848	3,38	29,50
7	Табачная	0,802	0,888	3,07	21,53
8	Первичная переработка сельскохозяйственного сырья .	0,811	0,824	3,82	45,73
9	Деревообрабатывающая . . .	0,825	0,848	3,32	27,89
10	Химическая	0,826	0,771	3,35	28,61
11	Полиграфическая	0,827	0,910	3,00	20,21
12	Обрабатывающая «прочая» .	0,848	0,832	2,61	13,63
13	Добыча известняка	0,880	0,892	2,64	14,10
14	Соляная	0,889	0,524	2,88	17,79
15	Металлообрабатывающая . .	0,894	0,854	2,17	8,79
16	Металлургическая	0,894	0,889	2,56	12,92
17	Добыча железной руды . . .	0,924	0,946	2,34	10,41
18	Чайные плантации	0,928	0,871	2,15	8,62
19	Добыча каолина	0,931	0,922	2,12	8,36
20	Электротехническое машиностроение	0,936	0,938	1,93	6,87
21	Добыча угля	0,939	0,927	1,60	4,96
22	Кофейные плантации	0,943	0,936	1,94	6,95
23	Бумажная	0,949	0,944	2,43	11,41
24	Добыча марганцевой руды .	0,950	0,962	2,46	11,73
25	Добыча слюды	0,951	0,956	1,54	4,65
26	Кожевенно-дубильная	0,954	0,974	1,56	4,77
27	Резиновая	0,957	0,942	1,22	3,40
28	Добыча доломита	0,965	0,978	1,57	4,83
29	Добыча хромитов	0,979	0,984	1,51	4,52
30	Добыча бокситов	0,981	0,934	1,20	3,32
31	Нефте- и углепереработка .	0,985	0,913	1,28	3,59
32	Мебельная	0,985	0,977	0,72	2,04
33	Обувная и швейная	0,986	0,987	0,62	1,86
34	Производство напитков . . .	0,995	0,993	2,37	10,7

* Рассчитано по: [13; 8].

рированных отраслей. Транспортное машиностроение ввиду значительного удельного веса в отрасли ремонтных и сборочных предприятий, сеть которых создавалась еще в колониальный период одновременно с прокладкой железных дорог, также одна из дисперсно размещенных отраслей. Производство нерудной минеральной продукции связано с наиболее часто встречающимися в Индии видами минерального сырья — известняков, глин, строительного и поделочного камня, что также делает эту отрасль одной из наиболее распространенных.

За ними следуют общее машиностроение и химическая отрасль, которым в планах индустриализации отводились ведущие роли и которые по темпам роста опережали другие производства. Быстрее всего развивалось производство станков и минеральных удобрений, создававшееся почти в каждом штате.

Первичная переработка сельскохозяйственного сырья по относительному показателю концентрации уступает многим отраслям тяжелой промышленности, однако по абсолютным (Н и F) не уступает ни одной отрасли, кроме пищевой. В данном случае сказалась чувствительность коэффициента локализации к уровню производственной концентрации в отрасли. В среднем размеры предприятий по обработке сельскохозяйственного сырья меньше, чем в отраслях тяжелой промышленности. Поэтому при сопоставлении числа занятых со всем населением округа или суммарной занятостью в цензовой промышленности эта отрасль проигрывает в уровне территориальной рассредоточенности отраслям с более высокой степенью производственной концентрации. По абсолютному уровню, когда другие факторы, кроме порайонного распределения занятости в данной отрасли, не учитываются, первичная переработка сельскохозяйственного сырья выдвигается на одно из первых мест.

Таким образом, к концу 50-х годов наибольшей дисперсностью размещения отличались две группы отраслей — традиционные отрасли фабрично-заводского производства, использующие сельскохозяйственное сырье и выпускающие продукцию массового непроизводственного потребления, и новые отрасли тяжелой промышленности, развивавшиеся самыми высокими темпами.

Наиболее многочисленную группу составляют отрасли высоконцентрированные, что показывает общий высокий уровень концентрации фабрично-заводского производства в Индии. В эту категорию попадают две группы отраслей: горнодобывающие, плантационные, нефте- и углепереработка, резиновая, размещение которых в большой мере определяется наличием сырьевых ресурсов, и мебельная, обувная, производство напитков, бумажная, в которых преобладают предприятия мелкой промышленности.

На основе сопоставления значений коэффициентов в столбцах 3 и 4 для каждой отрасли можно судить о некоторых тен-

денциях размещения, например понижение значений коэффициента локализации при переходе от базиса «суммарная занятость в ценовой промышленности» к базису «население» у таких отраслей, как пищевая, табачная, первичная переработка сельскохозяйственного сырья, деревообрабатывающая, энергетика. Это свидетельствует о тяготении данных отраслей к преимущественно сельскохозяйственным районам, доля которых в стране по общему числу занятых в ценовой промышленности невелика. В то же время у ряда отраслей — соляной, текстильной, транспортного и общего машиностроения, металлообработки, нефте- и углепереработки — значение коэффициента по базису «население» повышается, что указывает на тяготение к промышленно развитым районам. Закономерно размещение преимущественно в более индустриализированных ареалах текстильной промышленности, одной из пионерных отраслей. Хорошо согласуется с общей логикой промышленного развития тяготение и других отраслей этой группы к индустриальным районам, обладающим ресурсами квалифицированных кадров, производственной инфраструктурой и потенциально более богатыми возможностями внутри- и межотраслевых связей.

В макроплане для Индии было характерно тяготение отраслей, использующих природно-минеральное и сельскохозяйственное сырье, к неиндустриальным районам, а отраслей, в большей степени нуждающихся в квалифицированных трудовых ресурсах, в прямых и обратных связях, — к районам агломерации промышленности.

Уровень концентрации отраслей «недомашней» промышленности (значение Н), сгруппированных по признаку капиталоемкости, трудоемкости, энергоемкости, характеру используемого сырья и конечному назначению производимой продукции, приводится на основе рассчитанных значений ЭМГКЭ [8]:

Капиталоемкие отрасли . 2,13
 Энергоемкие отрасли . . 2,22
 Отрасли, базирующиеся
 на переработке природ-
 ного ископаемого сырья 2,01

Отрасли, базирующиеся
 на переработке сельско-
 хозяйственного сырья . 2,08
 Отрасли, выпускающие
 продукцию производст-
 венного назначения . . 2,03

Трудоемкие отрасли . . . 2,45
 Неэнергоемкие отрасли . 2,24
 Отрасли, использующие
 в качестве исходных ма-
 териалов продукцию
 других отраслей 2,29

Отрасли, выпускающие
 продукцию потреби-
 тельского назначения . 2,28

Более дисперсно размещены в Индии отрасли трудоемкие, с широкими межотраслевыми связями и выпускающие потребительские товары. При сравнении величины показателя Н для отраслей, сгруппированных по сопоставимым признакам, оказывается, что наиболее велико различие территориальной концентрации отраслей капиталоемких и трудоемких.

Общая картина отраслевой концентрации имеет весьма существенные районные различия, выявить которые позволяет расчет коэффициента локализации по штатам.

Исчисление этого коэффициента для штатов по базовому показателю «суммарная занятость в цензовой промышленности» дает возможность не только проследить изменение степени концентрации отрасли по отдельным штатам, но сравнить структуру промышленности внутри каждого штата. Рассчитанные значения коэффициента по 36 отраслям для 17 штатов² были записаны в виде таблицы (географической матрицы), в которой в строках расположены отрасли, а в столбцах — штаты. Всего таблица содержит 366 показателей. Использование единой таксономической расчетной сетки открывает возможности для широких сравнений.

Очевидно, чем ниже значение коэффициента локализации отрасли по стране в целом, тем чаще должна встречаться эта отрасль в отдельных районах. Действительно, ряд отраслей, таких, как пищевая, текстильная, транспортное машиностроение, химическая, представлены во всех штатах. Только по одному штату не имело полиграфической промышленности или производства нерудной минеральной продукции. Реже всего встречаются отрасли горнодобывающей промышленности (единственное исключение — добыча известняка, имеющаяся во всех штатах, кроме двух), новая для Индии 50-х годов отрасль — нефте- и углепереработка, а также две отрасли легкой промышленности — мебельная и обувная.

Естественно, что при вычислении коэффициента локализации по 17 штатам максимальная амплитуда колебаний его значений (разности между высшим значением коэффициента — у отрасли с максимальной «поокружной» концентрацией в пределах определенного штата и низшим его значением — у отрасли с минимальной «поокружной» концентрацией в пределах другого штата³) намного больше, чем для страны в целом, ибо в противном случае отраслевая структура промышленности каждого штата полностью повторяла бы структуру промышленности страны в целом, т. е. была бы одинаковой для всех штатов. Минимальное значение коэффициента локализации получается у производства чая в Ассаме — 0,022, у пищевой промышленности в Ассаме — 0,029, у производства соли в Гуджарате и Раджастане — 0,124 и 0,139, у транспортного машиностроения в Западной Бенгалии — 0,252, у энергетики в Химачал-Прадеше, Ассаме, Раджастане — 0,274, 0,282, 0,287 соответственно.

Наблюдается прямая зависимость между величиной коэффи-

² 17 штатов взято согласно административному делению, существовавшему во время проведения переписи 1961 г.

³ Получение «абсолютного максимума» и «абсолютного минимума» в пределах одного и того же штата теоретически возможно, но вероятность такого случая невелика.

циента локализации отраслей по стране и по штатам: чем выше его значения для отрасли по стране в целом, тем выше они и для отдельных штатов, и наоборот. У отраслей, попавших в категорию со слабой концентрацией по стране в целом, при расчете по штатам коэффициент локализации изменяется: у пищевой — от 0,029 в Ассаме до 0,760 в Бихаре (у десяти штатов он ниже 0,6), у текстильной — от 0,199 в Джамму и Кашмире до 0,990 в Химачал-Прадеше (у девяти штатов он ниже 0,6), у транспортного машиностроения — от 0,252 в Западной Бенгалии до 0,951 в Карнатаке (у шести штатов он ниже 0,6), у отраслей средней степени концентрации (значение коэффициента 0,7—0,9) нижняя граница значений повышается до 0,274 — у энергетики в Химачал-Прадеше (исключение составляет производство чая в Ассаме — 0,022), а верхняя — до 1 — у энергетики в Западной Бенгалии. У отраслей с сильной концентрацией (значения коэффициента выше 0,9) нижняя граница равна 0,310, а верхняя — максимальная, т. е. 1, как у предыдущей группы.

Средний разброс значений коэффициента меньше у отраслей высшей и низшей категорий. Чем больше концентрация отрасли в масштабе страны, тем меньше на районном уровне отклонения коэффициента от высоких значений. Например, коэффициент локализации производства напитков — 0,993; для штатов он колеблется от 0,871 (Химачал-Прадеш) до 0,998 (Раджастхан). У обувной промышленности коэффициент 0,987; в штатах он варьируется от 0,749 (Уттар-Прадеш) до 1 (Гуджарат). У группы децентрализованных отраслей общая амплитуда колебания коэффициента широка, но для этих отраслей велика доля группы штатов, в которой разброс значений коэффициента незначителен, т. е. не превосходит по величине 0,1. У средней группы разброс значений коэффициента в районах гораздо больше.

Выполненные расчеты создают базу, в частности, для количественной оценки корреляции разветвленности отраслевой структуры и степени территориальной концентрации. Группа штатов, где процесс индустриализации начался раньше, выделяется не только более разнообразной отраслевой структурой промышленности, в которой преобладают отрасли собственно обрабатывающей промышленности, но и ее более равномерным размещением. Отраслевые коэффициенты локализации здесь, как правило, довольно низкие. В эту группу входят штаты Махараштра, Западная Бенгалия, Уттар-Прадеш. Отдельную группу образуют штаты, промышленно относительно развитые, но где наряду с обрабатывающей широко представлена горнодобывающая промышленность. Это прежде всего штаты Бихар, Карнатака, Мадхья-Прадеш, для которых характерен средний уровень коэффициентов локализации обрабатывающей отрасли. Наиболее многочисленную группу составляют остальные штаты,

для которых общие закономерности выражены слабее. Коэффициенты локализации в них большинства отраслей довольно высоки, но, как правило, в каждом встречается несколько отраслей с очень низкими значениями этого коэффициента. Чаще всего это отрасли, определяющие специализацию штата в национальном масштабе. Например, Ассам, специализировавшийся на производстве чая, Дхамму и Кашмир — на производстве шерсти и шерстяных изделий, Орисса — на черной металлургии, имеют для этих и связанных с ними отраслей низкие коэффициенты локализации.

Надо отметить следующую особенность индийской цензовой промышленности: менее территориально сконцентрированными оказываются отрасли, традиционные для того или иного штата, имеющие более длительную историю развития и до недавнего времени определявшие специализацию района в стране. Такова текстильная промышленность в Махараштре (коэффициент локализации 0,399), черная металлургия в Ориссе (0,586), угольная в Бихаре (0,577), сахарная в Уттар-Прадеше (0,451), чайная в Ассаме (0,022), текстильная (шерсть) в Дхамму и Кашмире (0,199).

Довольно низкие штатные коэффициенты и у новых для соответствующих районов отраслей, которые создаются одновременно или почти одновременно в различных частях района, не имея четко очерченных ведущих ареалов концентрации. Например, в Раджастане коэффициент энергетики 0,287, металлообработки и металлургии — 0,341 и 0,307, машиностроения в Мадхья-Прадеше — 0,534, машиностроения в Ассаме — 0,289.

В целом концентрация промышленности в индийских штатах к концу 50-х годов в значительной степени определялась историей развития промышленности за длительный период, специализацией штата в общегосударственном масштабе. Заметное влияние на нее оказывало и новое индустриальное строительство.

Размещение и уровень концентрации фабрично-заводской промышленности к началу 60-х годов в общих чертах все еще определялись сложившимся в колониальный период характером размещения производительных сил. Основные районы развития крупной промышленности на западе и северо-востоке Индии и в конце 50-х годов обладали наиболее развитой отраслевой индустриальной структурой. Здесь существенна доля как традиционных секторов промышленности, так и вновь создаваемых производств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изард У. Методы регионального анализа. М., 1966.
2. Сдасюк Г. В. Географические проблемы преодоления региональных диспропорций в экономическом развитии Индии. — «Страны и народы Востока», вып. XII. М., 1972.

3. С д а с ю к Г. В. Индия. География хозяйства. М., 1975.
4. Ш и р о к о в Г. К. Индустриализация Индии. М., 1971.
5. Annual Survey of Industries 1961, vol. 1. Calcutta, 1964.
6. Annual Survey of Industries 1966, vol. 1. Calcutta, 1970.
7. Annual Survey of Industries 1969, vol. 1. General Review, Calcutta, 1973.
8. Census of India 1961, vol. 1, pt 2-B (ii), General Economic Tables. Delhi, 1964.
9. Census of Indian Manufactures: Fifth, 1950. Calcutta, 1954.
10. Census of Indian Manufactures: Seventh, 1952. Calcutta, 1956.
11. Census of Indian Manufactures: Eleventh, 1956. Calcutta, 1959.
12. Garrison C. B., Paulson A. An Entropy Measure of Geographic Concentration of Economic Activity.— «Economic Geography», 1973, vol. 49, № 4.
13. M i t r a A. Levels of Regional Development in India. Census of India 1961, vol. 1, pt 1-A (ii). Tables. Delhi, 1966.

Л. И. Бонифатьева

ВАЖНЕЙШИЕ ОСОБЕННОСТИ УРБАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ

За годы независимости в Индии ускорились взаимосвязанные процессы индустриализации и урбанизации. Последний процесс, обусловленный всем комплексом сложных социально-экономических изменений, происходящих в индийском обществе, не только развивается в количественном отношении, но и претерпевает значительные качественные сдвиги. В условиях многоукладной экономики одновременно существуют и сложно переплетаются различные стадии урбанизации, начиная с доиндустриальной, исторически связанной с докапиталистическим периодом развития страны, затем индустриальной, начавшей проявляться в колониально-капиталистический период, и кончая метрополитенской, приобретающей все большее значение в современной Индии и характеризующейся нарастающей ролью крупных многофункциональных городских агломераций и формированием целых больших городских областей. В последние десятилетия ведущими становятся более зрелые фазы урбанизации, что сближает Индию с развитыми странами мира. Сеть городов, сложившаяся в основных чертах еще в феодальную эпоху и усложненная в колониальный период быстрым ростом немногочисленных, но весьма значимых портовых узлов, с помощью которых страна была включена в систему международного капиталистического разделения труда, стала быстро развиваться после достижения Индией независимости. Разрастаются старые крупнейшие города, приобретая более сложную функциональную и территориальную структуру; возникают многочисленные новые промышленные, транспортные, административные, культурные центры; преобразуются в города многие из крупных сел; все большее число деревень, окружающих большие города, подвергается процессу субурбанизации.

Сложнейший процесс урбанизации может быть исследован по многочисленным направлениям. Несомненный интерес представляет анализ и сопоставление данных трех переписей населения, которые были проведены в независимой Индии в 1951, 1961 и 1971 гг. Их исследование дает возможность вы-

явить такие важнейшие для процесса урбанизации вопросы, как динамика городского населения, изменения в соотношении городов разной величины и сдвиги в географии городов, которые произошли за двадцать лет самостоятельного развития республики.

Рост городского населения. Таблица 1 дает возможность проследить динамику роста городского населения Индии за исследуемый двадцатилетний период, а также сопоставить ее с данными начала текущего столетия и ознакомиться с тенденциями, которые прогнозируются Плановой комиссией на ближайшее десятилетие.

Как видно из таблицы, на протяжении XX в. в Индии городское население росло значительно быстрее, нежели сельское. За 70 лет (1901—1971) городское население страны (в ее современных границах) увеличилось на 319%, т. е. более чем в четыре раза, в то время как сельское население — на 109% (т. е. удвоилось). За двадцать лет (1951—1971) городское население выросло на 46,5 млн., или на 74,6%, а сельское — на 139,8 млн., т. е. на 46,7%. Городское население растет не только опережающими, но и постепенно ускоряющимися темпами. Об этом свидетельствуют следующие данные: за 1951—1961 гг. его прирост составил 26,4%, а за 1961—1971 гг. — 37,8%. Тем не менее по темпам роста городского населения в послевоенные годы Индия уступает многим освободившимся странам. В отличие от высокоурбанизированных стран сельское население в Индии не сокращается, а продолжает расти, хотя и более медленными темпами, чем городское. Несмотря на быстрый рост городского населения, его доля продолжает оставаться низкой¹. Особенно мало повысился этот показатель за

Таблица 1

Рост городского и сельского населения Индии *

Год	Городское население		Сельское население	
	млн. человек	%	млн. человек	%
1901	26,0	10,9	209,0	89,1
1951	62,3	17,3	298,8	82,7
1961	78,8	18,0	360,4	82,0
1971	108,8	19,9	438,6	80,1
1974**	119,9	20,6	461,3	79,4
1986***	168,8	24,0	536,4	76,0

* [18; 12; 13].

** Оценка [16].

*** Прогноз [16].

¹ При этом весьма значительна абсолютная численность городского населения, по которой Индия стоит в одном ряду с наиболее крупными из высокоурбанизированных стран [15].

1951—1961 гг. Важнейшей причиной является несоответствие между «силой выталкивания» крестьян из деревни и «поглотительной способностью» городов, постоянно остающихся «сгустками» безработицы [4].

При преобладании в индийских городах непроемчивых функций отсутствует достаточно широкая возможность обеспечения работой (а также и минимально удовлетворительным жильем) тех сельских мигрантов, которые под давлением нарастающего аграрного перенаселения покидают деревню и составляют основной источник пополнения городского населения². Для многих жителей деревни переселение в город является временным, носит характер отходничества и ведет в конечном счете к обратному оттоку части таких временных горожан в сельскую местность.

За 1961—1971 гг. отраслевая структура городского самодостаточного населения, по существу, не изменилась. В 1971 г. по-прежнему около половины населения было связано с непроемчивой сферой (в торговле, финансах, различных видах обслуживания, на государственной службе было занято 45%) и лишь менее четверти (23%) — с фабрично-заводской промышленностью. Сохранилась и значительная сельскохозяйственная занятость — 13%³ [14].

На протяжении 1961—1971 гг. указанные причины, сдерживавшие рост городского населения, сохраняли свое значение, но в то же время с большей силой стали проявляться такие движущие силы урбанизации, как ускорившееся развитие промышленности, образования и культуры, а также территориальное расширение многих городов (особенно крупных), поглощавших соседние деревни. О расширении процесса урбанизации свидетельствует появление значительного числа новых городов, которые приобрели городской статус лишь ко времени проведения переписи населения 1971 г.⁴

Общее число городов, зафиксированных переписью 1971 г., составило около 2900; из них более 570 — новые города⁵ с суммарным населением почти 5 млн. человек. За 1951—1971 гг.

² В 1961 г. родившиеся вне соответствующего города составили: в Калькутте — 53% жителей, в Дели — 55 и в Большом Бомбее — 64% [22]. Основную роль играет переселение из деревни. По данным переписи 1961 г., среди мигрантов, переселившихся к этому времени в города, 55,8% составляли переселенцы из деревни, 30,6 — мигранты из других городов и 13,6% — иммигранты (преимущественно из Пакистана) [20].

³ Занятость в остальных отраслях была следующей: кустарно-ремесленное производство — 5%, горная промышленность — 1, строительство — 3, транспорт, складирование и связь — 10% [там же].

⁴ В 1971 г. сохранился критерий для города, введенный в 1961 г.: численность населения — не менее 5 тыс., плотность населения — не ниже 1000 человек на 1 кв. миль, занятых вне земледелия — по меньшей мере три четверти взрослого мужского населения.

⁵ Они получили статус города к 1971 г.

всего в Индии возникло около тысячи новых городов. Их население в 1971 г. составило 11 млн.

Из числа городов, отличающихся наибольшим ростом населения, прежде всего выделяются те, градообразующая база которых связана с современной крупной промышленностью. Особенно быстро растут молодые индустриальные центры, где созданы или создаются большие предприятия государственного сектора. Так, городская агломерация Дург — Бхилаинагар, ядром которой является металлургический центр Бхилаинагар (вырос на базе металлургического комбината, построенного с помощью Советского Союза), увеличила свое население с 1951 по 1961 г. более чем в 6,5 раза, а с 1961 по 1971 г. — еще в 1,8 раза (к 1971 г. оно составляло 245 тыс. человек). Интересно отметить, что Бхилаинагар приобрел городской статус только в 1961 г.

Еще моложе город металлургов Бокаро, где при содействии СССР строится и уже дает продукцию крупнейший из государственных металлургических комбинатов Индии. Бокаро лишь ко времени последней переписи 1971 г. получил статус города и насчитывал уже 108 тыс. жителей. Значительно выросло население и в некоторых сравнительно старых центрах тяжелой промышленности. Например, город металлопромышленности Джемшедпур увеличил свое население более чем в 1,5 раза за 1951—1961 гг. и почти в 1,5 раза — за последующее десятилетие (к 1971 г. — 465 тыс. жителей).

Быстрый рост характерен и для городов с развитыми административными и культурными функциями. Например, Чандigarh — объединенная столица штатов Пенджаб и Харьяна, молодой университетский центр. Получив статус города в 1961 г., он к 1971 г. вырос в 2,3 раза (233 тыс. жителей). В основном по тем же причинам выросла и Делийская агломерация. С 1951 по 1971 г. население Дели увеличилось более чем в 2,5 раза (с 1,4 млн. до 3,6 млн.). Рост населения столицы устойчив: в 1,5 раза за 1951—1961 гг. и в 1,6 раза за 1961—1971 гг. Одновременно расширилась и городская территория — за те же двадцать лет она увеличилась в 3 раза; в городскую черту было включено более ста деревень.

В целом можно сделать вывод, что по мере становления независимой национальной экономики, и в первую очередь создания основ современной индустрии в государственном секторе, а также развития культуры, образования и науки, в Индии ускоряется процесс урбанизации, хотя он еще не достиг того уровня, при котором Индия могла бы выйти из числа наименее урбанизированных стран мира. В перспективе, очевидно, будет продолжаться действие тенденций, направленных к ускорению урбанизации. С одной стороны, несмотря на аграрные преобразования, проводимые в Индии, вряд ли можно ожидать ослабления «сил выталкивания» из деревни многочислен-

ных представителей неимущих слоев населения⁶. С другой стороны, по мере дальнейшего осуществления индустриализации и развития других градообразующих функций может возрасти «сила притяжения» городов для сельских жителей.

Табл. 1 содержит разработанные Плановой комиссией Индии и опубликованные в проекте пятого пятилетнего плана прогнозируемые данные. Опережающие темпы роста городского населения сохранятся: за 15 лет, с 1971 по 1986 г., городское население должно увеличиться на 60 млн., или на 55%, а сельское — на 97,8 млн., или на 22,3%. При этом полагают, что произойдет некоторое замедление темпов урбанизации из-за общего сокращения естественного прироста населения в стране с 2,2% за 1966—1971 гг. до 1,4% в 1981—1986 гг.⁷ [16]. Если же проектируемое уменьшение рождаемости (связанное с политической «планирования семьи») не будет достигнуто, население всей страны и городов будет расти быстрее, чем предусмотрено⁸.

Ускорение урбанизации при весьма значительной численности городского населения, которое превышает сейчас 100 млн., в условиях еще сохраняющейся экономической отсталости сопровождается появлением ряда серьезных проблем. Одна из них — изъятие из сельскохозяйственного использования земель, на которые «наступают» города, что при преобладании аграрной экономики и высокой плотности быстро растущего населения имеет отрицательное значение. В ряде случаев рост городов сопровождается загрязнением природной среды, приобретающим иногда серьезный характер в связи с тропическим климатом.

Сложны классовые социально-экономические и политические проблемы городов, порой получающие своеобразную национальную и религиозную окраску. Они нередко осложняются и принимают специфические формы из-за наличия в городах развивающихся стран широких «маргинальных» слоев населения — городской бедноты, отошедшей от традиционного сектора и не ассимилированной современными укладами. Эти неимущие жители городов, населяющие трущобы, которые, по мнению некоторых авторов, имеют тенденцию к расширению [17], образуют «устойчивый и воспроизводящийся на расширенной основе социальный конгломерат, представляющий (вместе с по-

⁶ О степени аграрного перенаселения в индийской деревне говорят такие цифры: в 1971 г. в стране было 47 млн. безземельных сельскохозяйственных рабочих, из которых многие частично или полностью безработные. Более 39% крестьянских хозяйств имеют наделы менее 1 га или вообще лишены земли [8].

⁷ До недавнего времени величина естественного прироста населения в городах была не ниже, чем в деревне. Некоторое падение рождаемости в городах, особенно крупных, — явление лишь самых последних лет [21; 22].

⁸ Последнее предположение достаточно реально, что связано с малой эффективностью проводящейся политики «планирования семьи» и с сокращением государственных ассигнований на ее осуществление.

добными группами в деревне) основание социальной пирамиды в этих странах» [11, 296].

В целом процесс урбанизации в Индии сложен, противоречив, связан со многими трудноразрешимыми проблемами и конфликтами. Тем не менее рост городов и распространение городского образа жизни имеет объективно прогрессивное значение. Как отмечал В. И. Ленин, «города представляют из себя центры экономической, политической и духовной жизни народа и являются главными двигателями прогресса» [2, 341]. Для Индии, как и других молодых стран с широким распространением черт деревенской отсталости, особое значение имеет то, что «город неизбежно *ведет за собой* деревню. Деревня неизбежно *идет за городом*» [3, 5]. Ленин подчеркивал, что передвижение сельского населения в город «представляет из себя явление *прогрессивное*» [1, 576].

Концентрация населения в крупных городах. В Индии отчетливо проявляется непрерывно нарастающая концентрация населения в крупных городах. Как видно из табл. 2, на протяжении 1951—1971 гг. число крупных городов (100 тыс. и бо-

Таблица 2

Соотношение и рост городов Индии *

Группы городов по числу жителей	Число городов		Население				Изменение численности населения за 1951—1971 гг.	
			млн. человек		%			
	1951 г.	1971 г.	1951 г.	1971 г.	1951 г.	1971 г.	млн. человек	%
Крупные (100 тыс. и более жителей)	74	142	23,7	57,0	38,0	52,4	+33,3	+140,5
в том числе:								
1 млн. и более	4	8	7,9	25,4	12,7	23,4	+17,5	+221,5
500 тыс.—1 млн.	4	10	3,1	6,5	5,0	6,0	+3,4	+109,7
100—500 тыс.	66	124	12,7	25,1	20,3	23,0	+12,4	+ 97,7
Средние (20—100 тыс.)	486	815	18,7	32,1	30,0	29,6	+13,4	+ 71,6
в том числе:								
50—100 тыс.	111	198	7,6	13,2	12,2	12,2	+5,6	+73,7
20—50 тыс.	375	617	11,1	18,9	17,8	17,4	+7,8	+70,3
Малые (менее 20 тыс.)	2497	1964	19,9	19,7	32,0	18,0	—0,2	— 1,0
в том числе:								
5—20 тыс.	1859	1687	17,8	18,8	28,6	17,2	+1,0	+ 5,6
менее 5 тыс.**	638	277	2,1	0,9	3,4	0,8	—1,2	—57,1
Итого . . .	3057	2921	62,3	108,8	100,0	100,0	+46,5	+74,6

* Составлено по: [12; 13]. Сокращение числа малых городов в 1971 г. связано с установлением нового критерия в 1961 г.

** В виде исключения отдельные населенные пункты людностью менее 5 тыс. имеют статус города.

лее жителей) увеличилось почти в 2 раза, а население возросло более чем на 30 млн. (т. е. около 70% общего прироста всего городского населения страны). Темпы роста жителей крупных городов были почти в 2 раза выше, чем всего городского населения. В крупных городах проживало в 1901 г. лишь около 23% городского населения страны, в 1951 г. — 41,8, в 1961 г. — 48,4, а в 1971 г. — уже 52,4% [18; 13]. Особенно быстро растут крупнейшие города (с числом жителей 1 млн. и более) — их население за 1951—1971 гг. более чем утроилось. Из восьми городов «миллионеров» в Индии к числу самых больших в мире относятся Калькутта, в которой в 1971 г. насчитывалось 7 млн. жителей, и Большой Бомбей — 6 млн. Как видно из табл. 2, особенно быстро росло население и тех городов, в которых было 0,5—1 млн. жителей (их население удвоилось), некоторые из них приблизились к «миллионному» рубежу. За время независимости «крен» урбанизации Индии в сторону крупных городов явно возрос, и по развитию крупных городов Индия не уступает наиболее урбанизированным странам мира (о значении этого показателя для определения уровня урбанизации см. [5]).

С преимущественным развитием и постепенным усилением роли крупных городов связаны некоторые важные качественные сдвиги в процессе урбанизации. Один из них состоит в том, что концентрация населения в крупных городах органически взаимосвязана с ростом городских агломераций, причем первостепенное значение имеет развитие производительных сил, особенно промышленности⁹. В развивающихся странах этот процесс нередко ускоряется продолжающимся гипертрофированным развитием ведущих городов, приобретших особое значение еще в колониальную эпоху и сохраняющих первенствующее положение и после достижения независимости¹⁰. Немалую роль играют и такие факторы, как значительный естественный прирост городского населения, который в совокупности с постоянным притоком мигрантов способствует территориальному «расползанию» городов, а также высокая плотность сельского

⁹ В Индии за 1951—1961 гг. число занятых в промышленности и строительстве увеличилось на 37,8%, а в сельском хозяйстве — на 33% [24]. Рост занятости в промышленности непосредственно связан с развитием городских агломераций, поскольку основная часть промышленных рабочих селится обычно или в крупных городах, к которым тяготеет новое промышленное строительство, или в расположенных поблизости более мелких населенных пунктах, которые становятся все теснее связанными с центральным городом — ядром агломерации.

¹⁰ Как отмечает видный исследователь в области географии населения В. В. Покшишевский, в развивающихся странах «стремительный рост ведущих политических, культурных и экономических центров обычно сопровождается «обрастанием» их пригородами и спутниками, иногда очень крупными. Чем быстрее растут сами центры, тем, как правило, в большей степени они становятся ядрами урбанизированных агломераций» [9, 2].

населения — деревни при этом сближаются между собой и с близлежащими городами и попадают в их зону тяготения.

Агломерации формируются также и на основе городов меньших размеров. Нередко их центрами становятся крупные промышленные предприятия, строительство которых ведет к возникновению быстро растущих городов на месте бывших деревень.

В переписи 1971 г. выделено 70 городских агломераций, в которых сосредоточено более 33 млн. жителей, или 30,5% городского населения страны. Основная роль принадлежит крупным агломерациям (с населением не менее 100 тыс. жителей) — на их долю приходится почти 93% населения всех агломераций, причем 64,5% живут в «миллионных» агломерациях. В то же время при резком преобладании крупных в переписи названы также некоторые средние и даже малые города, отнесенные к числу агломераций.

В переписи не раскрыты критерии, примененные для выделения агломераций. Можно предполагать, что в первую очередь учитывались административно-управленческие особенности группы территориально сближенных населенных пунктов. В подавляющем большинстве случаев центрами формирующихся или уже сложившихся агломераций становятся крупные города. Между тем индийская статистика не включает в число агломераций более сотни крупных городов (из 142), сосредоточивших почти половину населения всех «стотысячников». Неправомерно исключение из группы агломераций таких крупнейших городов страны, ведущих экономических и культурных центров, как Мадрас (четвертый по населению город Индии), Ахмадабад, Нагпур, Пуна, Джайпур и др. Официальные данные о городских агломерациях в переписи 1971 г. значительно преуменьшают фактически происходящий процесс образования городских групповых поселений. Можно считать, что удельный вес агломераций близок к удельному весу всех крупных городов. В таком случае получится, что в агломерациях сосредоточено около половины всего городского населения страны.

В известной мере можно говорить о зачатках формирования в Индии целых скоплений городских агломераций, сближающихся между собой по мере территориального расширения и усиления взаимных связей. Один из таких зарождающихся «мегалополисов» включает Калькутту и тесно связанный с ней индустриальный пояс в долине р. Дамодар и на севере плато Чхота-Нагпур (пограничный район штатов Западная Бенгалия и Бихар). Другой тянется от Бомбея через цепь промышленных городов на юго-восток к Пуне и на север к Ахмадабаду (штаты Махараштра и Гуджарат). Население одних только крупных городов в этих двух «городских областях» в первом случае превышает 8 млн., во втором достигает 10,5 млн. С включением менее крупных городов и деревень, входящих в

«зону тяготения» крупных центров, численность населения Калькуттского и Бомбейского «мегалополисов» еще более возрастет. Существуют несомненные объективные предпосылки для их формирования, связанные с довольно быстро осуществляющейся индустриализацией Индии. Именно Бомбей и Калькутта со многими тяготеющими к ним поселениями выступают главными очагами индустриализации и перестройки территориальной структуры хозяйства.

Наряду с отмеченными особенностями, в значительной мере общими с развитыми странами, городские агломерации Индии обладают и другими, специфическими чертами, присущими развивающимся странам. Одна из них связана с преобладанием в индийских городах, в том числе и крупнейших, малоэтажной застройки (хотя в последних разворачивается строительство многоэтажных зданий). При этом ускоряется уже упоминавшееся территориальное расширение городов, увеличивается протяженность транспортных и коммунальных коммуникаций, что удорожает их строительство и эксплуатацию и создает серьезные неудобства для населения. Уровень коммунального обслуживания, санитарного состояния и жилищных условий в индийских городах (в том числе и в крупнейших агломерациях), как правило, весьма низок.

Хаотичный и в большинстве случаев быстрый рост крупнейших городских агломераций вызывает беспокойство у многих государственных, общественных деятелей и ученых Индии. Государство пытается регулировать дальнейший рост городов, в первую очередь крупнейших. Особые усилия направлены на разработку и осуществление генеральных планов развития «большой четверки» — Калькутты, Бомбея, Дели и Мадраса.

Очень остры кризисные явления в крупнейшей из городских агломераций Индии — Калькутте. «Те, кто живет в Калькутте, ежедневно сталкиваются с такими характерными явлениями, как хронический недостаток основных коммунальных услуг — водоснабжения, канализации; с недостатком школ, больниц, парков и культурных учреждений; с безработицей и неполной занятостью; с переполненным и явно недостаточным общественным транспортом; с огромным недостатком в жилищах и быстро растущими районами трущоб; с растущими ценами на землю и повышающейся квартирной платой; с ограниченными финансовыми ресурсами в распоряжении правительства штата и муниципалитета», — пишет корреспондент «Правды» [8].

Калькутская агломерация представляет собой наиболее показательный пример острейших противоречий, проявляющихся в больших городах развивающихся стран, и демонстрирует своего рода «тупик урбанизации». Рост населения этой огромной городской системы замедляется, а это свидетельствует о достижении ею при современных социально-экономических условиях определенного «критического размера» в процессе гипер-

урбанизации¹¹. За годы независимости из всех «миллионных» городов в Калькутте было отмечено самое медленное увеличение населения. В последние двадцать лет оно было более или менее стабильным, но с тенденцией к понижению: за 1951—1961 гг. прирост составил 25%, а за 1961—1971 гг. — 22,1% (что ниже средних темпов увеличения всего городского населения страны).

Обращает на себя внимание большая неравномерность в росте различных частей агломерации. Особенно медленный рост присущ центральным городам — собственно Калькутте и Хауре. В Калькутте в 1961—1971 гг. население увеличилось всего на 7,3% (за 1951—1961 гг. прирост был 8,5%). В Хауре население росло быстрее, но темпы его роста значительно ниже среднеиндийских и обнаруживают тенденцию к замедлению: в 1951—1961 гг. — 27,6%, а в 1961—1971 гг. — 16,8%. Наоборот, в периферийных частях агломерации немало примеров очень быстрого роста населения. «Рекорд» принадлежит небольшому городку Калиани (18 тыс. жителей в 1971 г.), который стал городом только в 1961 г. и к 1971 г. увеличил свое население почти в 4 раза. В других подобных же молодых городах население за последние десять лет увеличилось в 1,5—2,5 раза. В целом рост Калькуттской агломерации происходит за счет перевода в разряд городских довольно многочисленных сельских населенных пунктов. Из 74 городов, входящих ныне в состав агломерации, 22 получили статус города только к 1961 г., а 21 — к 1971 г. Таким образом, более половины городов, составляющих агломерацию, — молодые, по размерам преимущественно средние и малые, обнаруживающие, как правило, относительно быстрый рост.

Отмеченные особенности роста Калькуттской агломерации свидетельствуют об усилении действия в ней «центробежных сил», о расширении процессов урбанизации и субурбанизации ее окраинных частей. Этот процесс связан с притягательной силой Калькутты, продолжающей привлекать, несмотря на очень тяжелые условия жизни в ней, большое число сельских переселенцев, гонимых из деревни острой нуждой и находящихся приют в городах и городках близ перенаселенного ядра агломерации.

При непрерывном расширении агломерации, включающей в свои пределы все новые населенные пункты, усложняются задачи регулирования роста и улучшения благоустройства «расползающейся» пригородной территории, многие части которой превращаются в трущобы. Большие трудности стоят на пути реконструкции и центральных районов агломерации.

¹¹ О проблеме гиперурбанизации в развитых капиталистических странах см. [10]. Некоторые явления, присущие развитым странам, начинают проявляться и в развивающихся.

Для упорядочения дальнейшего роста города-гиганта¹² Калькуттская метрополитенская плановая организация разработала двадцатилетний план развития агломерации (1966—1986). Согласно плану, сама Калькутта (и фактически слившаяся с ней Хаура) сохранит доминирующее положение в качестве ведущего торгово-финансового узла, центра специальных производств, образования, науки и культуры. Одновременно предусматривается сокращение промышленного значения Калькутты—Хауры за счет развития других центров Западной Бенгалии, расположенных вне агломерации (в первую очередь имеются в виду города Асансол и Дургাপур), а также перехода функций морского порта к новому порту Халдия в устье р. Хугли. Одновременно предусматривается реконструкция застройки, улучшение коммунальных удобств, транспорта (особое значение имеет строительство метрополитена с использованием советской помощи) и системы обслуживания в различных частях агломерации (подробнее о генеральном плане развития Калькутты см. [6]).

Вторая по размерам городская агломерация Индии, Большой Бомбей, в отличие от Калькутты не обнаруживает признаков стагнации, хотя имеет свои острые проблемы¹³. Рост населения Большого Бомбея значительно более быстрый и постепенно ускоряется: за 1951—1961 гг. он составил 40%, а за 1961—1971 гг.— 43,8%. Среди городов-«миллионеров» Бомбей по темпам роста населения уступает только Дели.

Многие трудности Бомбея как огромного города связаны с большой концентрацией в нем промышленно-транспортных функций. В городе производится почти 80% продукции обрабатывающей промышленности штата Махараштра, являющегося наряду с Западной Бенгалией ведущим индустриальным районом страны. В то же время Бомбей—главный морской порт Индии. Генеральный план развития Большого Бомбея предусматривает перемещение части промышленных предприятий в другие города и села, расположенные вдоль транспортных коммуникаций, которые связывают Бомбей с Пуной и Ахмадабадом.

Это усилит внутренние связи в формирующемся Бомбейском «мегалополисе». Интересен проект создания нового круп-

¹² Индийские исследователи прогнозируют, что, несмотря на замедление роста Калькуттской агломерации, число ее жителей при неуправляемом развитии может достичь 12 млн. в 1986 г. и 14 млн. в 2000 г. [19].

¹³ Различия в характере развития двух крупнейших индийских городов, требующие специального исследования, определяются исторически сложившимися особенностями (в частности, различие в позициях национального и иностранного капитала), разной промышленной специализацией (для Бомбея характерен больший удельный вес новых и новейших производств), возможностями развития портового хозяйства (для Калькутты отрицательное воздействие имеет заиление р. Хугли), разным характером хинтерланда и др.

ного города (с числом жителей не менее 1,5 млн.) — «двойника» Бомбея — на противоположном берегу Бомбейской бухты. В соответствии с проектом он должен стать самостоятельным значительным торгово-промышленным центром, который разгрузит Бомбей от части экономической «нагрузки» и привлечет большое число сельских переселенцев, уменьшив их приток в Бомбей [23].

В основу генерального плана Дели и наиболее тесно связанных с ним прилегающих территорий положено ограничение дальнейшего роста быстро увеличивающейся агломерации за счет перенесения части ее функций в близлежащие наиболее перспективные города.

Правительство штата Тамилнад, столицей которого является Мадрас, разрабатывает проекты предотвращения дальнейшего увеличения его населения. С этой целью планируется строительство трех городов-спутников, численность населения которых составит около 0,5 млн. [8].

Во всех городах «большой четверки» осуществляются программы перестройки трущобных районов.

Развитие крупных городов и непрерывно возрастающая концентрация в них городского населения являются важными свидетельствами расширения и углубления процесса урбанизации в стране. В то же время рост крупных городов наиболее рельефно и остро обнаруживает противоречия, которые свойственны стихийной капиталистической урбанизации, и подводит к необходимости ее государственного регулирования.

Региональные различия в урбанизации. Рассмотренные нами изменения в динамике городского населения Индии и в соотношении городов разной величины свидетельствуют о довольно значительных изменениях в процессе урбанизации страны. Что же касается региональных различий, то здесь можно констатировать сравнительную стабильность. Из табл. 3 видно, что на протяжении рассматриваемых двадцати лет сохраняется ведущая роль штатов Махараштра, Тамилнад, Гуджарат, Западная Бенгалия, Карнатака (Майсур) и Панджаб как наиболее урбанизированных¹⁴. Все эти штаты по доле городского населения превышали среднеиндийские показатели и в 1951, и в 1961, и в 1971 гг. Большинство названных штатов — приморские, достигшие относительно высокого уровня экономического развития еще в колониальное время. Особо следует выделить Махараштру и Западную Бенгалию, где самая высокая концентрация населения в крупных городах. В 1971 г. в Махараштре насчитывалось 17 крупных городов, в которых было сосредоточено 64,7% всего городского населения штата; в Западной Бенгалии

¹⁴ Союзные территории Дели и Чандигарх не рассматриваются ввиду того, что каждая из них представляет собой, по существу, почти сплошной город.

Таблица 3

Городское население по административным единицам Индии *

Штат, территория	Доля городского населения во всем населении, %			Рост городского населения, %	
	1951 г.	1961 г.	1971 г.	1951—1961 гг.	1961—1971 гг.
Махараштра	28,8	28,2	31,2	21,0	40,7
Тамилнад	24,4	26,7	30,3	22,6	38,4
Гуджарат	27,2	25,8	28,1	20,1	41,2
Западная Бенгалия	23,9	24,5	24,6	36,0	28,0
Карнатака (Майсур)	23,0	22,3	24,3	18,2	35,1
Панджаб**	19,0	20,1	23,8	33,3	24,9
Андхра-Прадеш	17,4	17,4	19,4	15,8	33,8
Джамму и Кашмир	—	16,7	18,3	—	42,0
Хариана	—	17,2	17,8	—	35,6
Раджастан	18,5	16,3	17,6	11,0	38,0
Керала	13,5	15,1	16,3	39,9	35,7
Мадхья-Прадеш	12,0	14,3	16,3	47,7	46,3
Уттар-Прадеш	13,6	12,9	14,0	9,9	30,5
Бихар	6,8	8,4	10,0	49,0	44,5
Нагаленд	1,9	5,2	9,9	364,4	166,6
Ассам	4,7	7,7	8,4	122,5	53,0
Орисса	4,1	6,3	8,3	86,7	63,5
Химачал-Прадеш	4,1	4,7	7,1	41,6	35,5
Мегхала	—	12,5	13,0	—	37,7
Трипура	6,7	9,0	7,8	1416,8	18,2
Манипур	0,5	8,7	13,3	2266,1	109,3
Андаманские и Никобарские острова	25,9	22,2	22,8	75,6	86,2
Дели	82,4	88,8	89,8	64,2	53,9
Чандигарх	—	82,8	90,7	—	134,7
Вся Индия	17,3	18,0	19,9	26,4	37,8

* Таблица составлена по: [12; 13]. Снижение доли городского населения в некоторых административных единицах в 1961 г. связано с введением нового критерия для городов.

** Данные за 1951 и 1961 гг.— для Панджаба до выделения из него Харьяны. В 1961 г. городское население собственно Панджаба — 23,1%.

было 5 крупных городов, их доля в городском населении — 70,3%¹⁵.

В Западной Бенгалии свыше 90% населения крупных городов приходится на одну Калькуттскую агломерацию. Она превосходит по числу жителей второй по величине западобенгаль-

¹⁵ Если исключить Кашмир, где относительно суровые природные условия способствовали концентрации населения в двух крупных городах (на их долю падает 66,3% горожан), то Западная Бенгалия и Махараштра занимают среди индийских штатов самые высокие места по удельному весу крупных городов.

ский город Дургапур в 35 раз. В Махараштре также выделяется Бомбей, превосходящий по населению следующие за ним крупные города в 7 раз. Но роль Бомбея заметно меньше, чем Калькутты. Значительное развитие крупных городов в штате определяется не только Бомбеем, но и несколькими важными региональными центрами.

Тесно экономически связанный с Махараштрой и территориально примыкающий к ней Гуджарат придает особое значение Западной Индии, как наиболее урбанизированному ареалу, где темпы роста городского населения за 1961—1971 гг. превосходят среднеиндийские и в еще большей мере — западнобенгальские. Есть основания считать, что в период независимости именно Западная Индия выдвигается на первое место по развитию процесса урбанизации, превосходя Северо-Восточный район.

В целом территориальные сдвиги, происшедшие в Индии за 1951—1971 гг., не смогли преодолеть те резкие региональные диспропорции в уровне урбанизации, которые сложились в колониальный период. Наряду с относительно высокоурбанизированными в стране все еще есть обширные территории, находящиеся на начальной стадии урбанизации. Это преимущественно глубинные, часто труднодоступные горные районы, которые в прошлом были крайне отсталыми окраинами страны, — Ассам, Нагаленд, Трипура, Химачал-Прадеш, где городское население не достигает и 10%. К этой же группе низкоурбанизированных штатов относятся Бихар и Орисса.

Некоторые из аграрных штатов по уровню урбанизации топчутся на месте: Уттар-Прадеш, городское население которого составляло около 14% в 1951 г. и осталось на том же уровне в 1971 г., Раджастан — соответственно 18,5 и 17,6%¹⁶. Типично положение в Уттар-Прадеше. Здесь расположены многие индийские города, уже весьма длительное время играющие роль важных исторических региональных центров в плотно населенной сельской местности на Гангской равнине. Благодаря этому Уттар-Прадеш выделяется высоким удельным весом крупных городов (57,1% городского населения штата), сравнительно мало различающихся по величине населения. Но все города растут медленно: на протяжении двадцати лет общий прирост городского населения в штате ниже, чем по стране в целом. В большинстве городов Уттар-Прадеша нет достаточной градообразующей базы. В первую очередь сказывается слабость индустриального развития штата, где 75% занятых связаны с сельским хозяйством (в 1971 г.). Постоянный отток крестьян из отсталых сельских районов происходит главным обра-

¹⁶ Снижение доли городского населения в Раджастане и в некоторых других штатах связано с введением в 1961 г. нового критерия для городов и соответствующим сокращением числа малых городов.

зом в те города, которые расположены за пределами Уттар-Прадеша (крупным центром притяжения мигрантов традиционно является Калькутта, а также другие промышленные центры Северо-Восточной Индии).

При сохранении резких различий в уровне урбанизации между разными частями страны за годы независимости наметились некоторые, пока еще слабые, тенденции к выравниванию положения. Об этом говорит тот факт, что наиболее высокие темпы роста городского населения присущи наименее урбанизированным штатам и союзным территориям. Некоторые из них — небольшие по численности населения (Манипур, Нагаленд, Андаманские и Никобарские острова), где темпы прироста городского населения высоки в связи с низким исходным уровнем урбанизации. Для других малоурбанизированных более крупных штатов (Мадхья-Прадеш, Ассам, Орисса, Бихар), отличающихся также быстрым ростом городского населения, большое значение имеет строительство в них крупных государственных промышленных предприятий, создающих основу для роста новых важных промышленных центров (таких, например, как города металлопромышленности Бхилайнагар, Бокаро, Роуркела, Ранчи или нефтехимии — Барауни, Гаухати).

Надо полагать, что перестройка территориальной структуры хозяйства Индии, дальнейшее усиление вновь выдвигающихся экономических, культурных и политических центров должны привести к значительному сокращению в разрыве между отдельными частями страны в уровне урбанизации.

Изменения в процессе урбанизации в целом, которые произошли в Индии за годы независимости, отражают серьезные сдвиги, характеризующие экономику и культуру крупнейшей из развивающихся стран мира. Одновременно сложность, противоречивость, контрастность процесса урбанизации говорят о больших трудностях, с которыми связаны строительство независимой национальной экономики и развитие культуры в Индии.

В заключение следует отметить, что для стран Азии, и для Индии в первую очередь, процесс урбанизации имеет огромное не только внутреннее, но и международное значение. Это было подчеркнуто на международной конференции по проблемам азиатских городов, которая проходила в 1969 г. в Гонконге. Указав на сложность и тревожность многих проблем, которые сопровождают урбанизацию в развивающихся азиатских странах, редактор опубликованных после конференции материалов Д. Дуайер [15] сравнивает эти проблемы по их значимости для всего человечества с такими проблемами, как угроза голода во многих странах мира, атомная угроза, загрязнение окружающей среды и опасность истощения природных ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полное собрание сочинений, т. 3.
2. Ленин В. И. Новейшие данные о партиях в Германии.— Т. 23.
3. Ленин В. И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата.— Т. 40.
4. Бонифатьева Л. И. Данные о городах в переписи населения Индии 1961 г.— «Страны и народы Востока», вып. IV. М., 1965.
5. Бонифатьева Л. И. К вопросу об определении уровня урбанизации Индии.— «Страны и народы Востока», вып. V. М., 1967.
6. Бонифатьева Л. И. Проект развития Калькуттской городской агломерации.— «Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран». М., 1971.
7. Бонифатьева Л. И. Перспективы развития столицы Индии.— «Страны и народы Востока», вып. XIV. М., 1972.
8. Киценко О. Индия: заботы большого города.— «Правда», 14.I.1975.
9. Покшишевский В. В. Об изучении урбанизации развивающихся стран и связанных этнических процессах.— «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук». М., 1967.
10. Покшишевский В. В., Гохман В. М. Проблемы гиперурбанизации в развитых капиталистических странах и ее географические аспекты.— «Научные проблемы географии населения». М., 1967.
11. Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974.
12. Census of India 1961. Paper № 1. Final Population Totals. Delhi, 1962.
13. Census of India 1971. Paper № 1 of 1971. Supplement. Provisional population totals. Delhi, 1971.
14. Census of India 1971. Series 1. Paper № 3 of 1972. Economic Characteristics of Population. Delhi, 1972.
15. The City as a Centre of Change in Asia. Ed. by D. J. Dwyer. Hong Kong, 1972.
16. Draft Fifth Five Year Plan 1974—79, vol. 1. Delhi, 1974.
17. Kapur J. C. India in the Year 2000.— «Futurist». Washington, 1974, vol. 8, № 4.
18. Mamoia C. B. Population Growth and Birth Rates in India.— «AICC Economic Review». Delhi, 1962, vol. 13, № 14—16.
19. Memorandum of Development of Calcutta Metropolitan District, 1966—1971. Government of West Bengal. Calcutta, 1965.
20. Mitra A. Internal Migration and Urbanization in India. Delhi, 1967.
21. Mitra A. Problems of Regional Disparities. Pamphlet 67—68. Bombay, 1973.
22. Rele T. R., Tara Kanitkar. Residence Background and Fertility in Greater Bombay.— «Population Studies». London, vol. 18, № 2.
23. Sakhalikar S. B. Twin City for Bombay—Development Problems and Prospects.— «Industrial India». Bombay, 1970, vol. 21, № 9.
24. Sethuraman S. V. Employment and Labour Productivity in India since 1950.— «Economic Development and Cultural Change». Chicago, 1974, vol. 2, № 4.

Б. К. Рой

ОТСТАЛЫЕ ТЕРРИТОРИИ И ЗОНИРОВАНИЕ ДИСТРИКТОВ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПО ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИМ РАЙОНАМ ИНДИИ¹

Индия обладает исключительно разнообразной сельскохозяйственной базой. Хотя сельское хозяйство — наиболее важная отрасль экономики, уровень и продуктивность его во многих частях страны еще находятся на низкой стадии развития. В независимой Индии идут новые процессы развития. Но и в период, охватывающий двадцать пять лет независимости, сельское хозяйство Индии не всегда развивалось по восходящей линии. Учитывая общегосударственную потребность в продовольствии, чрезвычайно важно оценить региональные особенности дистриктов с точки зрения производства сельскохозяйственной продукции, потребления и ресурсов. С этой целью сделана попытка выявить экономические ареалы Индии с помощью количественных показателей — индексов, причем особое внимание обращено на сельское хозяйство. В такого рода исследовании важную роль играют географы, в том числе работающие в области региональной географии населения [8]. Зонирование дистриктов на базе индексов и по физико-географическим районам страны может быть очень полезным для пространственного программирования, разработки и осуществления специальных сельскохозяйственных проектов.

Рассматривая экономические районы как объективно существующие и развивающиеся системы в условиях всей страны, можно выделить на карте Индии ряд взаимозависимых территорий на основе стандартизированных показателей — индексов; эти территории можно назвать «экономическими пространствами». Среди них выделяются с точки зрения характеристики основных сельскохозяйственных ресурсов группы отсталых ареалов, существующие наряду с развитыми и переход-

¹ Д-р Б. К. Рой — руководитель картографического отдела Организации генерального регистратора Индии. Статья напечатана в «National Geographical Journal of India», Varanasi, 1974, vol. 20, № 2. Перевод сделан с рукописи.

ными ареалами. Чтобы выделить такие ареалы, следует принять во внимание следующие факторы:

1. Факторы, характеризующие сельскохозяйственные ресурсы:
 - а) общая уборочная площадь;
 - б) площадь, с которой собирают два урожая в год;
 - с) площадь орошаемых земель.
2. Производственные факторы:
 - д) площадь под продовольственными и техническими (рыночными) культурами;
 - е) урожайность продовольственных и технических культур (в фунтах с гектара).
3. Фактор потребления:
 - ф) потребление продовольствия в калориях в расчете на одного взрослого человека.

Имелись исходные данные по 315 дистриктам из 356. Используя вышеуказанные факторы, для каждого из 315 дистриктов был рассчитан обобщающий индекс Р (composite performance index).

Индекс Р для дистрикта i исчисляется по формуле:

$$P_i = \sum_{j=1}^n \frac{K_{ij}}{n}.$$

где K_{ij} означает место в ранжировке дистрикта по фактору j , а n — число факторов, принятых во внимание при расчете. Ранжировка дистриктов определяется процентным отношением факторов а, б, с ко всей территории дистрикта; процентным отношением фактора д по восьми главным культурам к площади, занятой всеми продовольственными и техническими культурами; урожайностью с гектара в фунтах по восьми главным продовольственным и техническим культурам (фактор е) и фактором ф (потребность в калориях при нынешнем уровне потребления в расчете на одного взрослого человека).

Вычисленные индексы были расположены по девяти рангам, что служит основой типологии экономических пространств с выделением уровней развития, причем установлено, что понижение величины индекса Р означает повышение уровня развития.

Чтобы разработать типологию экономических пространств, индексы дистриктов были нанесены на карту в масштабе 1:5 000 000. Основу карты составляло физико-географическое районирование страны, где границы районов проведены с учетом административных границ дистриктов на 1971 г. При выделении физико-географических регионов учтены климат, почвы, литология и естественная растительность.

Четыре традиционных физико-географических макрорегиона — Северные горы, Великие равнины Индии, Деканское пло-

скогорье и Прибрежные равнины — подразделяются на субрегионы и области (divisions) опять-таки с учетом административных границ. Каждому природному подразделению присвоен определенный кодовый номер, где первая цифра означает макрорегион, вторая — субрегион, третья — область, включающая ряд дистриктов. Например: 2.6.1, т. е. Великие равнины — макрорегион (цифра 2), Равнина Нижнего Ганга — субрегион (цифра 6), Равнины Северного Бихара, состоящие из дистриктов Пурнеа, Сахарса, Дарбханга, Музаффарпур, Саран и Чампаран, — область (цифра 1).

Нанесение на карту величин индекса Р позволило наглядно представить проблему, поставленную в названии статьи. Легенда карты, составленная по девятиступенчатой шкале, иллюстрирует типы территорий и уровни индекса Р по группам дистриктов, которые объединены в развитые, переходные и отсталые территории с соответствующей кодовой нумерацией.

Разработанная типология экономических пространств включает три типа территорий: развитые, переходные и отсталые. При определении типа территорий имелись в виду две цели: одна — чисто академическая, и следовательно ведущая к дальнейшим экономико-географическим исследованиям; другая — конструктивная, полезная для нужд планирования, что и составляет главную тему статьи.

Типология экономических пространств выглядит следующим образом:

1. Развитые территории (developed areas). Предполагается, что территории этого типа имеют высокий уровень развития. Этот уровень должен значительно повыситься в ходе выполнения программ развития — в результате сравнительно крупных вложений в сельское хозяйство со стороны правительственных организаций и частных лиц. Внутри этого типа установлены три уровня (a, b, c).

2. Переходные территории (transitional areas). Считается, что территории этого типа достаточно динамичны и находятся на переходной стадии развития. Ресурсная база сельского хозяйства рангом ниже, чем в развитых территориях. Можно ожидать увеличения выпуска продукции на основе уже сделанных капиталовложений. В этой группе выделены два уровня (a, b).

3. Отсталые территории (depressed areas). Предполагается, что эти территории имеют разного рода потенциальные возможности роста, но недостаточное использование ресурсной базы сельского хозяйства как бы закрепляется нехваткой капитала, инертностью населения и нарушением хода естественных процессов. Истощение сельскохозяйственных ресурсов и низкое плодородие характеризуют этот тип, который подразделяется на четыре уровня (a, b, c, d).

Распределение экономических пространств по типам и уровням дает удивительные результаты. Из 315 дистриктов, по ко-

торым сделаны расчеты, 221 дистрикт соответствует характеристикам отсталых территорий, 60 дистриктов относятся к переходному типу и только 34 — к типу развитых территорий (см. табл.).

Таблица

Число дистриктов, входящих в различные типы экономических пространств

Физико-географический микрорегион	Типы и уровни экономических пространств									Всего
	Развитые территории			Переходные территории		Отсталые территории				
	a	b	c	a	b	a	b	c	d	
Северные горы	3	1	—	2	9	5	3	—	1	24
Великие равнины	3	7	4	16	19	24	17	8	2	100
Декан	—	5	1	2	1	32	41	36	20	138
Прибрежные равнины . . .	—	5	5	3	8	13	13	5	1	53
И т о г о . . .	6	18	10	23	37	74	74	49	24	315

Оказывается, что развитые территории расположены большей частью на равнинах Панджаба и Харианы, возвышенностях и прибрежных равнинах Тамилнада, побережье Южной Кералы, а также включают дистрикты Сринагар и Анантнаг (штат Джамму и Кашмир) и Симлу на юге Химачал-Прадеша. Вариации в величине индекса Р (от 7,5 до 10,5) достаточно ясно обнаруживаются в различных физико-географических регионах в связи с присущими им различиями в качестве земли, методах ведения сельского хозяйства и т. д. Величина индекса Р в дистриктах Сринагар и Анантнаг (8,0) объясняется высокой продуктивностью рисосеяния, которое процветает здесь благодаря наличию оросительных систем. Рассматривая другие районы, можно отметить сравнительно высокий уровень развития сельского хозяйства, достигнутый прежде всего в предгорной равнине Хошиарпур — Чандигарх, в равнинных междуречьях Рави — Биас и Биас — Сатледж, на равнине Мальва в Панджабе. Эти районы в целом относятся к развитым территориям, но особенно выделяются дистрикты Джалландар, Лудхиана и Патиала с величиной индекса Р от 7,6 до 8,3, что свидетельствует о сравнительно высоком уровне их развития. Отдельные дистрикты в других районах также подходят под категорию развитых территорий (уровень b). Они расположены на прибрежных равнинах Кералы (Эрнакулам) и Тамилнада (Каньякумари, Раманатхапурам, Тирунелвели и Тханджавур). Это также районы возделывания риса с соответствующими почвенно-климатическими условиями. Однако в результате дав-

ления населения уровни производства и потребления несбалансированы.

Равнина Гхаггар, бо́льшая часть которой включена в дистрикт Ганганагар (Раджастан), благодаря развитию современного сельского хозяйства в результате освоения целинных земель имеет индекс Р, равный 8,8. Развитые территории (уровень с) включают также дистрикты Хиссар и Сангур (западная равнина Харианы и равнина Мальва в Панджабе), Читтур (часть Раялсима), Чинглепут, Южный Аркот и Тиручирапалли (Коромандельское побережье).

Переходные территории с индексом Р от 10,6 до 12,5 более рассредоточены, некоторые из них образуют целые зоны на периферии развитых территорий, охватывающие восточную равнину Харианы, части гангских равнин, дельты Ганга, побережья Кералы, дельты Кришны и дельты Годавари. Помимо этого дистрикт Колхапур на плато Махараштры тоже имеет признаки переходной территории при величине индекса Р, равной 11,4. Можно установить, что процесс развития дистриктов этого типа связан главным образом с техническими культурами — сахарным тростником, хлопчатником, масличными, для производства которых государство, частные компании и отдельные лица вкладывают достаточные капиталы в ирригацию и освоение целинных земель, в том числе в рамках программ общинного развития.

Отсталые территории с величиной индекса Р от 12,6 до 15,5 представляют печальную картину. Этот тип включает 221 дистрикт. Дистрикты этого типа встречаются во всех физико-географических регионах, как в зонах густонаселенных, так и в зонах с невысокой плотностью населения.

Наиболее типичны отсталые территории для штатов Уттар-Прадеш (Среднегангская равнина) и Бихар (Северные и Южные равнины). Они включают долину Брахмапутры, равнину Качара, Западную Мегхалаю, Банкуру и Пурулию (равнина Парх), Куч Бихар, Малду и Западный Динаджпур на севере Западной Бенгалии, Муршидабад и Надию в зрелой дельте Ганга. На юге, в Центральной и Западной Индии распределение отсталых территорий более примечательно. Обобщенно можно сказать, что Западная Махараштра, Теленгана и прибрежная Андхра образуют ярко выраженную зону отсталых территорий. Кроме того, ряд разрозненных территорий этого типа находится на линиях Нимар — Нарасимхапур — Чиндвара и Индур — Шаджапур. Сюда относятся и другие дистрикты Центральной Индии, а также дистрикты Мехсана, Джунагадх, Вадодра, Сурат, Кайра в Гуджарате, Удайпур, Бунди и Савимадхонур в Раджастане, юг штата Карнатака. При взгляде на карту обнаруживается мозаичность размещения отсталых территорий уровня «а» в этих частях Индии.

Большие различия в распределении отсталых территорий

уровней b и c по физико-географическим регионам ясно видны в Гуджарате, Мадхья-Прадеше, Ориссе, Раджастане и Химачал-Прадеше. Эти два уровня представляют своего рода переходную фазу в рамках всей категории отсталых территорий. Бедные, отсталые территории уровня d образуют характерные зоны по линиям Ганджам—Маюрбхандж в Ориссе, Налгонда—Варангал в Андхра-Прадеше и Аурангабад—Парбхани—Бетул в Махараштре и Мадхья-Прадеше. Ряд дистриктов Карнатаки имеет те же характеристики. Засушливые дистрикты Раджастана обнаруживают существенный разрыв в размерах сельскохозяйственных ресурсов по сравнению с другими дистриктами того же штата. Отдельные дистрикты, вроде Чамбы (Химачал-Прадеш) и Сурендранagara (часть п-ова Катхиавар), находятся на том же низком уровне.

Как объяснить причины различий в уровнях развития экономических пространств? Для этого нужно обратить внимание, например, на сбалансированность принятых для определения индекса Р факторов, присущую развитым территориям. Доля уборочной площади (67%) и доля площадей, дающих два урожая в год (20%), довольно велики и имеют тенденцию к повышению. Доля орошаемой земли во всей обрабатываемой площади обычно составляет 20%, но в некоторых зонах превышает 23%. Урожайность продовольственных и технических культур удовлетворительна. Благодаря высокой урожайности фактор потребления постоянно растет. Но региональные различия достаточно ощутимы и внутри этого типа. В этой связи следует отметить, что основные сельскохозяйственные факторы, а именно уборочная площадь, площади, с которых снимают два урожая в год, и орошаемые земли, обнаруживают значительные различия. К примеру, эти факторы в аридных и засушливых дистриктах Индии составляют всего 35,4 и 6% соответственно, тогда как во влажных восточных районах — 64%, 33 и 19%. Соотношения этих факторов различны на севере и юге Декана. В первом случае 66% территории обрабатывается, с 3% обрабатываемых земель собирают два урожая в год, около 4% земли орошается, а во втором — 55%, 3 и около 6,5% соответственно. Точно так же контрастны региональные особенности восточных и западных прибрежных равнин: уборочная площадь 45 и 54% соответственно, площадь с двумя урожаями — 10 и 5,7%, орошаемые земли — 23 и менее 5%.

В горных регионах Западных и Восточных Гималаев доля уборочных площадей колеблется от 16 до 18%, доля площадей с двумя урожаями в год — от 3 до 5%, удельный вес орошаемых земель — от 3,7 до 4%.

В оценке этих фактов учет географических условий совершенно обязателен для того, чтобы сделать обоснованные выводы. Помимо этого, глубокие порайонные различия в факторах производства и потребления в значительной степени зави-

сят от истощения пахотных земель, с одной стороны, и от плотности населения — с другой. Это отражается на факторе продовольственных ресурсов в расчете на душу населения и, следовательно, затрагивает и величину индекса Р.

Различия и изменения в характеристиках экономических пространств обрисовывают картину достижений сельского хозяйства, а также выявляют территории, нуждающиеся в развитии. Соотношение таких экономических пространств с системой физико-географических регионов страны непосредственно связывает особенности природной среды и ее экономическую характеристику, отражает этапы хозяйственной деятельности населения. Комбинация выделенных экономических пространств и физико-географических регионов показывает необходимость дальнейшей оценки и изучения этих явлений вплоть до уровня дистриктов при помощи крупномасштабных карт. Карты такого рода своей наглядностью могут способствовать подготовке планов развития дистриктов в рамках будущих программ индийских пятилетних планов.

Следует провести дальнейшие исследования, чтобы выявить резервы не используемых или плохо используемых пахотно-пригодных земель в небольших географических зонах. В определенной очередности нужно отобрать типологические группы территорий, где существует бедственное или депрессивное состояние экономики, чтобы найти решение для переориентации их сельскохозяйственных систем с целью преодоления региональных диспропорций в сельском хозяйстве [5].

Эта статья — четвертая в серии работ автора, связывающих практическое обоснование регионального подхода к сельскохозяйственным проблемам с выработкой комплексного теоретического подхода [3; 4; 5; 6].

Исследование было бы полнее, если бы подобная работа была проведена и в отношении индустриальных территорий. Сопоставление аграрных и индустриальных территорий при многофакторном анализе могло бы дать подлинную картину экономического развития страны и способствовать преодолению региональных диспропорций [2]. Конечно, проблема экономического районирования в условиях развития будет существовать всегда, поскольку для удовлетворения разнообразных потребностей народного хозяйства необходимы и различные подходы [7]. Например, при дальнейших исследованиях было бы желательно привлечь демографические данные — о населении, воспроизводстве рабочей силы и миграции, доходах и производительности труда и т. д., поскольку они будут влиять на дальнейшее экономическое развитие. Техника исследований в этой области должна включать составление крупномасштабных карт и опираться на обширные данные переписи населения 1971 г., а также на другие статистические источники Республики Индии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gerasimov I. P. Basic Problems of the Transformation of Nature in Central Asia.—«Soviet Geography». New York, 1968, vol. IX(6).
2. Kuklinski A. R. Changes in Regional Structure of Industry in Peoples' Poland.—«Regional Planning». Ed. by R. P. Misra. Bangalore, 1969.
3. Roy B. K. Potentiality of Environs of Growth Centres in India.—«Balanced Regional Development». Ed. by T. B. Lahiri. Oxford — Delhi, 1970.
4. Roy B. K. Area Planning in Indian Context. Delhi, 1971 (Mimeo).
5. Roy B. K. An Approach to Regionalisation of Types of Farming in India.—«Economic and Socio-Cultural Dimensions of Regionalisation. Indo-USSR Collaborative Study». Delhi, 1972.
6. Roy B. K. A Method to Determine the Misuse of Land in Some Selected Villages of Ganga Plain: a Model in Agricultural Typology.—«International Geography». Toronto, 1972.
7. Rozin M. S. The Problems of Economic Regionalisation of Developing Countries.—«Soviet Geography». New York, 1969, vol. X(5).
8. Thomas Frank H. Economically Distressed Areas and the Role of Academic Geographer.—«The Professional Geographer». Washington, March 1962.

В. А. Пуляркин

ПОДСЕЧНО-ОГНЕВОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В ИНДИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Подсечно-огневое земледелие остается по занимаемой им площади, включая земли, находящиеся в стадии восстановления, самым распространенным типом сельского хозяйства в освободившихся странах. В особенности это относится к государствам Африки, в меньшей мере — Латинской Америки и Юго-Восточной Азии, тогда как в Южной Азии оседлое земледелие уже сильно потеснило подсечно-огневое. По оценке специалистов ФАО [8, 9], указанная площадь составляет в развивающихся странах примерно 36 млн. кв. км, при численности населения, зависящего от занятий подсечно-огневой агрикультурой, около 200 млн. Таким образом, средняя плотность населения в ареале распространения этой системы равняется 6 человек на 1 кв. км, что свидетельствует об экстенсивности рассматриваемой циклической формы земледелия.

Разумеется, цифры эти весьма приблизительны. То же относится и к имеющимся данным об Индии. В солидной сводной работе американского географа Дж. Спенсера, непосредственно посвященной подсечно-огневому земледелию в странах Юго-Восточной и Южной Азии, площадь ежегодно расчищаемых подсек для Индии принята в 4,8 млн. га, а вся территория, охваченная действием этой системы сельского хозяйства, исчислена в 22 млн. га [27, 174].

Намного скромнее выглядят полуофициальные данные по подсечно-огневому земледелию: только 540 тыс. га ежегодно осваиваемых земель. Последние обеспечивают средствами к существованию примерно 2,6 млн. человек и распределяются преимущественно между следующими штатами (в тыс. га) [31, 179—180]:

Ассам	204	Махараштра	29
Орисса	160	Манипур	22
Трипура	46	Керала	22
Андхра-Прадеш . .	38	Мадхья-Прадеш . .	18

По нашему мнению, цифры второго источника ближе к истине, хотя, по-видимому, они занижены, а для некоторых ад-

министративных единиц — весьма значительно. При этом следует помнить, что само понятие «подсечно-огневое земледелие» не вполне четкое, тем более что в Индии оно охватывает почти весь обширный спектр типов хозяйств — от примитивной экономики кочевых племен, занятых охотой и собирательством (таковы, например, центральноиндийские племена бирхор, ко-руа), до оседлого пашенного земледелия.

Но если абсолютные показатели, характеризующие подсечно-огневую систему, дискуссионны, то их движение в сторону уменьшения бесспорно. Многочисленные факты подтверждают, что огневая система в Индии в прошлом была явно шире распространена. Европейцы, посещавшие страну вскоре после установления английского колониального господства, засвидетельствовали обычность подобной практики на низменностях, где ее к настоящему времени почти не существует.

Сказался комплекс причин: стабилизация военно-политического положения, которая особенно нужна оседлому крестьянину, рост плотности населения, развитие рыночной экономики, но в основе процесса вытеснения подсечно-огневого земледелия с равнин лежат, как нам представляется, лучшие экономические показатели пашенной агрикультуры. Площадь подсеки, которую может расчистить семья за сезон, принимается для Южной и Юго-Восточной Азии равной только 1—1,2 га, тогда как тягловой упряжкой с плугом можно обработать надел в 4 га¹ [15, 27]. Поэтому в тех областях, где есть земли с высоким и, главное, быстро восстанавливаемым естественным плодородием — на аллювиальных равнинах, с вулканическими почвами и др., — пашенная система сельского хозяйства обнаруживает свое убедительное превосходство.

Но во многих районах Центральной и особенно Северо-Восточной Индии подсечно-огневое земледелие еще сохраняет большое значение. При этом достаточно отчетливо прослеживается совпадение основных ареалов огневой агротехники с ареалами расселения отсталых племен и мелких народностей, что дало основание ссылаться в объяснение живучести подсечно-огневой системы на социально-экономическую отсталость применяющих ее этнических групп.

Однако в подобном объяснении, как постепенно выяснилось, связь явлений, т. е. что считать причиной, а что следствием, далеко не очевидна. Во всяком случае в Индии с ее древней земледельческой цивилизацией многие народности, традиционно ведущие подсечно-огневое хозяйство, уже давно знакомы с достоинствами (и недостатками) плужной агрикультуры. И когда было высказано мнение, что для включения племен в оседлое земледелие полезно создавать демонстрационные фер-

¹ Пожалуй, оба показателя несколько занижены, но в данном случае нас интересует прежде всего соотношение величин.

мы, позволяющие наглядно убедиться в его преимуществе и конкретно ознакомиться с приемами работы на пашне, то оказалось, что такие фермы дают малый эффект, ибо местные племена находятся в контакте с крестьянским населением и достаточно хорошо знакомы с пашенным производством [29, 40—41].

Поэтому все большее внимание обращается на изучение экологического своеобразия огневой системы, причем учитывается тот факт, что применяющие ее народности и племена в ходе истории были оттеснены в удаленные, менее благоприятные (во всяком случае с современной точки зрения) для жизни районы. Экологические особенности подсечно-огневого земледелия освещены нами в специальной статье [2, 39—42], здесь же мы вкратце остановимся на некоторых его достоинствах и недостатках.

Прежде всего выяснилось, что огневая агрокультура сохраняется (при конкуренции с пашенным земледелием) преимущественно на территориях, почвы которых после сведения естественной растительности быстро теряют плодородие в процессе обработки. Искусственное же поддержание продуктивности почв в тропиках затруднено в первую очередь из-за активно протекающих процессов ферраллитизации. Вносить удобрения требуется в огромных количествах, а действие их сказывается лишь в течение нескольких месяцев, тогда как в зоне умеренного климата — 2—3 года. Поэтому экономически более оправданно предоставить восстановление почвенного плодородия силам самой природы, которая успешно с этой задачей справляется, хотя для этого требуется довольно продолжительное время — не менее десяти лет.

Сжигание леса переводит питательные элементы, содержащиеся в растительном компоненте биогеоценозов, обратно в почву, иначе говоря, делает их доступными для культурных растений (конечно, при этом неизбежны и потери, в основном азота, который улетучивается, и серы). Поэтому от хорошей рубки и тщательного пожара во многом зависит судьба урожая. Огонь вместе с тем не только служит средством повышения плодородия почвы, но и улучшает ее структуру и уничтожает на делянке сорняки, а также распространителей болезней и вредителей культурных растений, борьба с которыми иным путем в тропическом климате очень трудна.

При огневой системе на подсеках сохраняется естественное многообразие флористического состава. Только рис в силу своей высокой продовольственной ценности оказался одной из немногих культур, возделываемых индивидуально на делянках. Как правило же, господствуют смешанные посевы², включаю-

² Обследование одной из ассамских деревень, например, показало, что около 80% площадей на подсеках были заняты одновременно не менее чем тремя культурами [22, 277].

щие одновременно до нескольких десятков культур. Эта система, казавшаяся европейцам хаосом на полях, фактически является «скрытым порядком» и направлена на максимально полное и притом быстрее использование питательных элементов (которые в противном случае будут вынесены за пределы подсеки), света и влаги. По существу, как и в естественном биоценозе, каждый вид имеет свою экологическую пищу и нередко выполняет определенную функцию по отношению к другим культурным растениям. В частности, быстро развивающиеся растения мешают подняться сорнякам, которые могли бы заглушить поздние всходы. Последние с течением времени выдвигаются на первый план, по мере того как собирают урожай скороспелых культур.

Огневое земледелие — только один из элементов сложного производственно-общественного комплекса, находящегося в теснейшей связи с окружающей его природной средой. Оно может быть в этом комплексе важнейшей, но может быть и вспомогательной отраслью.

Показательно высказывание индийского экономиста Д. С. Нага об одной из народностей Центральной Индии: «Байга — не крестьяне, а жители лесов. Оба занятия — огневое земледелие и сбор лесных продуктов — хорошо согласуются одно с другим. Пашенная же агрикультура не оставляет времени для походов в лес» [18, 94]. Отмеченная зависимость — не случайная и не поверхностная, она объясняется тем, что само огневое земледелие обычно не в состоянии полностью занять и прокормить тех, кто в нем участвует. В этом проявляется внутреннее противоречие подсечно-огневого земледелия: опираясь на использование лишь примитивных орудий труда, оно в наиболее напряженные фазы земледельческого цикла страдает от нехватки рабочей силы, что неизбежно ограничивает общую площадь подсек, даже при достаточных земельных ресурсах; при росте же численности населения, и следовательно числа рабочих рук, начинает увеличиваться «давление» на землю в пределах данной территории, что влечет за собой снижение урожайности.

Таким образом, скромные размеры подсек, обусловленные отсталым техническим базисом, часто ведут к тому, что собираемой продукции на весь год не хватает. У редди, обитающих в горах Центральной Индии, наблюдалось, что редкое из хозяйств запасало зерна с подсек более чем на 3—4 месяца, хотя надо признать, что в некоторых смежных районах занятие подсечным земледелием в благоприятные годы давало даже излишки продовольствия, шедшие на продажу.

Все же, как правило, охота, рыболовство, бортничество, сбор других даров леса — насущная необходимость для народностей и племен, занимающихся подсечно-огневым земледелием, а не только средство к обогащению их диеты. Леса поэтому счи-

таются сами по себе ценнейшими хозяйственными угодьями. Наблюдается четкое разделение лесной территории между этническими группами и внутри них — между общинами.

Имеется еще один фактор, способствующий безболезненному включению огневой системы земледелия в более широкий хозяйственный комплекс, а именно — ограниченная по времени занятость мужчин на подсеках. В отличие от крестьянина, который выполняет почти все работы на пашне, при огневой агрикультуре мужчина участвует в основном в начальных операциях — рубке сучьев, валке деревьев, пожоге, подготовке лунок под семена, а в последующих операциях, которые требуют меньших физических усилий, заняты преимущественно женщины. Иными словами, совокупность специфических особенностей подсечно-огневого земледелия делает рациональным такое разделение труда (профессиональное разделение труда отсутствует), при котором для мужской части населения в течение части года более оправданы поиски дополнительных источников пропитания. Поэтому структура доходов в экономике, поддерживающейся огневой системы, иная, чем в крестьянской, за счет явно меньшей доли продукции с полей.

Показательны данные по одной из деревень в штате Андхра-Прадеш, в которой соседствуют хозяйства, практикующие подсечно-огневое земледелие, с одной стороны, и крестьянские дворы с оседлой, неполивного типа агрикультурой, — с другой. В первых доходы составляют в среднем 575 рупий в год, из них только 130 приходится на стоимость земледельческой продукции, для вторых соответствующие цифры равняются 920 и 480 рупиям [31, 184]. Следовательно, можно говорить о двух различных формах деревенской экономики, каждая из которых базируется на собственной сельскохозяйственной основе.

Столь существенная экологическая черта подсечно-огневого земледелия, как восстановление плодородия почвы естественным путем, закономерно обусловила независимость его от скотоводства. Таким образом, сложилась ситуация принципиально иная, чем в традиционной крестьянской экономике: ни по одной линии не прослеживается связь двух важнейших подразделений сельскохозяйственного производства. На разбросанных по лесам небольших по площади подсеках, где сев ведется практически в еще теплую рыхлую золу, применение тяглового скота неоправданно; тем более что на участках обычно остаются несгоревшие остатки бревен и высокие невыкорчеванные пни, которые усложнили бы работу с упряжкой. Лишь в исключительных случаях используются на подсеках плуги, например у горных редди в Тамилнаде. Сбор навоза и его доставка на поля при свободном выпасе животных тоже экономически нецелесообразны. Зато скоту бесполезно надеяться на получение кормов с полей.

В этих условиях крупный рогатый скот выступает прежде всего как мерило богатства и престижа, ибо при наличии общинной собственности на землю аккумуляция последней и вкладывание в нее денежных средств невозможны.

В экологическом отношении огневое земледелие обладает не только положительными чертами. Оно подвергается справедливой критике, основанной на том, что длительно накапливаемые естественные ресурсы, хотя и возобновимые, расходуются в непопустительно короткий срок. Действительно, вырубка и сжигание лесов привели к тому, что уже почти не осталось первичной лесной растительности. Она могла уцелеть лишь при наличии священных рощ, на использование которых наложено табу, как, например, в Ассаме. Во многих обширных районах тропической зоны в результате деятельности человека леса сменены другими растительными формациями.

Между тем ценность лесов как природного богатства с течением времени, пожалуй, возрастает по мере быстрого увеличения потребностей общества в бумаге, древесине, целлюлозе, что, в свою очередь, происходит на фоне сокращения лесопокрытых площадей. При этом произошло принципиальное изменение производственного подхода к влажнотропическим лесам. Несколько десятилетий назад, кроме немногих видов пород, дававших ценное поделочное сырье для кабинетной мебели, и сбора «даров» леса (орехов, канифоли, меда и т. д.), остальная часть лесоресурсов оставалась вне хозяйственного использования. Велись лишь выборочные ручные рубки, и к лесной промышленности тропических стран проявлялся сравнительно слабый интерес. К настоящему времени техника лесозаготовок кардинально усовершенствовалась; то же относится и к методам переработки древесины, на которых сказались огромные достижения химических производств.

Более серьезным стало отношение к почвозащитной роли лесного покрова. В Индии, например, печать настойчиво декларирует, что около 30% территории желательно отводить под леса. Поэтому примирить интересы подсечно-огневого и лесного хозяйств представляется нелегким делом, хотя первое, несомненно, зависит от второго. Правда, нельзя считать, что народности, практикующие огневую систему, безразличны к интересам восстановления и сохранения лесного ландшафта. На расчищенных участках обычно оставляют отдельные деревья для скорейшего обсеменения делянки. Применяются также меры, направленные против распространения огня при пожарах на соседние леса, хотя не всегда они приносят успех. Часто пожары охватывают обширные площади и продолжают-ся до самого наступления сезона дождей.

Можно полагать, что противоречие между подвижным земледелием и лесным хозяйством снимается (и то лишь отчасти) при следующих условиях: 1) сохранении длительного, свыше

20 лет, ротационного цикла с одногодичным использованием подсеки и 2) наличии в течение года только краткосрочного засушливого периода (когда производятся пожоги), ибо с увеличением его продолжительности способность лесной растительности к самовосстановлению снижается.

Трудно однозначно ответить и на вопрос о влиянии огневой агрикультуры на эрозионные процессы. Конечно, она способствует усилению эрозии, но это в равной мере относится и к другим системам земледелия, и к пастбищному животноводству, и к лесоразработкам, т. е. ко многим видам производственной деятельности человека. Высказывания типа «общее мнение, что подсечное земледелие ответственно за широкое распространение почвенной эрозии, должно быть энергично отвергнуто» [5, 4] отражают происходящую смену взглядов. В подтверждение предложенного тезиса индийский ученый М. Чатурведи отмечает, что в горах Гаро (Ассам), где огневая система ведется давно, после сильных ливней бегут чистые, незамутненные потоки; но одновременно признается, что в горах Нага и Лушай, которые сложены более легко размываемыми породами, ситуация иная. Чиновники колониального Лесного департамента в Индии свидетельствовали в свое время, что лесной покров в Центральных провинциях не был ухудшен огнем в такой степени, чтобы вызвать серьезную почвенную эрозию [18, 91].

Однако далеко не везде положение благополучно. Особенно это относится к тем районам, где густые леса уступили место антропогенной горной саванне и кустарниковым зарослям. Исчезновение леса в условиях длительного засушливого периода и ливневого характера осадков приводит к сильной плоскостной и линейной эрозии, которая нередко усугубляется несоблюдением элементарных правил противозрозийной агротехники при обработке склонов.

Основной вывод, который вытекает из рассмотрения экологических черт огневой агрикультуры, — неустойчивость системы, которая успешно функционирует лишь при продолжительном отдыхе земли после кратковременной ее обработки. Нарушение этого условия может привести к необратимым изменениям природной среды.

В этом состоит одна из главных причин, по которой подсечно-огневое хозяйство стремятся заменить пашенным земледелием. Конечно, возникает вопрос: необходим ли переход к новой системе земледелия? Представляется, что ответ должен быть положительным.

Прежде всего в районах, где широко распространено подсечно-огневое хозяйство, ныне наблюдается быстрое увеличение численности населения в результате как миграций, так и естественного прироста.

В прошлом численность племен, отрезанных в джунглях от

благ цивилизации, была почти стабильной. В колониальный период, по оценке как индийских [17, 109—111], так и советских ученых [3, 83—84] (переписи четкой картины не дают), рост населения у адиваси был замедленным по сравнению с общендийскими показателями. Чрезвычайно высокая смертность и меньшая продолжительность жизни, в частности из-за губительных инфекционных заболеваний, сводили на нет высокую рождаемость. Усилия национальных властей, направленные на улучшение медицинского обслуживания адиваси, повышение их грамотности и т. п., привели к определенным положительным сдвигам. И за 1951—1961 гг. прирост населения в группе адиваси составил 32,9% против 21,5% для всей Индии. Такие административные единицы Индии, как Манипур, Трипура, Нагаленд, где подсечно-огневое хозяйство развито особенно сильно, в 1951—1961 гг. показали увеличение числа жителей в пределах 35—80%. Ясно, что подобные демографические тенденции на фоне сокращения площади «свободных» земель делают актуальным внедрение более интенсивной агрикультуры.

Исследования в горах Ассама показали, что ориентировочно на семью в 5 душ требуется около 1 га в год, что при десятилетнем ротационном цикле означает необходимость иметь 10 га земельной площади на семью. Отсюда критическая плотность населения равняется 10 человек на 1 кв. км при 20% земельной площади, пригодной к обработке, и 25 человек на 1 кв. км — при 50% [23, 220]; последняя цифра, как было замечено в том же источнике, представляется для горных местностей Ассама излишне высокой³, из чего делался вывод, что в указанном районе фактическая плотность населения — более 20 человек/км² — достигла уже предельного при огневой системе уровня⁴.

Во-вторых, замена огневой системы диктуется необходимостью подъема производительности труда. Подсечно-огневое хозяйство рационально вести только на низком потребителском уровне, когда процесс воспроизводства повторяется из года в год почти в одних и тех же масштабах. Успех урожая определяют практически (кроме природных факторов) лишь затраты людского труда, ибо инвестирования капитала в производство не происходит. На разбросанных подсеках не оправдано экономически ни применение минеральных удобрений, ни

³ Однако для соседних горных районов Читтагонга в Бангладеш, ареала расселения народности мру, приводится показатель пригодности земли к обработке в 70% территории [16, 41].

⁴ Австрийский этнограф Фюрер-Хаймендорф, посетивший вторично в 1970 г. те же деревни в Нагаленде, в которых он бывал в 1936—1937 гг., отмечает, что по-прежнему основным занятием жителей остается подсечно-огневое земледелие по склонам. Однако вследствие роста населения продолжительность ротационного цикла сократилась с 15 до 8 лет, и уже возникла угроза нарушения естественного равновесия ландшафтов [12 169—177].

осуществление даже простейших ирригационных работ, ни использование новых, технически сложных орудий труда.

В-третьих, распыленное расселение в условиях подсечно-огневого хозяйства препятствует полноценному социально-экономическому обслуживанию жителей деревень. Особенно это относится к «кочующим» поселениям, которые сохраняются на северо-востоке субконтинента, но справедливо также и для постоянных деревень. Теоретически подобные деревни могут достигать больших размеров: по расчетам, для Бразилии — до 2 тыс. человек [4, 229—232], а для африканских условий даже более 3 тыс. человек [1, 113—126]. Однако обычно, после того как деревня начинает разрастаться, а земли вокруг нее истощаются, происходит отпочкование дочерних поселений. Это позволяет снизить временные затраты на посещение подсек. Поэтому в зоне подсечно-огневого хозяйства чаще создается сеть населенных пунктов из относительно многочисленных, но мелких деревень. Особенно это относится к горным районам. Так, в ареале расселения микиров в Ассаме поселения насчитывают в среднем 20—30 дворов [25, 11—12], что намного ниже аналогичного показателя для типичной крестьянской деревни в Индии. По последним наблюдениям в Восточном Перу, смену местоположения деревень вызывает в первую очередь не нехватка земли под подсеки, а истощение охотничьих угодий в округе [7]. Отсюда становится понятным, почему поселения не достигают тех размеров, которые определены расчетным путем. Для надежного вывода требуются, однако, наблюдения и в других районах подсечно-огневого земледелия.

Очевидно, что пути трансформации огневого хозяйства определить нелегко. С ним связана целая система социально-общественных отношений, быстрая ликвидация которых может повлечь за собой ухудшение положения и в доходах, и на социальной лестнице, и в структуре питания основной части племенного населения, которое окажется вырванным из привычного жизненного уклада. Отсутствие в Индии резервов для значительного расширения пахотного фонда еще более затрудняет решение задачи. Приобщение народностей и племен, практикующих огневое земледелие, к оседлому хлебопашеству должно, следовательно, происходить в основном на месте, в весьма сложной природной обстановке.

Мероприятия по переводу племенного населения на новые формы хозяйствования усиленно проводились еще в колониальный период. Плохо подготовленные и осуществлявшиеся в интересах колониальных властей, они лишь содействовали разрушению традиционной экономики, без создания удовлетворительной альтернативы. История субконтинента знает многочисленные трагедии, разыгравшиеся во время английского господства.

Особенно пострадали гонды, байга, коламы и другие абори-

гены, населяющие Центральную Индию. Вопреки реальному положению вещей колониальная администрация законодательным актом 1868 г. объявила, что, «согласно обычаям страны, кочующие племена не имеют прав собственности или преимущественных прав землепользования в тех областях, где они обитают» [см.: 9, 552]. Таким образом, все временно пустовавшие и экстенсивно используемые территории объявлялись «свободными», что открывало доступ в зону племен пришлого населения с равнин. Эти миграции, поощрявшиеся колониальными властями, заинтересованными в увеличении налоговых поступлений, привели к тому, что скоро «коренные жители превратились в арендаторов или, что еще хуже, в бездомных и безземельных обитателей джунглей» [там же, 553]. Крупные феодалы с помощью государственного аппарата сумели захватить большие земельные массивы. Обследование нескольких гондских деревень показало [21, 111—112], что 10 пришлых помещичьих семей владели более чем 4 тыс. га земель, из которых максимум треть обрабатывалась (арендаторами-гондами), — и это в условиях острого земельного голода в стране. Что же касается аборигенов, то у них на деревню примерно в 200 жителей осталось около 30 га. Не удивительно, что поныне наблюдается переход гондов от занятий земледелием к выжигу древесного угля, заготовке дров, плетению корзин и разного рода другим лесным промыслам. Заметим, что колониальное правительство вело борьбу с беваром (местное название огневой системы в Центральной Индии) и непосредственно — за против пожара в лесах. При этом применялись жестокие методы, вплоть до уничтожения посевов на подсеках.

Но даже если колониальными властями проводились определенные подготовительные мероприятия по расселению племен, то в большинстве случаев они тоже оканчивались неудачей, в частности из-за невнимания к специфике конкретных ландшафтов. Так, предпринятые английской колониальной администрацией попытки внедрить пашенное земледелие на высоких плато Андхры (ареал расселения ченчу) «провалились почти полностью» [10, 75]. Даже при наличии подходящих пахотных массивов, на которых можно «расселить» племена, успех еще далеко не гарантирован: распределение земли в частную собственность при наличии традиций общинного владения ею таит опасность быстрого обезземеления формирующихся новых групп крестьянства, которые не имеют еще прочных навыков в плужной агрикультуре.

После завоевания независимости странами Южной Азии экономическая политика в отношении мелких народностей и племен направлена на перестройку их хозяйства на современный лад. Однако признается вся сложность проблемы, которая находит отражение и в разнообразии законодательной практики, касающейся огневой системы. Она разрешена почти без

ограничений в Манипуре, Трипуре, Нагаленде (в Манипуре, например, джхум запрещен с 1953 г. только в полосе шириной 0,5 мили по обеим сторонам рек и главных дорог и у водных источников, используемых для бытовых и ирригационных целей), в меньшей степени — в Ассаме (где нельзя заниматься джхумом в водоохраных и других лесах, находящихся под защитой), тогда как, например, в Мадхья-Прадеше огневая система земледелия по-прежнему запрещена (с 1868 г.), за исключением двух районов, а в Керале дозволена лишь в некоторых ареалах при условии, чтобы любой участок обрабатывался не чаще чем раз в 7 лет [31, 185].

Переход к оседлому земледелию при всей его желательности все более признается длительным и трудным процессом. Складывающиеся при этом конкретные ситуации весьма многообразны, и они в значительной мере определяют отношение адиваси к замене огневой системы пашенной.

Некоторые племена довольно давно убедились в достоинстве плужной агрикультуры и самостоятельно начали заниматься ею. Подобная тенденция была отмечена, например, у куки в Манипуре, которые наряду с джхумом стали заниматься возделыванием риса в широкой долине р. Импхал [6, 422—443]. Любопытно, что из девяти местных деревень две «спустились» в низину, а остальные по-прежнему тяготеют к горным склонам. Таким образом, и в расселении, несмотря на его относительный консерватизм, обнаруживается определенный компромисс между старой и новой формами земледелия.

Обследование одной из деревень гаро в Ассаме [22] тоже показало тягу жителей к оседлой агрикультуре, но в ином, «вынужденном» варианте — ввиду сокращения доходов от занятий подсечно-огневым земледелием. При недостатке земли население явно предпочло бы, как явствует из материалов обследования, придерживаться прежних методов, но к концу 60-х годов бамбуковые леса, идеальные под подсеки, дегенерировали в окрестностях селения в высокотравные заросли.

И наконец, о деревне горных микиров в Ассаме было сказано [25, 9], что весь образ сельской жизни, как и прежде, полностью определяется огневой системой и никаких изменений в практике применения последней не происходит. При этом «жители деревни считают немыслимым переход к оседлому земледелию по собственной инициативе». Но в данном районе еще сохраняется сравнительно низкая плотность населения — в среднем 19 человек на 1 кв. км, и потому участок возделывается лишь один год, тогда как в других горных частях Ассамы обычным стало непрерывное использование подсеки в течение 2—3 лет.

При подобных различиях, наблюдаемых в отношении подсечно-огневого хозяйства, и возможности внедрения новых систем земледелия требуется тщательный учет местных условий.

Но одна проблема при всех программах переустройства остается главной — земельная, независимо от того, происходит ли расселение подвижных групп адиваси на новых территориях или же пашенная агрикультура вводится в прежнем ареале обитания.

Первый путь означает, как правило, создание сети специальных поселений («колоний») — нередко в сочетании с элементами инфраструктуры в масштабе всего ареала освоения, в которых семья получает пахотный надел и обычно тягловый скот, сельскохозяйственные орудия, а также ссуду на обзаведение. Например, Управление по развитию района плато Дандакаранья по соглашению с правительствами штатов Мадхья-Прадеш и Орисса передает 25% мелиорированных им земель для расселения адиваси. К 1969 г. таким путем в распоряжение 2,5 тыс. семей аборигенов, размещенных в 61 деревне, были предоставлены 7 тыс. га земель, подготовленных для плуга [30, 31—32]. Большое число колоний (около 50) было основано на осушенных землях в Трипуре, где к середине 60-х годов расселено 5,7 тыс. семей на площади 9 тыс. га. Выборочные обследования показали, что до 50% переселенцев переключились на пашенное земледелие, около 40% сочетают его с огневой агрикультурой и 10% заняты преимущественно джхумом или на полевых работах по найму. Многие переселенцы сохраняют свое жилье в зоне подсечного хозяйства, и дуализм в земледельческом производстве дополняется у них бифуркацией местопребывания. Постепенно, однако, пашенное земледелие все более выходит на первый план. По данным для одной из подобных колоний, в 1961 г. оно обеспечило поступление 42,9% дохода, в 1967 г. — 57,6%, тогда как для подсечно-огневого земледелия соответствующие цифры равнялись 34,8 и 4,1% [14, 76; 24, 220; см. также 13].

В целом опыт по организации колоний оказался более или менее успешным, хотя и выявились некоторые недочеты. Среди них — строительство домов, не отвечающих традиционным запросам племенного населения, расселение вместе представителей разных племен, несходных по обычаям и культурным навыкам, и в особенности выделение под обработку земель недостаточно высокого качества. Последнее, бесспорно, отражает общие трудности с фондом пахотнопригодных земель в странах Южной Азии.

Поэтому основным направлением, видимо, останется трансформация подсечно-огневого хозяйства, так сказать, на месте. Уже отмечалось, что эта задача трудна прежде всего в разрезе правильного экологического использования имеющихся естественных ресурсов. Непродуманная замена огневого земледелия пашенным без проведения соответствующих природоохранных мероприятий имеет пагубные последствия, например, в районах северного побережья Явы и на востоке Суматры [20, 269—

279]. Тем более опасность велика во влажных горных областях Индии, где преимущественно и сохраняется подсечно-огневая система.

Среди путей, приемов, методов, которые призваны содействовать ее вытеснению или коренному улучшению, одно из первых мест занимает террасирование склонов. По официальной индийской оценке, оно позволяет увеличить «емкость» территории более чем в 3 раза — примерно с 12 до 40 человек на 1 кв. км [26, 169]. Но работы по созданию террас очень трудоемки, обходятся дорого, а урожаи в первые годы невысоки. Кроме того, при обильных осадках (1500 мм и более в год) даже террасирование склонов не спасает от развития эрозии. И наконец, планировка рельефа не входит в культурные традиции народностей, применяющих подсечно-огневую систему [19; 28].

Другой путь, известный под названием система «таунгья», состоит в сочетании земледелия с культурным лесоводством и направлен на быстрое восстановление лесной флоры. При системе таунгья на подсеки высаживаются ряды коммерчески ценных древесных пород, а в междурядьях возделываются сельскохозяйственные растения. Когда насаждения подрастут, земледелец получает право перейти на соседний участок. Подобная лесопольная система приобретает популярность в Манипуре и некоторых горных районах Ассама. Однако она предполагает длительный ротационный цикл.

Третий путь состоит в создании плантаций многолетних культур — кофе, каучука, черного перца, ореха кэшью. Эта идея выглядит привлекательной, тем более что подсечно-огневое земледелие не чуждается многолетних растений. Понятно, однако, что при мигрирующей форме хозяйствования насаждения, рассчитанные на длительный срок эксплуатации, не могут стать массовыми. Недавние официальные попытки имели скромный успех, в частности потому, что урожая приходится ждать 3—5 лет, а главное — появление культур плантационного типа не «отменяет» необходимости в возделывании потребительских культур, разве лишь при полном переходе к товарной экономике. Но, разумеется, рассчитывать на это на современном этапе было бы и преждевременным, и неправильным.

Но сказанное не означает, что система подсечно-огневого земледелия активно противодействует внедрению любых товарных культур. В последние годы отмечается его явная товаризация. Объективно это ведет к разложению данного историко-географического типа хозяйства: на место кооперации приходит работа по найму, с появлением категории прибыли осознается ценность земли и усиливаются частновладельческие тенденции, увеличивается разрыв в доходах и социальное расслоение. Пока этот процесс еще не зашел далеко, но он наблюдается во многих, даже отдаленных районах. В Ассаме на продажу

возделывается хлопчатник, в Манипуре и Трипуре — красный перец и овощи, в Ориссе — имбирь, причем ощущается стремление расширять в первую очередь посевы более доходных культур.

Таким образом, эволюция подсечно-огневого земледелия может происходить и происходит различными путями. В целом тенденция направлена на дальнейшее сокращение сферы его территориального распространения, прежде всего за счет менее важных районов, и постепенную трансформацию в оседлое крестьянское хозяйство. Для успеха этого процесса желательно, чтобы государство не оставалось в стороне и активно и целенаправленно воздействовало на этот процесс, оказывая посильную помощь тем группам населения, которые еще придерживаются огневой агрикультуры, и облегчая им трудности переходного периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блохин Л. Ф. Берег Слоновой Кости. Экономико-географическая характеристика. М. 1967.
2. Пуляркин В. А. Подсечно-огневое земледелие.— «Известия АН СССР. Серия географическая». 1972, № 5.
3. Супрунович Б. П. Проблема малых народностей и племен (адиваси) в Индии.— «Страны и народы Востока», вып. V. М., 1967.
4. Carneiro R. L. Slash-and-burn Agriculture: a Closer Look at Its Implications for Settlement Patterns.— *Men and Cultures*. Philadelphia, 1960.
5. Chaturvedi M. D., Uppal B. N. A Study of Shifting Cultivation in Assam. Delhi, 1960.
6. Das J. Ch. Some Notes on the Economic and Agricultural Life of a Little Known Tribe in the Eastern Frontier of India.— «*Anthropos*». Wien, 1937, Bd 32, H. 3—4.
7. Denevan W. M. Campa Subsistence in the Gran Pajonal, Eastern Peru.— «*Geographical Review*». New York, 1971, vol. 61, № 4.
8. FAO Staff. Shifting Cultivation.— «*Unasylva*». 1957, vol. II, № 1.
9. Fuchs S. The Gond and Bhumia of Eastern Mandla. Bombay, 1960.
10. Fürer-Haimendorf Ch. The Aboriginal Tribes of Hyderabad, vol. I. Chenchus, Jungle Folk of Deccan. London, 1943.
11. Fürer-Haimendorf Ch. and E. The Aboriginal Tribes of Hyderabad, vol. II. The Reddis of the Bison Hills: a Study in Acculturation. London, 1945.
12. Fürer-Haimendorf Ch. Nagaland Faces the Modern World.— «*Geographical Magazin*». London, 1971, vol. 44, № 3.
13. Ganguly J. B. Economic Problems of the Jhumias of Tripura. Calcutta, 1969.
14. Khaund H. P. Changes in Income Distribution Pattern and Their Significance in a Society in Transition.— «*Indian Journal of Agricultural Economics*». Bombay, 1970, vol. 25, № 3.
15. Leach E. R. Some Aspects of Dry Rice Cultivation in North Borneo and British Borneo.— «*Advancement of Science*». London, 1949, vol. 6, № 21.
16. Löffler L. G. Bodenbedarf und Ertragsfaktor in Brandrodungsbau.— «*Tribus*». Stuttgart, 1960, № 9.
17. Mameria C. B. Tribal Demography in India. Allahabad, 1957.
18. Nag D. S. Tribal Economy (An Economic Study of the Baiga). Delhi, 1958.

19. Patel M. I. Agro-Economic Survey of Tribal Mandla. Delhi, 1969.
20. Pelzer K. J. Man's Role in the Changing of the Landscape of South-East Asia.—«Journal of Asian Studies». Ann Arbor, 1968, vol. 27, № 2.
21. Rao Pagmi. Among the Gonds of Adilabad. Bombay, 1952.
22. Rural Life in Assam Hills (Case Studies of Four Villages). Jorhat, 1969.
23. Saha N. Carrying Capacity of Shifting Cultivation (A Study of Assam Hills).—«Indian Journal of Agricultural Economics». 1970, vol. 25, № 3.
24. Saha N., Buragohain D. K. Colonisation Scheme of Shifting Cultivation in Tripura (An Assessment).—«Indian Journal of Agricultural Economics». 1970, vol. 25, № 3.
25. Saikia P. D. Changes in Mikir Society. Jorhat, 1968.
26. Singh I. P. Development of Agriculture in Tribal Area.—«Indian Journal of Agricultural Economics». 1970, vol. 25, № 3.
27. Spencer J. E. Shifting Cultivation in Southeastern Asia. Berkeley, 1966.
28. Spencer J. E., Hale G. A. The Origin, Nature and Distribution of Agricultural Terracing.—«Pacific Viewpoint». Wellington, 1961, vol. 2, № 1.
29. Techno-Economic Survey of Orissa. Delhi, 1962.
30. Tribal Welfare in Dandakaranya.—«AICC Economic Review». Delhi, 1969, vol. 20, № 21.
31. Usha Dar. Shifting Cultivation in the Hill Tracts of India.—«Indian Journal of Agricultural Economics». 1970, vol. 25, № 3.

Б. П. Супрунович

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ ДЕРЕВЕНЬ В ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ ИНДИИ 1961 г.

Изучение индийской деревни имеет давние традиции. Оно началось в конце XIX в., когда большой интерес вызвала индийская сельская община, и продолжается до сегодняшнего дня с нарастающим успехом. Первоначально этим изучением занимались английские ученые, а импульсом служили, помимо всего прочего, непосредственные нужды колониального управления. Затем в эту работу включились индийцы и ученые других стран.

Исследования деревни и всех аспектов сельской жизни стали значительно интенсивнее после завоевания Индией независимости. После 1947 г. вышли десятки монографий и сборников, сотни статей, посвященных либо монографическому описанию отдельных деревень («социально-экономические обзоры»), в том числе и повторному обследованию ранее описанных деревень через ряд десятилетий, либо описанию отдельных сторон экономической, социальной и политической жизни деревни. Большой вклад в изучение индийской деревни в экономическом, социальном и этнографическом планах внесен советскими учеными. Назовем для примера книгу М. К. Кудрявцева «Община и каста в Хиндустане» [1]. Она содержит и подробную (но не исчерпывающую) библиографию, включающую свыше 200 названий на русском и английском языках. Имеются и специальные работы по географии сельского хозяйства [3; 4] и сельского населения Индии [5; 6].

Несмотря на урбанизацию и создание крупной промышленности, Индия остается сельской страной, государством с 600 тыс. деревень. По переписи 1971 г., в сельской местности живет 80% населения, удельный вес его между переписями 1961 и 1971 гг. сократился незначительно, а абсолютная его численность возросла с 358,6 млн. в 1961 г. до 445 млн. в 1971 г. Живучесть традиционной социальной структуры Индии, нередко приходящей в противоречие с современными тенденциями развития, уходит своими корнями в застойную и отсталую деревню. Необходимость преобразования деревни вызва-

ла к жизни «программу общинного развития». Аграрные реформы уже длительное время являются одним из главных стержней социальной и политической жизни Индии. «Зеленая революция», охватившая ряд сельских районов, в совокупности с ирригационным строительством и другими процессами интенсификации сельского хозяйства дала надежду на самообеспечение страны продовольствием. Слова крупного индийского социолога и этнографа Д. Н. Маджумдара [11, 1]: «Пульс Индии можно прощупать в деревне», — остаются, по-видимому, справедливыми и в настоящее время. Все это вызывает растущую необходимость исследования индийской деревни, и индийские ученые при поддержке государства активно работают в этой области.

Огромную работу по одновременному изучению большого числа деревень взяло на себя Ведомство генерального регистратора Индии, главная задача которого — проведение всеобщих переписей населения, обработка и публикация их результатов. Известно, что Ведомство генерального регистратора стало одним из крупнейших научных центров Индии и осуществляет целый ряд исследовательских программ, которые только косвенно связаны с переписями. Эти научные традиции ведомства дали выдающиеся результаты при публикации материалов переписи 1961 г. Помимо многотомных статистических сборников публикации переписи 1961 г. включают серию атласов по всем штатам, специальный том с обзором аграрного законодательства и аграрных отношений, монографическую серию, отдельные выпуски которой посвящены актуальным проблемам демографии, экономики, экономической географии, большое число томов этнографических описаний отдельных каст, ремесел и промыслов, народных праздников и т. д.

Почетное место среди материалов переписи заняли и монографические описания деревень (*Village survey monographs*). Они были предприняты для изучения и лучшего понимания тех явлений индийской жизни, которые не поддаются полностью количественному учету. По словам тогдашнего генерального регистратора Индии Ашока Митры, всесторонние описания ключевых деревень, созданные в лучших традициях индийских переписей, «должны облечь плотью и кровью социальной структуры и социальных сдвигов сухие цифры сельской статистики», «нарисовать картину социальной структуры индийской деревни», чтобы увидеть глазами заинтересованного и компетентного наблюдателя, «что остается статичным, а что меняется» [10, 65].

Работа была организована следующим образом. В каждом штате выделялись ключевые деревни¹, которые отбирались так,

¹ Под термином «деревня» понимается низовая единица административного деления в сельской местности, заселенная территория с определенными границами (*revenue village*, *мауза грам*), а не сельский населенный пункт.

чтобы они отражали географическое, экономическое, социальное и этническое своеобразие и многообразие штата. Выделенные для изучения объекты включали три группы деревень: 1) деревни с одной преобладающей кастой и одной, большей частью несельскохозяйственной профессией жителей, например деревни рыбаков, лесных рабочих, гончаров, ткачей, солеваров, горнорабочих, земледельцев, практикующих подсечно-огневое земледелие (джхум), и т. д. Людность деревень этой группы должна быть не менее 400, при оптимальной людности 500—700 жителей; 2) деревни, населенные основными зарегистрированными племенами данного штата или территории, однонациональные, с людностью 400—700 жителей; 3) многокастовые или многонациональные деревни старого заселения, с преобладанием земледельческих занятий, причем отбирались большей частью объекты, расположенные на значительном расстоянии от административных и торговых центров.

Всего было выделено 573 административные деревни, в том числе в Андхра-Прадеше, Панджабе, Майсуре (ныне Карнатака) и Тамилнаде² — от 40 до 51, в Бихаре, Керале, Махараштре, Раджастане и Химачал-Прадеше — по 35—37, в Гуджарате, Джамму и Кашмире, Манипуре, Уттар-Прадеше и Западной Бенгалии — по 25—28, в остальных штатах и территориях — от 2 до 16 [8, прил. 1]. Таким образом, изучением охвачены не только все штаты и почти все территории (исключая только Дадру и Нагар-Авели и Гоа), но и большинство дистриктов.

Отбор ключевых деревень достаточно представительен. Ряд монографий описывает деревни со специфическими природными условиями: в Андхра-Прадеше — деревни в дельте Кавери и в озерной котловине Коллеру, в Бихаре — деревни на берегу р. Коси, в Махараштре — на берегу р. Тапти, в лесной местности, на бедных, богатых и средних по качеству почвах, в Гуджарате — на засоленных землях. В Химачал-Прадеше выделен ряд изолированных деревень на горных склонах и в горных долинах Кулу и Спити, в Панджабе — предгорная деревня, в Манипуре — деревня, расположенная на острове посреди озера Локтак, на территории Дели — деревня, затопляемая во время муссонных дождей, и т. д. Пристальное внимание уделяется условиям ведения сельского хозяйства, особенно ирригации, поэтому произведен отбор деревень по способу орошения. В Андхра-Прадеше по такому признаку выделены

Во многих районах Индии на территории административной деревни находится несколько населенных пунктов, а есть и такие, где деревня существует не как населенный пункт, а лишь как административная и социальная единица [см.: 5, 324—337].

² Например, в штате Тамилнад из 40 монографических описаний 10 характеризуют деревни первой группы, 12 — второй и 18 — третьей.

три деревни, из которых одна получает воду по новому ирригационному проекту, в Гуджарате — две и т. д.

Помимо множества деревень, населенных адиваси, исследование проведено и в других общинах со специфическим национальным, религиозным и кастовым составом. Таковы сикхская деревня в Панджабе, мусульманская и ахомская в Ассаме, поселения англо-индийцев и сирийских христиан в Керале, так называемых бывших преступных племен в Панджабе и Кашмире, единственная в Индии деревня, где говорят на языке шина, в Кашмире, раджастханская деревня мео — мусульман, сохранивших индуистские традиции, и т. д. Не оставлены без внимания и административные деревни с особыми условиями заселения и исторической спецификой. Исследования проведены в новых поселках переселенцев из Пакистана (Западная Бенгалия, Кашмир, Панджаб), в ряде деревень, изучение которых уже проводилось в прошлом, чтобы на составленном материале показать сдвиги в их экономике и социальной жизни, в майсурской деревне, которая была княжеским джагиром, и т. д.

Множество деревень выделено для обследования по функциональному признаку. Среди них несельскохозяйственные общины — центр религиозного паломничества в Андхра-Прадеше, деревни ремесленников (ткачей, кожевников) и горнорабочих (Панджаб, Андхра-Прадеш, Керала), рыбацкие селения, а также рыночные центры и пригородные деревни разных типов (Андхра-Прадеш, Дели, Гуджарат). Наряду с этим ряд монографий описывает деревни с особой сельскохозяйственной специализацией. Например, в Андхра-Прадеше выделены деревни, выращивающие джут и табак, специализирующиеся на овцеводстве и сборе пальмового сока тодди, в Майсуре — выращивающие раги, овощи, кокосовую пальму, картофель и т. д. Примерно треть монографий описывает типичные для Индии многокастовые сельскохозяйственные деревни с преобладающим значением производства зерновых культур.

Эту колоссальную работу, по-видимому не имеющую прецедентов в мировой практике, осуществлял отдел социальных исследований (Social studies section) во главе с д-ром Б. К. Рой Бёрманом, в ней участвовали, проявляя большой энтузиазм и любовь к делу, такие крупные ученые, как Л. П. Видьяртхи, Р. Н. Саксена, П. Ч. Бисвас, К. С. Матхур, а также молодые научные работники.

Организация и содержание обследования были едиными по всей стране, однако штаты с учетом их своеобразия могли дополнять вопросники и программы обследования. Специально подобранные научные сотрудники, имеющие соответствующее образование, вместе со своими помощниками, включая художников, не менее месяца проводили в обследуемой деревне, заполняя анкеты по отдельным домовладениям и деревне в це-

лом или ее части³. Эти сведения затем обрабатывались и сводились в таблицы, на основе которых составлялись предварительные отчеты. Материалы этих отчетов проверялись суперинтендантом переписи в данном штате и его заместителем, после чего монография получала окончательную отделку и публиковалась.

К настоящему времени уже изданы (и в значительном числе поступили в советские библиотеки⁴) сотни монографических описаний индийских деревень. Они имеют следующую нумерацию: номер тома соответствующего штата, часть VI, порядковый номер монографии. Три тома — описания деревни ао нага в Нагаленде, деревни дафла в Аруначал-Прадеше и острова Четлад (территория Лакшадвип) — вышли в монографической серии I тома (т. I, ч. VI, монографии № 1, 2, 3). Описания деревень имеются и в упомянутой выше общеиндийской монографической серии [12].

Все тома, содержащие монографическое описание деревень, при очень различных объемах имеют одинаковую структуру. Они открываются предисловием генерального регистратора Ашока Митры (одинаковым для всех выпусков), за которым следует введение, написанное суперинтендантом переписи соответствующего штата. Содержание выпуска излагается по следующим главам (возможны варианты):

Глава I. Деревня — ее географическое положение, физико-географическое описание, система расселения, административные и общественные учреждения, рынок, история заселения.

Глава II. Население и его материальная культура (этнический и общинный состав, типы жилых и иных строений, одежда, украшения, домашняя утварь, нравы и обычаи).

Глава III. Хозяйство (экономические ресурсы — земля и ее использование, скот; факторы, влияющие на хозяйственную жизнь; описания различных занятий; экономические сдвиги).

Глава IV. Социальная и культурная жизнь: демографические данные — рождаемость, смертность, брачность, возрастной и половой состав населения, миграция, структура семьи; грамотность и образование; система наследования имущества; религиозные учреждения, верования и праздники; деревенская организация, межкастовые отношения и неприкасаемость; ход реформ.

Глава V. Заключение, в котором иногда подводятся итоги происходящим в данной деревне социальным и экономическим

³ В Керале, где деревня, обычно с многотысячным населением, существует лишь как административная единица, для подробного изучения выделялась небольшая часть ее территории.

⁴ Например, в 1976 г. в фондах библиотек системы Института научной информации по общественным наукам АН СССР насчитывалось около 140 книг этой серии.

переменам, а еще реже высказываются рекомендации или предложения.

Каждый выпуск обязательно включает ряд таблиц, которые содержат весь материал, собранный при полевых исследованиях, а также большое число иллюстраций в виде фотографий и рисунков. Они изображают сцены деревенской жизни, портреты сельчан, типы строений, сельскохозяйственный инвентарь, женские украшения и т. п.

Кроме того, обязательно дается несколько карт и планов, на которых показаны сеть обследуемых деревень соответствующего штата, географическое положение данной деревни, система расселения на ее территории, схема землепользования и т. д. На планы наносятся все деревенские дома, улочки и кварталы с обозначением кастовой принадлежности жителей. Прилагаются и словари с объяснением местных терминов.

При составлении монографий широко использовались и литературные материалы, что особенно заметно в физико-географических и исторических описаниях, а также в описаниях каст и религий⁵. При этом, как правило, монографии написаны подчеркнуто бесстрастным языком и любое утверждение немедленно подкрепляется цифрами и фактами, а нередко текст только пересказывает содержание таблицы и оказывается как бы лишним. Как правило, в монографиях при огромном фактическом материале соответствующие обобщения не сделаны.

Для примера приведем краткие описания двух индийских деревень — панджабской и тамилнадской. Первая — типичная для страны многокастовая деревня, где земледелие служит основным, но не единственным занятием. Вторая — менее типичная, однообщинная и чисто земледельческая деревня.

Деревня Кунран (дистрикт Сангрур). Полевые исследования проведены Джанаком Раджем Вашистхой под руководством заместителя суперинтенданта переписи штата Панджаб Б. С. Одхва [9].

Кунран расположена в 8 милях от г. Сангрур, в 15 милях от центра соседнего тахсила — г. Барнала и в 2 милях от дороги с твердым покрытием. Земля деревни состоит из аллювия и песчаных холмов. Здесь выпадает в год всего 610 мм осадков. Источниками водоснабжения служат два ирригационных канала, пересекающие земли деревни, пруд в юго-западной ее части, используемый для водопоя, и полтора десятка колодцев. Селитебная территория (абади) находится на северо-востоке административной деревни и состоит из тесно застроенных кастовых кварталов, причем зарегистрированные касты (инду-сы рамдасья и сикхи мазхби) живут в особых поселках, от-

⁵ Например, в томе, содержащем монографические описания четырех деревень Кералы, десятки страниц отведены истории различных христианских общин штата.

деленных от основного абади. Деревня существует с XIV или XV в.

Население деревни — 1027 человек, 150 семей, из которых 21 семья прибыла недавно из Пакистана, Уттар-Прадеша или соседних дистриктов штата. В деревне представлены 15 религиозно-кастовых групп, говорящих почти исключительно на панджаби. Крупнейшая и господствующая группа — джаты-сикхи (76 семей). Высокие индуистские касты представлены 4 семьями брахманов, 6 семьями банья, торговцами кхатри и арора (по 1 семье). Большую группу составляют сикхи, происходящие от низших индуистских каст и по-прежнему имеющие низкий социальный статус. Это батраки и пастухи мазхби (12 семей), батраки, плотники и каменщики таркхан (7 семей), плетельщики корзин дживар (4 семьи). К числу низших индуистских каст относятся рамдасья (27 семей, вторая по численности община), тоже большей частью батраки, а также арендаторы и сапожники, и 2 семьи батраков базигар. Приравняются к низшим кастам безземельные батраки и ремесленники-мусульмане (6 семей).

Деревня застроена домами частично из обожженного, а большей частью из необожженного кирпича, есть и камышовые хижины. Только треть домов имеет более одной комнаты и всего 16 домов (из 164) — два этажа.

Площадь деревни — 1576 акров, почти вся земля (1450 акров, или 92%) обрабатывается. Земля принадлежит почти исключительно джатам, в числе землевладельцев также все брахманские семьи, одна семья дживаров и 15 семей рамдасья.

При установленном в то время в штате потолке землевладения 30 акров 12 семей имеет более 30 акров земли, 24 семьи — от 16 до 30 акров, 33 семьи — от 6 до 15 акров, 27 семей владеют менее чем 5 акрами, в том числе 11 — меньше 1 акра. 6 джатских семей живут доходами с земли, не обрабатывая ее.

Аграрная реформа закрепила права на землю за несколькими семьями арендаторов-рамдасья, что повысило их социальный статус, однако лишь 7 семей этой касты из 27 могут прокормиться доходами от своей земли. Поэтому широко практикуется аренда земли, причем договор на аренду заключается на 1—2 года и арендная плата достигает обычно половины урожая, хотя закон запрещает брать больше трети.

Из 294 работающих (2 человека на семью в среднем) — 203 земледельца и арендатора и 36 батраков. 7 человек заняты в торговле, 16 — в ремеслах, 8 — в животноводстве, 4 — служащие, 6 — слуги, а 14 исполняют случайную работу.

В деревне орошается 969 акров земли, в том числе 831 акр из каналов. За пять лет (1956/57—1961/62) площадь орошаемых земель выросла на 54 акра, в этом плане деревня типична для Панджаба. Урожай хариф собирают с 945 акров (хло-

пок, кукуруза, баджра, арахис, сахарный тростник и др.), урожай раби — с 1285 акров (пшеница, грам, ячмень, картофель, лук и т. д.). Таким образом, большая часть земли дает два урожая в год. Пшеница и кукуруза составляют основу питания жителей. В то же время 26% урожая продовольственных и 88% технических культур продаются на рынке (частично местным банья).

Среди взрослых жителей деревни всего 61 грамотный. В единственной начальной школе учатся 44 ребенка. В деревне действуют панчайт, кооперативное сельскохозяйственное товарищество (108 членов) и кредитное товарищество.

Деревня Тхенбаранаду (дистрикт Тиручирапалли). Полевые исследования проведены Д. Сундер Сингхом и мисс Олив Джозеф под руководством суперинтенданта переписи в штате П. К. Намбиара [8].

Тхенбаранаду расположена в труднодоступном горном районе Пачаималаи (Зеленые горы), в 40 милях от центра дистрикта, в 34 милях от центра талуки — Мусири, в 10 милях от полицейского поста и в 15 милях от ближайшего рынка. Ни одна постоянная дорога не ведет в деревню, и в период зимнего муссона попасть туда почти невозможно.

Изоляция деревни, хотя, конечно, не абсолютная, наложила большой отпечаток на всю ее жизнь. Ее население составляют исключительно малаяли (горцы). Они числятся зарегистрированным племенем, но это не особый этнос, а этнографическая группа тамильского народа, потомки земледельцев веллала, которые переселились в горы примерно 50 поколений назад.

Площадь деревни, со всех сторон ограниченной государственными лесами, — 6944 акра (2892 га). Она расположена на склонах гор на высоте около 1000 м. Суглинистые почвы, богатые гумусом, сочетаются с малоплодородными красными почвами. Здесь выпадает 1000 мм осадков в год, причем 60% — в период с сентября по январь.

Тхенбаранаду населяют 1826 человек (327 семей), которые живут в 16 деревушках, от 5 до 60 семей в каждой. Деревушки окружены бамбуковыми изгородями. Хижины из камня, обмазанного глиной, крытые травой и бамбуком, строятся на приподнятой платформе. Как правило, они однокамерные. Весь быт малаяли, подробно описанный в томе, свидетельствует об их бедности и отсталости.

Численность населения стабильна с 1901 г. До 1961 г. она уменьшалась из-за повышенной смертности от малярии, а частично в связи с эмиграцией в заморские страны. Пришлых в деревне почти нет. 1199 жителей Тхенбаранаду, включая женщин и детей, работают, причем в земледелии занято 72,5% работников, батрачат 270 человек (22,5%), в лесном хозяйстве и животноводстве работает 51 человек (4,2%). В деревне

имеется один-единственный профессиональный ремесленник. Земля находится в частной собственности. 57% хозяйств имеют более 15 акров земли, в том числе 2 владельца — свыше 50 акров, 220 хозяйств — от 5 до 15 акров и 70 семей — менее 5 акров. Размер экономичного хозяйства определен здесь в 20 акров, но лишь 27 хозяйств имеют столько земли. Наряду с этим насчитывается 65 безземельных семей. Батраки получают поденную плату натурой — примерно 1,25 рупии в день. В период уборки урожая приходят наниматься и тамилы с равнин.

Из общей обрабатываемой площади 4870 акров (70% деревенской земли) орошается лишь 10 акров, и урожайность очень невелика. Основная часть земли занята под раги и различными местными зерновыми культурами, есть и посевы риса, масличных, а также перца, имбиря, табака и других товарных культур. Часть урожая продают, чтобы купить одежду (малаяли обходятся минимальным ее количеством) и керосин.

Подсобной отраслью хозяйства является животноводство. Большинство хозяйств держит свиней, крупный рогатый скот или коз.

Несмотря на общую примитивность экономики, и в этой деревне налицо неравномерность в доходах и классовое расслоение. Деревню навещают торговцы и ростовщики. Но кастового деления у малаяли нет, и только признанные руководители, жрецы местного культа — гаундеры, считаются несколько выше других.

В деревне действуют кредитный и сбытовой кооперативы, с 1957 г. работает школа, но грамотных всего 107 человек.

К монографическим описаниям деревень примыкает еще одна интереснейшая работа, сделанная сотрудниками Ведомства генерального регистратора: обследование типов строений и особенностей сельской планировки и системы сельского расселения. В 1959 г. суперинтендантам переписи в штатах было предложено составить для каждого переписного участка карту, которая показала бы планировку деревень, границы землевладений, общественные здания и положение каждого дома [10, 86]. Эта работа была выполнена, и ее результаты представлены в специальном общеиндийском томе под названием «Отчет о типах домов и планировке деревень» [7], а частично в отчетах по штатам.

В общеиндийском томе сначала кратко характеризуются наиболее обычные для Индии типы домов и типы сельского расселения. Эта часть щедро иллюстрирована рисунками отдельных строений и картами штатов, где в клетке соответствующего дистрикта помещен рисунок типичного для нее дома. Затем следуют, тоже с множеством рисунков, фотографий и планов, описания по штатам. Штаты делятся на природные подрайоны, в каждом из них выделяются одна или несколько

ключевых деревень, которые и описываются с упором на типы строений и планировку населенных пунктов.

Целый ряд изданий переписи населения Индии, посвященный описаниям административных деревень, начали вводить в научный оборот советские этнографы. Так, в библиографии уже упоминавшейся книги М. К. Кудрявцева мы видим 8 описаний хиндустанских деревень в 5 дистриктах Уттар-Прадеша и в Дели [1, 270—272]. Одна из статей С. А. Маретиной [2] широко использует описание деревни ао нага.

Исключительно ценный материал могут найти в этих описаниях и географы, особенно для изучения географии сельского населения и сельского хозяйства. Этот материал касается как системы сельского расселения, планировки деревень и типов строений, так и местных типов земледелия, приспособления к природной среде и взаимного влияния ландшафта и хозяйственной деятельности человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцев М. К. Община и каста в Хиндустане. М., 1971.
2. Маретина С. А. Взаимоотношения естественных условий труда, хозяйства и общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии.— «Народы Азии и Африки», 1971, № 4.
3. Пуляркин В. А. Экономико-географические процессы в сельском хозяйстве развивающихся стран: анализ исторического опыта Южной Азии. М., 1976.
4. Сдасюк Г. В. Географические проблемы развития сельского хозяйства Индии.— «Сдвиги в производительных силах сельского хозяйства стран Южной Азии». М., 1975.
5. Супрунович Б. П. География сельского населения Индии и основные направления миграций.— «Вопросы физической и экономической географии». М., 1964.
6. Супрунович Б. П. Аграрные миграции и сдвиги в географии сельского населения Индии.— «Страны и народы Востока», вып. XIV. М., 1972.
7. Census of India 1961, vol. I, pt IV-A(iii). Report on House Types and Village Settlement Patterns in India. New Delhi, [196—].
8. Census of India 1961, vol. IX. Madras. Pt 6. Village Survey Monograph № 2. Thenbaranadu. Madras, 1963.
9. Census of India 1961, vol. XIII. Punjab. Pt 6. Village Survey Monograph № 36. Kunran, a Village in Sangrur District. Delhi, 1962.
10. A Guide to the 1961 Census Publication Programme. Delhi, 1965.
11. Majumdar D. N. Caste and Communication in an Indian Village. Delhi, 1956.
12. Vidyarthi L. P. Ghaghra. A Village in Chota Nagpur. Census of India 1961. Monograph Series. Monograph № 3. Delhi, 1966.

Б. П. Супрунович

НАСЕЛЕНИЕ ШТАТА КЕРАЛА

Общие сведения. Штат Керала на общеиндийском фоне. Керала — национальный штат народа малаяли, образован 1 ноября 1956 г. В его состав вошли бывшие княжества Траванкур и Кочин (за вычетом 5 тамильских талук), еще в 1949 г. объединенные в штат группы Б, а также часть старого штата Мадрас — дистрикт Малабар и талука Касарагод из дистрикта Южная Канара. Территория штата вытянулась 600-километровой полосой (при ширине от 11 до 120 км) по юго-западному побережью Индии. Она включает прибрежную аллювиальную низменность, куда вклиниваются соленые лагуны и бухты Аравийского моря, невысокие, расчлененные речными долинами латеритовые плато и лесистые склоны гор Нилгири, Анаймалай и Кардамоновых. Керала находится в области тропического муссонного климата — с большим количеством осадков и высокими среднегодовыми температурами, здесь преобладают плодородные аллювиальные и латеритные почвы.

По площади — 38,9 тыс. кв. км — Керала занимает 17-е место среди 22 индийских штатов, а по населению — 12-е место (21 347 тыс. по переписи 1971 г.). Но это самый густонаселенный штат Индии, где плотность населения в 3 раза превышает среднеиндийскую. В табл. 1 и 2 собраны некоторые социально-демографические и экономические показатели, говорящие о месте Кералы на общеиндийском фоне в сравнении с тремя другими южными штатами.

Если взять структуру национального дохода, то в Керале удельный вес основных отраслей — сельского хозяйства, промышленности и ремесла — ниже среднеиндийских, тогда как удельный вес непроеизводственных отраслей гораздо выше.

Однако структура занятости населения не вполне совпадает со структурой национального дохода. Удельный вес занятых в земледелии на 20% меньше, чем в среднем по Индии и по другим южным штатам. Если добавить еще занятых на плантациях, то и тогда процент сельскохозяйственного населения во всем занятом населении будет намного ниже того же показателя в общеиндийском масштабе и в любом из других южных

штатов. В то же время удельный вес занятых в фабрично-заводской промышленности в Керале почти в 2,5 раза выше, чем в среднем по Индии, и гораздо выше, чем в других штатах Южной зоны. Несоответствие между структурой национального дохода и структурой занятости объясняется рядом особенностей экономики штата. В сельском хозяйстве большая часть национального дохода создается на плантациях, тогда как в промышленности преобладают мелкие предприятия группы Б с низкой производительностью труда. Если в сельском хозяйстве производство национального дохода на одного работника составляло в конце 50-х годов в Керале 625 рупий против 411 рупий в среднем по Индии, то в фабрично-заводской промышленности — соответственно 1059 и 2500 рупий [35, 271].

В отличие от Индии в целом в сельском хозяйстве штата не преобладает производство зерновых и бобовых, т. е. продовольственных культур. Штат специализируется в первую очередь на рыночных культурах, в том числе экспортных. В 1971/72 г. зерновые (в основном рис) и бобовые занимали 883 тыс. га, в то время как кокосовая пальма — 730 тыс. га (67% индийских посадок), каучуконосы 134 тыс. га (94%), черный перец — 116 тыс. га (99%), чай и кофе — 65 тыс. га [33, 1972, табл. 16]. Выращивая 10—12% индийского чая, 18—20% кофе, почти 100% каучука и черного перца, около 50% имбиря [там же, табл. 17], Керала приносит Индии значительную часть внешнеторговой валютной выручки (906 млн. рупий, или 11%, в 1964/65 г.) [24, 22]. По стоимости продукции с 1 га (2174 рупии в 1969/70 г.) штату принадлежит первое место в Индии [23, 16.VIII.1975 г., прил.].

В промышленности Кералы преобладают предприятия по переработке местного сельскохозяйственного сырья, включая плантационные культуры, орехи кэшью, продукты кокосовой пальмы. Сравнительно большое число предприятий имеется также в производствах: текстильном, деревообрабатывающем, строительных материалов. В 1969 г. насчитывалось примерно 3 тыс. фабрично-заводских предприятий. Лишь на 500 с небольшим предприятий было занято более 50 рабочих [33, 1972, табл. 138В; 24, 78—79].

Тяжелая промышленность, зародившаяся в 40-е годы, уже представлена рядом крупных предприятий [1]. Таковы алюминиевый завод в Алвае, судостроительный в Кочине, химические заводы в Алвае, Перамбавуре, Кожикодде, завод автопокрышек в Каламассери, металлообрабатывающий в Тривандраме, крупные ГЭС Иддики и Сабаригири. Г. В. Сдасюк относит прибрежную полосу Кералы к числу промышленных ареалов Южной Индии [9, 184, 191]. Но в целом, сосредоточивая 4,34% промышленных рабочих к концу 60-х годов, Керала производит лишь 3,23% общеиндийской стоимости чистой промышленной продукции [там же, 171].

Таблица 1

Керала на фоне Индии. Некоторые социально-демографические показатели 1971 г.*

Показатель	Вся Индия	Керала	Андрха-Прадеш	Тамилнад	Карнатака
Средняя плотность населения (на кв. км)	178	549	157	317	153
% городского населения	19,9	16,3	19,2	30,3	24,2
Удельный вес работающих, %	33,5	28,9	41,7	36,7	35,2
Удельный вес занятых в земледелии, %	68,7	48,7	69,6	60,1	65,4
Удельный вес батраков в сельскохозяйственном населении	38,0	63,4	54,0	49,5	39,9
Удельный вес занятых в промышленности, %	6,0	11,5	4,5	8,9	5,9
% грамотных	29,4	60,2	24,6	39,4	31,0
Удельный вес основной национальности штата (по родному языку), %**	...	95,0	86,0	83,2	65,2
Удельный вес религиозных меньшинств, %					
христиане	2,6	21,0	4,2	5,7	2,1
мусульмане	11,2	19,6	8,1	5,1	11,0
% участвовавших в парламентских выборах . .	55,3	64,5	59,4	71,8	55,0

* Составлена по данным: [22; 26, 1973; 26, 1975; 33, 1972].

** 1961 г.

Некоторые графы табл. 1 и 2 свидетельствуют о серьезности важнейших экономических проблем: безработицы и аграрного перенаселения, продовольственной. Если в среднем по Индии работающие составляют 33,5% населения, а в других южных штатах — от 35 до 42%, то в Керале — только 28,9%. Помимо экономических особенностей это объясняется неблагоприятной возрастной структурой и более высоким естественным приростом населения.

Керала занимает последнее место среди индийских штатов по производству зерновых и бобовых на душу населения. Это обстоятельство объясняется особенностями структуры сельского хозяйства. В любой год Керала имеет большой дефицит продовольствия, по разным данным — от 54 до 74% в 50—60-х годах. При этом лучше обеспечены продовольствием малабарские округа, хуже — южные (амплитуда производства — от 73% необходимого зерна в Палгате до 15% в Тривандраме) [14, 127; 24, 26]. В 1972/73 г. в штате было собрано 1376 тыс. т зерновых; почти исключительно риса [26, 1975, 323], или 175 г. на душу населения в день, а в Индии в среднем

Керала на фоне Индии. Некоторые экономические показатели

Показатель	Вся Индия	Керала	Андрха-Прадеш	Тамилнад	Карнатака
Структура национального дохода, % *					
сельское и лесное хозяйство	50,5	49,1	49,4	43,3	56,5
промышленность и ремесло	19,3	14,6	13,6	16,8	15,3
прочие отрасли	30,2	36,3	37,0	39,9	28,2
Годовой доход на душу населения, рупии** . .	551	555	537	558	540
Годовой доход одного фабрично-заводского рабочего в 1970 г., рупии***	2729	2414	2117	2618	2891
% населения, живущего ниже «уровня нищеты»****	45,0	51,1	46,9	59,2	43,6
Производство зерновых на душу населения в 1971/72 г., кг***	171	64	145	167	191

* Индия — на 1968/69 г. [26, 1970, 168, 169], штаты — на конец 50-х — начало 60-х годов [34; 35; 36; 37].

** В текущих ценах, в среднем за 1967—1970 гг. [23, 16.VIII.1975, прил., 10].

*** Составлено по: [33, 1972, табл. 17 и 148].

**** Оценка национального выборочного обследования на 1.I.1971 г. [31, 18.IV.1976].

470 г (с бобовыми — 530 г.), т. е. втрое больше. Трудноразрешимой задачей считается доведение потребления зерна до 285—300 г. в день [24, 22]. В самом штате принимаются меры для увеличения производства зерна, ведутся правительственные заготовки риса. Достигнуты определенные успехи: производство зерна с 1964/65 по 1972/73 г. выросло на 226 тыс. т, или почти на 20%. Но этот рост только соответствовал приросту населения. Попытки добиться самообеспечения за 5—7 лет не удалось. Характерно при этом, что площади под рыночными культурами расширялись гораздо быстрее, чем посевы риса. Поэтому прав керальский экономист Мэтью Куриан, который пишет: «Какие бы меры ни провело правительство по увеличению объема заготовок и борьбе с черным рынком, нельзя достигнуть даже минимального обеспечения рисом без завоза зерновых извне» [там же, 27], т. е. из других штатов.

Величина национального дохода на душу населения в Керале, которая вплоть до середины 60-х годов была ниже среднеиндийской и ниже, чем в других южных штатах, ныне соответ-

ствуется средней цифре по Индии. Заработная плата городских рабочих по-прежнему меньше среднеиндийской и ниже, чем в Тамилнаде и Карнатаке. Керала превосходит по величине дохода на душу населения 14 штатов из 22, занимая 8-е место в Индии. Следовательно, она относится к среднеразвитым штатам. В отчете о переписи 1961 г. приводится деление индийских дистриктов по уровню развития на четыре группы. По этой классификации из 9 дистриктов Кералы только один (Коттаям) относится к четвертой, высшей группе, 7 дистриктов (Каннанур, Кожикод, Тричур, Эрнаулам, Аллеппи, Куилон и Тривандрам) — к третьей группе и один (Палгхат) — к второй группе¹.

Несколько слов о графах табл. 1, не связанных прямо с экономикой. Из всех штатов Индии Керала, пожалуй, наиболее однородна по национальному составу. Зато штат выделяется очень высокой долей религиозных меньшинств — христиан и мусульман (вместе больше 40% населения). Керала также резко выделяется на общендийском фоне высоким уровнем грамотности.

Керала отличается значительным своеобразием своей политической жизни. Глубокие традиции борьбы за независимость Индии и социальную справедливость, преобладание левых сил в партийно-политической структуре принесли Керале название «красного штата» и даже «красной загадки» [29]. С 40-х годов Керала представляет собой один из главных районов сильного влияния Коммунистической партии Индии. В 1957 г. впервые в Индии коммунисты в результате выборов сформировали правительство штата.

В 1967 г., также впервые в Индии, в Керале было осуществлено единство всех левых партий на базе общей программы в рамках Объединенного фронта, который одержал полную победу на выборах. С октября 1969 г. правительство Кералы возглавляет представитель Компартии Индии. В 70-е годы в штате была реализована идея Компартии Индии о сотрудничестве левых и демократических сил внутри и вне Индийского национального конгресса. Керальская организация ИНК приняла программу-минимум Объединенного фронта, а затем вошла в его правительство.

Керала — первый штат, где осуществлено сотрудничество между Компартией Индии и Национальным конгрессом на правительственном уровне. До этого более 20 лет политическая обстановка в штате была нестабильной: за 1948—1970 гг. там сменилось 12 правительств и 5 раз вводилось президентское правление. Правительство Объединенного фронта с участием

¹ Позднее были образованы еще два дистрикта: Малаппурам в 1969 г. из нескольких талуков Кожикод и Палгхата; Иддики в 1972 г. из смежных талуков Коттаяма и Эрнаулама [12, 26.II—3.III.1972].

КПИ, ИНК и нескольких местных партий, созданное после выборов 1970 г., было первым в истории штата правительством, которое бессменно правило в течение пятилетнего конституционного срока. Его деятельность получила высокую оценку X съезда КПИ [31, 2.II.1975] и всей прогрессивной общественности страны. Срок его полномочий продлен.

Таким образом, Керала, будучи, с одной стороны, типичным индийским штатом, со всеми индийскими проблемами, с другой — имеет неповторимые особенности природы, истории, экономики, экономической географии, политики. Все они тесно связаны с особенностями населения штата, что и делает специальное исследование этого населения интересным и важным. Основными источниками служат индийские переписи населения 1961 и 1971 гг.²

Рост населения. Для Кералы характерен быстрый рост населения, особенно за последние полвека. Первые переписи населения были проведены в княжестве Кочин в 1820 г., а в княжестве Траванкур — в 1836 г. Общендийские переписи с 1881 г. покрывают всю территорию Кералы. На рубеже XX в., в 1901 г., на современной территории штата было зарегистрировано 6396 тыс. жителей, а в 1971 г. — 21 347 тыс. (табл. 3).

Таблица 3
Рост населения Кералы в XX в. *

Год переписи	Население, тыс.	Процент прироста за предыдущие десятилетия	
		Керала	Вся Индия
1901	6 396	9,8	...
1911	7 148	11,8	5,7
1921	7 802	9,2	—0,3
1931	9 507	21,9	11,0
1941	11 032	16,0	14,2
1951	13 549	22,8	13,3
1961	16 904	24,8	21,5
1971	21 347	26,3	24,8

* [14; 26, 1973, 6].

Таблица 3 показывает, что в XX в. наблюдается устойчивый рост населения, ускорившийся с 20-х годов, в особенности после завоевания независимости. Темпы роста населения постоянно превышают общендийские, особенно в первые десятилетия

² Материалы переписи 1961 г. по штату Керала изданы в 37 томах, в том числе 2 тома текстового отчета [14; 15], 9 томов таблиц, 10 томов описаний деревень, 4 тома этнографических описаний, атлас [21], 9 томов справочников по дистриктам и 2 тома административного отчета. Такая структура изданий принята для всех штатов Индии с некоторыми вариациями.

XX в. По-видимому, катастрофические голодовки и эпидемии, которые резко уменьшали прирост населения Индии в отдельные десятилетия, например в 1911—1921 гг., не оказывали большого влияния на Кералу (в ее современных границах). В независимой Индии темпы роста населения штата и государства в целом сближаются, поскольку ход демографических процессов в этот период регулируется общими для всей страны факторами. В XX в. население Кералы возросло на 14 884 тыс., или почти в 3,4 раза (население всей Индии увеличилось за тот же период почти в 2,3 раза).

Рост населения штата идет исключительно благодаря естественному приросту. Снижение смертности, которое выступает как главный фактор в ускорении прироста населения в развивающихся странах, выражено в Керале в гораздо большей степени, чем в других штатах Индии. Это можно объяснить более высоким уровнем культуры. Одновременно происходит и снижение рождаемости, но не так быстро. Данные регистрации рождаемости и смертности, которые в индийских условиях всегда занижены, показывают, что с 20-х до 50-х годов рождаемость снизилась с 26,92 до 23,80 человек на тысячу, тогда как смертность — с 14,18 до 7,84 человек на тысячу, т. е. почти вдвое [14, 122]. В 1958—1964 гг. произошло снижение рождаемости с 24,6 до 23,3 человек на тысячу, несколько уменьшился и показатель фертильности [32, 41]. В 50-х годах по рождаемости (38,9 человек на тысячу) Керала была на предпоследнем месте среди индийских штатов (перед Тамилнадом), а по смертности (16,1 человек на тысячу) — на последнем. Отсюда самый высокий в Индии показатель средней продолжительности жизни (48,3 года) и высокие темпы естественного прироста.

Керала отличается повышенной по сравнению с другими индийскими штатами и среднеиндийскими данными долей женщин в населении. В 1901 г. на 1000 мужчин в штате приходилось 1004 женщины, в 1951 г. — 1028, в 1961 г. — 1022 и в 1971 г. — 1016 (в среднем по Индии — 930). Даже в городском населении количество женщин почти равно количеству мужчин — 991 женщина на 1000 мужчин в 1961 г. (845 по Индии в среднем). Преобладание женщин в населении, столь нехарактерное для Индии, объясняется в первую очередь высоким общественным положением женщины у малаяли, определенными пережитками материнского права, а частично и более высоким брачным возрастом, влияющим на показатель женской смертности. Однако процесс снижения доли женщин в населении Индии, связанный с тем, что специфические причины женской смертности на фоне снижения общей смертности не устранены, коснулся также и Кералы (в 50—60-е годы).

Плотность и размещение населения. В соответствии с быстрым ростом населения плотность населения в Керале выросла со 164 человек на 1 кв. км в начале XX в. до 433 в 1961 г. и 549

в 1971 г. Территория Кералы относится, таким образом, к числу наиболее густонаселенных районов мира.

При небольших размерах территории в штате нет резких контрастов в плотности населения. Так, районы, где плотность превышает среднюю величину 1961 г. (свыше 400 человек на 1 кв. км), занимают 44% территории штата, здесь живет 74% его населения. На долю районов, где плотность ниже 75, приходится всего-навсего 4,6% территории и 0,7% населения штата [14, 78]. Учитывая невысокую долю горожан³, расселение жителей связано прежде всего с размещением сельского хозяйства, которое в свою очередь тоже связано с природными условиями (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

**Плотность населения по природным районам
Кералы в 1961 г.***

Природный район	Процент территории	Процент населения	Плотность на 1 кв. км	Количество земли на душу населения, га
Возвышенность (выше 76 м)	48,7	13,8	124	2,0
Плато (от 7,6 до 76 м)	41,2	59,7	638	0,39
Низина (ниже 7,6 м)	10,1	26,5	1144	0,22
Всего по штату	100	100	433	0,23

* [14, 78].

Таким образом, основная часть населения сосредоточена на половине территории штата. Как низина, так и низкое латеритное плато настолько интенсивно используются в сельском хозяйстве, что там практически нет незанятых земель. В возвышенной части штата (средняя высота отрогов Западных Гат 1500 м, а максимальная — гора Анаймуди — 2698 м) сохранились еще значительные массивы лесов, зарослей и участков земли, включенных в состав плантаций, но необрабатываемых. По данным на 1960/61 г., из 9535 тыс. акров всего земельного фонда чистая посевная площадь составляла 4754 тыс. акров (50%), в том числе 1051 тыс. акров засеивались дважды или трижды. Если прибавить сюда 505 тыс. акров многолетних культурных насаждений, то окажется, что свыше 52% терри-

³ Плотность городского населения всего в 5—6 раз превышает сельскую плотность, а города занимают около 3 % территории штата.

тории штата дает урожай. В то же время 2610 тыс. акров лесов (27% земельного фонда) и некоторое количество пастбищных угодий и пустошей находятся в основном в возвышенной части штата [14, 540]. За последующее десятилетие доля посевной площади в земельном фонде возросла до 56% [23, 16.VIII.1975].

Различная плотность населения в дистриктах и талуках зависит от того, в какой полосе они расположены, т. е. от характера сельскохозяйственного использования территории. Так, наивысшую плотность имеет дистрикт Аллеппи (1124 человека на 1 кв. км в 1971 г.), лежащий в низине, где вокруг озералагуны Вембанад расположен один из главных рисовых районов штата — Куттанад. Самую низкую плотность имеют малабарский дистрикт Каннанур (414 человек) и Коттаям в центральном Траванкуре (326 человек), находящиеся преимущественно на плато и возвышенностях. Добавим, что доля городского населения в Каннануре и Аллеппи почти одинаковая. Сельскохозяйственная плотность достигла огромной цифры: на 1 га обрабатываемых земель, включая повторные посевы, плантации и многолетние плодовые насаждения, в 1961 г. приходилось 10 работников, а с семьями — свыше 30 человек. Столь высокая плотность сельскохозяйственного населения имеет своей материальной основой сочетание культуры риса и кокосовой пальмы, и ее величина зависит от методов выращивания риса в соответствии с конкретной природной средой (орошение из каналов на юге, необходимость осушения и борьбы с засолением на берегах лагун и т. д.) и возможности сбора повторных урожаев.

Данные о постоянно растущей сельскохозяйственной и общей плотности (0,18 га земли на душу населения в 1971 г.) свидетельствуют о малоземелье, нехватке не только обрабатываемых земель, но и территорий для промышленного, жилищного, транспортного строительства.

Городское и сельское население. Особенности урбанизации. Урбанизация Кералы находится в начальной стадии, и абсолютное преобладание сельского населения так же типично для нее, как и для всего государства. По удельному весу городского населения Керала отстает от многих индийских штатов, занимая место в середине списка. Доля городского населения ниже среднеиндийской и значительно ниже, чем в других южных штатах, однако гораздо выше, чем в Бихаре, хиндиязычных штатах, Ассаме и Ориссе. При этом темпы роста городского населения Кералы в XX в. по десятилетиям (табл. 5) либо соответствовали среднеиндийским, либо превышали их. За 70 лет городское население Кералы выросло в 7,6 раза, а его удельный вес — в 2,3 раза (по Индии соответственно в 4 и 1,8 раза) [7, гл. VII; 14; 22]. Рост городского населения ускоряется, и оно увеличивается в 2—3 раза быстрее сельского.

Таблица 5

Рост городского населения Кералы *

Год переписи	Численность городского населения, тыс.	Процент городского населения	Рост городского населения за десятилетие, %
1901	455	7,1	—
1911	525	7,3	15,4
1921	646	8,3	23,2
1931	867	9,1	34,1
1941	1128	10,2	30,2
1951	1591	11,7	41,0
1961	2554	15,7	60,5
1971	3452	16,3	35,3

* Составлена по данным: [14; 22].

Перепись 1961 г., исходя из общендийских критериев⁴, насчитывает в Керале 92 города, включая 62 не имеющих официального статуса. Между переписями 1951 и 1961 гг. прибавилось 36 городов, но 26 были исключены из списка городов, как не соответствующие новым критериям. В переписи 1971 г. зарегистрировано 88 городов. Преобладают небольшие города — население свыше 100 тыс. (города I класса) имели в 1961 г. лишь Тривандрам (Тируванантапурам) — 240 тыс., Кожикод (Каликут) — 193 тыс., Аллеппи — 139 тыс. и Эрнаулам — 117 тыс. Нет не только ни одного города, но и сгустка городского населения, превышающего 0,5 млн. Ко II классу (от 50 до 100 тыс.) относились центры дистриктов Квилон (Коллам), Палгхат (Палкаду), Тричур и Коттаям, а также крупный порт Маттанчерри. К III классу (20—50 тыс. населения) относился 31 город, к IV классу (10—20 тыс.) — 33 города. От 5 до 10 тыс. жителей (V класс) имели 18 городов и менее 5 тыс. (VI класс) — только один (Каннанур-Кантонмент).

По переписи 1971 г., городов I класса оказалось уже 5; Кочин (созданная в 1969 г. муниципальная корпорация, включившая Эрнаулам, Маттанчерри и другие города) — 438 тыс., Тривандрам — 410 тыс., Кожикод — 334 тыс., Аллеппи — 160 тыс. и Квилон — 124 тыс. Эта перепись зарегистрировала также 7 городов II класса и 40 — III класса. Количество городов IV класса уменьшилось до 25, V класса — до 9, и их насе-

⁴ Городами считаются, во-первых, все населенные пункты, имеющие официальный статус муниципальных городов и военных городков (кантонмент), во-вторых, не имеющие официального статуса, но удовлетворяющие следующим требованиям: численность населения не менее 5 тыс., плотность населения не менее 400 человек на 1 кв. км и не менее 75% работающих мужчин заняты вне сельского хозяйства. По показателю плотности Керала не подходит под эти критерии.

ление сократилось на 22 и 29% соответственно. В число городов II класса вошли дополнительно дистриктный центр Каннанур, а также Телличерри, Бадагара и Кайямкулам. В VI классе появился еще один город.

Особенности урбанизации Кералы связаны со своеобразием как ее населения, так и экономики. В штате нет ни метрополитенских центров общиндийского значения, ни мощной добывающей промышленности, ни промышленных узлов, сочетающих крупные предприятия тяжелой промышленности и фабрично-заводское текстильное производство. Вместе с тем высокая плотность населения, небольшие расстояния и густая сеть путей сообщения (более 59 тыс. км шоссе и грунтовых дорог, около 2 тыс. км внутренних водных путей, около 900 км железных дорог разной колеи) делают необязательным переселение в город людей, занятых в городских предприятиях и учреждениях. Преобладание небольших предприятий, занятых переработкой сельскохозяйственного (продукция кокосовой пальмы, орехи кэшью и др.), рыбного и лесного сырья, требует их размещения в сельской местности, всегда обладающей к тому же избытком рабочей силы. По данным переписи 1961 г., в городах было сосредоточено лишь 26% занятых в фабрично-заводской промышленности, 10% занятых в ремесленном производстве и 20% занятых в строительстве, но зато 32% торговых и 38% транспортных работников [15, 156—159].

Поэтому города Кералы органически связаны с близлежащей сельской местностью, выросли из сельской местности, тесно окружены ею. Городское население Кералы мало отличается от сельского по демографическим показателям (соотношение мужчин и женщин, естественный прирост, возрастной состав), грамотности, национальному и религиозному составу.

В городе, как и в сельской местности, преобладают односемейные жилища. Город от сельской местности внешне отличается более плотной застройкой, системой улиц, наличием более или менее ярко выраженного городского центра, средоточием предприятий торговли и обслуживания, учебных заведений и религиозных зданий, но не обязательно концентрацией промышленного производства. Даже в крупных городах рисовые поля вторгаются в пределы городских кварталов. Земледелием занимаются более 100 тыс. горожан (14% занятых, по переписи 1961 г.).

Сеть керальских городов сдвинута к побережью, что отражает общую схему расселения, а также роль моря в жизни и хозяйственной деятельности штата. Столица, 7 из 11 дистриктных центров, все города I класса и большинство других сосредоточено в низинной полосе, где уже существуют и продолжают формироваться городские агломерации. По данным 1971 г., дистрикты Малаппурам, Квилон, Коттаям, Палгхат и Тричур, расположенные большей частью в глубине штата,

имеют пониженный процент городского населения (6,7—12,7), тогда как остальные дистрикты, основная территория которых находится на побережье, — повышенный (13,8—27,6).

Главными функциями городов Кералы выступают сфера обслуживания (включая управление, образование, культуру, религиозные учреждения и т. д.) и промышленность. Обслуживание имеет абсолютное или относительное преобладание, по данным 1961 г., в 52 городах из 92, в том числе в 3 городах I класса (Тривандрам, Кожикод, Эрнаулам), в 3 городах II класса (Палгхат, Тричур, Коттаям), в 18 городах III класса, 17 — IV класса, 11 — V и VI классов.

Промышленность выступает главной функцией 37 городов. Среди них только 2 крупных города I и II классов — Аллеппи и Квилон. Характерно, что среди промышленных по главной функции городов преобладают средние по численности населения. По-видимому, с этим обстоятельством связан более быстрый рост населения именно в средних городах II класса (57,4% за 10 лет между переписями 1961 и 1971 гг.) и III класса (56%), тогда как население крупнейших городов увеличилось всего на 36%, а группы городов IV и V классов имели убыль населения (на 22 и 29% соответственно) [22]. 13 промышленных городов относятся к III классу, 15 — к IV и 7 — к V классу. В 19 городах подобного типа преобладают различные отрасли легкой и пищевой промышленности, включая рыбную, койровую и деревообрабатывающую, в 15 — ткацко-прядельные производства, в 3 — металлообработку. 38 городов с преобладанием обслуживания имеют на втором месте среди отраслей своего хозяйства промышленность.

Два города выделяются преобладающей транспортной функцией. Это город II класса Матанчерри (84 тыс. жителей в 1961 г.), ныне часть Кочинской муниципальной корпорации, связанный с одним из крупнейших в Индии портом Кочин, и железнодорожный узел Шоранур в дистрикте Палгхат (14 тыс. в 1961 г.).

Крупные города Кералы, несомненно, сочетают различные функции: управление, прочие отрасли обслуживания, торговлю, промышленность, морской транспорт (в штате 12 портов) и др. Но есть и небольшие многофункциональные города. Так, известный индусский религиозный центр, привлекающий множество паломников, город Чоугхат (Чаваккад) в дистрикте Палгхат (29 тыс. жителей в 1961 г.) имеет одновременно значительную промышленность. Промышленный и портовый городок Поннани (36 тыс. жителей в 1971 г.) известен как центр мусульманской общины Кералы.

Густота городской сети и сравнительно быстрый рост городского населения привели к образованию в Керале городских агломераций, впервые выделенных переписью 1961 г. под названием «городских групп». При выделении этих групп учиты-

валась не только территориальная смежность, но и экономическое взаимодействие, деловые и транспортные связи.

Крупнейшая из «городских групп» (табл. 6) — агломерация Кочин—Эрнакулам—Алвае в дистрикте Эрнакулам, которая состоит из двух ядер. Первое ядро — это нынешняя Кочинская муниципальная корпорация, включившая города по обе стороны входа в озеро-лагуну Вембанад, соединенные мостами (Маттанчерри, Форт-Кочин, Веллингдон-Айленд и дистриктный центр — Эрнакулам). Оно выделяется крупным портом, судостроительством, нефтеперерабатывающими предприятиями. Второе ядро — г. Алвае на р. Перияр, известный своими энергоемкими производствами (выплавка алюминия, химия). С юга к Эрнакуламу примыкают 2 других промышленных города, а 5 деревень, разделяющих Эрнакулам, Алвае и другие части городской группы на восточном берегу лагуны, представляют собой перспективную зону урбанизации. Г. В. Сдасюк [9, 191, 316] считает агломерацию Кочин—Эрнакулам—Алвае ядром тяжелой индустрии Кералы и «полусом роста» на ее территории.

Таблица 6

Городские агломерации Кералы в 1961 г. *

Название агломерации	Города, официально включенные в «городскую группу»	Число примыкающих к «городской группе»		Население, тыс.				
				«городская группа»	в том числе главный город	примыкающие		всего
		городов	деревень			города	деревни	
Тривандрамская	Тривандрам, Бала- рамапурам, Немам	5	10	302	240	77	91	470
Кочин-Эрнакулам-Алвае	Эрнакулам, Маттан- черри, Форт-Кочин, Эдаппалли, Алвае, Трипуниттура, Вел- лингдон-Айленд	—	5	313	117	—	32	345
Кожикод	Кожикод, Бейпур, Олаванна, Параян- чери, Коммери	5	8	249	193	59	54	362
Каннанурская	Каннанур, Каннанур- Кантонмент	8	3	49	46	104	20	173

* [14, гл. 3].

Тривандрамская агломерация, вторая по величине, включает столицу штата и еще 2 города, один из которых чисто промышленный. Эта группа имеет наибольшие перспективы роста, поскольку к ней примыкают еще 15 городов и деревень, вытянутых между побережьем, железной и шоссейной дорогами. Она имеет значительную легкую, химическую и машиностроительную промышленность.

Городская группа Кожикодде наряду с крупным многофункциональным ядром включает 4 средних и небольших промышленных города и имеет перспективную зону урбанизации на юге вдоль железной дороги. Что касается четвертой, Каннанурской городской группы, то это, скорее, ядро агломерации, поскольку она включает, кроме Каннанура, лишь небольшой кантонмент. Зато вдоль побережья тянется цепочка из 9 городов, большей частью промышленных, вплотную прилегающих друг к другу, которые могут войти в Каннанурскую агломерацию. Отчет о переписи 1961 г. упоминает и о других ядрах агломераций.

Переписи 1961 и 1971 гг. учли в Керале 1573 деревни средней площадью около 2400 га. Если в других штатах Индии под термином «деревня» понимают, с одной стороны, населенный пункт, а с другой — низовую административную (мауза, или *revenue village*) и социальную единицу (община, грам), то в Керале деревня — только административный термин. Изменения числа деревень (2561 в 1951 г., 1573 в 1961 и 1971 гг.) связаны с административными преобразованиями. 510 деревень имеют свыше 10 тыс. жителей, 587 — 5—10 тыс., 395 — 2—5 тыс. и только 81 — менее 2 тыс. жителей [26, 1973, 16]. Размеры деревни не влияют на ее хозяйственные функции. Подсчеты К. Н. Намбудури на базе данных переписи свидетельствуют, что ни распределение по сферам занятости, ни грамотность не зависят от размеров деревни [30, 20—22].

Для сельского расселения типичны отдельные усадьбы, окруженные кокосовыми пальмами, садами и огородами, которые более или менее равномерно рассеяны по территории деревни, не образуя заметных скоплений и явно выраженного ядра. Усадьбы расположены на песчаных холмах или на склонах латеритной возвышенности и часто имеют свой пруд или колодец. Расстояния между усадьбами диктуются различиями в плотности населения и в характере использования сельскохозяйственных земель.

На юге штата усадьбы выглядят как островки среди рисовых полей, а там, где рисовые поля тяготеют к узким лентам понижений, заполненным речным аллювием, цепочки домов тянутся по долинам рек на многие мили без видимых границ между деревнями. Даже беднейшие сельчане — члены каст неприкасаемых — не строят свои дома вплотную друг к другу, хотя их хижины жмутся к границам деревни. За этим исключением выбор места для усадьбы не зависит от кастовой принадлежности [27, 39—50]. Отдельные сгущения усадеб на территории деревни связаны с наличием участков орошаемых рисовых полей. О. Х. К. Спейт отмечает, что в низинной полосе Кочина усадьбы имеют линейное расположение на береговых валах, а дальше от побережья располагаются кольцами вокруг латеритных холмов [10, 650]. Более компактные сельские насе-

ленные пункты встречаются в горных районах у зарегистрированных племен, а также на плантациях.

Полагают, что еще в XIV—XVIII вв., когда сформировалась основная сеть расселения в Керале, деревни были значительно компактнее. Определенные типы селений — административные, торговые, земледельческие — имели определенную планировку, и кастовые кварталы были неотъемлемой частью деревень [28]. В формировании современного типа рассеянного расселения⁵ решающую роль сыграл прогресс в области земледелия, точнее, рисосеяния, при обилии влаги, как в виде большого количества осадков, так и в виде многочисленных небольших рек и ручьев, стекающих с Гат. Большая экономически независимая матрилокальная семья (тарвада), еще недавно господствовавшая у значительной части малаяли, особенности землевладения и землепользования, свойственные Керале, способствовали распаду деревень.

Для сельской местности характерны значительная занятость в несельскохозяйственных отраслях, особенно в мелкой и домашней промышленности, а также в рыболовстве. В 1961 г. всего 62% жителей деревни были связаны с сельским хозяйством, включая плантации. Для примера приведем описания двух деревень.

Деревня Анкамали, расположенная в 19 милях к северо-востоку от Эрнаулама и известная с XVI в., подробно описывается в монографии, созданной в рамках исследовательской программы переписи 1961 г. Население деревни — 22,4 тыс., площадь — 3145 га, в том числе 1282 га рисовых полей, дающих 2—3 урожая в год, 1727 га — суходольные поля, расположенные на латеритах, 135 га — лесистый участок. Поля орошаются посредством четырех каналов, пересекающих деревню. Помимо земледелия (56% занятых) главными занятиями жителей являются плетение тростниковых матов на экспорт (15,8% занятых) и изготовление зеркал. Всего в мелкой домашней промышленности занято свыше пятой части самодельного населения. Усадьбы расположены среди полевых, причем на квадратный километр приходится 140 дворов [20].

Другая деревня, также специально описанная в монографии, — Мулавукад, расположена на островах в лагуне близ Кочина. Ее территория 1966 га, но суша занимает лишь 688 га, остальное — прибрежное мелководье. На этой территории в 2393 домах живет 15,2 тыс. человек. Конечно, в таких условиях невозможно изолированное расположение усадеб, но ни улиц, ни кварталов в деревне нет. Основная часть земли засеивается рисом и другими культурами, но лишь 14% населения живет

⁵ Свойственный Керале тип рассеянного расселения продолжается в тамилском дистрикте Каньякумари, длительное время входившем в состав Траванкура, а также в карнатакском дистрикте Южная Канара, где малаяли составляют часть населения.

доходами от сельского хозяйства. Важнейшее дополнительное занятие — ловля креветок. При этом большая часть населения, по-видимому, работает в Кочине, поскольку на транспорте занято 15 %, в промышленности — около 25 и в торговле — примерно 10 % жителей [там же].

Миграционные процессы. Данные переписи 1961 г. показывают, что миграциями различного типа были охвачены 3204 тыс. жителей Кералы, т. е. почти пятая часть. Однако границы своих дистриктов пересекали всего 998 тыс. человек (менее 6 % населения), а уроженцы других штатов составляли всего 233 тыс. (1,4 % населения штата) [14, гл. 5; 18, табл. Д-II]. Керала относится к числу тех индийских штатов, которые характеризуются отрицательным балансом миграций. В 1961 г. в других штатах Индии зарегистрированы 624 тыс. уроженцев Кералы, разница между въездом и выездом составила, таким образом, 378 тыс. (с учетом 13 тыс. прибывших из-за границы). Это значит, что Кералу покидает число лиц, примерно равное десятой части естественного прироста населения (табл. 7).

Между мигрантами, прибывающими и убывающими из штата, существует не только количественная, но и качественная разница. Керальцы направляются во все штаты и территории Индии, вплоть до самых отдаленных. Среди эмигрантов большинство в возрасте 25—34 лет, они направляются преимущественно в крупные города, где заняты большей частью в административном и управленческом аппарате (около 40 % керальцев в соседних штатах и свыше 55 % — в прочих штатах), а также в промышленности. Таким образом, покидает штат прежде всего образованная молодежь.

Таблица 7

**Миграции населения между Кералой и другими
районами Индии*,
тыс. человек**

Штат	Выезд из Кералы	Въезд в Кералу	Баланс миграций
Тамилнад	277	192	— 85
Майсур	137	22	—115
Махараштра	98	6	— 92
Андхра-Прадеш	25	2	— 23
Дели	10	1	— 9
Прочие штаты и террито- рии	87	68	— 19
Всего	634	291	—343

* [18, табл. Д-II].

Въезд в Кералу из других штатов складывается из двух различных потоков. Во-первых, продолжается прибытие плантационных рабочих, главным образом из соседних тамильских округов, а частично и из Карнатаки. Подавляющее большинство прибывших занято на плантациях и в выращивании других рыночных культур (свыше 15% всех занятых в этой сфере). Почти 40% иммигрантов сосредоточено в дистрикте Коттаям — главном плантационном районе штата, куда направляются две трети выходцев из Тамилнада. Переселенцы из Карнатаки оседают главным образом в пограничном Каннануре.

Во-вторых, происходит довольно значительная реэмиграция малаяли из других штатов, причем здесь преобладают люди в возрасте 10—19 и старше 40 лет [30, 64]. Это можно объяснить стремлением дать детям образование в родном штате, а также возвращением пожилых. Когда-то малаяли приняли участие в заморских миграциях индийцев. Репатриация некоторой части индийцев из Малайзии, Шри Ланки, Восточной Африки коснулась и Кералы.

Внутрикеральские миграции направлены главным образом в города. По данным 1961 г., 400 тыс. сельских жителей Кералы переселились в города (16,9% городского населения).

Кроме того, наблюдается приток переселенцев в восточные горные талуки ряда дистриктов, особенно Коттаяма, Кожикода и Каннанура, где мигранты из других дистриктов, в первую очередь из Палгхата и Тричура, составляют 6—8% населения. Восточные талуки привлекают переселенцев развитым плантационным хозяйством, а в некоторой степени и возможностью освоения пустошей в этих районах. В целом миграции не вносят существенных изменений в географию населения штата. Но они, по-видимому, нивелируют различия в приросте населения по дистриктам и талукам.

Национальный и религиозно-общинный состав населения. Керала отличается исключительной в индийских условиях национальной однородностью. Хотя перепись 1961 г. зарегистрировала на ее территории 110 языков, 96% населения, или более 16 млн. человек, говорит на языке малаялам, который относится к дравидской семье и во многих отношениях близок к тамильскому⁶. Если вычесть 161 тыс. говорящих на малаялам из группы зарегистрированных племен, то численность народа малаяли определяется на 1961 г. примерно в 15,8 млн., или около 94% населения. Только в двух дистриктах — Коттаяме и Палгхате — удельный вес малаяли немного ниже 90%, а в Квилоне и Аллеппи превышает 98%.

⁶ По переписи 1961 г., за пределами штата на малаялам говорило около 1 млн. человек, в основном в смежных дистриктах Майсура и Тамилнада. Общее число говорящих на языке малаялам во всей Индии, по переписи 1971 г., составляет 21 917 тыс. человек [30].

Малаяли — одна из наиболее развитых индийских наций, с большими традициями национально-освободительной и классовой борьбы и чрезвычайно активная в политической жизни. 60,2% населения штата грамотно (1971 г.), а среди малаяли грамотность еще выше. Демократическое движение малаяли раньше, чем в других княжествах, добилось введения представительных учреждений в Траванкуре и Кочине. Борьба за создание национального штата, будучи стержнем политической жизни в первой половине 50-х годов, тесно переплеталась с антифеодальным движением и борьбой за социальный прогресс. Высокая политическая активность сказывается и в том факте, что в выборах участвуют 65—80% избирателей.

Широко распространена национальная пресса: на начало 1974 г. в Керале выходило 68 ежедневных газет, 95 еженедельников и 493 других периодических изданий. Пресса на языке малаялам (частично за пределами штата) включает 65 ежедневных, 81 еженедельное и 342 других изданий. По числу издаваемых газет и журналов малаялам уступает 6 индийским языкам, но по их тиражам (1112 тыс. ежедневных, 895 тыс. еженедельных и 827 тыс. других периодических изданий) — только хинди и тамили. И количество изданий, и тираж малаяльской прессы постоянно растут. В списке крупнейших индийских газет с разовым тиражом более 100 тыс. (всего их 21) числятся 5 изданий на малаялам, одно из них занимает второе место в Индии по тиражу [26, 1975, 113—116]. «В Керале, — пишет Д. Р. Манкекар, — каждый, от рабочего до помещика, читает газеты — минимум две, хотя многие читают и больше». Он же замечает: «Политика — это любимое национальное занятие малаяли» [29, 65]. С 1951 г. выпускаются и фильмы на языке малаялам (60 лент в 1973 г.) [26, 1975, 121].

Основное национальное меньшинство Кералы — тамилы (несколько более 0,5 млн., или около 3% населения штата в 1961 г.). Тамилы живут главным образом в плантационных районах Коттаяма и Палгхата, где они составляют десятую часть населения, а также в Тривандрамской городской агломерации. Значительная часть тамилы — недавние переселенцы из Тамилнада. Тулу (64 тыс.) и каннада (58 тыс.) сосредоточены в основном в сельских талуках смежного с Карнатакой дистрикта Каннанур, где они составляют заметную часть населения⁷. Примерно такую же численность имеют телугу (45 тыс., наполовину в дистрикте Палгхат) и конкани (68 тыс., в основном в городах).

В городах Кералы поселились также хиндустанцы (35 тыс.), гуджаратцы (11 тыс.) и представители других ин-

⁷ В число тамилы, каннада, тулу не включены зарегистрированные племена, говорящие на соответствующих языках. Подсчет произведен по: [18; 19].

дийских народов; а вся община англо-индийцев насчитывает около 10 тыс.

Специфическую часть коренного населения штата составляют этнические группы, включенные в список зарегистрированных племен и известные под общим названием адиваси (в Южной Индии — адидравида). Эта группа, включающая 34 племена численностью от нескольких десятков до 53 тыс. человек, насчитывала, по переписи 1961 г., 213 тыс. (1,2% населения штата) [19, 46, 214]. Согласно переписи 1971 г., их численность возросла до 269 тыс. (1,3% населения) [26, 1975, 98]. Они расселены главным образом в горно-лесной полосе штата, в дистриктах Каннанур, Кожикод, Коттаям и Палгхат. Основная часть адидравида говорит на малаялам, в том числе крупнейшие из племен, обитающие главным образом в Малабаре: пулаян (53 тыс.), паниян (37 тыс.), куриччан (12 тыс.), большинство куруман (13 тыс.), каникаран (10 тыс.), а также малаяралар (14 тыс.) дистрикта Коттаям. Другие группы адидравида говорят на тамили (ирулар и ряд других, всего 22 тыс.), тулу, каннада.

Основная часть этнической группы марати (15 тыс.), обитающей в Каннануре, показала своим родным языком маратхи. Нередки случаи, когда разные части племен говорят на разных языках. Несомненно, идет процесс национальной ассимиляции адидравида соответствующими крупными народами, о чем свидетельствует наличие в составе малаяли каст, одноименных с названиями племен. Однако эти этнические общности сохраняют свои социально-культурные особенности. Это самая отсталая и обездоленная часть населения штата. Так, по данным переписи 1961 г., горожан среди адидравида было всего 4%, доля грамотных — 13%, 43% работающих — батраки, тогда как в промышленности, ремеслах и строительстве занято лишь 5% работающих [19, 46—48, 184].

Религиозно-общинный состав населения характеризуется прежде всего большим удельным весом христиан и мусульман в штате. По переписи 1971 г., индусы составляют 59,4% населения штата (около 12,7 млн.), христиане — 21% (около 4,5 млн.), мусульмане — 19,6% (около 4,2 млн.), приверженцы прочих религий — 7 тыс., включая джайнов, сикхов, иудеев, буддистов, парсов [26, 1975, 11]. Как христианство, так и ислам имеют давние корни и самобытное происхождение; в Керале они не были навязаны народу иноземными завоевателями. Древняя традиция веротерпимости, отсутствие ярко выраженной классовой основы религиозного антагонизма — все это объясняет религиозный мир, который всегда был характерен для Кералы, хотя и она не могла совсем избежать конфликтов на религиозной почве. В Керале, названной некогда Свами Вивеканандой «сумасшедшим домом каст» [3, 33], особенность общинной структуры состоит в том, что религиозные меньшин-

ства (христиане и мусульмане) играют здесь в определенном смысле ту же роль, что и крупные индуистские касты, но и сами христианская и мусульманская общины тоже имеют кастовое деление. Религиозный состав претерпел изменения с начала века — доля индусов сократилась с 68,4 до 59,6%, доля христиан в результате прозелитизма выросла очень сильно (с 13,8 до 21,0%), удельный вес мусульман также растет [14, гл. 9; 26, 1975, 11].

Составляющие большинство населения индусы расселены по территории штата более или менее равномерно. Их доля в населении снижается в дистриктах Кожикод, Эрнакулам и Коттаям до 43—53%, а в остальных дистриктах индусы составляют примерно две трети населения. Среди многочисленных каст, на которые делятся малаяльские индусы, наиболее важны по численности, экономическому и политическому влиянию наяры и ижава, а также намбудури и хариджаны.

Наяры, или наиры, составляющие примерно четверть индуистского населения штата, представляют собой военно-землевладельческую касту, из которой происходили и малаяльские феодальные правители. —Наяры составляют основную часть крестьян — собственников земли и полноправных арендаторов, а также служащих и интеллигенции. Больше всего наяров в траванкур-кочинских дистриктах.

Ижава (в малабарских дистриктах — тийя) — крупнейшая кастовая группа малаяли, составляющая около половины индусов и более четверти всего населения штата. В дистрикте Палгхат они — большинство населения. Ижава находится на нижней ступени в иерархии каст, но добились повышения своего экономического и социального статуса. Ижава составляют большинство среди беднейших крестьян, городских рабочих, среди них много и батраков, и плантационных рабочих. В то же время из среды ижава вышла значительная часть малаяльской городской и сельской буржуазии, интеллигенции и служащих.

У ижава и наяров издавна существуют кастовые объединения с развитой организационной структурой, которые имеют сеть школ и колледжей, газеты, крупные денежные средства. В конце XIX в. созданы Общество служения наярам с центром в Чанганачерри и ижавская Организация социальных реформ, которые в свое время сыграли важную роль в борьбе против средневековых кастовых обычаев, неприкасаемости, а также против крупного землевладения, за национальное освобождение [3, гл. IV]. Однако позднее имущая верхушка наяров и ижава нередко ставила кастовые организации на службу реакционным партиям и группам.

Намбудури — малаяльские брахманы — в прошлом были господствующей общиной, несмотря на свою небольшую численность (менее 2% населения). Они были крупными земле-

владельцами — дженми, из их среды выходили высшие чиновники и администраторы. Сейчас привилегии этой касты ликвидированы, но из намбудури вышло немало представителей малайской интеллигенции и служащих.

Значительная часть керальцев — малаяли и тамилы — принадлежат к так называемым зарегистрированным кастам, или хариджанам. Их численность, по переписи 1971 г., составляет 1772 тыс. (8,4% населения штата) [26, 1973, 116]. В эту группу входят крупнейшие неприкасаемые касты пулайан (по переписи 1961 г. — 466 тыс.) в Траванкуре, черуман (215 тыс.) в Малабаре, кураван (138 тыс.), параван (122 тыс.), канаккан (86 тыс.) и т. д. [19]. Это батраки, плантационные рабочие, низшие слои ремесленников, сборщики пальмового сока тодди, рыбаки и др. Рассеянные по штату, они не играют самостоятельной политической роли, но для этой группы резервируется 12 мест в Законодательной ассамблее штата и 2 места в Народной палате Индии [26, 1975, 99].

Христиане сосредоточены главным образом в дистриктах Эрнаулам и Коттаям, где они составляют почти половину населения, а в Тричуре, Аллеппи и Квилоне на их долю приходится четверть населения. Христианская часть населения Кералы внутренне неоднородна как по происхождению и социальному положению, так и по вероучению. По происхождению керальские христиане делятся на две группы. Первую группу, основную по численности, составляют сирийские христиане, или христиане св. Фомы. По традиции они считаются потомками христиан I—IV вв. н. э. Апостол Фома, по преданию, побывал на малабарском берегу в 52 г. н. э. и основал здесь семь церквей. В 345 г. в Малабар прибыли 400 христиан из Сирии и Месопотамии во главе с Фомой из Кана, которые привезли Библию и другие религиозные книги на сирийском языке и обратили в свою веру брахманов в 46 деревнях. Поскольку сирийские христиане произошли из высших каст, они всегда имели высокий социальный статус. Эта группа христиан, насчитывающая, по оценке 60-х годов, примерно 3 млн., представляет собой самую богатую и культурную из всех религиозно-кастовых групп малаяли. Из их среды вышла большая часть городской буржуазии и владельцев плантаций, значительная часть интеллигенции. Тем не менее и среди сирийских христиан имеется много крестьян и других категорий трудящихся⁸.

Вторая группа христиан — обращенные католическими и протестантскими миссиями в колониальный период, главным образом из числа низших и неприкасаемых каст. Социальный статус этой группы христиан невысок, основная их часть — батраки, плантационные рабочие, городские низы.

⁸ Сирийские христиане были описаны в 1890 г. крупнейшим русским географом А. И. Воейковым [2, 230—251].

Состав керальских христиан, особенно сирийских, по их принадлежности к церкви очень сложен. Здесь сказались как разнообразные влияния переднеазиатских христианских церквей, духовное руководство которых традиционно признавали малабарские христиане, так и настойчивые попытки пап, португальских захватчиков и инквизиции подчинить своему влиянию местную церковь в XV—XVIII вв. Сказалось и влияние протестантских миссий, особенно активных с начала XIX в.

В настоящее время в Керале существуют три самостоятельные церкви, подчиненные римскому папе и охватывающие вместе до 60% христиан. Это римско-католическая епархия (новообращенные католики) во главе с архиепископом в Эрнауламе и две сиро-католические церкви, сиро-малабарская и сиро-маланкарская, которые в разное время вступили в унию с Римом, но сохранили свою обрядность. Сиро-малабарская, или халдо-католическая, церковь насчитывает свыше 1,6 млн. прихожан и управляется архиепископами в Эрнауламе, Тривандраме и Чанганачерри. Эта церковь была принуждена к унии португальцами в 1599 г. и добилась назначения епископов из местных христиан и создания самостоятельной церковной провинции лишь в начале XX в. Небольшая сиро-маланкарская церковь во главе с митрополитом в Тривандраме (около 150 тыс. прихожан) вступила в унию в 1930 г. [2; 5; 20; 39].

Хорошо организованная и богатая католическая церковь, опирающаяся на систему приходов и светскую Всекеральскую католическую ассоциацию, владеющая прессой, школами, колледжами и благотворительными организациями, играет реакционную роль в политической жизни штата.

Другая группа древних восточных церквей сохранила свою независимость от Рима. Крупнейшая из них — яacobитская сирийская церковь Малабара (1,1 млн. верующих) откололась от униатской сиро-малабарской церкви в начале XVII в. и формально признает главенство антиохийского яacobитского патриарха. Яacobитская иерархия состоит из 9 епископов во главе с католикосом в Коттаяме. В конце XIX в. от яacobитов отделилась малабарская сирийская церковь св. Фомы (мартумиты), находящаяся под влиянием протестантов. Эта церковь, насчитывающая примерно 0,3 млн. верующих, управляется митрополитом в Тирувалла (дистрикт Аллеппи). Некоторое количество приверженцев имеют также несторианская халдейская сирийская церковь во главе с епископом в Тричуре, признающая месопотамского несторианского патриарха, и маланкарская яacobитская сирийская церковь [5; 39]. Кроме того, в Керале представлены англиканская и другие протестантские церкви и секты.

Керальские мусульмане сосредоточены главным образом в Малабаре, где в VII в. существовали колонии арабских купцов, распространявших ислам. В дистрикте Малаппурам мусульмане составляют большинство населения, здесь находится

их религиозный и культурный центр — в г. Поннани. Кроме того, мусульмане составляют примерно десятую часть населения в прибрежных траванкур-кочинских дистриктах, за исключением Аллеппи. Большинство мусульман, особенно в Малабаре, относится к бедному и среднему крестьянству, но, конечно, эта община имеет и пролетарскую, и буржуазную прослойку. Мусульманская буржуазия довольно влиятельна и в прибрежных городах траванкур-кочинской части штата⁹. Мусульмане отстают от других общин по уровню грамотности (доля грамотных в Малаппураме и Палгхате гораздо ниже, чем в других дистриктах). Но политическая активность их велика, и они вносят свой вклад в демократическое движение. Восстание мусульманских крестьян — мопла — в 1921 г. было одним из важнейших событий в борьбе за свободу Индии. Среди мусульман Малабара большое влияние имеет партия Мусульманская лига, ныне входящая в правительство Объединенного фронта Кералы.

Ижава, наяры, христиане и мусульмане наиболее влиятельны и в политической жизни штата. Поскольку имеется определенное соответствие между классовой и кастовой принадлежностью, например в деревне, поскольку существует соперничество между общинами примерно одного уровня и одинакового экономического положения, многие классовые конфликты завуалированы кастовыми или общинными противоречиями. Это дало основание, например, Х. Хартману в его исследовании политической жизни Кералы рассматривать всю ее историю после освобождения как борьбу за власть между общинами [25]. Однако это весьма упрощенный подход, и даже сам Хартман пишет о «размывании кастовой лояльности». Не общинные, а классовые противоречия, включая борьбу за землю и весь комплекс аграрных реформ, борьбу за свои права рабочих, за национализацию иностранного капитала, характерны в первую очередь для Кералы.

Структура занятости и классовый состав населения. Перепись 1961 г. делит все население на работающих и неработающих, подразделяя работающих на 9 производственно-отраслевых категорий («классов»). Кроме того, существует и другая классификация работающих — по профессиям и группам профессий¹⁰. Удельный вес самостоятельного населения имеет тенденцию к снижению — с 48% в 1931 г. до 33,3% в 1961 г. и до 28,9% в 1971 г. Данные о распределении населения по от-

⁹ Так, по данным 1964/65 г., мусульмане возглавляли торговые палаты в Каннануре, Кожикоде, Алвае, Кочине, а также Аллеппийскую ассоциацию торговцев и производителей растительного масла [38, 1964/65, 485—487].

¹⁰ Работающее население, по переписи 1971 г., также делится на 9 категорий, которые не вполне совпадают с «классами» переписи 1961 г. Поскольку итоги переписи населения 1971 г. еще полностью не опубликованы, за основу анализа взяты данные 1961 г.

раслям народного хозяйства, которые не всегда совпадают с «классами» и категориями переписей, сведены в табл. 8. Из таблицы видно, что в сельском хозяйстве занято 44,5% само-

Таблица 8

Распределение населения Кералы по сферам занятости *

Сфера занятости	1961 г.		1971 г.	
	число занятых, тыс.	%	число занятых, тыс.	%
Земледелие (земледельцы и сельскохозяйственные рабочие) . . .	2156	38,4	3000	48,7
Садоводство и огородничество . .	160	2,8	435	7,0
Плантационное хозяйство	171	2,9		
Животноводство	23	0,4		
Рыболовство	97	1,7		
Лесное хозяйство	16	0,3		
Всего	2623	46,5	3435	55,7
Обрабатывающая промышленность	529	9,4	712	11,4
Домашняя промышленность	489	8,7	266	4,3
Добывающая промышленность . .	22	0,4	30	0,1
Строительство	70	1,3	107	1,7
Всего	1110	19,8	1115	17,5
Транспорт и связь	152	2,7	242	3,9
Торговля и предпринимательство .	322	5,7	565	9,3
Обслуживание и прочие отрасли .	1423	25,3	844	13,6
в том числе:				
госаппарат	90			
учителя	124			
лица свободных профессий . .	40			
Всего	1897	33,7	1651	26,8

* Составлено по: [14; 16; 17; 33, 1975, табл. 8].

деятельного населения штата (с лесным хозяйством и рыболовством — около половины), в промышленности и ремеслах — 18,5%, т. е. около пятой части, и в очень широкой и разнообразной категории «обслуживание и прочие отрасли» — четверть. Обширность этой категории косвенно отражает нехватку рабочих мест в сфере материального производства и аграрное перенаселение. С аграрным перенаселением, как уже указывалось выше, в значительной степени связано и развитие ремесла в сельской местности. Особенности отраслевой структуры хозяйства выражаются в значительной занятости на плантаци-

ях и в рыболовстве. Детальная характеристика неработающего населения показывает, что свыше трети этой категории керальцев составляют учащиеся. Вместе с большой армией учителей это говорит о размахе народного образования, чем и объясняется высокий показатель грамотности.

По дистриктам доля самодеятельного населения меняется незначительно¹¹, однако разница в занятости в различных отраслях хозяйства может быть ощутимой. Например, самой высокой долей занятых в сельском хозяйстве выделяются Палгхат и Коттаям, причем в последнем более 40% приходится на плантации. По занятости в промышленности и ремесле выделяются дистрикты Аллеппи, Квилон, Эрнаулам и Тричур, т. е. приморская часть Траванкур-Кочина, что связано со сосредоточением в этой части штата городской фабрично-заводской промышленности и мелкой и домашней промышленности в сельской местности [14, гл. 10].

Социально-классовая структура современного индийского общества подробно рассматривается в ряде изданий конца 60-х годов [4; 8]. Особенности классовой структуры населения Кералы связаны, во-первых, с меньшей ролью крупнокапиталистического хозяйства в штате и, во-вторых, с очень далеко зашедшими процессами пролетаризации крестьянства.

Крупнейшая социальная группа, как и во всей Индии, — крестьянство, но если в Индии земледельцы, обрабатывающие собственную или арендованную землю, составляют свыше половины самодеятельного населения, то в Керале — менее четверти (с учетом крестьян, занятых в выращивании овощей, фруктов и т. д. и в животноводстве). Крестьянство неоднородно, и большинство крестьян — мелкие и мельчайшие землепользователи, многие из которых не могут прожить на доходы от своих земельных участков, поскольку средняя величина землевладения не достигает 1,5 акра (при 7,5 акра в среднем по Индии) [30, 2].

По данным 50-х годов, 95% хозяйств в траванкур-кочинских дистриктах и 70% в малабарских владели участками менее 5 акров, в том числе менее 1 акра — 66,7 и 28,9% соответственно [35, 273]. Эти мелкие и мельчайшие хозяйства охватывали 17,7% земли в Малабаре и 57% в остальной части штата. В то же время хозяйства с участками свыше 20 акров составляли всего 0,5% в траванкур-кочинских дистриктах (16,4% земли) и 6,1% в Малабаре, где они владели почти половиной земли. Если выделить из этой группы крупнейшие хозяйства (свыше 100 акров), то в Малабаре им принадлежало 17,6% земли, а в траванкур-кочинских дистриктах их почти не было. По данным национального выборочного обследования 1953/54 г., 25—28% крестьянских хозяйств использовали наем-

¹¹ Например, в 1971 г. от 35,7% в Палгхате до 26,9% в Аллеппи [22].

ный труд как главный источник полевого труда [8, 166]. Наряду с большим распространением торговых неплантационных культур это свидетельствует о широком развитии товарно-денежных отношений в керальской деревне.

Процесс аграрных реформ — длительный, трудный и сложный — наложил свой отпечаток на классовое расслоение крестьянства. До начала аграрных реформ в разных частях Кералы существовали десятки различных видов прав на землю [15]. При этом преобладали четыре категории землевладельцев и землепользователей: 1) дженми — крупные собственники земли (брахманы и наяры); 2) каномдары — арендаторы на правах передаваемой и наследственной аренды за фиксированную плату; 3) верумпаттомдары — краткосрочные держатели земли с незащищенными правами аренды, к которым примыкали другие категории краткосрочных арендаторов и издольщиков (варомдаров); 4) кудикидапукары («обитатели хижин») — не имеющие земли и прав на землю; зачастую и хижина, в которой они жили, принадлежала владельцу земли.

Единое аграрное законодательство в штате было введено в 1963 г. и дополнено позже рядом важных актов. Новые аграрные законы Кералы, принятые правительством Объединенного фронта в ноябре 1969 г. и введенные в действие с 1 января 1970 г., относятся к числу наиболее прогрессивных в Индии [6]. Они полностью уничтожили помещичье землевладение, поскольку установили его потолок в 10 стандартных акров на семью и передали право собственности на землю арендаторам, которые ее обрабатывают. Кудикидапукары также получили права на крошечные (в долю акра) участки земли. Кроме того, решено разделить между безземельными крестьянами часть государственных и национализированных земель, представляющих собой пригодные для обработки лесные и залежные участки. Из них 50 тыс. акров пустошей распределяются по одному акру на семью, треть этой земли получают хариджаны. Залежи, ранее принадлежавшие британской плантационной компании «Каннан Деван» (22 тыс. га), также подлежат распределению [31, 6.II.1972, прил., 39—40].

Эти мероприятия должны внести некоторые изменения в классовую структуру, но малоземелье сохраняется: 59,7% хозяйств имеют менее 1 акра [31, 5.XII.1976]. Поэтому большинство керальских крестьян — бедняки, к которым принадлежат в первую очередь бывшие верумпаттомдары и другие краткосрочные держатели земли. Привилегированные арендаторы-каномдары, получившие права собственности, составляют основную часть среднего крестьянства. Вместе с частью старых землевладельцев-дженми и ростовщиками они входят в состав имущей верхушки деревни, сельской буржуазии Кералы.

Сельскохозяйственные рабочие, деревенские батраки составляют вторую по численности социально-классовую группу Ке-

ралы. По переписи 1961 г., их насчитывалось 978 тыс., т. е. 17,4% всех работающих, или 46% занятых в земледелии. Сюда нужно добавить еще 100 тыс. батраков, занятых в производстве овощей и фруктов, в животноводстве и сборе пальмового сока тодди. Пролетаризация сельского населения в Керале зашла, таким образом, очень далеко. Некоторая часть батраков в процессе аграрной реформы получила землю, пополнив ряды беднейшего крестьянства. Впрочем, граница между этими социальными группами подвижна, неопределенна и условна, а их классовые интересы могут совпадать. Поэтому сельскохозяйственных рабочих можно считать пролетариями и полупролетариями индийской деревни [8, 148].

К полупролетарским слоям керальской деревни относятся и довольно многочисленные деревенские ремесленники, рыбаки и т. д. По переписи 1961 г., в сельской местности работали 441 тыс. ремесленников, рыбаков насчитывалось 97 тыс. [14, 451—452].

Рабочий класс Кералы состоит из двух основных частей: городской промышленный пролетариат и плантационные рабочие. К 1961 г. в обрабатывающей промышленности (не считая ремесел) было занято 530 тыс. человек (9,4% работающего населения) и в добывающей — 23 тыс. Однако далеко не все они относятся к промышленному пролетариату. По данным официальной трудовой статистики, в Керале насчитывалось в 1969 г. 208 тыс. фабрично-заводских рабочих [93, 1971, № 3, 146]. Они составляют ядро пролетариата вместе с транспортниками (около 90 тыс.) и рабочими крупных строительных фирм. К фабрично-заводским рабочим примыкают рабочие мануфактур, мелких промышленных предприятий, сезонные рабочие, которые представляют собой предпролетариат, пролетарские элементы средних слоев [4, гл. I]. В отличие от Западной Бенгалии, Махараштры, Тамилнада, Карнатаки в Керале отсутствует концентрация рабочего класса в одном крупном центре.

Плантационных рабочих насчитывалось в 1964 г. 224 тыс., в том числе 87 тыс. на чайных плантациях, 109 тыс. на каучуковых и 29 тыс. на кофейных. Концентрация рабочих наблюдается только на чайных плантациях [33, 1967, табл. 139], главным образом в дистриктах Коттаям и Кожикод¹².

Четвертая важнейшая социальная группировка — так называемые средние слои, включающие мелкую буржуазию, интеллигенцию, служащих, студентов и др. Эта группа очень обширна и неоднородна. В 1961 г. в торговле было занято 321 тыс. человек, в том числе 192 тыс. «работающих владельцев», в «прочих отраслях» (включая государственных служащих, клер-

¹² По переписи 1961 г., в выращивании плантационных культур было занято 160 тыс. рабочих [17, табл. BV].

ков и лиц свободных профессий) — 1423 тыс., в том числе дипломированных специалистов — 215 тыс., администраторов и менеджеров — 120 тыс., клерков — 108 тыс. Эти две группы вместе составляют 31% работающих. Большая часть средних слоев примыкает к полупролетарским слоям города и деревни, не имеет собственности, живет в бедности. Средние слои составляют большинство городского населения. Численность средней и особенно крупной буржуазии, которая вместе с помещиками-дженми и сельской верхушкой составляет эксплуататорское меньшинство в штате, невелика.

На основании данных переписей, выборочных обследований и других материалов нами подведены примерные количественные итоги основных социально-экономических групп населения Кералы на начало 60-х годов (без учета членов семей)¹³:

Мелкое и среднее крестьянство	1—1,1 млн. человек
Сельскохозяйственные рабочие	1,1 млн.
Рабочий класс (фабрично-заводской пролетариат, плантационные рабочие, транспортники, строители и т. д.)	600 тыс.
Полупролетарские и промежуточные слои несельскохозяйственного населения (рабочие мелких предприятий, ремесленники, сезонники, рыбаки и т. д.)	1 млн.
Несельскохозяйственные средние слои (мелкая буржуазия, чиновники, клерки, служащие, интеллигенция)	800 тыс. — 1 млн.
Сельская верхушка (помещики, богатые крестьяне, ростовщики)	300—400 тыс.
Крупная и средняя буржуазия	100 тыс.
Прочие	500—700 тыс.

Тенденция к изменениям в классовой структуре штата в 60—70-е годы вполне определена. Она состоит в первую очередь в дальнейшем расслоении и пролетаризации крестьянства. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что и численность, и удельный вес земледельцев, обрабатывающих собственную или арендованную землю, снизились за 1961—1971 гг. с 1,2 млн. до 1,1 млн. человек и с 21 до 18% занятых. В то же время число сельскохозяйственных рабочих возросло с 1 млн. до 1,9 млн. и составляет, по переписи 1971 г., 31% всех занятых (против 17,5% в 1961 г.) и 63% занятых в земледелии [7, 213; 33, 1972, табл. 8].

Таким образом, своеобразие классовой структуры Кералы состоит в очень большом удельном весе полупролетарских и пролетарских элементов, а также средних слоев. Вместе с бедным и средним крестьянством и рабочим классом эти социальные группы составляют опору и классовую основу левых и

¹³ При этом использована методика выделения социально-экономических групп, принятая советскими индологами¹⁴; 8].

демократических партий. Чрезвычайно активны политически интеллигенция, служащие, студенты — выходцы в первую очередь из среднего крестьянства и средних городских слоев. Из этой среды происходит большинство партийных, профсоюзных, крестьянских лидеров.

Одна из важнейших проблем населения Кералы — проблема занятости. Выше уже говорилось об аграрном перенаселении и крайне низкой доле самодельного населения. По оценке В. В. Петрова, третья часть трудовых ресурсов Индии не используется [7, 210]. В Керале неиспользуемая часть трудовых ресурсов гораздо больше.

Снизить естественный прирост населения в 60—70-е годы не удалось. Безработица приняла весьма серьезные масштабы, появилась проблема безработицы среди образованной молодежи, даже среди инженерно-технических работников. Большая часть самодельного населения не имеет круглогодичной гарантированной работы, например батраки в земледелии заняты лишь 170 дней в году. В 1970 г. числилось 900 тыс. безработных и 1778 тыс. частично занятых [23, 29.XII.1973]. Проблема безработицы обострилась в результате кризиса в койровой промышленности и переработке орехов кэшью, а также в результате закрытия ряда предприятий, принадлежащих капиталистам из других штатов. За 10 лет между переписями 1961 и 1971 гг. численность работающих возросла всего на 0,6 млн. Произошло снижение доли занятых в населении, впрочем в меньшей степени, чем в среднем по Индии. При этом, как можно видеть из табл. 8, налицо перераспределение занятых в сельской местности между домашней промышленностью и «прочими отраслями», с одной стороны, и земледелием — с другой, — в пользу земледелия. Это можно объяснить некоторым расширением сельскохозяйственных земель, но главным образом интенсификацией земледелия, ростом производства рыночных культур. Имеются, например, сведения о переводе 300 тыс. акров земли на сбор двух-трех урожаев в год¹⁴ [31, 14.IX.1969].

Далее, значительно растет занятость в фабрично-заводской промышленности. Темпы индустриализации считаются недостаточными, чтобы поглотить постоянно растущее число рабочих рук. Действительно, государственные промышленные предприятия создаются в Керале в ограниченном количестве, поскольку государственные капиталовложения направляются преимущественно в районы с крупными сырьевыми ресурсами. Но все-таки в Керале в 1971 г. было сосредоточено 2,9% государственной собственности, что превышает долю более крупных штатов — Андхра-Прадеша и Карнатаки. За 1956—1966 гг. выдано

¹⁴ По-видимому, это перераспределение связано и с изменением методов учета в переписи 1971 г.

362 лицензии на строительство крупных частных предприятий (3,6% общендийского числа, что опять-таки больше, чем в Андхра-Прадеше и Карнатаке) [9, 233]. За 1965—1971 гг. в штате появилось около 300 новых промышленных предприятий [33, 1967; 33, 1972].

Применяются и специфически керальские методы увеличения занятости. К ним относится, например, освоение засоленных и заболоченных земель в районе Куттанада (дистрикт Аллеппи), где созданы коллективные хозяйства, в Кайянкуламе (дистрикт Квилон) и в других прибрежных районах [28а, 12.III, 10.IX.1972]. Кооператив, организованный безработными инженерами и техниками, выпускает скутеры в Кочине [31, 6.II.1972, прил.]. Правительством разработан ряд проектов по увеличению занятости в текстильной, электронной, сахарной, койровой промышленности, переработке орехов кэшью, рыболовстве и животноводстве в рамках смешанных корпораций с участием частного капитала и при финансовой поддержке центра [23, 29.XII.1973, 1175]. В 1975 г. объявлено о планах создания около тысячи небольших промышленных предприятий путем организации индустриальных парков в сельской местности с особой целью занять образованную молодежь [31, 13.IV.1975]. Тем не менее, поскольку керальские проблемы при всем их своеобразии типичны для Индии в целом, их решение возможно лишь в рамках всего государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баталов А., Княжинская Л., Сдасюк Г. Южная Индия. М., 1966.
2. Воейков А. И. У сирийских христиан и в Траванкуре.— «Русское обозрение». М., январь 1890.
3. Гопалан А. К. Керала. Ее прошлое и настоящее. М., 1961.
4. Гордон Л. А., Егорова М. Н. Рабочий класс независимой Индии. М., 1968.
5. Матвеев К. П. Из истории несторианства в Индии.— «Советская этнография», 1968, № 5.
6. Мельников А. М. Некоторые аграрные преобразования в штате Керала (1957—1970).— «Современная Индия: экономика, политика, культура». М., 1972.
7. Петров В. В. Население Индии. М., 1965.
8. Проблемы экономического и социального развития независимой Индии. М., 1967.
9. Сдасюк Г. В. Индия. География хозяйства. М., 1975.
10. Спейт О. Х. К. Индия и Пакистан. М., 1957.
11. Супрунович Б. П. Региональные особенности политической жизни Индии.— «Индия: современность и история». М., 1974.
12. «Asian Recorder». Delhi.
13. Census of India 1961, vol. I. India. Pt 1-A(ii). Levels of Regional Development in India. Delhi, 1966.
14. Census of India 1961, vol. VII. Kerala. Pt 1-A(i). General Report. By M. K. Devassy. Delhi, 1965.

15. Census of India 1961, vol. VII. Kerala. Part 1-A(ii). General Report. Appendices. Delhi, 1965.
16. Census of India 1961, vol. VII. Kerala. Pt 2-A. General Population Tables. Delhi, 1964.
17. Census of India 1961, vol. VII. Kerala. Pt 2-B(ii). General Economic Tables. Delhi, 1965.
18. Census of India 1961, vol. VII. Kerala. Pt 2-C. Cultural and Migration Tables. Delhi, 1965.
19. Census of India 1961, vol. VII. Kerala. Pt 5-A. Special Tables. Delhi, 1967.
20. Census of India 1961, vol. VII. Kerala. Pt 6-C. Village Survey Monographs. Delhi, 1966.
21. Census of India 1961, vol. VII. Kerala. Pt 9. Census Atlas. Delhi, 1967.
22. Census of India 1971. Paper № 1 of 1971. Provisional Population Totals. Delhi, 1971.
23. «Commerce», Bombay.
24. Focus on Kerala. Planning and Food. Delhi, 1968.
25. Hartmann H. Changing Political Behaviour in Kerala.—«Economic and Political Weekly». 1969, vol. 4, № 5.
26. India. A Reference Annual. Delhi.
27. India's Village. Calcutta, 1955.
28. Janaki V. A. Historical Geography of Settlements in Kerala.—«Journal of University of Baroda». 1957, vol. 6, № 2.
- 28a. «Link». Delhi.
29. Mankekar D. R. The Red Riddle of Kerala. Bombay, 1965.
30. Namboodiri K. N. The Changing Population of Kerala. Delhi, 1968.
31. «New Age». Delhi.
32. Nigam K. C. Languages Handbook on Mother Tongues in Census. Delhi, 1972.
33. Statistical Abstract of Indian Union. Delhi.
34. Techno-Economic Survey of Andhra Pradesh. Delhi, 1961.
35. Techno-Economic Survey of Kerala. Delhi, 1962.
36. Techno-Economic Survey of Madras. Madras, 1961.
37. Techno-Economic Survey of Mysore. Delhi, 1965.
38. Thomas P. Churches in India. Delhi, 1962.
39. Times of India Directory and Year-book. Bombay.

Б. И. Клюев

ОБ ОДНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ПАРТИКУЛЯРИСТСКИХ ДВИЖЕНИЙ В ИНДИИ

После достижения Индией независимости одной из основных форм национальных движений в этой стране была борьба за создание лингвистических (а по существу национальных) штатов. Известная административная реформа 1956 г., проведенная в целом по национально-языковому принципу, была большим шагом на пути демократического решения национального вопроса. Однако процесс национально-языкового размежевания не был завершен этой реформой. В 1956—1972 гг. были созданы штаты Махараштра, Гуджарат, Нагаленд, Пенджаб, Хариана, Мегхалая и др. В январе 1972 г. союзные территории Манипур и Трипура были преобразованы в штаты, а территории Северо-Восточного пограничного агентства и племенные мизо получили статус союзных территорий.

Стремление того или иного народа добиться для своей территории статуса штата свидетельствует о том, что этот статус в современной Индии обладает высоким престижем. Причину легко объяснить. Лингвистические штаты стали центрами активного развития национальной жизни. Их правительства осуществляют меры по расширению социальных функций национальных языков, по подъему и пропаганде национальной культуры, по развитию экономики. Правительства штатов играют возрастающую роль в политической жизни страны.

Эти обстоятельства содействуют тому, что представители того или иного народа ставят вопрос или выдвигают требование о выделении населяемой им территории в самостоятельную административно-политическую единицу, предпочтительно в виде лингвистического штата. Однако лозунги создания штатов выдвигают не только сторонники этно-лингвистического самоопределения, но и политически активные группы — элиты, возглавляющие социальные общности самого различного характера и происхождения, в том числе религиозно-общинные, кастовые, региональные. Перед элитой, взявшей в свои руки контроль над административно и политически организованной территорией, т. е. штатом, права и привилегии которого закреп-

лены в Конституции Индии, открываются широкие возможности. С точки зрения групповых интересов само по себе выдвижение требования о создании отдельного штата даже без надежды на его удовлетворение позволяет применять весь комплекс политических мероприятий для привлечения к себе внимания — от заявлений для прессы до публичных голодовок, от создания комитетов до массовых демонстраций. Эти мероприятия часто позволяют их инициаторам ближе подойти к прямому воздействию на массу избирателей. Даже достижение компромисса расценивается такими группами как успех. Поэтому и появляются требования о создании «кастовых», «общинных», «княжеских» и «региональных» штатов.

Подобные требования, выдвигаемые в результате субъективных устремлений определенных социальных групп, имеют объективные предпосылки.

Внутри многих национальных штатов Индии (даже с единообразным национальным составом) продолжает существовать деление на регионы. «Внутри каждого лингвистического штата,— пишет известный индийский социолог М. Н. Сринивас,— существуют меньшие по размеру регионы, внутренне более единообразные, которые высоко ценят свою самобытность. Соперничество между небольшими регионами внутри штатов является таким же фактом современной политической жизни Индии, как и споры между различными штатами. На главных министров штатов оказывается давление с целью получить те или иные блага для какого-то региона, который считает, что его интересами пренебрегают» [23].

Неравенство экономического развития, хозяйственных условий, идеализация прошлого в рамках другой административной единицы, поддерживаемая политической, сословной и чиновничьей элитой, которая занимает руководящее положение в регионе, различия в традициях и культуре — все это создает возможность для сохранения, а иногда и оживления местнических настроений, настроений партикуляризма («регионализма» — по терминологии, принятой в Индии) внутри национальных штатов. Партикуляризм выражается в разных формах, но чаще всего — как неписаное правило пропорционального представительства элиты регионов в правительстве и административном аппарате штата. «После победы на выборах уроженец Видарбхи В. П. Наик во второй раз стал главным министром Махараштры, нарушив *обычай* (курсив мой.— Б. К.) региональной смены главных министров, представлявших последовательно три региона Махараштры — Западную Махараштру, Маратхавду и Видарбху. Выход был найден: два новых заместителя главного министра были назначены от двух других регионов» [9, 17.III.1967].

В Раджастанхана «в правительстве штата представлен 21 дистрикт. Если учесть посты председателя комитета обще-

ственных финансов и председателя комитета по второстепенным законодательным актам, то окажется, что представителям 23 из 26 дистриктов предоставлены важные должности» [17, 10.IX.1967]. Столь же тщательно производится подсчет представителей от Теленганы и Андхры в правительстве и государственных учреждениях штата Андхра-Прадеш.

Региональное представительство не закреплено законом (хотя есть и исключения, например Теленгана). Чаще всего это обычай, установившийся на базе соотношения сил между ведущими политическими, общинными, кастовыми и другими группами. Для поддержания и усиления своего влияния представители таких групп стремятся найти поддержку у населения региона, активно используя местные проблемы, настроения и предрассудки. От обычая регионального представительства и поисков массовой поддержки в своем регионе всего лишь один шаг к требованию его административно-политического выделения.

«В некоторых частях страны, — продолжает М. Н. Сринивас, — существуют сублингвистические движения, которые основываются на диалектных или культурно-исторических различиях. В настоящее время эти движения не столь сильны (это писалось до событий в Теленгане в 1969 г. — Б. К.): против них выступают устойчивые интересы штата в целом. Они тем не менее существуют и при благоприятных условиях могут развиться в мощные движения. Если это произойдет, лингвистические штаты окажутся разделенными на меньшие по размерам единицы. С точки зрения центра, это будет полезно. Но такие движения приведут к общей нестабильности на несколько лет».

Перерастание местнических настроений в требование отдельного штата далеко не всегда обусловлено этно-лингвистическими факторами. Более того, стремление региональной элиты выделить свой регион в отдельный штат, где она рассчитывает захватить власть, часто вообще не связано с принципом территориально-языкового размежевания. Борьба идет вокруг территории и политического контроля над ней вне зависимости от этнического состава населения.

Наиболее показательны, по нашему мнению, партикуляристские настроения в регионах Махараштры и Гуджарата, экономически развитых штатов, а также Андхра-Прадеша, считающегося в Индии штатом отсталым.

Штат Махараштра был создан в 1960 г., т. е. через четыре года после общей административной реформы, в результате упорной борьбы широких слоев маратхского населения. Он возник после раздела двуязычного штата Бомбей на два штата — Махараштру и Гуджарат.

По уровню национального самосознания маратхи занимают в Индии одно из первых мест. Большую роль сыграл в этом

языковой фактор. «Язык маратхи и литература на этом языке являются главной основой, объединяющей народ Махараштры», — отмечает автор-маратх [1, 249]. А вот мнение автора-немаратха:

«Немногие языки могут гордиться такой непосредственной связью с историей, культурой и повседневной жизнью, как маратхи... Язык объединяет маратхов в большей степени, чем все другие этнические группы Индии. Эти группы любят свой язык за его достижения в области литературы. Но язык маратхи, сыгравший роль основы при создании штата Махараштра, имеет более глубокие корни, уходящие в борьбу народа против могольского господства, в борьбу за свободу религии, за создание образа жизни, основанного на связях с массами, и, что важнее всего, в борьбу в недавнем прошлом против англичан — самого сильного противника... Таким образом, маратхи — это не просто язык в обычном смысле слова, а один из наиболее сильных геополитических компонентов в индийской жизни» [22, 32—33].

По ряду причин маратхи обладает особенностями, отличающими его от соседних индоарийских языков. Бимз, Гирсон и позднейшие исследователи отмечают своеобразие маратхи, развившееся вследствие географической обособленности маратхов от соседей в течение нескольких веков. Соседи-гуджаратцы, а тем более каннада не понимают маратхи. Это обусловило появление четкой языковой границы между маратхи и соседними языками без переходных диалектов, за исключением Северо-Востока, где маратхи через диалект халаби переходит в чхаттисгархи — диалект хинди. В пограничных районах маратхское и немаратхское население смешано территориально, но в языковом отношении остается обособленным.

Далее, для маратхи характерно преобладание общих черт над диалектными различиями. Исследователи выделяют несколько групп говоров маратхи — бомбейского конкана, хандеши, нагпури и варахади. Последние два примерно соответствуют регионам Видарбха и Маратхвада. Данные переписей показывают, что маратхи хорошо понимают единство своего языка.

Говоря о единстве маратхи, необходимо учитывать следующие обстоятельства. В настоящее время стандартный маратхи опирается на диалект г. Пуны и его окрестностей. Этот город, находящийся примерно в 120 км к юго-востоку от Бомбея, был столицей Маратхской конфедерации с 1735 г. до 1817 г., когда последний пешва капитулировал перед англичанами. Город был и в значительной степени остается до настоящего времени важнейшим политическим, экономическим и культурным центром маратхов, тогда как Бомбей с самого начала рассматривался как «космополитический», многонациональный город, не имевший явно выраженного маратхского характера. Роль Пуны в

истории маратхов обусловила выделение диалекта этого района в качестве основы современного языка.

Однако, по мнению индийских исследователей, на ранних этапах истории маратхов центром консолидации их этнической общности был регион Видарбхи. Именно в этом регионе, населенном кланом бходжа, видимо, возникла первая маратхская государственность. Лишь впоследствии политический центр переместился в район Пуны, населенный кланом раштракутов, давших название всей этнической общности. В ходе этого процесса произошло смещение диалектной базы, расширившее основу стандартного языка и придавшее ему характерный наддиалектный облик.

Другим фактором, содействовавшим нивелировке диалектных различий и наддиалектности литературного стандарта, служили частые передвижения маратхов по своей этнической территории в эпоху Шиваджи и Маратхской конфедерации. При перемещениях маратхского войска и следовавших за ним купцов и ремесленников происходило взаимодействие разных форм маратхской речи и распространение пунского диалекта. Его носители, оседавшие в других частях страны, оказывали сильное влияние на язык окружающего населения.

Большое воздействие на язык оказала непрерывная литературная традиция, восходящая к II—III вв. Уже в эпоху литературных пракритов махараштри выдвинулся на первое место в качестве средства литературного выражения, выйдя далеко за пределы этнической территории маратхов. Об этом свидетельствуют древние грамматики: «Махараштри как основной пракрит ставился на первое место, и его основные фонологические и морфологические характеристики детально описывались. Остальные языки описывались как примеры исключений из правил, принадлежавших пракриту махараштри» [16, 28].

Следует упомянуть также о популярности даже в самых глухих уголках маратхских земель произведений национальных поэтов средневековья — Днянешвара (1275—1296), Намадева (1270—1350), Тукарама (1598—1649), Рамдаса (1608—1680). Религиозные по форме произведения этих поэтов богаты социальным содержанием. В них отвергается брахманская ортодоксальность, деление общества на касты и провозглашается равенство всех людей. Многие из высказанных в этих произведениях идей созвучны проблемам современного маратхского общества.

Язык маратхи издавна употреблялся в деловой и торговой переписке. В XII в., при правителях из маратхской династии Ядавов, он становится языком двора. Язык маратхи использовался с XVI по XVIII в., что подтверждается историческими хрониками, написанными на скорописном алфавите моди (с XVIII в. в маратхи используется алфавит деванагари, называемый в Махараштре бальбодх). Лишь при англичанах ма-

ратхи был вытеснен из официального употребления и заменен английским языком. В годы независимости, особенно после создания штата Махараштра, общественные функции языка маратхи снова расширяются.

Это давнее и большое значение языка и литературы маратхи объясняет, почему инициатором внесения организованности в национальное движение маратхов выступило в 1946 г. Маратхское литературное объединение.

Движение приобрело массовый и наступательный характер к концу 50-х годов, когда в нем приняли активное участие широкие слои трудящихся в городах Махараштры. Через несколько лет после создания штата в движении маратхов появились признаки национализма и шовинистической нетерпимости к представителям других национальностей, что привело к возникновению «Шив сены». Одновременно с проявлениями крайнего буржуазного национализма активизировались силы местничества в отдельных регионах штата, выступившие с лозунгами автономии.

Столь противоречивый характер маратхского национального движения, породивший противоположные тенденции, объясняется прежде всего спецификой национальной структуры буржуазии штата Махараштра и в известной степени многонациональным характером рабочего класса и городских средних слоев. Ведущая экономическая роль в этом районе издавна принадлежит немаратхской буржуазии. Еще во времена империи Великих Моголов здесь оседали выходцы из других районов — марвари, гуджаратские банья, парсы, занимавшиеся ростовщичеством, торговлей, банковскими операциями, откупам. С приходом англичан и развитием капиталистических отношений эти группы быстрее всех перешли к крупному предпринимательству и компрадорским операциям, сосредоточив в своих руках огромную по индийским масштабам экономическую мощь.

Быстрый рост промышленности и торговли сделал Бомбей, Нагпур, Шолапур и другие города Махараштры центрами притяжения рабочей силы, людей свободных профессий, чиновников, ремесленников, мелких предпринимателей, выходцев из отдаленных районов Северной и Южной Индии. Если не говорить о единичных случаях, маратхские купцы, банкиры и откупщики главным образом из брахманских каст появились лишь в XVIII в., в период подъема феодального государства маратхов. Развитие мануфактурного производства привело к рождению мелких предпринимателей из разбогатевших представителей маратхских ремесленных каст. «Маратхская буржуазия формировалась по преимуществу как мелкая торговая и мануфактурная буржуазия, — пишет В. И. Павлов. — Переход ее на высшие стадии предпринимательства тормозился колониализмом... Поэтому объективные интересы мелкой маратхской буржуазии, несмотря на присущие ей религиозно-об-

щинную и кастовую ограниченность отдельных представлений и архаичность форм идеологии, толкали ее на непримиримую борьбу с империализмом» [4, 262—263]. Растущий рабочий класс Махараштры, участвуя в национально-освободительной борьбе, одновременно все активнее выступал против капиталистической эксплуатации. Таким образом, до освобождения от колониальной зависимости вопросы национальной консолидации занимали у политически активных слоев маратхского общества подчиненное положение.

После завоевания независимости Индией маратхское национальное движение столкнулось с рядом трудностей. Маратхские территории были раздроблены между несколькими административными единицами. Крупная бомбейская буржуазия стремилась усилить разногласия между различными направлениями маратхского движения и содействовать росту местнических настроений. Она добивалась также отделения Бомбея от Махараштры на том основании, что этот город является «космополитическим» торговым, финансовым и промышленным центром общендийского значения, потерявшим маратхский характер и маратхское большинство населения (в 1961 г. маратхи в Бомбее составляли 44 %).

В. И. Казаков подробно показал, каким образом мелкобуржуазному по своему характеру национальному движению маратхов удалось преодолеть объективные трудности и сопротивление крупной индустриальной буржуазии. Движение на завершающем этапе стало массовым и организованным. Решающее значение имело участие в нем широких масс трудящихся в городах Махараштры, для которых борьба за маратхский штат ассоциировалась с борьбой против общендийского эксплуататора — гуджаратско-марварийской буржуазии, т. е. имела классовый смысл. Трудящиеся массы, мелкая и средняя маратхская буржуазия, влиятельная земледельческая каста — сословие маратха связывали борьбу за свой штат с надеждами на быстрое улучшение своего положения [2, 179].

Нынешний штат Махараштра традиционно делится на четыре региона: Западная Махараштра, или Деш («страна»), т. е. собственно Махараштра; прибрежный Конкан; Видарбха — четыре дистрикта области Нагпур, входившие до 1960 г. в состав штата Мадхья-Прадеш; Маратхвада — пять дистриктов области Аурангабад, бывшие частью княжества Хайдарабад. Между этими регионами существуют различия в климатических, природных и демографических условиях, а также в уровне развития промышленности, транспорта, сельского хозяйства. Например, доход на душу населения в среднем по штату составлял в начале 60-х годов 292 рупии, в Западной Махараштре — 345, а в Маратхваде — только 174 рупии [17, 1.XI.1964].

По развитию промышленности (по данным 1960 г.) далеко вперед ушел округ Бомбей, вернее Большой Бомбей, где скон-

центрировано 70% промышленных предприятий штата и 72,8% рабочих. Наиболее отсталыми являются Маратхвада (5,9% промышленных предприятий и 4,1% рабочих) и Конкан (без Бомбея) [22, 117]. В сфере сельского хозяйства регионы различаются по системам землевладения. В Западной Махараштре и Конкане преобладает система райатвари — мелкое и среднее крестьянское землевладение, а в Видарбхе — крупное помещичье с более высокой арендной платой. В Маратхваде до последнего времени сохранялись формы крупного феодального землевладения — джагирдари и мальгузари.

Многие исследователи физико-географического и экономического районирования Индии при описании Западной Индии не включают в состав Махараштры Видарбху и Маратхваду. «Прежнее административное деление, принятое в 1950 г., — пишет Л. А. Княжинская, — лучше отражает характерные особенности Западной Индии как экономико-географического хинтерланда города Бомбея... В связи с этим маратхские округа Центральной Индии, вошедшие в штат Бомбей в его современных границах, в описание нами не включены, так как в экономико-географическом отношении они в настоящее время больше тяготеют не к Бомбею, а к Нагпуру — самостоятельному районообразующему центру» [3, 6—7].

С. Д. Дешпанде также считает, что «Бомбейская Махараштра в силу ее современного состояния не может быть частью исторической Махараштры. Она отлична от прочих местностей Индии, население которых говорит на языке маратхи» [1, 255]. Т. М. Шарма в Западную Индию включает Деш и Конкан, а в район Центральных провинций и Хайдарабада — Видарбху и Маратхваду [6, 55]. Спейт в своей схеме регионального деления Индии разделяет Махараштру на четыре региона, примерно соответствующие описанным выше [5, 670].

Хозяйственные связи между регионами Махараштры, конечно, существуют. Продукция Бомбея и Пуны издавна направлялась в самые различные районы штата, в том числе и в Маратхваду, хотя она и была отделена таможенной границей княжества Хайдарабад. Видарбха снабжает бомбейский промышленный район хлопком и другими техническими культурами, а также продовольствием. В перспективе, по мере освоения залежей полезных ископаемых, развития транспорта и промышленности, взаимодополняемость регионов Махараштры должна возрасти, но существующие хозяйственные связи еще недостаточны для ускоренной консолидации национального района маратхов и преодоления регионализма.

За несколько лет до создания Махараштры Дешпанде беспокоился по поводу того, что «предполагаемые провинции (Махараштра и Гуджарат. — Б. К.), по всей вероятности, нарушат внутренние экономические связи Западной Индии» [1, 254]. Определенное нарушение связей, конечно, произошло, но создание

маратхского штата более четко определило границы национального рынка и открыло возможность со временем ускорить развитие устойчивых связей внутри национального района. Газета деловых кругов «Экономик таймс», издающаяся в Бомбее, в большой корреспонденции из Нагпура отмечала, например, что ткачам Видарбхи нужно помочь не только в получении сырья, но и в «обеспечении постоянных рынков для готовых товаров не только в Видарбхе, но и за ее пределами, то есть во всей Махараштре» [10, 20.X.1966].

Влияние на общий климат национальной жизни в штате оказывает также значительный разрыв между городом и деревней. В маратхской деревне стремление к обладанию своим языком и литературой, свойственное эпохе становления нации, еще не стало господствующей тенденцией, хотя в городах язык маратхи уже имеет высокую престижную и практическую ценность. Видимо, и здесь дело за развитием более широких и устойчивых хозяйственных связей.

1 мая 1960 г., выступая на митинге в Бомбее по случаю создания Махараштры (этот день отмечается в штате как День Махараштры), Джавахарлал Неру говорил: «Возник новый штат, штат Махараштра. Это прекрасный штат. Но в одной из частей этого прекрасного штата не только радуются, но и печалятся... Я имею в виду Видарбху, которая сыграла славную роль в нашей борьбе за независимость. В день, когда все мы радуемся, народ Видарбхи испытывает сомнения и опасения. Народ Махараштры должен сделать так, чтобы устранить их. Народ Видарбхи тоже должен приложить все усилия для создания единой Махараштры» [15, 95]. Из этого заявления видно, что в момент создания Махараштры местнические настроения в Видарбхе были достаточно сильны, чтобы привлечь внимание премьер-министра.

В год создания Махараштры возник Комитет движения за Наг-Видарбху, ставивший целью добиться создания отдельного штата Видарбха. В 1966 г. возник также Комитет борьбы за отдельную Видарбху. Создание этих организаций знаменовало собой изменение позиции их руководителей в отношении национальной консолидации маратхов. Если раньше требования отделить Видарбху, говорящую на маратхи, от хиндиязычного штата Мадхья-Прадеш соответствовали задачам создания маратхского национального штата, то теперь основным в их деятельности стало противопоставление маратхов одного региона маратхам другого. Один из самых активных сторонников «отдельной Видарбхи» М. С. Аней утверждает, например: «У лидеров Махараштры образ мышления экспансионистский и империалистический» [26, 17.VII.1966]. Его последователи обвиняли правительство штата в том, что оно относится к этому региону «как мачеха» и пренебрегает его интересами. Они проводили дни и недели «анти-Махараштры» под лозунгом «Долой

штат Махараштра!». Наблюдатели, изучавшие настроения в Видарбхе, отмечали: «Иногда политические лидеры, а также простые люди обнаруживают там подозрительность к чиновникам и политическим деятелям из Западной Махараштры». Из этого делается вывод, что регионы штата, и особенно Видарбха, «эмоционально не интегрированы» [26, 28.I.1965].

«Славное прошлое» времен маратхской династии Бхонсле в Нагпуре, чувство недоверия к «брахманам из Пуны» и последнему пещве, предавшему свободолюбивых маратхов, положение Нагпура как столичного города Центральных провинций и в то же время постоянные жалобы на дискриминацию со стороны хиндиязычного большинства этого региона — все эти исторические факторы создали у политической и кастовой элиты региона сложный комплекс притяжения и отталкивания в отношении остальной Махараштры.

В своем исследовании Г. С. Сингх пишет: «Регионы Бомбейский Декан и Конкан, традиционно известные как Старая Махараштра, демонстративно считают себя ядром и истоком борьбы маратхов против могольского господства; эти регионы страдают иногда „комплексом превосходства“, тогда как местные настроения в Видарбхе наряду с другими причинами вызваны, по мнению автора, „комплексом неполноценности“, возникшим после присоединения Видарбхи к Махараштре, когда Нагпур перестал быть столицей и превратился в простой провинциальный город [22, 144—145]. Можно спорить с терминологией автора, но он отразил объективно существующие настроения».

Г. С. Сингх упоминает также об «определенных этнических корнях» населения Видарбхи, что, вероятно, служит дополнительной причиной живучести местных настроений. Политически активная верхушка данного региона в традициях, обычаях, жизненном укладе и религиозной идеологии сохраняет своеобразную «генетическую память» о существовавших в древности различиях между маратхскими кланами. Это находит выражение, например, в противопоставлении высших каст Видарбхи «брахманам из Пуны».

При наличии настроений притяжения и отталкивания для сторонников отдельной Видарбхи характерна расплывчатость их аргументации и непоследовательность поведения. Руководители упомянутых комитетов часто угрожают правительству штата массовыми выступлениями и призывают выделить этот регион в отдельный штат из «уважения к чувствам народа». В то же время они выдвигают требование провести здесь референдум для «выяснения настроений народа» [13, 5.V.1966]. Требования отдельной Видарбхи гальванизируются по самым различным поводам. Когда правительство штата приняло решение о создании сельскохозяйственного университета в Ахмаднагаре (Западная Махараштра), в Видарбхе произошло

несколько выступлений за перенос этого университета в данный регион, что вызвало оживление среди здешних автономистов. В конечном итоге правительство штата решило создать четыре таких университета — по одному в каждом регионе. Предпринимались попытки расширить движение в связи с событиями в Теленгане в 1969 г., после создания штата Мегхалая в 1970 г., после предоставления статуса штата союзной территории Химачал-Прадеш и т. д.

За выделение Видарбхи выступают две организации. Несмотря на провозглашенное единство целей, они соперничают и даже враждуют между собой. На парламентских выборах 1967 г., во время муниципальных выборов в Нагпуре в 1969 г. и т. п. кандидаты этих организаций принадлежали к противоборствующим коалициям и боролись друг против друга под одинаковыми лозунгами [11, 13.II.1967; 26, 14.III.1969]. Показательно, что в ходе предвыборных кампаний эти организации не выставляли требования об отделении Видарбхи как официальную предвыборную программу. Этот лозунг использовался кандидатами «в личном плане».

В мероприятиях, проводимых этими комитетами, принимает участие, судя по сообщениям индийских газет, в лучшем случае 2—3 тыс. человек, цифра мизерная по индийским масштабам. По существу, этим комитетам ни разу не удалось провести по-настоящему массовое мероприятие. Они все больше прибегают к таким методам, как направление меморандумов и делегаций в Дели и Бомбей. Действия автономистов ограничиваются Нагпуром, не затрагивая ни деревень, ни других городов региона. Основные участники мероприятий — представители средних слоев старшего поколения, которые еще помнят, что в свое время Нагпур был столицей, и они имели гораздо больше возможностей получить место в государственном аппарате.

Торговцы Нагпура обычно игнорируют призывы комитетов к забастовкам и бандхам под лозунгом отдельной Видарбхи. Сохраняющиеся здесь региональные организации деловых кругов, например Промышленная ассоциация Видарбхи, и профессиональные — Центральное кооперативное общество ткачей Видарбхи — враждебно относятся к деятельности автономистов. Их социальная база узка и к тому же опирается на настроения, уходящие в прошлое. Показательно, что студенты, всегда готовые принять участие в массовых действиях, сторонятся автономистов. Динамичные слои региона — мелкая буржуазия, средние слои — выступают за рост хозяйственных, политических, культурных и других связей между регионами. Эти слои становятся более подвижными и заинтересованными в расширении возможностей в масштабах всего штата.

Таким образом, местнические настроения в Видарбхе (как и в других регионах штата) продолжают существовать. Но они

идут вразрез с объективным процессом консолидации маратхской нации, хотя, по-видимому, довольно долго еще будут вносить немало беспокойства в национальную жизнь штата Махараштра.

Штат Гуджарат, созданный одновременно с Махараштрой (в 1960 г.), столь же четко делится на регионы: собственно Гуджарат (или материковый Гуджарат); Саураштра, расположенная на п-ове Катхиавар, и Кач — на полуострове того же названия.

Наиболее развитым экономически является материковый Гуджарат, входивший до 1960 г. в состав штата Бомбей. Сельское хозяйство этого региона отличается высокой товарностью и интенсивным использованием земель. В 60-е годы в районе Ахмадабад — Барода вырос мощный промышленный комплекс, в котором представлены химические и машиностроительные заводы, а также предприятия по добыче и переработке нефти. За годы существования национального штата при общем росте числа предприятий на 63,8% число химических предприятий увеличилось больше чем в 2,5 раза, а машиностроительных — в 2 раза [27]¹.

Район Ахмадабада является также центром политической, общественной и культурной жизни штата. В последние 300—400 лет диалект района Ахмадабада (чаротари) прочно занял место основы литературного гуджарати. Перенос столицы из Ахмадабада в новый город Гандинагар не изменил положения в этом районе, поскольку Гандинагар расположен всего в 24 км от Ахмадабада.

Саураштра до реформы 1956 г. была штатом класса В, созданным путем интеграции более 400 феодальных княжеств и владений. Этот регион может служить наглядным примером феодальной раздробленности, тщательно сохранявшейся англичанами. Утверждают, что до ликвидации княжеств поезд Катхиаварской железной дороги на протяжении каждых десяти миль пересекал более дюжины таможенных и административных границ. В подобных условиях не могло быть и речи об устойчивых хозяйственных связях. В административных центрах княжеств — Раджкоте, Бхаванагаре и др. — возникали ремесленные центры и мелкие предприятия по первичной переработке сельскохозяйственных продуктов, но их связи ограничивались пределами данного княжества. После ликвидации княжеств в регионе получило развитие производство технических культур — хлопчатника и особенно земляного ореха, под которыми занято свыше 70% обрабатываемых земель. Саурашт-

¹ За те же годы общий рост промышленного производства в штате составил 114, а сельскохозяйственного — 26%. В обзоре по штату Гуджарат говорится: «Создание отдельного штата Гуджарат было событием большого значения. Это подтверждается устойчивым прогрессом штата в области промышленного развития за девять лет его существования» [там же].

ра дает до трети всего производимого в Индии арахисового растительного масла, что приносит региону доход, оцениваемый в 200 млн. рупий, поэтому «торговцы маслом оказывают сильное воздействие на политическую жизнь Саураштры» [26, 29.VIII.1966].

За годы независимости здесь развилась мелкая и ремесленная промышленность. За 1960—1968 гг. число мелких предприятий в штате возросло с 3911 до 5669, а кустарных — с 2190 до 10 890, т. е. в 5 раз. Значительная доля этого роста приходится на Саураштру, что ведет к быстрому развитию хозяйственных связей внутри региона, а также между ним и промышленным комплексом Ахмадабад — Барода.

Богатые прибрежные районы Саураштры в раннее средневековье, например в государстве Чалукьев, служили, видимо, центром формировавшейся этнической общности гуджаратцев. Как считают лингвисты, в тот период представительным считался диалект Южной Саураштры — район Сомнатха, где был расположен знаменитый Сомнатхский храм, район порта, разбогатевшего на заморской торговле, а также район гор Гир (ныне национальный заповедник). О престижной ценности этого диалекта свидетельствует тот факт, что траматисты называли ранний гуджарати «гира апабхрамша». Саураштра пришла в упадок после нашествия Махмуда Газневидского (1026), во время которого был разрушен и разграблен Сомнатхский храм. Центр гуджаратцев постепенно переместился в глубь материка. В настоящее время население Саураштры говорит на многочисленных говорах диалекта катхиавари.

Ликвидация княжеств и создание штата Саураштра рассматривались как шаг к объединению гуджаратских земель.

В первом проекте договора об объединении княжеств говорилось, что Саураштра автоматически войдет в состав штата Гуджарат, когда такой штат будет создан. В окончательном варианте договор предусматривал проведение переговоров с другими районами, где говорят на гуджарати, о слиянии на взаимно согласованных условиях. Через семь лет после подписания этого договора Комиссия по реорганизации штатов отметила: «Влиятельные слои в Саураштре высказались в пользу присоединения к штату Бомбей» [21, 119].

К влиятельным слоям относится, во-первых, мелкая и средняя буржуазия Саураштры и выражающие ее интересы торговые палаты Раджкота, Бхаванагара и другие, заинтересованные в более емких рынках, во-вторых, интеллигенция и городские средние слои. Дело в том, что доля городского населения в Саураштре в 2 раза превышает среднеиндийский уровень. Это произошло в результате существования административных центров множества княжеств и феодальных владений. После их ликвидации перед городским населением встал вопрос о работе, о занятости. Решение его связывалось с более широкими

возможностями в объединенном Гуджарате. Выступая за присоединение Саураштры к Гуджарату, буржуазия региона требовала определенных гарантий для защиты от конкуренции более сильной экономически и политически буржуазии материкового Гуджарата. Эти гарантии предусматривали сохранение автономии региона путем объединения его шести дистриктов в возглавляемую комиссаром область, определенные нормы представительства региона в учреждениях штата, создание в Раджкоте постоянного филиала Верховного суда штата и т. п.

В июле 1966 г. политический деятель Ратилал Танна выступил в Раджкоте с заявлением, в котором потребовал отделения Саураштры от Гуджарата и превращения ее в самостоятельный штат. Это не было неожиданностью. В штате наблюдалось обострение борьбы региональных группировок буржуазии и рост недовольства в Саураштре некоторыми актами правительства штата, в частности ликвидацией поста областного комиссара, который выступал от имени региона перед правительством штата. В настоящее время к властям Ахмадабада должен обращаться глава каждого дистрикта Саураштры в отдельности, не имеющий, естественно, такого авторитета и влияния, каким пользовался областной комиссар. Особое недовольство землевладельцев вызвало повышение налога на продажу земляного ореха и запрещение свободного вывоза арахисового масла в другие районы штата и Индии. Эту, в целом прогрессивную меру, направленную на предотвращение роста цен, сочли за попытку правительства штата «разорить Саураштру». Ратилал Танна перед своим выступлением совещался с группой бизнесменов и торговцев земляным орехом и заручился их поддержкой.

Дальнейшие действия автономистов почти во всех деталях повторяют подобные же действия в Видарбхе. Заявив об отсутствии «эмоциональной интеграции» Саураштры и Гуджарата, Танна обвинил последний в том, что он пренебрегает интересами региона и относится к нему «как мачеха» [5.VII.1966]. Вообще говоря, тема «мачехи и золошки» является излюбленной для автономистов всех регионов. Следующим шагом было выдвижение кандидатов на парламентских выборах, которые выступили с требованием отделить Саураштру, и обращение к избирателям с призывом поддержать этих кандидатов вне зависимости от их партийной принадлежности. Местничество, как и буржуазный национализм, склонно ставить свои лозунги над партийными разногласиями, и в этом особенно ясно видна его классовая сущность.

На парламентских выборах 1967 г. все кандидаты-автономисты не просто потерпели поражение, но и потеряли залог, т. е. не набрали минимального числа голосов. Танна заявил о прекращении движения, «поскольку народ Саураштры равнодушен к идее отдельного штата» [26, 13.II.1967].

Вопреки ясно выраженному мнению массы избирателей деятельность автономистов не прекратилась, хотя руководство перешло в другие руки. В регионе возникла межпартийная организация «Армия львов» («Синха сена»). Местнические настроения поддерживались торговцами арахисом, недовольными экономической политикой правительства Гуджарата. «При сложившихся обстоятельствах, — отмечает газета „Таймс оф Индия“, — вряд ли может вызвать удивление тот факт, что налог на закупки и новые ограничения на перевозки ореха и масла из него, внешне направленные на удержание уровня цен, содействовали активизации автономистов» [26, 26.I.1970].

Пример Саураштры оживил местнические настроения в Каче — самой бедной и отсталой территории Гуджарата, которая до 1956 г. имела статус штата категории «С», т. е. непосредственно подчинялась центральному правительству. Здешние автономисты, опиравшиеся на поддержку феодально-княжеской «Раджпутской сабхи Кача», требовали преобразования региона в союзную территорию.

За годы существования штата Гуджарат хозяйственные связи на его территории получили большое развитие. Раньше связи материкового Гуджарата были ориентированы на Бомбей, теперь промышленный комплекс Ахмадабад — Барода сам стал центром притяжения. В штате создана единая энергосистема и введены единые тарифы на электроэнергию. Развивается транспорт. В Каче заканчивается строительство крупного морского порта Кандла и железной дороги, соединяющей этот порт с Саураштрой и магистралью Ахмадабад — Дели. Буржуазия Саураштры и Кача не прочь время от времени поддерживать местнические настроения, используя их как орудие давления на правительство штата и своих конкурентов из материкового Гуджарата, но всерьез не стремится к разделу своей национальной территории. Таким образом, местнические настроения паразитируют на реальных трудностях процесса национальной консолидации в условиях капитализма. Их питают узкие локальные интересы отдельных групп буржуазии и стремление феодальных элементов из числа бывших князей и их окружения вернуть себе влияние в новой обстановке. Для последних автономистские движения — единственный способ реализации политических амбиций, поскольку привычной исходной точкой их политического мышления остается средневековый партикуляризм.

В штате *Андрха-Прадеш* автономистское движение возникло позже, чем в Гуджарате, но в 1969 г. там произошла массовая и разрушительная вспышка беспорядков. Теленгана стала символом автономистов в разных районах Индии. Теперь при выдвижении требования об административном отделении того или иного региона инициаторы, как правило, угрожают начать движение «теленганского типа». Вспышка в Теленгане

ярко выявила характерные черты местнических настроений, поэтому пример ее особенно интересен для изучения типологии местничества и порождаемого им автономизма.

Андхра-Прадеш является преимущественно сельскохозяйственным штатом. В 1964/65 г. промышленность Андхры дала лишь 6,9% дохода штата против 18% в среднем по Индии [12, 21]. Штат делится на три региона: прибрежная Андхра, Теленгана и Раялсима.

Прибрежная Андхра — район интенсивного высокотоварного земледелия. Ее называют рисовой житницей Южной Индии; там выращивают также высокосортный виргинский табак, сахарный тростник и другие технические культуры. Этот регион занимает одно из первых мест в Индии по молочному животноводству и производству топленого масла. В городах, расположенных по побережью, развита промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья, добыча соли из морской воды, слюды и т. п. В городе Висакхапатнам создано несколько крупных предприятий химической, нефтяной и машиностроительной промышленности. Здесь расположены судоверфь и порт, обслуживающий не только Андхру, но и соседние штаты — Мадхья-Прадеш и Ориссу. Внутрихозяйственные связи региона развиты хорошо. До последнего времени он тяготел к мадрасскому экономическому району, лишь в годы независимости, особенно после создания штата Андхра, начали развиваться межрегиональные хозяйственные связи.

Теленгана до 1956 г. входила в состав княжества Хайдарабад. Это отсталый в экономическом и социальном отношении регион, страдающий от частых засух и засилья феодальных отношений. В регионе постоянно ощущается дефицит продовольствия. Межотраслевые хозяйственные связи и транспортная система внутри него развиты слабо. Города до сих пор остаются изолированными хозяйственными единицами, поскольку их промышленность и ремесла базируются на сырье, производимом в прилегающих районах.

Особое место занимает город Хайдарабад — центр Теленганы и столица штата, где за годы независимости созданы крупные, главным образом государственные машиностроительные, химические, оборонные и другие предприятия. Он превращается в крупный промышленный комплекс, центр тяготения других районов. В Теленгане найдены богатые запасы различных видов минерального сырья — угля, железной и медной руды, известняка и др.

Раялсима — один из самых отсталых, засушливых районов Индии с низкими доходами населения, значительная часть которого составляют племена, живущие в гористых районах.

Хозяйственные связи между регионами Андхры развиты недостаточно и не отличаются прочностью. Каждый из регионов сохраняет свою структуру хозяйства и земельных отношений.

Однако экономически регионы Андхры удачно дополняют друг друга. «Штат и составляющие его регионы представляют собой взаимодополняющую экономическую структуру. Порттовый город Висакхапатнам, порты Какинада и Масулипатам, богатые леса вдоль всей границы штата от Срикакулама до Адилабада, плодородные долины рек Годавари и Кришны, благодатные земли дельты, минеральные богатства Раялсимы, угольный и индустриальный потенциал Теленганы — все это составляет весьма завидные компоненты взаимодополняющей экономики» [12, 37].

Национальный совет прикладных исследований Индии на основе социально-экономического обследования Андхры разработал план сбалансированного экономического развития регионов штата. Для его осуществления требуются капиталовложения в размере почти 2,5 млрд. рупий. Индийские исследователи подчеркивают, что успешная реализация экономических потенций каждого из регионов и преодоление неравномерности их развития возможны лишь в рамках крупной административной единицы, позволяющей оперировать значительными средствами, причем национальный характер этой единицы будет дополнительным фактором развития. Но каждый из регионов, взятый в отдельности, не может решить этих вопросов [см.: 18, 24.V.1969].

Этот вывод уже подтвержден экономическим прогрессом штата. В Андхра-Прадеше приняты меры по развитию бассейна рек Кришны и Годавари в интересах всего штата. «Маленькая Теленгана не смогла бы этого сделать. Как регион, хронически страдающий от недостатка продовольствия, она также выиграла, получая часть излишков продовольствия из прибрежной Андхры» [24, 21.I.1969].

Таким образом, ускоренное создание общности хозяйственной жизни и национальная консолидация андхров опираются на объективные экономические предпосылки. Но развитие по капиталистическому пути с присущими ему противоречиями и сохранение полуфеодальных отношений в деревне задерживают этот процесс. Пока сохраняются изолированность и неравномерность развития регионов, остаются и условия для местных настроений.

Уже на самых начальных этапах национального движения андхров существовали трения между политическими верхушками прибрежной Андхры и Раялсимы. Трения проявились в 1937 г., во время заключения «пакта в Шри Багхе» между представителями этих регионов. Пакт предусматривал, что в случае создания штата Андхра в Раялсиме будет находиться либо столица (действительно, в 1953—1957 гг. столица находилась в этом регионе, ею был Карнул), либо Верховный суд штата, а также создан университет в г. Анантпур и построена ирригационная система Тунгабхадра. Рам Гопал отмечает и

лингвистический момент в трениях между этими регионами: «Дистрикты Раялсимы, в большинстве своем двуязычные, находившиеся под сильным влиянием хиндустани и расположенные на границе с Тамилнадом, естественно, были менее заинтересованы в присоединении к одноязычной единице» [20, 83].

Присоединение Теленганы к Андхре в 1956 г. было оформлено на аналогичной основе. Представители ведущих политических сил этих регионов подписали так называемое джентльменское соглашение, в котором оговаривались права политической верхушки Теленганы: представительство в Законодательном собрании штата, создание Постоянного регионального совета с правом приостановки законодательства, затрагивающего интересы региона, сохранение правил «мульки», т. е. домицильных ограничений при занятии низших должностей в государственном аппарате, и т. п. Правила «мульки», принятые еще администрацией низама, предусматривали, что для занятия должности на службе князя нужно было прожить в княжестве не менее 15 лет. Это было средство защиты мусульманской аристократии от конкуренции со стороны более образованных и энергичных выходцев из других провинций.

«Джентльменское соглашение», как видно из его условий, защищало права не всего населения региона, а лишь верхушки, стоявшей у власти. За годы пребывания региона в составе штата Андхра «никто не слышал, чтобы лидеры Теленганы открыто и громко говорили о своих обидах, пока они находились у власти» [18, 5.VII.1969]. Когда в Теленгане вспыхнуло недовольство, подписавшие соглашение «джентльмены», потерявшие власть в ходе фракционной борьбы, немедленно выдвинули автономистские лозунги и начали пропаганду, используя обычный для автономистов мотив «мачехи и золушки».

Несомненно, объединение в рамках национального штата всех андхрских территорий отвечает интересам этого народа. Однако объединение, за которое боролись народные массы андхров, было осуществлено путем договоренности между собой буржуазно-помещичьих верхушек регионов. Специальный корреспондент еженедельника «Мейнстрим», находившийся в Теленгане в разгар событий, высказал интересную мысль. В 1946—1948 гг. в княжестве Хайдарабад шла борьба теленганских патриотов против низама и его наемных карателей — разакаров. Одним из лозунгов этой борьбы было требование ликвидации княжества и присоединение Теленганы к говорящим на телугу жителям Андхры. Борьбу поддерживали андхры из прибрежных дистриктов. Центр ее находился в андхрском городе Виджаявада, где укрывались бежавшие от преследований низама патриоты-теленганцы. «Если бы объединение двух регионов, — пишет корреспондент, — произошло в результате этой борьбы, то получился бы союз на уровне простых людей и последствия его были бы совсем другими. Сей-

час это верхушечный союз конгрессиистских лидеров двух регионов, которые прежде всего заинтересованы в сохранении своих политических позиций и защите классовых интересов» [18, 8.II.1969].

Вспышка волнений в Теленгане в 1969 г. четко делится на два этапа. До марта напряженное положение в регионе было обусловлено общими для всей страны причинами. Три года подряд в Теленгане, как и в других районах страны, свирепствовала засуха, повлекшая за собой острую нехватку продовольствия. Как и вся Индия, Теленгана переживала период затяжного экономического спада, который сопровождался ростом безработицы, цен и инфляцией. В городах ширилось забастовочное движение, активизировались студенты. Усилилась напряженность в деревнях.

«В связи с общим экономическим застоєм наблюдался спад и в экономике Андхры. Сотни инженеров были уволены. Тысячи получивших образование молодых людей не могли найти работы. По сравнению с Теленганой проблема безработицы, вероятно, более остро стоит в прибрежной Андхре и Раялсимае», — писал еженедельник «Мейнстрим» [18, 5.VII.1969].

К моменту вспышки в Хайдарабаде уже было напряженное положение в связи с забастовкой государственных служащих низших категорий. Получая небольшую заработную плату, они особенно страдали от роста цен и инфляции. На первом этапе борьба носила не местнический, а социально-экономический характер с некоторым местническим подтекстом. Например, наряду с требованиями о повышении заработной платы выдвигалось требование о продлении правил «мульки» и гарантий служащим Теленганы, срок действия которых истекал в марте 1969 г.

Соперничество между служащими Андхры и Теленганы и вопрос о гарантиях ведут начало с 1952 г., когда вместе с индийской армией, пришедшей в Хайдарабад во время так называемой полицейской акции, прибыло значительное число гражданских чиновников из Андхры, взявших в свои руки административное управление регионом и высокомерно относившихся к местному населению. В результате борьбы служащих Теленганы было принято решение о предоставлении им ряда гарантий. Этот вопрос снова возник после реорганизации штатов в 1956 г. Некоторые штаты, например Майсур, были объявлены *новыми*. В них вырабатывались и принимались законы и правила, учитывавшие интересы представителей различных регионов, т. е. эти регионы в составе нового штата ставились в равноправное положение. Слияние Теленганы и Андхры произошло как *присоединение* первой к *старому* штату Андхра, что означало распространение на Теленгану законов и правил, действующих в Андхре. Если учитывать отсталость Теленганы, то эта операция ставила регион и его служащих в неравно-

правное положение. Более образованная и опытная интеллигенция Андхры заняла ведущее положение в государственном аппарате.

Следует также учитывать обостренную чувствительность теленганцев в этом вопросе. В княжестве Хайдарабад служба оставалась привилегией мусульманской аристократии. Непременным условием было знание официального языка урду, что создавало для теленганцев-телугу дополнительные трудности, которых не существовало для чиновников в Андхре. После слияния служащим-теленганцам снова пришлось переучиваться. «При режиме низама, — писал журналист Н. Гопинатхан Наир, — теленганцев сознательно не допускали на государственную службу, где они составляли менее 10%. Народ Теленганы надеялся, что после „полицейской акции“ центра положение изменится. Но, к их разочарованию, в княжество хлынул поток аутсайдеров» [19, 7.V.1969]. Неприязнь между мелкобуржуазными прослойками прибрежной Андхры и Теленганы наблюдается и в настоящее время. «Теленганские сепаратисты утверждают, что андхры считают себя выше по положению. По мнению теленганцев, андхры замкнуты, заносчивы, грубы и неотесанны. В их поведении проявляется высокомерие, подкрепляемое уверенностью в том, что теленганцы — бедные родственники, которым еще предстоит подняться на более высокую ступень цивилизации. Видный конгрессист, депутат парламента от Теленганы, считает, что такое отношение возникло еще в то время, когда Индия была разделена на британскую и туземную. Население Британской Индии, вернее, интеллигенция из средних слоев и правящая элита, — утверждает он, — испытывали невысказанное, возможно, неосознанное презрение к населению туземной Индии» [26, 4.V.1969]. В подобных условиях существование местнического подтекста в социально-экономической борьбе теленганских служащих не могло быть неожиданным.

Основной движущей силой беспорядков в Теленгане были студенты и учащиеся старших классов. «Студенты особенно активно агитировали за Теленгану главным образом из страха, что в конце обучения они обнаружат: большая часть постов, ради которых они учились, занята молодыми людьми из дистриктов прибрежной Андхры» [26, 1.IX.1969].

Профессор Османского университета Н. В. Тиртха провел обследование среди студентов колледжей и учащихся средних школ Хайдарабада. «Студенты из Теленганы (группа, говорящая на телугу), — пишет он, — продемонстрировали значительно большую степень враждебности к студентам из Андхры (также говорящим на телугу), чем к другим лингвистическим группам, говорящим на тамили или каннада. Обследование, проведенное вскоре после создания штата Андхра-Прадеш, когда жители Теленганы все еще с подозрением относились к

жителям Андхры из прибрежных районов и ощущали на себе их превосходство, подтверждает, что связь экономических и политических мотивов придает лингвистическим и другим формам социальных противоречий особую остроту и резкость [25, 18]. Тиртха правильно подчеркивает, что враждебность обнаружена в отношениях между студентами разных регионов *одного* национального района, говорящих на *одном* языке — телугу.

Попытка некоторых политических деятелей найти диалектные различия там, где их, в сущности, нет, или использовать их как аргумент в пользу отделения региона от национального района встречают резкое осуждение. «Интересно отметить, — пишет журналист под псевдонимом Оса, — что один из представителей элиты, который присоединился к движению (теленганских сепаратистов. — Б. К.) довольно поздно, попытался компенсировать потерянное время путем заведомо смехотворного утверждения, что движение за сепаратную Теленгану справедливо, поскольку, хотя алфавит един, разговорный язык в регионах разный» [18, 21.VI.1969].

Журналист и социолог Ашок Чанда в статье о лингвистических штатах, опубликованной в приложении к газете «Стейтсмен» по случаю Дня независимости, писал, что диалектные различия между тремя регионами Андхры — Теленганой, Раялсимой и Дельтой — затрудняют общение между населением этих регионов [24, 16.VIII.1966]. Другой автор из штата Андхра-Прадеш, Д. В. Рама Рао, не замедлил опровергнуть Ашока Чанду: «Современные книги на телугу одинаково понятны во всех трех регионах, упомянутых Ашоком Чандой. Равным образом периодика, кинофильмы и радиопередачи на телугу одинаково понятны для всех андхров, поскольку существует общий стандарт языка. Более того, по языку довольно трудно определить, из какого региона происходит тот или иной андхра» [там же]. Если учесть, что в сепаратистских движениях участвуют преимущественно образованная часть мелкой буржуазии и городских средних слоев, а также политическая элита, которые в общении пользуются именно стандартным литературным языком, то диалектные различия вообще отступают на задний план.

С. Ч. Дубе, давая подробное описание деревни, расположенной в Теленгане, в 25 милях от г. Хайдарабад, отмечает: «Преобладающим языком в деревне Шамирпет является телугу — основной язык Теленганы и Андхры... Однако образованные андхры критикуют диалект, на котором говорят в Шамирпете и вообще в сельских районах, за жесткое и грубое произношение» [8, 19]. Иными словами, здесь выявляется социально-классовое отношение образованной части населения к «грубому» крестьянскому языку вообще, а не к данной его диалектной разновидности. Если учитывать все лингвистические моменты, то следует отметить, что в городах Теленганы извест-

ное распространение имеет урду (в форме дакхни). Однако представители мусульманской общины, подчеркивающие свою заинтересованность в закреплении позиций урду, не участвуют в движении теленганских сепаратистов.

Проблема безработицы среди образованной части населения в Теленгане острее, чем в других районах Индии, поскольку в этом регионе система образования развивалась особенно интенсивно: с 1956/57 до 1966/67 г. число учащихся старших классов в Теленгане возросло с 82 тыс. до 440 тыс., т. е. на 536% (в других регионах Андхры — на 200—227%), а число студентов колледжей — с 12 тыс. до 37 тыс., или на 308% (в других регионах — на 137—200%) [12, 17—18]. Однако потребность в образованных людях значительно отставала от темпов их появления на рынке рабочей силы. К тому же теленганды испытывают конкуренцию со стороны прибрежных андхров.

Волнения студентов начались в январе 1969 г. в дистриктах Теленганы и лишь через некоторое время возникли в Хайдарабаде. Единственным требованием студентов было строгое соблюдение гарантий, предоставленных региону «джентльменским соглашением». В основном студенческое движение было направлено не против властей вообще, а против министров, представлявших в правительстве штата Теленгану, но не боровшихся за интересы региона. Чучела этих министров сжигались студентами на улицах городов. Лишь через какое-то время небольшая группа студентов Османского университета, находившаяся под влиянием партии Джан сангх, выдвинула лозунг отдельной Теленганы. Сразу же начались острые столкновения между студентами — сторонниками соблюдения гарантий и автономистами, поскольку среди студенчества растет понимание того, что будущее молодых людей связано с возможностями свободного передвижения рабочей силы, а не с изоляцией ее в узких рамках региона.

В марте начался второй этап студенческого движения, когда руководство им взяли в свои руки политические деятели из правящей партии, которые потерпели поражение во фракционной борьбе и рассчитывали вернуть себе власть и влияние в случае создания отдельной Теленганы. Движение приняло разрушительный характер.

Автономисты получили поддержку со стороны крупной гуджаратско-марварийской буржуазии, имевшей в Теленгане довольно сильные позиции. Интересы этой группы все чаще приходили в столкновение с андхрской буржуазией, быстро росшей после создания штата. «Бизнесмены и промышленники из Уттар-Прадеша, Гуджарата и Раджастанхана, — утверждал в парламенте депутат от Андхры, — которые в течение длительного времени доминируют в экономике Теленганы и ревниво относятся к предпринимателям из прибрежной Андхры и Раял-симы, спровоцировали недавние волнения в надежде на то, что

они смогут восстановить свое прежнее господство в отдельной Теленгане» [26, 2.IV.1969].

Опорой автономистов стала также старая хайдарабадская аристократия и помещики, утратившие свое политическое влияние в городе и постепенно вытесняемые из деревни. «Созданные на лингвистической основе штаты нарушили равновесие между политически активными общностями, — пишет Б. К. Р. Кабад. — Некоторые из нынешних проблем Андхры коренятся еще в монополии на власть, захваченной богатыми крестьянами-собственниками из более развитых по образованности жителей дистриктов, ранее входивших в управляемый англичанами район» (т. е. в прибрежную Андхру) [26, 3.V.1969].

После объединения андхрских территорий начался приток в Теленгану зажиточных фермеров из прибрежных районов с высокой плотностью населения и сильным земельным голодом. Фермеры скупали дешевые земли в Теленгане и налаживали на них современное капиталистическое хозяйство. Приток фермеров с годами увеличивался, что привело к постепенному изменению социальной структуры теленганской деревни. В феодальном Хайдарабаде деревня отличалась наличием полярных классов. На одном полюсе стоял помещик, как правило, мусульманин, живший в городе и служивший у князя, на другом — нищий, забитый и бесправный арендатор-телугу. Зажиточный крестьянин был редкой фигурой в Теленгане. Помещик, опиравшийся на управляющих и деревенских должностных лиц, обладал непререкаемой властью и политическим влиянием. Появление зажиточного фермера изменило расстановку сил. Он постепенно забирает в свои руки деревенские органы самоуправления (панчаяты), занимает руководящее положение в кооперативах, определяет общественное мнение деревни. Власть и влияние живущего в городе помещика падают.

Как известно, развитие капиталистического земледелия ведет к сгону арендаторов с земли, повышению арендной платы, усилению эксплуатации, что вызывает недовольство коренного населения. Это недовольство пытались использовать помещики, натравливая арендатора на фермера-чужака. Столкновению классовых интересов придан был местнический характер.

Теленганская деревня, однако, равнодушно отнеслась к автономистским лозунгам. Более того, в разгар попыток автономистов снова вызвать беспорядки коммунисты с успехом провели в Хайдарабаде в конце февраля 1970 г. демонстрацию под лозунгами борьбы за землю. В ней приняло участие более 25 тыс. крестьян и сельскохозяйственных рабочих из *всех регионов* штата. Показательно, что одним из лозунгов демонстрации было требование сохранить единство Андхры [19, 27.II.1970]. Следует подчеркнуть, что Коммунистическая партия Индии и ее андхрская и теленганская организации после

довательно и твердо выступают против автономистского движения.

Что касается рабочих Теленганы, то лишь очень незначительная их часть оказалась вовлеченной в волнения. 1 февраля в г. Срисейламе (дистрикт Карнул, Раялсима) произошло столкновение между шахтерами-теленганцами и андхрами [24, 2.II.1970]. В другом городе шахтеров — Беллампалли (дистрикт Адилабад, Теленгана) рабочие-теленганцы напали на дом управляющего из прибрежной Андхры [14, 2.II.1969]. В ходе волнений три главных профсоюзных объединения штата опубликовали совместное заявление, в котором говорилось: «Мы убеждены в том, что лозунг отдельной Теленганы противоречит интересам народа Теленганы, поэтому мы призываем рабочий класс не участвовать в забастовке и других отвлекающих внимание мероприятиях» [26, 3.II.1969]. В дальнейшем участие рабочих носило эпизодический характер.

Беспорядки в Теленгане 1969 г. нередко выходили из-под контроля организаторов и выливались в разнузданное насилие, когда в них принимали участие деклассированные элементы, составляющие в индийских городах довольно большую прослойку. Для восстановления порядка власти неоднократно вызывали воинские части и подразделения резервной полиции. Десятки людей были убиты. По оценке правительства штата, ущерб, нанесенный собственности только с января по июль 1969 г., составил колоссальную сумму — 520 млн. рупий [14, 20.X.1969]. Грабежи лавок и жилищ, разорение виноградников и усадеб, поджоги железнодорожных станций и автобусов — все это напугало обывателя и оттолкнуло его от автономистов. Движение явно пошло на убыль и начало затухать к концу 1969 г.

Как и в других регионах, чем заметнее становилась никчемность местнических лозунгов, тем резче выявлялись разногласия в руководстве автономистов. Когда в середине 1970 г. автономистской организации «Народный комитет Теленганы» не удалось даже начать широко разрекламированную «последнюю и решительную» кампанию за отделение Теленганы, в ее руководстве возникли раздоры, закончившиеся расколом на три враждующие фракции. На дополнительных выборах в Законодательное собрание штата в городском округе Хайдарабад борьбу между собой вели три кандидата-автономиста. В конечном итоге деятельность автономистов свелась к замене номерных знаков на автомашинах. Вместо государственных знаков с шифром А(ндхра)РХ автономисты изготовили и повесили свои — с шифром Т(еленгана)РХ.

Руководство одной из фракций «Народного комитета Теленганы» решило преобразовать его в политическую партию, что еще больше усугубило раскол в среде автономистов и было расценено как переход от массовой борьбы к обычной

верхушечной схватке за депутатские места и министерские портфели. Часть лидеров комитета вернулась в Индийский национальный конгресс после того, как им были сделаны некоторые уступки: главным министром штата стал представитель Теленганы, депутаты от этого региона получили право сами принимать решения относительно ассигнований и планов его развития. Одна из фракций комитета заявила о своем намерении продолжать борьбу за отдельную Теленгану, но она явно не пользовалась поддержкой населения: во время выборов в 1972 г. в Законодательное собрание Андхра-Прадеша она получила всего 2 депутатских места из 287.

События в Теленгане создали в штате такую атмосферу, что стали возможными выступления в пользу выделения в отдельный штат другого региона — Раялсима, а также выдвижение других требований местнического характера. Например, независимый депутат Законодательного собрания штата Б. Папи Редди заявил, что, если будет создана отдельная Теленгана, он потребует выделения в штат дистрикта Неллору [12].

* * *

Выступления в пользу выделения Теленганы, Видарбхи и Саураштры происходили в одноязычных штатах, где существуют сильные националистические настроения и ощущение своего единства в противопоставлении другим штатам. Большинство индийских политических обозревателей и ученых сделало именно такой вывод из событий в Теленгане. «Если нынешние волнения в Теленгане и дают какой-либо урок, — отмечает специальный корреспондент еженедельника „Мейнстрим“, — то он сводится к тому, что единство народа двух регионов цементируется не только общим языком и общей культурой, но и чем-то большим. Само создание лингвистических штатов было вызвано исторической необходимостью покончить с политикой англичан „разделяй и властвуй“, объединить народ, принадлежащий к одной культурно-лингвистической группе, но разделенный между различными провинциями. Сделав это, необходимо было принять меры к развитию каждого штата, чтобы ликвидировать наследие иностранного господства — неравенство — и обеспечить равномерный прогресс всех регионов» [18, 8.II.1969]².

Обозреватель Нандан Кагаль выводит следующее заключение из событий в Теленгане: «Хотя языковая связь достаточно сильна, чтобы объединить штат в его отношениях с другими

² В передовой статье газеты «Индиан экспресс» от 30 апреля 1969 г. говорится: «События в Андхре показали, что общий язык не обязательно представляет собой прочное связующее звено».

штатами или центром, она не достаточно сильна, чтобы добиться равенства в развитии регионов внутри штата» [14, 27.III.1969].

Местнические настроения паразитируют на отсталости и недостаточном развитии хозяйственных связей внутри национального района. Очевидно, что преодоление этих настроений зависит от широкого развития таких связей, от устранения раздражающих моментов, способствующих сохранению чувства неравноправности, дискриминации.

Существуют также факторы социально-психологические, обусловленные историческими причинами и мешающие утверждению приоритета национального сознания над региональным. Память о прошлом данного региона при недостаточном развитии хозяйственных связей и не определившемся стремлении населения к обладанию национальным языком и его литературой позволяет отдельным группам спекулировать даже на диалектных различиях в системе национального языка для нагнетания местнических настроений.

Опыт Индии и других развивающихся стран показывает, что постепенное выравнивание регионов в области экономического развития не приводит к немедленному устранению местничества и автономизма, ибо еще долго остаются трения между элитарными группами регионов, приспособляющими свои притязания к новым условиям. Инерция этих настроений действует в течение длительного времени, если не происходит быстрого развития хозяйственных связей и ломки средневековых пережитков, сопровождающихся свободной и широкой группировкой населения по классам. В ходе такой группировки происходит вытеснение старых элит, опирающихся на пережиточные экономические и общественные отношения, которые затрудняют свободное национальное развитие.

После индийско-пакистанского военного конфликта 1971 г., а также по мере нарастания напряженности во внутривнутриполитической борьбе в Индии в 1973—1975 гг. местнические движения либо резко пошли на убыль, либо прекратились совсем. Они были как бы «перекрыты» внутривнутриполитической борьбой, которая развертывалась в масштабах всей страны и велась вокруг кардинальных проблем дальнейшего социально-экономического и политического развития Индии.

В такой обстановке местнические лозунги не находили ни поддержки, ни положительного отклика. Они были слишком мелки по сравнению с теми проблемами, которые волновали население каждого района Индии. События первой половины 70-х годов, как и опыт предыдущих лет политической борьбы в независимой Индии, свидетельствуют о том, что борьба с местническими движениями, которые в условиях современной Индии носят ярко выраженный реакционный характер, по принципу «клин клином вышибают» бесперспективна. Речь

идет о том, что нагнетание националистических настроений в каком-либо лингвистическом штате путем противопоставления его соседям или центру отнюдь не подавляет местнические элементы в регионах этого штата, а, скорее, активизирует их, подталкивает к практическим действиям. С другой стороны, решительная борьба за коренные интересы народных масс вне зависимости от того региона, где они проживают, выбивает почву из-под ног местнических сил, наглядно демонстрирует корыстный характер их лозунгов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дешпанде С. Д. Западная Индия. М., 1956.
2. Казаков В. И. Борьба за создание национальных штатов в независимой Индии. М., 1967.
3. Княжинская Л. А. Западная Индия. М., 1959.
4. Павлов В. И. Формирование индийской буржуазии. М., 1958.
5. Спейт О. Х. К. Индия и Пакистан. М., 1957.
6. Шарма Т. М. Размещение промышленности в Индии. М., 1958.
7. «Amrita Bazar Patrika». Calcutta.
8. Dube S. C. Indian Village. Bombay, 1967.
9. «Eastern Economist». Delhi.
10. «Economic Times». Bombay.
11. «Free Press Journal». Bombay.
12. Gour R. B. Telengana Tangle. The Communist Approach. Delhi, 1969.
13. «Hindustan Times». Delhi.
14. «Indian Express». Delhi.
15. Jawaharlal Nehru's Speeches, vol. IV, 1957—1963. Delhi, 1964.
16. Katre S. M. Prakrit Languages and Their Contribution to Indian Languages. Poona, 1964.
17. «Link». Delhi.
18. «Mainstream». Delhi.
19. «Patriot». Delhi.
20. Ram Gopal. Linguistic Affairs of India. Bombay, 1966.
21. Report of the States Reorganisation Commission. Delhi, 1955.
22. Singh G. S. Maratha Geopolitics and the Indian Nation. Bombay, 1966.
23. Srinivas M. N. Is the Sun Setting? — «Seminar». Delhi, February 1967.
24. «Statesman». Delhi.
25. Thirtha N. V. National Integration (A Study in Social Foundations in Education). Jullundhur — Delhi, 1964.
26. «Times of India». Delhi.
27. «Times of India». Gujarat Day Supplement, 1.V.1969.

В. А. Чернышев

**«ДЖАНАПАДА АНДОЛАН»
(ДВИЖЕНИЕ ЗА НАРОДНЫЙ ЯЗЫК):
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Обычно, когда говорят о движениях по языковым вопросам в Индии, прежде всего ссылаются на борьбу бенгальского народа против осуществленного в 1905 г. раздела Бенгалии, движение за создание лингвистических провинций, начавшееся в 1908 г. и продолжавшееся вплоть до завоевания независимости, реорганизацию штатов 1956 г. и сопутствующие ей события.

Применительно к хиндиязычному ареалу до недавнего времени бытовало мнение, что таких движений здесь никогда не возникало. Новые материалы, однако, дают основание утверждать, что движение по лингвистическим вопросам в областях распространения хинди является реальным фактом общественной жизни данного ареала в последнее сорокалетие.

Движение по лингвистическим вопросам в хиндиязычном ареале всегда называлось «джанапада андолан»¹.

Область распространения хинди (хиндиязычный ареал) охватывает огромные территории Северной Индии: штаты Уттар-

¹ «Андолан» — слово санскритского происхождения. В настоящее время оно является достоянием современной лексики хинди, где за ним закрепилось значение «движение» в общественно-политическом его понимании. Слово «джанапада» с незапамятных времен употреблялось в санскрите, откуда оно перешло в современные индоарийские языки, прежде всего в хинди. «Джанапада» обозначает «какую-либо определенную, населенную людьми территорию или область», или, если перенести акцент на другой аспект этого понятия, — «какую-то человеческую общность, заселяющую определенную территорию». На протяжении истории это слово сохраняло свой первоначальный фонетический облик, хотя смысл его претерпевал существенные изменения. Однако как бы ни менялся смысл понятия «джанапада», на всех этапах развития общества оно обозначало какую-то общность людей, неизменными признаками которой оставались общность языка, единая культурная традиция и привязанность к какой-то общей территории проживания [37, 233—242; 35, 211]. Поскольку «джанапада андолан» охватывало не всю Индию, а лишь территории распространения хинди, и в первую очередь оно преследовало культурно-лингвистические цели, мы с известной долей условности переводим это понятие на русский язык как «движение народностей, населяющих хиндиязычный ареал, за утверждение народного языка», или сокращенно — «движение за народный язык».

Прадеш, Хариана, Бихар, Мадхья-Прадеш, Раджастхан, Химачал-Прадеш и союзную территорию Дели. Общая площадь ареала составляет примерно 1360 тыс. кв. км, население, согласно переписи 1961 г., — около 190 млн., а в 1971 г. — почти 230 млн.

В качестве языка обучения, официального делопроизводства и основных средств массовой коммуникации в данном ареале используется литературный хинди, или просто хинди. Этот язык (точнее было бы сказать, «литературный стиль») сложился на базе кхари боли, городского просторечия Северной Индии, в основу которого легли фонетические и лексико-грамматические нормы диалекта каурави, распространенного в районе Дели — Мератха. Городской говор этих мест получил широкое распространение среди городского населения Северной (и не только Северной) Индии, так как это был говор Дели — города, занимавшего выгодное положение на скрещении многих торговых путей и на протяжении столетий остававшегося столицей правителей Индии.

Как функциональному, преимущественно книжно-литературному стилю, хинди свойственно предельное насыщение санскритской лексикой и использование графики деванагари, или нагари. Другим литературным стилем кхари боли, сложившимся на той же основе, является урду. Для урду в отличие от хинди характерно насыщение арабо-персидской лексикой и использование слегка модифицированной арабской графики. Поскольку урду сложился гораздо раньше хинди и первые образцы хинди во многих случаях представляли собой транслитерацию текстов урду шрифтом деванагари, ряд ученых и общественных деятелей современной Индии склонны рассматривать хинди как урду, написанный графикой нагари с заменой арабских и персидских слов заимствованными из санскрита [19, 48—49; 39].

По Конституции независимой Индии хинди провозглашен официальным (государственным) языком страны. Наряду с хинди официальным языком Индии объявлен также английский язык, являющийся важным (а по существу — основным) средством межнационального общения в такой многоязычной стране, как Индия [56, 32].

Если городское население хиндиязычных областей использует хинди (либо урду) в общественной жизни, а в семейной жизни и в кругу землячества города продолжает процветать диалект, то для жителей села, составляющих свыше 80% населения данного ареала, диалект является основным, а подчас и единственным средством коммуникации.

Население (сельское, как правило, городское — в значительной степени) хиндиязычных областей говорит на многих говорах, поддиалектах, диалектах и т. п. Маршрут по Северной Индии, если идти с востока на запад или с севера на юг, бу-

дет представлять собой непрерывную лингвистическую цепь, соседние звенья которой почти не отличаются друг от друга, весьма же удаленные существенно разнятся между собой. Все эти говоры, поддиалекты и диалекты по степени близости группируются в более широкие языковые общности, которые по традиции, идущей еще со времен английского господства, также называют диалектами, хотя эти супердиалекты — нечто гораздо большее, чем просто диалект, как он обычно понимается в языкознании.

Прежде всего подобные супердиалекты существенно отличаются друг от друга лингвистически. Различия между ними наблюдаются главным образом в лексике и грамматике, в меньшей степени — в фонетике. Хотя общий для кхари боли и диалектов фонд лексики, по мнению некоторых ученых, составляет до 70% словарного состава [13, 34], охватывая корневые глаголы и общеупотребительные слова самого различного происхождения, слой специфической лексики составляет не менее 30% словарного состава диалектов, а нередко и больше [4, 39—41]. Грамматический строй кхари боли и диалектов, входящих в орбиту его распространения, также во многом совпадает, обладая чертами общности как в парадигмах имени и глагола, так и средствах связи между словами в предложении. Вместе с тем диалекты, взятые отдельно или в совокупности как супердиалекты, имеют и существенные отличия от кхари боли и его литературных стилей [там же, 41—44, 102—128]. Достаточно сказать, что наиболее примечательную черту западных диалектов составляет эргативный строй предложения, а для восточных диалектов, наоборот, характерен номинативный строй.

Далее, охватывая множество локальных разновидностей речи (говоров, поддиалектов, диалектов), подобные супердиалекты служат средством коммуникации для огромных масс населения, насчитывающих миллионы и даже десятки миллионов носителей (к примеру, на бходжпури говорит около 35 млн. человек [53, 16.III.1966], на брадж — свыше 13 млн. [4, 103]).

Самое же существенное заключается в том, что супердиалект гораздо шире, чем «диалект» в привычном понимании, и по социальным функциям. В отличие от диалекта, употребление которого ограничено обычно сферой семейно-бытовой и лишь отчасти общественной, почти все супердиалекты хиндиязычного ареала находят применение в прессе, радио, кино, литературно-художественном творчестве, отчасти в низших звеньях госаппарата.

Конечно, в литературе, которая создается на том или ином из супердиалектов хиндиязычного ареала, еще не выработалось единых норм, характерных для развитого литературного языка. Однако в последние годы все заметнее и ощутимее становится тенденция к унификации и нивелировке местных раз-

личий. Диалекты, употребляемые в средствах массовой коммуникации, естественно, уже в какой-то степени проходят процесс унификации: через художественную литературу, прессу — там, где она есть, через словари и грамматики, которые создаются в связи с изучением того или иного диалекта, и т. п.

Писатели, создающие свои произведения на местных формах речи, стремятся приблизить язык своих стихов и рассказов к определенному, считающемуся образцовым, говору (адарш-боли). Как правило, это говор того района, который расположен в центре данной диалектной области и является наиболее развитым экономически. Так, для бходжпури адарш-боли считается говор городов Ара и Балия, для мальви — говор Уджайна, для браджа — Матхуры, для авадхи — Айодхьи. Города, говоры которых в процессе исторического развития выдвинулись на роль адарш-боли, являются не только культурными и политическими центрами, но и в большинстве случаев важнейшими и наиболее почитаемыми местами паломничества, которые, издревле привлекали людей со всей Индии и более всего — из ближайших к ним местностей. Эти традиционные связи наряду с экономическими имеют большое значение для языковой консолидации, выработки единых норм, нивелировки местных различий.

Иными словами, те формы речи, которые по традиции, идущей от эпохи колониального господства, именуются «диалектами», а мы назвали «супердиалектами», — это, по существу, не что иное, как региональные языки, которые существенно отличаются от кхари боли и его литературных стилей, обслуживают огромные массы населения, в определенной мере используются в средствах массовой коммуникации, однако не получили официального признания и потому не применяются в школе и в официальном делопроизводстве.

Понимая, что «диалект» и «региональный язык» («супердиалект») — понятия далеко не равнозначные, индийские ученые, пишущие на хинди, для первого используют термин «боли», для второго — «упабхаша» (предъязык), «прадешик бхаша» (язык штата), либо просто «бхаша» (язык) в отличие от «раштра-бхаша» (национального языка) или «радж-бхаша» (официального языка) — хинди.

Региональные языки, входящие в орбиту распространения кхари боли и его литературных стилей, объединяются в пять групп. В центре хиндиязычного ареала располагается группа «пачханха» (западные). В их число входят брадж, бунделькханди, канауджи, каурави и хариани. Из них лишь на брадже и бунделькханди создается литература; остальные, не имея литературы и подвергаясь интенсивному воздействию со стороны городского просторечья и официально признанного литературного языка, все более приобретают черты диалектов. К востоку от пачханха расположены региональные языки

группы пурби (восточные): авадхи, багхели и чхаттисгархи. Богатая литературная традиция, не угасшая и поныне, существует на авадхи. Создаются литературные (главным образом стихотворные) произведения на чхаттисгархи. Далее на восток располагаются региональные языки группы «бихари» (бихарские): бходжпури, магахи, майтхили. На всех бихарских языках существует и развивается литература. На западе хиндиязычного ареала распространены региональные языки группы «раджастхани» (раджастханские). Основной среди них — марвари, на котором существует богатая литературная традиция. Остальные постепенно низводятся до положения диалектов. На севере данного ареала располагаются региональные языки группы «пахари» (горские). Основные среди них — гархвали и кумаони.

Между кхари боли и его литературными стилями, с одной стороны, и региональными языками данного ареала — с другой, происходит постоянный интенсивный процесс взаимодействия. Получивший статус государственного языка хинди развивается, пополняя свои «лексические кладовые» в значительной мере за счет региональных языков, вбирая из них специфичную или наиболее выразительную лексику, меткие слова и выражения, а также живость и непосредственность речи, которая свойственна разговорному языку деревни. В то же время хинди воздействует на региональные языки, способствуя их развитию и обогащению, прежде всего лексики. Все, что вошло в хинди из санскрита и других языков, очень скоро становится достоянием региональных языков, адаптируясь в соответствии с фонетическими и лексико-грамматическими нормами каждого из них, а их словарный состав пополняется новой, прежде всего терминологической лексикой, которая в последние десятилетия все более приобретает общеиндийский характер. Способствуя сближению хинди и региональных языков, этот процесс одновременно выравнивает степень их развития, повышая шансы последних на признание в качестве самостоятельных языков.

Если сравнить данные переписей населения, проводившихся после принятия Конституции, когда официальная языковая политика была направлена на всемерную поддержку и распространение хинди, то увидим, что носители ряда региональных языков утратили сознание отдельности своей формы речи (это вполне естественно, если учесть возросшее за годы независимости влияние хинди), но в то же время наблюдается значительный рост численности тех, кто назвал тот или иной бхаша в качестве родного языка. Больше всего это относится к тем региональным языкам, которые распространены на периферии хиндиязычного ареала — раджастхани, майтхили, магахи, бходжпури [5, 83—93].

Движение за народный язык (джанапада андолан) зародилось в 30-х годах, когда в национально-освободительное дви-

жение стала вовлекаться индийская деревня. Для того чтобы до деревни доходили призывы и лозунги Индийского национального конгресса — партии, возглавлявшей борьбу за независимость, с крестьянством надо было говорить на понятном ему языке. Хинди (как и урду) и ориентировавшееся на него городское просторечие были мало понятны для крестьянина и поэтому лишь в весьма ограниченной степени пригодны для этой цели. Нужно было либо переходить на язык деревни, либо сближать с ним существующие литературные формы кхари боли, прежде всего хинди. Объективная потребность в языке, понятном огромной крестьянской аудитории данного ареала, породила то течение общественной мысли, которое позже получило название «джанапада андолан».

Первым сложилось то крыло «джанапада андолан», которое можно назвать умеренным. Его оформление связано с именем известного общественного деятеля и публициста Банарасида Чатурведи (род. в 1892 г.). Будучи в 1928—1937 гг. редактором издававшегося в Калькутте журнала «Вишал бхарат» («Великая Индия»), Чатурведи в одной из статей, опубликованной в феврале 1934 г., поднял вопрос о рассредоточении деятельности литературных организаций хинди — о создании наряду с имеющимися литературными организациями (в Бенаресе, Аллахабаде, Лакхнау, Патне и других крупных городах) новых обществ по пропаганде хинди на периферии хиндиязычного ареала, в областях распространения крупнейших диалектов — браджа, авадхи, бунделькханди и ряда других [34, 209]. Наряду с пропагандой хинди в задачу этих обществ должно было входить, по мнению Чатурведи, объединение местных литераторов, пишущих на хинди. Впоследствии свое предложение Чатурведи назвал одним словом — своего рода лозунгом — «викендри-каран» (децентрализация). Лозунг децентрализации преследовал цель создания наиболее благоприятных условий, более широкой базы для развития хинди, т. е. создания локальных литературных организаций, занятых сплочением писателей и пропагандой хинди по всей территории ареала.

Следствием выступлений Чатурведи было создание таких литературных организаций, как «Бунделькхандская литературная ассоциация», «Литературная ассоциация браджа», «Конференция раджастанской литературы» [там же, 209], «Литературный совет Авадха» [31, 23] и некоторых других, т. е. определенное оживление литературной деятельности на местах.

Однако к концу 30-х годов в некоторых районах, в частности в Митхиле и Раджастанхоне, движение переклестнуло рамки, поставленные его инициатором, и в качестве практической цели выдвинуло требование о переводе преподавания в школах соответственно на майтхили и раджастанхани [34, 210]. Учитывая настроение масс, Чатурведи в 1940 г. вынужден был поддерживать эти требования. «Нам необходимо создать союз, — писал

он, — в котором различные части империи хинди имели бы полную независимость, т. е. если раджастханцы хотят создавать учебники (вести преподавание в школе. — В. Ч.) на раджастхани, то будет справедливо предоставить им такую возможность» [32, 131]. В такой интерпретации лозунг «викендрикаран» приобретал совершенно иное значение: он призывал к возрождению и развитию диалектов и к признанию за наиболее развитыми из них права быть средством обучения в школе, хотя сам Чатурведи никогда не был сторонником таких мер.

Поэтому, хотя у истоков «джанапада андолан» стоял Чатурведи, оформление его чаще связывают с именем Васудэвшарана Агарвала (1904—1966), в то время куратора музея в Лакхнау. В 1940 г. была опубликована его «Программа на благо джанападам» [7, 17—20], в которой В. Агарвал — знаток санскрита и индийской древности, основываясь на данных о «джанападах» в «Махабхарате» и пуранах, приходил к выводу, что территории, заселенные народами, говорящими на диалектах, — это те же самые «джанапады».

Основная цель, выдвинутая д-ром Агарвалом, — изучение языка и культуры ареала распространения хинди, прежде всего лексики диалектов и деревенских говоров. По существу, это была программа, которая вопреки своему названию была создана в интересах хинди, ибо она призывала изучать народную культуру и язык, собирать и издавать словари и произведения фольклора с единственной целью — пополнять и обогащать лексический состав и выразительные возможности литературного хинди. В этом смысле план Агарвала был продолжением и развитием лозунга «децентрализации» Чатурведи в том его значении, которое тот имел до 1940 г.

Мощным импульсом для «джанапада андолан» послужило завоевание Индией независимости и провозглашение хинди официальным языком Индийской Республики, законодательно закрепленное Конституцией страны. Хинди, получивший столь высокий статус, нуждался в обогащении и совершенствовании, прежде всего его лексического состава. Призванный осуществлять многообразные функции государственного языка, хинди не обладал для этого необходимыми лексическими ресурсами, не располагал разработанной и общепринятой терминологией. Были созданы правительственные комиссии и комитеты по разработке и внедрению терминологии. На помощь своему раджбхаша спешили его энтузиасты. Не последнюю роль среди них сыграли деятели «джанапада андолан». Цели, намеченные теми, кто заложил основы движения, приобретали необычайную актуальность.

«Джанапада андолан» вступало в новый этап своего развития. Не случайно поэтому, что организационно «джанапада андолан» оформилось почти сразу после принятия Конституции: в 1952 г. в Хатхрасе, небольшом городке неподалеку от Агры

состоялась конференция, посвященная вопросу о роли «джанапада андолан» в развитии хинди. По инициативе Чатурведи на конференции был создан Совет по связям между джанападами со штаб-квартирой в Бенаресе [11, 1967—1968, № 3—4, 50]. В состав Совета, кроме Чатурведи, вошли Агарвал, Удайнарайн Тивари, Хазарипрасад Дживеди, Сатьендра и другие общественные деятели и ученые. Органом Совета стал созданный в том же году журнал «Джанапада» [14, 2024 (1967), № 3, 23—24]. Совет функционировал в течение ряда лет и закончил свое существование к началу 60-х годов.

Однако необходимость в организации, которая бы координировала и направляла работу по изучению диалектов и диалектных зон, в 60-е годы стала ощущаться гораздо острее. Инициатором возрождения Совета по связям между джанападами снова выступил Банарасидас Чатурведи, который нашел горячую поддержку в научных и общественных кругах хиндиязычного ареала [14, 2024 (1967), № 3 и 4; 14, 2025 (1968), № 1]. Особую активность проявил Вриндавандас, председатель Всеиндийской ассоциации литературы на брадже в Матхуре [11, 1968, № 1]. Он предоставил страницы издаваемого им журнала «Брадждхари» сторонникам движения.

Усилия энтузиастов, ратовавших за изучение диалектов хиндиязычного ареала, увенчались успехом. На конференции, проходившей в Агре 14—16 апреля 1968 г. под председательством Чатурведи, Совет по связям с джанападами после многолетнего перерыва был воссоздан заново. Почетным председателем Совета, в состав которого вошли известные ученые, был единодушно избран ветеран «джанапада андолан» Банарасидас Чатурведи [14, 2025 (1968), № 2]. Первоочередной задачей Совета было признано издание словарей браджа, авадхи, бундели и бходжпури, работа над которыми была завершена или близилась к завершению, с тем чтобы на их основе приступить к созданию объединенного словаря диалектной лексики [там же].

В последние годы Чатурведи развернул широкую кампанию, направленную на то, чтобы привлечь к осуществлению программы умеренного крыла «джанапада андолан» учащуюся молодежь — студентов хиндиязычного ареала. По его инициативе студенты ряда колледжей, расположенных в зоне распространения браджа, активно включились в изучение деревни: ее истории, экономики, особенностей языка, материальной и духовной культуры и т. п. [30, 15—19]. Основное место в этих исследованиях занимает изучение местного фольклора и лексического состава деревенских диалектов. Материалы комплексного изучения отдельной деревни или района публикуются на страницах местных, издающихся колледжами журналов: публикации таких материалов обычно посвящается специальный номер журнала. За 1970—1971 гг. вышло в свет несколько таких но-

меров местных журналов: колледжи, расположенные в Котла и Сасни, например, выпустили номера, посвященные изучению жизни деревень, в которых они размещаются; журналы сельскохозяйственных колледжей, расположенных в Агре и Фиро-забаде, предоставили свои страницы для публикации материалов комплексного исследования деревень, прилегающих к названным центрам [там же, 15].

Претворение в жизнь идей умеренного крыла «джанапада андолан», несомненно, способствует пополнению словарного состава современного хинди, обогащает его экспрессивные возможности, одновременно сближая его с народно-разговорной речью. Убедительным свидетельством этого могут служить многочисленные произведения о жизни индийской деревни последних лет, так называемые провинциальные романы и рассказы писателей хинди, посвященные изображению провинции, т. е. индийской деревни со всеми присущими ей социальными контрастами, этнографическими особенностями и языковым колоритом.

«Провинциальный роман» как специфическое явление литературы хинди возник в начале 50-х годов. Его рождение обычно связывают с романом Нагарджуна «Бальчанма», увидевшим свет в 1952 г. [3, 265]. Другими значительными произведениями этого рода явились романы бихарского писателя П. Рену «Грязное покрывало» и «Сказание о пустоши» [6]. Специфика этих романов, зафиксированная в слове «провинциальный», заключается в ярко выраженном местном колорите, который проявляется прежде всего в языке этих произведений: в отличие от санскритизированного «шуддх хинди», характерного для современной поэзии и прозы, язык «провинциальных романов» отмечен влиянием местных диалектов, прежде всего родного диалекта автора.

Для «провинциальных романов» характерно, что в качестве конструктивного элемента литературной речи в них широко используются те языковые средства (слова, выражения, формы слов и конструкции), которые, являясь принадлежностью того или иного диалекта, совсем не свойственны ни «шуддх хинди», ни его опорному диалекту [4, 56—95]. На данном этапе существования хинди эти явления представляют собой отклонение от строгих правил литературного языка, однако некоторые из них проявляют тенденцию к тому, чтобы со временем стать нормой литературного хинди. Обогащая лексику, конструктивные возможности и выразительные средства современного хинди, в социально-лингвистическом плане «провинциальные романы» объективно способствуют сближению книжно-литературного стиля с народно-разговорной речью.

Бок о бок с умеренным крылом «джанапада андолан» в независимой Индии активизируется деятельность его радикального крыла — местной интеллигенции, направленная не на обо-

гашение хинди за счет местных форм речи, а на всемерное расширение сферы социального функционирования самих региональных языков с целью сделать их наряду с хинди средством коммуникации во всех сферах жизни. Особенно рельефное выражение эта деятельность находит в становлении и развитии региональных литератур, т. е. тех литератур, которые создаются на региональных языках и, существуя рядом с литературами хинди и урду, постепенно завоевывают себе официальное признание.

На периферии хиндиязычного ареала, в диалектных зонах создаются литературные кружки, общества и ассоциации, ставящие целью развитие региональных языков, выходят в свет литературные произведения (стихотворные и прозаические) на региональных языках, предпринимаются усилия, чтобы создать и утвердить прессу на майтхили, бходжпури, раджастанху и других региональных языках.

Радикальное крыло «джанапада андолян» родилось под непосредственным влиянием успешного решения национального вопроса в Советском Союзе (именно в его среднеазиатских республиках), а его идеи и практическая деятельность, в сущности, представляли собой не что иное, как попытку, пусть не всегда последовательную и не во всем правильную, приложения к индийской действительности советского опыта языкового строительства [22, 25].

Процесс утверждения нового подхода к решению языковой проблемы в Северной Индии начинается со статьи «К вопросу о родных языках» известного общественного деятеля и ученого Рахула Санкритьяяна (1893—1962) [там же, 24—30]. Этот ученый, как свидетельствует содержание его статьи, был знаком с советским опытом решения национально-языковой проблемы, и успехи национальной политики советского государства произвели на него глубокое впечатление.

В своей статье Санкритьян в отличие от Агарвала выдвигал требование — всюду перевести преподавание в школе на местные диалекты и всемерно способствовать их развитию, чтобы в будущем они могли функционировать во всех сферах жизни. «Я вовсе не противник того, чтобы собирать песни, сказки, пословицы и поговорки, существующие на диалектах, — писал Р. Санкритьян, — наоборот, я самый активный сторонник этого, однако я совсем не хочу, чтобы на них смотрели как на мертвые музейные экспонаты... Я хочу, чтобы на местных языках выступали в местных парламентах, писали в судах, чтобы они стали средствами обучения повсюду — от начальной школы до колледжа и университета» [там же, 27].

Логическим выводом из этого было требование Санкритьяна изменить административно-политическое деление и вместо провинций, приспособленных для нужд колониального аппарата, создать административные единицы, которые в наибольшей

степени могли бы удовлетворить культурно-лингвистические, экономические и политические нужды каждого народа. В статью был включен список местных языков данного ареала с указанием соответствующей ему «джанапады» и главного ее центра (столицы) [там же, 28]. Приведем этот список, ограничившись названиями лишь тех диалектов, которые распространены в хиндиязычном ареале, и в целях удобства несколько изменив их порядок:

Язык	Джанапада	Центр
каурави	Куру	Мератх
хариани	Хариана	Дели
брадж	Шурасена	Агра
бундели	Бунделькханд	Джханси
панчали	Рухелькханд	Барели
марвари	Марвар	Джодхпур
байрати	Вирата	Джайпур
мевари	Мевар	Удайпур
мальви	Мальва	Уджайн
гархвали	Гархвал	Шринагар
курмачали	Курмачал	Альмора
косали	Косала (Авадх)	Лакхнау
ватси	Ватса	Праяг
чедика	Чеди	Джабальпур
багхели	Багхелькханд	Рева
чхаттиси	Чхаттисгарх	Биласпур
кашика	Каши	Варанаси
маллика	Малла	Чхапра
баджика	Баджи	Музаффарпур
майтхили	Видеха (Тирхут)	Дарбханга
ангика	Анга	Бхагальпур
магадхи	Магадха	Патна

Этот список представлял собой своеобразную социально-лингвистическую модель хиндиязычного ареала, которая, будучи приложена к политике, становилась и схемой для коренного пересмотра существовавшего в те годы административно-политического деления областей распространения хинди. Усматривая в данном ареале наличие 22 «джанапад», автор предлагал создать на базе каждой из них отдельную административно-политическую единицу (провинцию). В своем радикализме Санкритьяян дошел до того, что потребовал создания самостоятельной провинции (со столицей в Мератхе) даже для населения тех территорий, где распространен каурави — диалект, легший в основу как урду, так и хинди.

Свою модель Санкритьяян строил на основе лишь историко-филологических данных, не принимая во внимание ни степени развития диалектов, ни объема осуществляемых ими общественных функций, ни многих других факторов социально-лингвистического плана. Для него, не без иронии замечали его оппоненты, «не существовало никакой разницы между Индией 1943 г. и джанападами VI в. до н. э.» [44, 28]. Схема Сан-

критьяяна не учитывала и того, насколько население той или иной диалектной области осознает отдельной используемую им форму речи. В результате такого подхода автор в ряде случаев признавал отдельность даже тех форм речи, которые и лингвистически, и социально-психологически выступают как составная часть более широких языковых общностей. В качестве отдельных языков Санкритьяяна признавал, в частности, кашика, маллика и баджика, являющиеся локальными разновидностями бходжпури — единой формы речи, бытующей в ареале складывающейся бходжпурской национальной общности. Он провозглашал отдельность ангика — совокупности пограничных диалектов между майтхили и магахи, произвольно дробил бунделькхандскую языковую общность, деля ее на собственно бундели и чедика.

Схема Санкритьяяна была создана без достаточного учета как объективных, так и субъективных факторов и лишена конкретно-исторического подхода. В этом заключался ее основной методологический изъян, обусловивший ее практическую неприменимость, хотя основная мысль автора — о расширении сферы социального функционирования диалектов и возможности на этой основе превращения их в самостоятельные языки — сохраняет свое значение и до настоящего времени.

Высказанные Санкритьяяном идеи вызвали живейший интерес в научных и общественных кругах Северной Индии. Общественные деятели и литераторы Митхили, Раджастхана и Бунделькханда, где уже со времени выступления Чатурведи началось движение за родной язык, восприняли статью Санкритьяяна как конкретную программу действий, полностью отражавшую их национально-лингвистические устремления [34, 221]. В поддержку Санкритьяяна высказался также ряд видных ученых и общественных деятелей. Одним из первых отозвался крупнейший индийский филолог Сунити Кумар Чаттерджи.

Не видя необходимости в столь дробном, как у Санкритьяяна, членении хиндиязычного ареала, Чаттерджи, однако, полностью поддержал основную идею автора. «Я за „децентрализацию“ в том смысле, как ее понимает Санкритьяян, — писал Чаттерджи, — особенно тех провинций, где используются не диалекты, а особые с точки зрения грамматики отдельные языки. Поэтому, по моему мнению, принятие плана подобной „децентрализации“ для бходжпури, майтхили, раджастхани, косали (или пурби)... будет вполне уместным и нетрудным» [17, 115].

Выступил даже такой активный сторонник и пропагандист хинди, как Дхирендра Варма, один из ведущих лингвистов, известный своими трудами по истории хинди. «Я вовсе не против местных диалектов Мадхьядеш² и местной культуры, наобо-

² Мадхьядеша — традиционное название области в Северной Индии, простирающейся по долине Ганга от Панджаба на Западе до древнего Праяга (Аллахабада) на востоке.

рот, я полностью за них,— писал он.— Да я и сам принадлежу к одной из „джанапад“, и мой родной язык — один из местных диалектов, поэтому, как я могу быть противником такого принципа? Я готов идти дальше и признать, что... если какая-либо „джанапада“ захочет отделиться от литературных связей Мадхьядеши, ей непременно следует предоставить возможность удовлетворить свое желание. Подлинная связь в большой семье основывается на любви и самоотречении, а не на корысти и упрямстве» [там же, 129].

Идеи Санскритьяна поддержал также Амарнатх Джха — известный просветитель и исследователь литературы хинди. Отмечая значение хинди как общего литературного языка народов Северной Индии, Джха вместе с тем ратовал за развитие местных языков. «Конечно, наш национальный язык — хинди и только хинди, — писал Амарнатх Джха. — Однако следует признать, что всякому носителю местного языка удобнее и легче говорить на родном языке. Для жителя Брэджадеши, к примеру, брадж — самый легкий и благозвучный язык. То же самое можно сказать и о других местных языках» [там же].

Многие другие, менее известные ученые, литераторы, общественные деятели, собиратели фольклора, нисколько не умаляя (наоборот, всячески подчеркивая) значение хинди как языка-посредника, также выступили за всемерное развитие местных языков, которое настоятельно диктуется как потребностями национально-освободительного движения, так и необходимостью просвещения народа, развития страны по пути демократии и прогресса. «Джанапада андолан — не против хинди, но за развитие местных языков», — заявил Ш. Чаухан [37, 230].

Развивая мысль о взаимоотношениях между языками в будущей независимой Индии, он писал далее: «Империализм ради своего удобства держал различные нации страны в пределах одной административной единицы. Нам казалось, что мы едины, в действительности же это было насильственное объединение узников в стенах одной тюрьмы. Основой такого фальшивого единства было рабство, гнет и деспотизм империалистов. Когда мы станем свободными, взаимоотношения между членами единой семьи нам придется строить на совершенно иной основе, если мы захотим сохранить единство и неделимость этой семьи» [там же, 230—231].

Еще на первых этапах «джанапада андолан», когда движение не выходило за рамки программы умеренного крыла, в его пользу выступали многие организации хинди, в том числе и наиболее влиятельная — аллахабадская Конференция литературы хинди (ХСС). В частности, на одной из конференций ХСС, проходившей в 1942 г. в Хардваре, было сформулировано положение, что «культура Индии сосредоточена в джанападах» [там же, 216].

Однако в связи с ростом радикальных настроений среди

местной интеллигенции после выхода в свет статьи Санкритьяяна, отношение ХСС к движению кардинально меняется. Уже на следующей сессии этой организации в Джайпуре в решении было записано, что «джанапада андолан» наносит ущерб развитию хинди [там же, 226—227]. Как реакция на это решение, односторонне освещавшее роль «джанапада андолан», в августе 1944 г. вышел специальный номер журнала «Мадхукар», который издавался в Тикамгархе (княжество Орчха) под редакцией Б. Чатурведи, — целиком посвященный «джанапада андолан» [17]. В этом номере были представлены статьи и выступления видных ученых и общественных деятелей Северной Индии о характере и целях этого движения.

Во вступительной статье один из активных деятелей движения, Джагдиш Прасад Чатурведи, анализируя основные течения «джанапада андолан» заключил, что вопрос о «джанападах» и диалектах совсем не академический, ибо, по существу, это вопрос о путях приобщения широких народных масс к современному знанию или — более широко — вопрос о пробуждении страны к активной общественной жизни. Особый упор при этом автор статьи делал на то, что диалекты не умерли — они продолжают развиваться и «в настоящее время литература хинди по преимуществу представляет собой литературу на диалектах» [там же, 16]. На основе этого автор пришел к выводу, что хинди не может быть единственным литературным языком ареала: диалектам должно быть отведено подобающее место в общественной жизни соответствующих областей [там же, 26].

Выход специального номера журнала «Мадхукар» достиг своей цели: к «джанапада андолан» было привлечено внимание индийской общественности. Рассмотрению роли «джанапада андолан», прежде всего его радикального крыла, было посвящено, в частности, заседание Совета Ассоциации прогрессивных писателей Соединенных Провинций (ныне штат Уттар-Прадеш), состоявшееся в первых числах ноября 1944 г., где с большим докладом выступил Шивдансинх Чаухан.

Изложив историю «джанапада андолан», проанализировав его требования и лозунги на различных этапах, аргументы его сторонников и противников, Чаухан от имени прогрессивных писателей хинди поддержал основную идею, высказанную в статье Санкритьяяна, — о переводе просвещения на местные языки и приобщении народа к политике и культуре на его родном языке, не умаляя, однако, при этом роли и значения хинди. Обосновав позицию прогрессивных кругов Индии правом каждой нации на самоопределение, прежде всего в сфере национально-языковой, и призвав к созданию местных прогрессивных писательских союзов, которые объединяли бы всех местных литераторов, Чаухан дал классификацию «джанапад» и используемых ими региональных языков. Эта классификация настолько любопытна, что мы позволим себе привести ее полностью.

«„Джананапады“ Мадхьядеша развиты весьма неравномерно,— пишет Чаухан, — с точки зрения языка, литературы и культуры. Одни из них более развиты, другие весьма отстали. Численность населения одних „джананапад“ равна населению некоторых государств Европы, а численность населения других незначительна... В таких условиях невозможно, чтобы все местные прогрессивные литературные союзы имели единую программу, так же как не могут быть едиными и выдвигаемые ими требования. На основе учета современного состояния языка и литературы различных „джананапад“ целесообразно разделить „джананапады“ Мадхьядеша на три группы:

1) „Джананапады“ распространения таких языков, как мевати, мальви, джайпури, марвари, майтхили, бходжпури, косали, бундели и брадж. Численность говорящих на этих языках велика, и на них имеется древняя литература. Следовательно, после минимальных усилий эти языки могут стать средством обучения в средней школе в областях своего распространения.

2) „Джананапады“ таких языков, как магахи, багхели, чхаттисгархи, канауджи, бангару, кумаони, гархвали. По численности населения первые пять являются большими языками, хотя на них нет древней литературы, и, следовательно, для того чтобы создать на них первоклассную литературу, потребуется время. После определенных усилий эти языки могут быть сделаны средством обучения лишь в начальной школе (до шестого класса).

3) „Джананапады“ таких языков, как джаунсари, кьонтали, кулуи и чамбали. Число говорящих на этих языках незначительно, они отсталые. Следовательно, для того чтобы перевести их на графику деванагари и создать на них необходимые учебники, потребуется время. Лишь после значительных усилий эти языки можно сделать средством обучения азбуке, т. е. на них можно давать лишь начальное образование (до третьего класса)» [35, 263].

Схемы Санкритьяана и Чаухана кардинально различаются между собой. Классификация, предложенная Чауханом, вносит существенные коррективы в схему Санкритьяана. Самое существенное отличие заключается в том, что в схеме Санкритьяана все «джананапады» даются единым списком, без какой-либо попытки разграничить их с учетом сферы функционирования (и, следовательно, уровня развития), а классификация Чаухана представляет собой дифференцированную трехчленную схему, построенную с учетом основных социальных факторов, которые определяют диапазон функционирования и, следовательно, уровень развития того или иного регионального языка. Во-первых, в основу построения схемы Чаухана положены следующие объективные факторы: географический (территория расселения носителей языка), демографический (численность говорящих на том или ином языке) и культурно-исторический (наличие или

отсутствие литературной традиции), а также некоторые факторы субъективные: социологический (отношение носителей к своему языку) и отчасти политический («джанапада андолан»; позиция различных организаций, занятых пропагандой хинди, к местным языкам данного ареала).

Во-вторых, в результате такого функционального подхода в схеме Чаухана не вычленяется каурави — опорный диалект хинди и урду: хинди, лишенный корней в схеме Санкритьяяна, вновь обретает опору в народной речи носителей каурави в схеме Чаухана.

В-третьих, на основе более строгого учета лингвистических, социологических и функциональных критериев в схеме Чаухана нет той дробности членения, которая характерна для схемы Санкритьяяна: вместо «бундели» и «чедика» у Санкритьяяна, у Чаухана фигурирует единый язык — «бундели»; вместо «ватси» и «багхели» — единый язык «багхели»; вместо «кашика», «маллика» и «баджика» — единый язык «бходжпури» и т. п.

Наконец, последнее отличие заключается в том, что в схеме Чаухана появляются мелкие языки горных областей Северной Индии, которых не было в списке Санкритьяяна.

Схема Чаухана явилась значительным шагом вперед на пути более адекватного отражения реальной языковой ситуации в хиндиязычном ареале. Это позволило более дифференцированно подходить к оценке значения «джанапада андолан» в различных областях хиндиязычного ареала, а также воздействовать на него, подчиняя «движение за народный язык» целям общенародной борьбы за освобождение страны от колониального ига. Конечно, это совсем не означает, что схема Чаухана лишена недостатков. Недостатки — и весьма существенные — в ней есть, однако они объясняются малым объемом имевшейся в то время информации и свойственной прогрессивным силам того периода переоценкой роли субъективного фактора.

Признав необходимость дальнейшего изучения вопроса, Совет Ассоциации прогрессивных писателей Соединенных Провинций принял по докладу резолюцию, в которой, в частности, говорилось: «Совет приветствует „джанапада андолан“ в областях распространения раджастхани, майтхили, бунделькханди и браджбхаша, исходя из того, что это движение свидетельствует о стремлении народов, проживающих в этих провинциях, к свободному, всестороннему и здоровому развитию своего языка и культуры» [там же, 317]. Выразив сожаление по поводу решения состоявшейся несколькими месяцами ранее джайпурской сессии ХСС, Совет особо подчеркнул необходимость развития региональных языков для просвещения масс и для становления подлинно народной литературы. «Совет придерживается того мнения, — говорилось далее в резолюции, — что исторически „джанапада андолан“ представляет собой результат роста национального самосознания. Это самосознание находит свое про-

явление в демократическом требовании народов различных провинций — предоставить им право сохранять и развивать свой язык и культуру» [там же].

Доклад Чаухана и резолюция Совета Ассоциации прогрессивных писателей Соединенных Провинций имели большое значение для судеб радикального крыла «джанапада андолан». Это была первая попытка дать ему трезвую оценку и оказать ему содействие и поддержку. И хотя дальнейшие события в Индии — завоевание независимости и раздел страны, трудности первых лет развития и борьбы с объединенными силами внутренней и внешней реакции — отодвинули вопрос о региональных языках хиндиязычного ареала на задний план, эта резолюция и ныне остается в арсенале прогрессивных сил Индии, борющихся за социальный прогресс, демократию и социализм.

Подъем массовой национально-освободительной борьбы и завоевание Индией независимости явились той революционной встряской, которая вызвала к активной жизни целый ряд новых наций и национальных групп Индии, интенсифицировала процесс их складывания и развития. В хиндиязычном ареале, ускорив процесс складывания региональных языков и литератур, это послужило мощным импульсом для радикального крыла «джанапада андолан». Под влиянием общественного подъема и идей «джанапада андолан» в Индии небывало повышается интерес к региональным литературам и их первоэлементу — фольклору.

Непосредственным результатом воздействия идей «джанапада андолан», прежде всего его радикального крыла, на интеллигенцию хиндиязычного ареала в условиях независимой Индии явилась серия монографий по истории отдельных региональных литератур. Интеллигенция обретшей независимость страны открывала для себя и старалась осмыслить богатейшие пласты питающейся народными истоками литературы прошлого и современности, которая, не входя ни в какие учебные программы, продолжает создаваться на региональных языках.

Хронологически первой работой такого рода был двухтомный труд Джаяканты Мишры по истории майтхильской литературы [50]. В ней Мишра дал историю литературы своего народа с момента ее зарождения (XIV в.) до наших дней, показав непрерывность и богатство литературной традиции на майтхили, которому вплоть до последнего времени отказывали в праве на самостоятельное существование, причисляя его то к диалектам бенгали, то к диалектам хинди. В 1951 г. ХСС издает аналогичную книгу Мотилала Менарии по раджастанской литературе [18].

С начала 50-х годов крупнейшее делийское издательство «Раджкамал пракашан» публикует серию очерков по важнейшим индийским литературам под общим названием «Знакомство с индийской литературой». Программа издания была наме-

чена весьма обширная: в серию должны были войти 27 очерков по основным литературам Индии древности и современности. Из них увидело свет менее половины. Что касается очерков региональных литератур хиндиязычного ареала, то из задуманных 11 очерков было опубликовано только 3: Шьяма Пармара по литературе мальви [20], Трилокинарайна Дикшита по литературе авадхи [16] и очерк бходжпурской литературы, принадлежащий перу известного собирателя фольклора Кришнадева Упадхья [25]. Авторы этих трех очерков по-разному подходят к описываемым ими формам речи. Если Дикшит рассматривает авадхи всего лишь как диалект хинди, то Пармар и Упадхья утверждают, что рассматриваемые ими формы речи соответственно мальви и бходжпури — это совсем не диалекты, а самостоятельные языки.

Бихарское общество по пропаганде хинди — Бихарский совет национального языка (Патна) издает отдельной книгой цикл лекций по языку и литературе бходжпури, прочитанных студентам Патнинского колледжа крупнейшим исследователем бходжпури Удаинарайном Тивари в марте 1951 г. [24]. Тивари не только последовательно рассматривает бходжпури как самостоятельный язык, на котором существует довольно длительная литературная традиция, получившая особо интенсивное развитие в последние десятилетия, но и вслед за Санскритьяном высказывает пожелания административно-политического плана. «Даже после того как бходжпурцев разделили между двумя штатами, — пишет Тивари, — они ничем не стали отличаться друг от друга: ни языком, ни культурой, ни образом жизни... Все это поддерживает чувство единства между бходжпурским населением, живущим в двух разных штатах. Однако если бы еще все говорящие на бходжпури вошли в состав единого штата, то это чувство единства стало бы еще более прочным» [там же, 10].

Хотя к концу 50-х годов серия «Знакомство с индийской литературой» перестала выходить, ее начин не загдох, а нашел продолжение в трудах исследователей, занимающихся литературным творчеством народов хиндиязычного ареала. В 1964 г. вышел в свет большой труд о песенной поэзии на бунделькханди, автором которого был Шьямсундар Бададь [12]. По существу, это было капитальное исследование литературы на одном из основных диалектов этой области со времени ее зарождения до наших дней.

Последней по времени публикацией является фундаментальный труд профессора Сатьендры по истории литературы на брадже [23], который в период средневековья являлся основным литературным языком всей Северной Индии. В своем труде Сатьендра показал, что литература на брадже существует и поныне, развиваясь во многом под влиянием традиции и обогащаясь за счет опыта других, более развитых культур. Но

хотя Сатъендра рассматривает брадж всего лишь как диалект хинди и с самого начала выступает против идей, высказанных Санкритьяном, вся совокупность изложенных в его книге фактов, особенно относящихся к современности, может служить серьезным аргументом в пользу концепции сторонников радикального крыла «джанапада андолан».

Каких бы взглядов ни придерживались авторы названных выше работ на соотношение язык — диалект, объективно их труды утверждают растущую самостоятельность региональных языков, которые в ходе развития проявляют все большую тенденцию к превращению в полноправные литературные языки.

Применительно к самой литературе хинди идеи представителей радикального крыла «джанапада андолан» свое наиболее полное и последовательное воплощение получили в книге Ш. Чаухана «Восемьдесят лет литературы хинди» [36, рус. пер. 3].

В отличие от многих современных авторов — историков литературы хинди, которые, стремясь доказать древность этой литературы, вслед за своим духовным отцом — Рамчандрой Шуклой включают в нее все то, что создавалось в средние века на языках и диалектах данного ареала, Шивдансинх Чаухан под литературой хинди понимает только одно — литературу на кхари боли в шрифте деванагари, исключая из нее все то, что когда-либо появлялось на других языках и диалектах, существующих в ареале хинди [3, 43]. В таком понимании литература хинди насчитывает уже не восемь — девять веков, а всего лишь около ста лет. Даже если учесть отдельные переводы с санскрита, появившиеся в конце XVIII в., т. е. то, что Чаухан называет предысторией литературы хинди, и в этом случае ее возраст не превысит двух столетий. И это нисколько не может принизить литературу хинди или умалить ее значение, ибо, как пишет Чаухан, «поистине можно гордиться, что за столь короткий промежуток времени литература хинди получила такое всестороннее развитие» [там же, 47].

Критикуя сторонников и последователей Шуклы, Чаухан показывает антисторизм и субъективно-апологетический характер их построений. Включая в литературу хинди все, что создавалось в средние века на раджастанских, майтхили, брадже и авадхи (и таким образом доказывая, что зарождение литературы хинди относится к VIII—X вв.), они незаметно подменяют объект исследования, когда переходят к рассмотрению современности: здесь литературу хинди они ограничивают лишь рамками кхари боли, полностью игнорируя современное литературное творчество на региональных языках. Вследствие этого история литературы хинди новейшего периода изображается односторонне и предвзято: целые пласты литературы, создающейся на диалектах, выпадают из поля зрения историков, в результате чего языковая ситуация и литературно-исторический

процесс в этом ареале предстают в упрощенном и обедненном виде.

Необходимость развивать основные региональные языки ареала хинди признавалась и в такой работе, как подготовленный подкомитетом при комиссии Коммунистической партии Индии по вопросам культуры проект резолюции по национально-языковому вопросу в областях хиндустани [52]. Через этот документ красной нитью проходит мысль о том, что процесс складывания «хиндустанской нации» близок к завершению, хотя и остался ряд проблем, мешающих появлению национального языка — хиндустани. Первой такой проблемой в «Пояснительной записке к проекту» назван «разрыв между языком, на котором говорят в городах Дели, Агре, Алигархе, Канпуре, Лакхнау, Аллахабаде, Варанаси и других (т. е. хиндустани, или кхари боли. — В. Ч.), и различными диалектами, на которых говорят в деревне» [44].

Вследствие известной односторонности подхода к национально-языковой проблеме в хиндиязычном ареале население таких областей, как Бадж, Авадх, Бунделькханд и некоторые другие, было полностью и безоговорочно включено в состав «хиндустанской нации» [52, 9, 18, 27]. Однако в отношении Раджастхана, Гархвала и прилегающих к нему гималайских районов, а также в отношении районов распространения бихарских диалектов составители вынуждены были принять совершенно иную точку зрения.

В отношении бходжпури, магахи и майтхили в проекте говорилось, что «они представляют собой языки национальностей феодальной эпохи», сохранившие значительное своеобразие, поскольку «население этих областей было гораздо меньше втянуто в процесс национальной консолидации, чем, к примеру, население, говорящее на бадже или авадхи» [там же, 27]. Поэтому, хотя в проекте и утверждалось, что «они уже не являются более языками отдельных национальностей, а сведены до положения диалектов», было признано необходимым «обеспечить народу возможность, по крайней мере на начальной ступени, получать образование на этих диалектах, а также использовать их в передачах Всеиндийского радио» [там же, 28].

О Раджастхане, Гархвале и соседних районах говорилось, что «они имеют свою собственную национальную и культурную историю», а «их языки по всем признакам хорошо развиваются и как будто вовсе не собираются ассимилироваться с хинди» [там же, 27].

Что касается политики различных партий по отношению к хинди и диалектам его ареала, то автор «Пояснительной записки» в полном соответствии с языковой практикой первых лет независимости квалифицирует ее в следующих словах: «Политика Конгресса и правящих классов заключается в том, чтобы развивать хинди путем подавления диалектов области хинду-

стани во имя единого языка для единого народа. Эта политика помогает силам реакции и ревайвализма... Политика рабочего класса и Коммунистической партии должна служить поощрению литератур, создаваемых на диалектах, и сближать хинди и урду с ними» [там же, 45].

Аналогичной точки зрения придерживается также прогрессивный деятель и публицист Ш. С. Нарула в книге по истории языка хинди, которая как бы подвела итоги полемики [51]. Не разделяя радикализма Чаухана и Санкритьяна, Нарула признает, что «такие языки, как брадж, авадхи, раджастанхи, бходжпури, бунделькханди, магадхи и майтхили, будучи родными языками десятков миллионов людей, тесно связанных с землей, продолжают процветать и поныне» [там же, 96].

Исходя из того, что в средние века на этих языках создавались прекрасные поэтические произведения, Нарула призывает развивать эти региональные языки наряду с хинди, ибо они, с одной стороны, отвечают насущнейшим потребностям народных масс, а с другой — обеспечивают развитие и самого хинди. «Развитие этих бхаша и их расцвет как литературных языков, — пишет Нарула, — послужат для хинди неистощимым источником живой разговорной речи» [там же, 106]. Однако развитие региональных языков хиндиязычного ареала диктуется в первую очередь необходимостью обучать народные массы грамоте на их родном языке. «Эти народные языки, — пишет Нарула, — должны стать средством обучения на начальной и даже средней ступени; на средней же ступени учащиеся должны иметь право выбирать между родным языком и хинди» [там же, 130]. Более того, Нарула призывает ввести эти народные языки в качестве факультативных даже в университетах хиндиязычного ареала.

Позиция большинства представителей Коммунистической партии Индии в вопросе о судьбе региональных языков и литератур хиндиязычного ареала основывается на демократических принципах равенства и уважения прав всех языков, больших и малых, во всех сферах жизни, в том числе и национально-языковой. Впрочем пути решения языковой проблемы в данном ареале предлагаются разные разными представителями КПИ, такими, как Р. Санкритьян, Ш. Чаухан, А. С. Джафри и Ш. С. Нарула.

Принципиальная позиция представителей КПИ по национально-языковому вопросу в данном ареале остается неизменной, что подтверждает вышедшая в конце 1970 г. книга члена Компартии Индии С. Н. Мазумдара «Марксизм и языковая проблема в Индии» [49]. Автор приходит к выводу, что «подход, который пытается ограничить языковую проблему [в Индии] лишь теми языками, которые названы в Приложении [VIII — к Конституции], не только неверен и ненаучен, но также и неприменим на практике» [там же, 62].

Касаясь возможных результатов, к которым может привести развитие местных языков, автор вполне обоснованно пишет, что при демократическом решении вопроса их будущее в конечном счете будет зависеть от значимости и потенциалов того или иного языка, а также воли его носителей. «Принцип равенства всех языков и их права на развитие должен быть недвусмысленно выражен и включен в Конституцию», — пишет С. Н. Мазумдар, предлагая провести законодательные меры, которые теперь, по его мнению, смогут смягчить остроту языкового вопроса: в Приложение VIII необходимо включить некоторые наиболее развитые языки. В числе таких языков, относящихся к индоарийской группе, наряду с непали и конкани Мазумдар называет также ряд языков, входящих в орбиту распространения хинди, причем первыми — майтхили и раджастхани. Кроме этих двух языков, он упоминает бходжпури, магахи и чхаттисгархи, ссылаясь на мнение Чаттерджи, высказавшегося за то, чтобы и эти языки были включены в Приложение VIII Конституции [там же, 60].

В своей работе С. Н. Мазумдар недаром ссылается на мнение Чаттерджи. Крупнейший филолог, немало своих работ посвятивший языковой проблеме в Индии, Чаттерджи относится к числу демократически настроенных и прогрессивно мыслящих ученых современной Индии. В своих работах он выступает за демократическое решение языкового вопроса в Индии с учетом законных прав и интересов всех населяющих ее народов, больших и малых. Эту свою принципиальную позицию Чаттерджи продемонстрировал в период деятельности комиссии, созданной указом президента Индии в 1955 г. для изучения вопроса об официальном (государственном) языке страны.

Комиссия должна была разработать конкретные рекомендации президенту Индии относительно «прогрессирующего употребления языка хинди для официальных целей в [Индийском] Союзе» [56, 1] и вытекающих отсюда конкретных задач языковой политики. В состав комиссии вошли видные ученые и общественные деятели — представители различных культурно-лингвистических ареалов Индии. Наряду с двадцатью другими учеными в состав комиссии был включен также Чаттерджи, занимавший в то время пост председателя Законодательного собрания штата Западная Бенгалия. После нескольких месяцев напряженной работы комиссия представила президенту объемистый доклад, в котором были разработаны конкретные рекомендации по расширению сферы социального функционирования хинди и постепенного ограничения сферы английского языка.

Чаттерджи и двое других членов комиссии выразили несогласие с мнением большинства и представили разработанный ими так называемый Доклад меньшинства [45, 271—314]. Протестуя против поспешного введения хинди в качестве единст-

венного официального языка для всей страны и постепенного вытеснения английского языка, он высказал мнение, что Приложение VIII к Конституции страны должно быть значительно расширено путем включения в него целого ряда языков, относящихся к различным языковым семьям: индоарийской, тибето-китайской, мунда и мон-кхмерской [там же, 312]. Среди индоарийских языков Чаттерджи наряду с синдхи³ и непали назвал майтхили и раджастхани, «а впоследствии, может быть, нужно будет включить также и бходжпури, магахи и чхаттисгархи» [42, 312].

Поскольку Чаттерджи всегда проявлял значительный интерес к идеям и практике «джанапада андолан», то не будет преувеличением считать, что рекомендации «Доклада меньшинства» были выработаны не без влияния концепции представителей радикального крыла «движения за народный язык».

Чаттерджи и в последующие годы старается следить за литературно-лингвистической деятельностью внутри хиндиязычного ареала. Это, в частности, нашло свое проявление в том, что, создавая свой труд о языках и литературах современной Индии, Чаттерджи счел необходимым дать, пусть самые краткие, сведения о литературной деятельности на майтхили, магахи и бходжпури [41, 39—40].

Развитие региональных литератур хиндиязычного ареала Чаттерджи поддерживает, находясь на посту президента Литературной академии Индии, и последовательно проводит линию на признание наиболее развитых бхаша в качестве самостоятельных литературных языков.

Идеи «джанапада андолан» были настолько сильны, что оказали влияние даже на такую организацию по пропаганде хинди, как созданное в 1893 г. бенаресское Общество пропаганды хинди (НПС), которое в основу своего подхода к проблеме хинди положило концепцию Рамчандры Шуклы. Под влиянием этого движения и вышедших в 50-е годы работ по отдельным региональным литературам, руководство НПС, разрабатывая план издания многотомной истории литературы хинди, отвело предпоследний том целиком фольклору и современному литературному творчеству на диалектах хиндиязычного ареала [27]. Показательно, что в качестве редактора этого тома был приглашен не кто иной, как зачинатель радикального крыла «джанапада андолан» Рахул Санкритьяян, и что вышел этот том раньше многих других томов [51, 130].

Идеи и лозунги радикального крыла «джанапада андолан» воздействовали не только на сферу литературно-лингвистическую, способствуя созреванию региональных языков и ускорению складывания местных литератур, но и на политическую,

³ Ныне синдхи уже получил признание в качестве одного из основных языков Индии и включен в Приложение VIII к Конституции.

приводя в движение сначала местную интеллигенцию, а затем все более широкие массы населения хиндиязычного ареала. Это проявляется в том, что из различных областей ареала, со стороны различных организаций по возрождению и пропаганде региональных языков неоднократно выдвигались требования о реорганизации хиндиязычного ареала на лингвистической основе.

Предтечей этих движений за создание административных единиц с учетом расселения носителей региональных языков, входящих в орбиту распространения хинди, было «Движение за создание отдельной провинции Бунделькханд», зародившееся в начале 40-х годов в Бунделькханде под прямым и непосредственным воздействием идей и лозунгов радикального крыла «джанапада андолан» [35, 253]. Рупором этого движения стал упоминавшийся выше журнал «Мадхукар». Это движение ставило своей целью объединение в рамках одной административной единицы всего населения Бунделькханда, разделенного границами многих феодальных княжеств. В тот период оно, несомненно, имело глубоко прогрессивный характер, так как соответствовало интересам широких народных масс, жаждавших освободиться и от чужеземного господства, и от феодальной зависимости.

Не успели отзвучать еще первые, наиболее жаркие дискуссии о будущем реорганизуемого штата Панджаб, в марте 1966 г., как уже из разных концов хиндиязычного ареала посыпались требования создать новые штаты на лингвистической основе, прежде всего из западных областей штата Уттар-Прадеш. Требование о реорганизации штата Уттар-Прадеш не было чем-то новым. «Джанапада андолан» лишь подстегнуло его и придало ему соответствующую форму.

Требование реорганизовать Соединенные Провинции (в дальнейшем — штат Уттар-Прадеш) выдвигалось перед английскими колониальными властями много раз на различных конференциях, проходивших на разных этапах национально-освободительной борьбы начиная с конца 20-х годов. Это требование ставилось перед комиссией Саймона в 1927 г., перед Аллахабадской конференцией единства в 1931 г., перед конференцией Круглого стола 1931 г., наконец, перед английской парламентской делегацией, прибывшей в Индию в 1945 г. Проходившие в 1946 и 1947 гг. конференции представителей различных лингвистических регионов Соединенных Провинций также приняли резолюции в поддержку требования о разукрупнении этой административной единицы [48, 112].

Это требование было вновь выставлено перед Комиссией по реорганизации штатов, созданной в декабре 1953 г., причем главным аргументом были соображения лингвистического плана. Авторы многочисленных петиций, поступивших в адрес Комиссии, указывали, что Уттар-Прадеш охватывает территории

по меньшей мере четырех диалектов (региональных языков): пахари — на севере, брадж-бхаша — в западных областях, авадхи — к востоку от зоны распространения браджа и бихари — в восточных дистриктах.

Кроме собственно лингвистических аргументов, был выдвинут также ряд доводов исторического характера, сводившихся к тому, что западные области штата с первых веков мусульманского владычества в Индии вплоть до последней четверти XIX в. входили в состав одной провинции; объединение западных и восточных областей в составе единой административно-политической единицы произошло лишь в 1877 г., и, следовательно, история существования Соединенных Провинций не насчитывает даже сотни лет.

В пользу раздела были выдвинуты также следующие доводы: 1) с точки зрения географической горные области и плато штата Уттар-Прадеш имеют мало общего с Гангской равниной; 2) современная территория штата непомерно велика, поэтому управление является неэффективным; 3) западные области поставлены в худшее положение, чем восточные, а финансовые средства, поступающие в казну штата из западных областей, расходуются преимущественно на развитие восточных; 4) все штаты, входящие в состав Индийского Союза, должны быть примерно равны по территории и значению, с тем чтобы ни один из них не мог использовать свое положение для решающего воздействия на общендийские дела [57, 162].

Меморандум, содержащий предложение о разделе штата Уттар-Прадеш, был представлен Комиссии от имени организации, именовавшейся Комитетом по реорганизации штата Уттар-Прадеш и объединявшей членов Законодательного собрания штата от западных округов. Под этим требованием вначале поставили свои подписи 97 членов Законодательного собрания, однако впоследствии 70 из них сняли свои подписи и тем самым отказались от требования о разделе штата.

Рассмотрев аргументы сторонников и противников раздела, Комиссия по соображениям финансово-экономического и административно-политического плана сочла нецелесообразным и нежелательным раздел штата. Лишь один из членов комиссии — К. М. Паниккар выразил особое мнение по этому вопросу, заключавшееся в том, что на базе существующей административно-политической единицы следует создать два отдельных штата.

После того как в 1966 г. состоялось решение рабочего комитета ИНК и правительства Индии о реорганизации штата Панджаб на лингвистической основе, требование о разделе штата Уттар-Прадеш было вновь поставлено на повестку дня. «Комитет штата Западный Уттар-Прадеш», созданный в Музаффарнагаре, ссылаясь на различие в языке и традициях между западной и восточной частями штата, а также на удален-

ность столицы штата и недостаточное, с его точки зрения, финансирование западных областей, потребовал выделить западную часть (районы Агры, Уттаракханда, Кумаона, Мератха и Рохилькханда) в отдельный штат, сделав его официальным языком брадж [53, 16.III.1966]. «Комитет борьбы за слияние Харианы», созданный в Дхольпуре, выдвинул план создания отдельного штата «Брадж-мандал», официальным языком которого был бы брадж и который включал бы районы Агры и Мератха, дистрикты Альвар, Бхаратпур и Дхольпур штата Раджастан, а также Дели [29, 19.III.1966]. Одна из окружных организаций г. Морены (штат Мадхья-Прадеш) поставила вопрос о создании «Чамбал-Прадеш», который, по мысли авторов этого проекта, должен был включить территории долины р. Чамбал, притока Джамны, и прилегающих районов (районы Агры и Джханси, а также территории бывших княжеств Гвалиор, Дхольпур, Бхаратпур, Караули, Датия и Канта) — с почти 30-миллионным населением [29, 23.III.1966].

В первые же дни после решения Рабочего комитета ИНК неоднократно раздавались требования произвести передел и другого крупнейшего хиндиязычного штата — Мадхья-Прадеш. Ссылаясь на огромную площадь штата и его разнородный языковой состав, выдвигались предложения разделить его на ряд более мелких штатов, которые в основном занимали бы территорию расселения носителей основных языков, распространенных в этом штате: мальви, багхели, чхаттисгархи. В соответствии с этим предлагалось создать штаты Мальва, Махакошал, Чхаттисгарх и ряд других [43, 21.III.1966].

Наиболее громкие требования о создании отдельных штатов прозвучали из восточных областей штата Уттар-Прадеш и из Бихара — со стороны представителей населения, говорящего на бходжпури, магахи и майтхили. Это было нечто новое в жизни данного ареала, так как в 1955 г. подобные вопросы еще не вставали. Раздел Пенджаба усилил стремление бходжпурцев к объединению и национальной консолидации. В марте 1966 г. вице-президент «Всеиндийской бходжпурской ассамблеи», находящейся в Бенаресе, потребовал создания отдельного «Бходжпурского штата» для бходжпурского населения штатов Уттар-Прадеш и Бихара. «Мы не можем оставаться молчаливыми наблюдателями, когда правительство Индии перекраивает границы штатов, — заявил он. — Если двадцать дистриктов Пенджаба, едва насчитывающие 20 млн. жителей, из которых только 48% говорят на панджаби, могут требовать создания отдельного Пенджабского штата, то тем большее право на отдельный штат имеют бходжпурцы... составляющие 99% населения этого района» [53, 16.III.1966].

Движение за создание отдельного бходжпурского штата было столь сильно, что центральное правительство направило в Бихар такую влиятельную фигуру, как министр труда

бходжпурец Джагдживан Рам. В речи на пресс-конференции в Патне Рам резко выступил против идеи создания отдельного штата для населения, говорящего на бходжпури [40, 9.IV.1966]. Своим выступлением он несколько охладил пыл поборников самобытности бходжпурского языка и культуры, среди которых, к слову сказать, в этом вопросе не было единства. Одни из них настаивали на создании отдельного штата, другие ограничивались требованием признания бходжпури со стороны Литературной академии и правительств штатов Уттар-Прадеш, Бихар и Мадхья-Прадеш [там же].

Не было единства и в рядах майтхильской интеллигенции: значительная ее часть требует включить майтхили в Приложение VIII Конституции, рассматривая этот шаг как максимум возможного и допустимого для языка, который на протяжении более 50 лет рассматривался лишь как диалект хинди [40, 23 и 25.IV.1966]. Однако по сведениям, скупо просачивающимся в центральную индийскую прессу, среди майтхильского населения Бихара все громче звучало требование создать отдельный «Майтхильский штат» [29, 20.IV.1966]. Аналогичное требование было выдвинуто и интеллигенцией тех районов, население которых говорит на магахи [40, 28.IV.1966].

Уже сам факт выдвижения подобных требований чрезвычайно показателен. Он свидетельствует о том, что идеи радикального крыла «джанапада андолан» находят все большее число сторонников и последователей не только в среде интеллигенции, но и в широких массах.

Идеи радикального крыла «джанапада андолан» разделяют и развивают не только демократически настроенные круги современной Индии. Большой интерес к радикальному крылу «джанапада андолан» и к литературному творчеству на региональных языках как конкретной реализации этих идей проявляли и индийские феодалы, многие из которых задолго до рождения самого движения выступали как поборники и защитники местных языков и литературы.

Хотя характерную черту развития региональных литератур составляет то, что в качестве ее создателей выступают главным образом представители местной разночинной интеллигенции, преимущественно преподаватели школ и колледжей, однако в силу специфики исторического развития Индии здесь вплоть до второй половины XX в. сохранялось такое реликтовое, типичное для средневековья явление, как придворные поэты. В Митхиле, княжествах Раджастхана, Бунделькханда и Гархвала придворные поэты составляли значительную часть тех, кто создавал произведения, в основном стихотворные, на местном наречии. Ликвидация княжеств, проведенная в первые годы независимости, привела к тому, что придворные поэты оказались не у дел и большинство тех, кто еще недавно услаждал слух своих сановных покровителей, доживает свой век на

мизерные пенсии, дарованные их прежними повелителями. Это, естественно, не могло не вызвать у них резко оппозиционных настроений к правительству, особенно в начальный период существования независимой Индии.

Между прогрессивными силами, которые борются за экономический и социальный прогресс, за дальнейшую демократизацию общественной жизни, видя в развитии местного языка мощное средство подъема масс на борьбу за коренные социальные преобразования, и силами реакции, стремящимися использовать местный язык для утверждения средневековой отсталости, разжигания религиозного фанатизма и шовинизма, идет острая идеологическая борьба, и преимущество в этой борьбе далеко не всегда оказывается на стороне прогрессивных сил.

Лишенные власти, однако сохранившие значительное влияние, прежние раджи и махараджи действуют как «просвещенные монархи», стремясь обратить себе на пользу национально-языковой вопрос и тем самым закрепить свои позиции в идеологии и политике. Возьмем, к примеру, вопрос о майтхили. Как известно, майтхили — один из наиболее развитых языков хиндиязычного ареала. Однако признание его в качестве самостоятельного литературного языка затянулось на многие годы. Существенную роль в том, что майтхили, до 1911 г. считавшийся диалектом бенгали, а после 1911 г. — диалектом хинди, постепенно завоевывает признание в качестве самостоятельного языка, сыграли представители феодальных сил.

Так, решающее значение в становлении современной майтхильской литературы и национально-языковой консолидации майтхильцев имела пресса на майтхили, в частности журнал «Митхила михир», выходивший с 1908 г. при щедрой финансовой поддержке, которую оказывал ему махараджа Дарбханги [50, II, 10]. Признание майтхили Калькуттским университетом в 1917 г. было достигнуто с помощью и при содействии раджи княжества Банаули [там же, 12].

В 1938 г. майтхили получил признание Патнинского университета, который в течение почти 20 лет со дня своего создания отказывался принять его в качестве самостоятельного языка. Это произошло тоже не без участия и личного влияния махараджи Дарбханги [там же].

Махараджа последовательно отстаивал самобытность майтхили в то время, как некоторые поборники хинди, в том числе Рамвилас Шарма, доказывали, что майтхили — не более как диалект хинди, не имеющий права на самостоятельное существование [38, 201—212]. И тот факт, что правительство независимой Индии в 1950 г. удовлетворило требование населения Митхилы о введении преподавания на майтхили в начальных и средних школах этого района [50, II, 148], во многом объясняется активной деятельностью, которую в первые годы независи-

мости развернули правители прежних княжеств Северного Бихара.

В таких условиях майтхильская интеллигенция, особенно старшее ее поколение, воспитанное в монархических традициях, естественно, тянулось к «защитнику» родного языка — махарадже Дарбханги, который в ее глазах становился выразителем идей национального возрождения и национальной консолидации. Поэтому нет ничего удивительного в том, что на всех конференциях майтхильских писателей, проходивших в независимой Индии, в качестве почетного гостя присутствовал покровитель изящной словесности на родном языке махараджа Дарбханги [9, 5—6].

Возьмем другой пример — Бунделькханда. Одним из наиболее влиятельных центров «джанапада андолан» с первых же дней его зарождения стал г. Тикамгарх, столица небольшого княжества Орчха (в Бунделькханде), раджа которого с самого начала оказывал активную моральную поддержку «движению за народный язык» [26, 21]. После того как Б. Чатурведи выдвинул лозунг «децентрализации», в Тикамгархе в дополнение к существовавшему здесь «Литературному совету в честь [раджи] Виренды», основанному в 1910 г., по инициативе раджи был создан «Совет народной речи», который ставил перед собой цель изучения народного языка и культуры Бунделькханда [28, 380]. Совет занялся сбором, изучением и публикацией произведений народных поэтов Бунделькханда и образцов местного фольклора: песен, сказаний, сказок, пословиц и поговорок [26, 21]. Его члены провели огромную работу по сбору, обработке и изданию литературного наследия основоположника современной бунделькхандской литературы — народного поэта Исури. Совет издавал трехмесячный журнал «Народная речь» и готовил словарь бундели [28, 380]. На средства правителя Орчхи издавался также журнал «Мадхукар», опубликовавший на своих страницах немало образцов фольклора и стихов местных поэтов [26, 21]. За счет отчислений из казны правителя Орчхи была учреждена также «Премия Дэва», которая присуждалась за лучшие поэтические произведения года, создававшиеся на хинди и брадже [28, 384].

Правитель захудалого княжества раджа Орчхи активно поддерживал движение за создание объединенной провинции Бунделькханд, видя в этом средство упрочить свою репутацию «просвещенного монарха» и закрепить свою ведущую роль в местных политических кругах в случае, если это движение увенчается успехом. Ликвидация княжеств положила конец честолюбивым замыслам правителя Орчхи, однако не смогла, по-видимому, поколебать его репутации покровителя и защитника родного языка.

В последние годы со страниц прессы все чаще звучат требования о создании отдельного горного штата. В этот штат, по

мысли авторов проекта, должны войти горные области на северо-западе штата Уттар-Прадеш, население которых говорит на пахарских языках — гархвали и кумаони. Создание отдельного горного штата, как они считают, поможет населению этой области вырваться из тисков нищеты и отсталости, будет способствовать быстрейшему экономическому и социальному развитию. Это требование поддерживают прогрессивные силы Северной Индии, в том числе коммунисты, а также прежние правители княжеств, существовавших здесь до 1948 г. В частности, активное участие в подготовке и проведении конференции горских народов, состоявшейся в начале января 1971 г. в Котадваре (Гархвал), принимал бывший махараджа Гархвала. На ней присутствовали все члены Законодательного собрания штата Уттар-Прадеш от горных областей [8, 5.1.1971].

Однако участие феодальных сил в «движении за народный язык» и в развитии региональных литератур данного ареала не должно создавать превратного впечатления о характере и направленности этого процесса. Участие в нем прежних правителей феодальных княжеств само по себе еще не делает это движение обращенным в прошлое, т. е. явлением антинародным и реакционным. Вопрос о характере движения в каждой из областей данного ареала должен решаться конкретно-исторически, с учетом того, насколько оно отвечает демократическим требованиям широких народных масс, служит делу социального раскрепощения трудящихся.

Феодално-брахманские элементы берут в свои руки руководство движением лишь там, где слабо влияние прогрессивных сил. Там же, где организации прогрессивных сил, прежде всего коммунистов, достаточно сильны, феодальные силы отступают перед их натиском, не теряя, однако, надежды вернуть себе руководство движением при благоприятном стечении обстоятельств.

Все изложенное позволяет утверждать, что движение по языковым вопросам в областях хинди не только существует, но и добивается определенных успехов, воздействуя как на массы, так и на позицию правящей партии — ИНК.

В качестве одного из результатов «джанапада андолан» прежде всего следует рассматривать тот «лингвистический взрыв», который отмечен переписью 1961 г. по сравнению с 1951 г., т. е. небывалое увеличение числа тех, кто назвал диалект своим родным языком. Например, число назвавших авадхи увеличилось в 170 раз, майтхили — почти в 56 раз и т. д. Этот «взрыв» был подготовлен не только объективными процессами, но в известной мере и систематической, целеустремленной деятельностью местных организаций по пропаганде местного языка. В частности, активный общественный деятель Чандранатх Мишра Амар пишет: «Митхила полностью пробудилась во время переписи 1961 г. Организации по пропаганде

и утверждению майтхили — „Великое майтхильское собрание“, „Совет майтхильской литературы“, „Майтхильский союз“ и другие — встретили перепись во всеоружии: они устраивали митинги, рассылали открытки, расклеивали плакаты, распространяли листовки, призывая каждого встать на защиту родного языка» [10, 430].

Подобный «лингвистический взрыв», подкрепленный принявшим все более массовый характер движением, в сочетании с высоким уровнем развития майтхильской литературы привел к тому, что в марте 1965 г. Литературная академия Индии вынуждена была признать майтхили в качестве самостоятельного литературного языка. В соответствии с этим решением премия Литературной академии за 1968 г. была впервые в истории майтхильского народа присуждена Вайдьянатху Мишре (в истории литературы хинди более известному под псевдонимом «Нагарджун») за сборник стихов, написанных на майтхили — «Безлистное голое дерево».

Для раджастанского народа определенной вехой явился 1971 год. В конце марта 1971 г., выступая на состоявшейся в Дели церемонии вручения премий, ежегодно присуждаемых Литературной академией Индии за лучшие произведения года, президент Академии С. К. Чаттерджи заявил, что вслед за майтхили, а также рядом других индийских языков признание Литературной академии получил, наконец, и раджастанский [45, 98—99].

В 1970 г. на рассмотрение Литературной академии был поставлен вопрос о признании бходжпури [11, 1971, № 3—4]. И это не случайно⁴. Как отмечают все исследователи литературного творчества, в хиндиязычном ареале литература на бходжпури существовала еще в раннее средневековье. Отдельные стихи на бходжпури встречаются у Кабира (XV в.) и ряда других поэтов. Как язык поэзии бходжпури стал регулярно использоваться с конца XIX в. Новый подъем литературной активности на бходжпури отмечается в 40-е годы, особенно после завоевания Индией независимости. В 40—50-е годы складываются прозаические жанры. Ныне на бходжпури выходит 11 периодических изданий, во многих городах функционируют общества по развитию бходжпурской литературы, крупнейшим из которых является «Бходжпурская ассамблея» в Бенаресе. По данным специального выпуска журнала «Анджор», редакция которого по требованию Литературной академии подготовила полную библиографию изданий на бходжпури, число публикаций на бходжпури, начиная с конца XIX в. до лета 1970 г., составляло 193 названия, среди которых было 6 романов и 4 сборника статей по различным отраслям знания [15].

⁴ По данным переписи 1961 г., число тех, кто назвал бходжпури своим родным языком, составило около 7,8 млн.; в 1971 г. эта цифра возросла почти вдвое — до 14,3 млн. [40а, 333].

В 1971 г. число публикаций на бходжпури намного превышало цифру 200. В том же году в Бихарском университете (Музафарпур) бходжпури стал изучаться на первых курсах в качестве отдельного предмета [25а, 384]. В 1972 г. вышел в свет первый капитальный труд по истории бходжпурской литературы.

Конечно, не следует переоценивать значение признания со стороны Литературной академии. Оно совсем не означает, что отныне для региональных языков открыт свободный доступ во все основные сферы общения и средства массовой информации. Доступ туда, особенно в сферу просвещения и в государственный аппарат, пока еще остается наглухо закрытым для них. Признание Литературной академией означает лишь возможность для местных писателей и поэтов, создающих свои произведения на данном языке, получать премию, которая присуждается ежегодно за выдающиеся произведения, выходящие на основных языках Индии. И все же признание со стороны Литературной академии — это свидетельство успехов движения за народный язык в областях распространения хинди. Литературная академия вынуждена делать это, несмотря на противодействие защитников «раштра-бхаша» («национального языка»), которые стремятся изобразить эти шаги как стремление «низвергнуть хинди». Признавая необходимость изучения диалектов и даже допуская возможность литературного творчества на них, они выступают против использования их в школе, видя в этом опасность для хинди, который, по их мнению, является родным языком для всех тех, кто живет в данном ареале, независимо от того, на каком диалекте он говорит.

Чрезвычайно показательной в этом плане являлась позиция, занятая известным поэтом хинди Макханлалом Чатурведи. «Конечно, я хотел бы, чтобы угасающая литература на марвари, мальви, бунделькханди, брадже, майтхили и других диалектах предстала перед нами во всем своем блеске, — пишет М. Чатурведи, — но я не могу себе представить, чтобы учебники для этих провинций печатались на местных диалектах. Нет ничего плохого в том, чтобы пробудить местный патриотизм, однако я боюсь, что междоусобица приведет к крушению всего хиндиязычного мира» [17, 34]. Такого же мнения придерживался и президент крупнейшей организации — «Общества пропаганды хинди» в Бенаресе — Бхавани Даял Саньяси, которому перевод преподавания на местные диалекты даже в объеме программы начальной школы представлялся как «очень большой ущерб для Индии и для хинди», как «преступление по отношению к национальным устремлениям» [там же, 36—37].

С самыми яростными нападками обрушился на эти идеи известный исследователь литератур данного ареала Сатъендра. В пылу полемики Сатъендра доходит до того, что выступление Р. Санкритьяна объявляет чисто политическим маневром, на-

правленным на то, «чтобы ослабить политическую силу и идеи, персонифицированные в Ганди, и в конечном счете ослабить Индию» [там же, 95] путем расчленения и изоляции диалектов, бытующих в ареале распространения хинди. «Осознание отдельности [диалектов] — самое лучшее оружие, чтобы умертвить хинди... — писал Сатьендра. — Если усилия, направляемые из Тикамгарха⁵, увенчаются успехом, хинди лишится корней, уподобится лотосу, вырванному из пруда» [там же, 97].

Конечно, только полемическим пылом можно объяснить обвинения, брошенные Сатьендрой в адрес Санкритьяяна: обвинять активного участника национально-освободительного движения в том, будто он стремится подорвать это движение, по меньшей мере нелогично, так же как и закрывать глаза на ту роль, которую отводил в своей схеме языку хинди идейный руководитель радикального крыла «джанапада андолан». В схеме Санкритьяяна хинди и местные языки — не антагонисты, как старается представить Сатьендра, а союзники в борьбе за свободную демократическую Индию.

Сатьендра не заметил, что, выдвигая свой план развития местных языков, Санкритьяян вместе с тем подчеркивал и ту роль, которую играет хинди сейчас и которую ему предстоит играть в будущем, после того как местные языки станут средством обучения. Роль хинди как языка межпровинциального (межобластного) общения должна еще больше возрасти для расширения и укрепления политических, экономических и культурных связей между различными регионами [22, 29]. По мысли Санкритьяяна, это будет иметь важные лингвистические последствия и для самого хинди: он сблизится со своей народно-разговорной основой и освободится от элементов искусственности, которые были привиты ему в процессе развития [там же, 30].

Критикуя «тех, кто больше всего заботится о том, как бы развитие местных языков не нанесло ущерба хинди», и усматривая в этом «воздействие реакционных тенденций» [20, 88—89], другой исследователь мальвийской литературы — Шьям Пармар формулирует отношение к хинди со стороны местной интеллигенции в следующих словах: «Хинди — единодушно признанный „национальный язык“. Именно он является для нас языком межобластного общения, и те, которые требуют развития своих родных языков, никогда не выступали против хинди. Они хотят только одного — чтобы им также была предоставлена возможность развивать свой язык наряду с хинди» [там же, 89].

Аналогичную позицию по отношению к хинди занимают представители майтхили и раджастанхани — тех региональных языков данного ареала, которые уже получили признание Литературной академии Индии. Так, член Литературной академии,

⁵ Намек на Б. Чатурведи, который жил тогда в Тикамгархе.

ревностный поборник майтхильского языка и литературы, Раманатх Джха заявляет: «Мы, представители Митхилы, — не антагонисты хинди, мы любим хинди и высоко почитаем его, однако мы не хотим, чтобы майтхили пренебрегали, тем более мы не хотим, чтобы его подавляли» [47, 10].

«У тех, кто стоит за признание раджастхани, нет совершенно никаких намерений противодействовать росту и развитию хинди, — говорилось в „Меморандуме“, который был распространен среди делегатов IV конференции писателей Азии и Африки в Дели. — Они единодушны в том, что хинди по праву занимает место связующего языка (link-language) страны, который можно квалифицировать как государственный, или официальный, язык» [55, 8].

А II конференция писателей Раджастхана, состоявшаяся в октябре 1970 г., четко выразила свои позиции по языковому вопросу в Раджастхане, записав в резолюции следующее: «Конституционное непризнание [раджастхани] порождает бесчисленные трудности для раджастханского народа, который стремится читать, писать, выражать радость и горе на своем родном языке. Конференция единодушно решила вести упорную борьбу за демократическое право народа говорить и писать на своем родном языке. Вместе с тем раджастханские писатели придерживаются того мнения, что хинди должен быть принят как связующий язык (link-language) страны» [21, 2].

Наиболее полное освещение проблема отношений между хинди и региональными языками получила в статье Ш. Чаухана «Языковой вопрос и единство Индии», опубликованной на страницах делийского журнала «Алочана» [33, 1—8, 209—210]. Чаухан показывает, что сторонники хинди в своем стремлении любыми средствами добиться введения хинди в качестве единственного государственного языка не считают с интересами ни национальных меньшинств, ни широких масс, говорящих на региональных языках данного ареала. Тем самым они лишают их возможности получать образование на родном языке. Чаухан указывает, что такое положение совсем не способствует единству Индии, ибо оно чревато социальными коллизиями на почве языка, и что подлинное единство Индии может быть достигнуто лишь путем признания права народа использовать свой родной язык.

Процесс формирования развитых языков из тех форм, которые прежде считались диалектами, ни в коей мере не означает подрыва единства страны, считает Чаухан, точно так же, как единству Индии никогда не угрожало развитие бенгали, тамили или какого-либо другого языка. «Если мы будем справедливы по отношению ко всем языкам, — пишет он, — и обеспечим их полное признание в пределах территорий их распространения... то от этого политическое и языковое единство страны лишь еще больше окрепнет» [там же, 209].

Опасения за судьбу хинди как государственного языка, по мнению Чаухана, представляются совершенно беспочвенными, ибо, даже если хинди будет представлять собой «язык незначительного меньшинства», охватывающего средние слои городского населения (каким он, по существу, и является в настоящее время) общей численностью 10—15 млн., «все нации добровольно, с радостью примут хинди... в качестве языка-посредника» [там же, 210].

Таким образом, мы можем с полным основанием утверждать, что борьба народов хиндиязычного ареала за официальное признание родных языков, находящая наиболее полное выражение в лозунгах радикального крыла «джанапада андолан», вовсе не означает стремления «ниспровергнуть» или «принизить» хинди. Это борьба за национально-лингвистическое самоопределение в рамках Индийского Союза, за право беспрепятственно использовать свой язык во всех жизненно важных сферах, в том числе — в просвещении и официальном делопроизводстве. Что касается хинди, то у населения данного ареала совсем иное отношение к нему, чем, к примеру, у тамильской или бенгальской интеллигенции: если последняя выступает открыто против хинди, то раджастханский, майтхильский и все другие народы данного ареала, добиваясь признания своего языка, вместе с тем стремятся сохранить хинди как свое общее достояние, как язык межобластного и межнационального общения.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

1. Дьяков А. М. Национальный вопрос и английский империализм в Индии. М., 1948.
2. Дьяков А. М. Национальный вопрос в современной Индии. М., 1963.
3. Чаухан Ш. Очерк литературы хинди (пер. с хинди). М., 1960.
4. Чернышев В. А. Диалекты и литературный хинди. М., 1969.
5. Чернышев В. А. К вопросу о специфике языковой ситуации в областях распространения хинди.— «Народы Азии и Африки», 1968, № 2.
6. Чернышев В. А. Романы Рену.— «Современная индийская проза», М., 1961.

На хинди

7. Агравал В. Джанападия карьякрам (Программа не благо джанападам).— «Мадхукар», № 1—10, 1944.
8. «Адж». Варанаси.
9. «Акхиль бхаратия майтхили сахитья саммелан» (Всеиндийская конференция майтхильской литературы). Дарбханга, 1962.
10. Амар Ч. М. Майтхили андолан; эк сарвекшан (Движение за майтхили: обзор). Дарбханга, 1962 (на майтхили).
11. «Анджор», Патна.

12. Ба да л ь Ш. Бундели на пхаг-сахитъя (Песенная поэзия на бундели). Ратх (Хамирпур), 1964.
13. Ба х р и Х. Грамин хинди болиян (Деревенские диалекты хинди). Аллахабад, 1967.
14. «Брадждж бхарати», Матхура.
15. «Бходжпури сахитъя ка санкишп паричай звам бходжпури ка пракашит сахитъя» (Краткое знакомство с бходжпурской литературой и печатные издания на бходжпури). Патна, 1970.
16. Дикшит Т. Авадхи аур уска сахитъя (Авадхи и литература на нем). Дели, [1954].
17. «Мадхукар», Тикамгарх, 1944, № 1—10.
18. Менария М. Раджастхани бхаша аур сахитъя (Раджастханский язык и литература). Аллахабад, 1951.
19. Менария П. Раджастхани бхаша ки рупрекха аур маньята на прашн (Очерк языка раджастхани и проблема его признания). Бенарес, 1953.
20. Пармар Ш. Мальви аур уска сахитъя (Мальви и литература на нем). Дели, [1953].
21. «Раджастхани бхаша ки маньята» («Признание языка раджастхани»). Борунда, 1970.
22. Санкритьян Р. Матри-бхашаон ка прашн (Проблема родных языков).— «Мадхукар», № 1—10, 1944.
23. Сатъендра. Брадж-сахитъя ка итихас (История литературы на брадж). Аллахабад, 1967.
24. Тивари У. Бходжпури бхаша аур сахитъя (Бходжпурский язык и литература). Патна, 1954.
25. Упадхьяя К. Бходжпури аур уска сахитъя (Бходжпури и литература на нем). Дели, [1957].
- 25a. Упадхьяя К. Бходжпури сахитъя ка итихас (История бходжпурской литературы). Варанаси, 1972.
26. Упадхьяя К. Лок-сахитъя ки бхумика (Введение в фольклор). Аллахабад, 1957.
27. «Хинди сахитъя ка брихат итихас» («Полная история литературы хинди»), т. XVI. Каши (Варанаси), 2017 [1960].
28. «Хинди севи-сансар» («Мир служителей хинди»). Лакхнау, 1951.
29. «Хиндустан». Дели.
30. Чатурведи Б. Джанападия карья: махатвапурн сахитык якша (Работа на благо джанапад — важная литературная задача).— «Аша», Сасни, 1972.
31. Чатурведи Б. Сахитъя кшетра мен викендрикаран (Децентрализация в сфере литературы).— «Мадхукар», 1944, № 1—10.
32. Чатурведи Б. Сахитъя саммелан аур викендрикаран (Литературная конференция и децентрализация).— «Мадхукар», 1944, № 1—10.
33. Чаухан Ш. Бхаша ка прашн аур бхарат ки экта (Языковой вопрос и единство Индии).— «Алочана». Дели, 1965, № 34.
34. Чаухан Ш. Джанападия бхашаон ка прашн (Проблема народных языков).— Чаухан Ш. Сахитъя ки самасьяен. Дели, 1959.
35. Чаухан Ш. Сахитъя ки самасьяен (Проблемы литературы). Дели, 1959.
36. Чаухан Ш. Хинди сахитъя ке асси варш (Восемьдесят лет литературы хинди). Дели, 1954.
37. Шарма Р. Бхаша аур самадж (Язык и общество). Дели, 1961.
38. Шарма Р. Майтхили аур хинди (Майтхили и хинди).— Шарма Р. Прагатишил сахитъя ки самасьяен. Агра, 1954.

На английском языке

39. All India Language Conference Report. Calcutta, 1958.
40. «Amrita Bazar Patrika», Calcutta.
- 40a. Census of India, 1971. Language Handbook on Mother Tongues in Census. Census Centenary Monograph № 10. Delhi, 1972.

41. Chatterji S. K. Languages and Literatures of Modern India. Calcutta, 1963.
42. Chatterji S. K. A Note of Discent.— «Report of the Official Language Commission». Delhi, 1957.
43. «Hindustan Times». Bombay, Delhi.
44. «Indian Literature». Bombay, 1953, № 1.
45. «Indian PEN». Delhi, 1971, № 4.
46. Jafri A. S. Why Two Literary Forms — Urdu and Hindi? A Short Supplementary Note on the Draft.— «Indian Literature», 1953, № 1.
47. Jha R. Problems of Maithili.— «Indian Literature», Delhi, 1969, vol. XII, № 4.
48. Kodesia K. The Problems of Linguistic States in India. Delhi, 1969.
49. Mazumdar S. N. Marxism and the Language Problem in India. Delhi, 1970.
50. Mishra J. A History of Maithili Literature. Allahabad, vol. I, 1949, vol. II, 1950.
51. Narula Sh. S. Scientific History of the Hindi Language. Delhi, 1955.
52. On the Formation of the Hindustani Nation and the Problem of Its National Language.— «Indian Literature», 1953, № 1.
53. «Patriot», Delhi.
54. «People's Age», Delhi.
55. «Rajasthani», a Note Presented in the Afro-Asian Conference... by the Delegation from Rajasthan. Delhi, 1970 (mimeo).
56. Report of the Official Language Commission. Delhi, 1957.
57. Report of the States Reorganisation Commission. Delhi, 1955.

Г. А. Зограф

МНОГОЯЗЫЧИЕ В ИНДИИ

Многоязычие обычно понимается как функционирование нескольких языков в каком-то сообществе, государстве, административной области и т. п. Но можно понимать его и как использование нескольких языков одним индивидом в разных сферах общения. Это обратная сторона той же медали — путь практического разрешения коммуникативных трудностей, протекающих из многоязычия первого рода. Такое многоязычие индивидов, чаще всего представляющее в форме двуязычия (билингвизма, или диглоссии), во избежание смешения с первым будем называть здесь мультилингвизмом.

Многоязычие в обоих этих аспектах широко представлено в Индии, что обусловлено неоднородностью состава ее населения, распадающегося на весьма многочисленные разноязычные и разнодialeктные группы, национальные, этнические, локальные и социальные. Если первый аспект многоязычия — соотношение различных языков и диалектов в масштабе страны и всего Южноазиатского субконтинента, их классификация и стратификация — давно уже привлекает пристальное внимание лингвистов, то второй — мультилингвизм — стал объектом специального интереса только в последний период. Внимание к этой проблеме было привлечено У. Вайнрайхом [12], охарактеризовавшим функциональные аспекты индийского двуязычия и предложившим (вслед за Дж. Гринбергом) методы количественной оценки таких связанных с рассматриваемой ситуацией показателей, как «функциональная значимость языков [в разноязычной среде]», «уровень разноязычия» и «коэффициент компенсации двуязычия». Конкретные примеры некоторых характерных типов южноазиатского мультилингвизма нашли освещение в специальном томе «Международного журнала американской лингвистики», посвященном разноязычию в Южной Азии [10]. В последнее десятилетие к проблеме все чаще обращаются индийские лингвисты. Особенно многочисленны статьи и выступления на эту тему Л. М. Кхубчандани. Правда, рассматривается она чаще всего в несколько суженном плане: либо как двуязычие, включая сюда и изучение роли того или иного язы-

ка в качестве дополнительного (к родному языку) коммуникативного средства, либо как характеристика конкретной ситуации многоязычия (и соответствующего ему мультилингвизма) в каком-то ограниченном районе. Нам бы хотелось попытаться оценить возможности представления индийского мультилингвизма в полном его объеме.

Оптимальный максимум функционального мультилингвизма для жителя Индии может быть на основе имеющихся наблюдений обобщенно представлен пятиступенчатой иерархической структурой языковых разновидностей, действующих в последовательно расширяющихся сферах общения: домашней (I), локальной (II), областной (III), общегосударственной (IV), государственной вместе с надгосударственной, т. е. международной (V). Первые две ступени могут быть определены как круг неофициального (неформального) и преобладающе устного общения в пределах семьи, социальной группы (касты), деревни (I) или совокупности этих узких локальных и социальных ячеек, объединенных первичными экономическими связями, что в традиционных индийских условиях можно определить понятием «базар», охватывающим «внедомашнюю» сферу удовлетворения основных житейских потребностей (II). Последующие три ступени представляют круг преимущественно официального (формального) общения в сфере деловых и административных отношений, образования, культуры и науки в масштабе штата (III), страны (IV, V) и международном (V), причем общения не только устного, но и в широчайшей степени письменного.

Средством общения на первой ступени служат локальные или кастовые говоры — частные разновидности диалектов больших письменных языков страны, или же малые бесписьменные языки и их диалекты и говоры; на второй — либо родственные первым более крупные языковые разновидности (диалект, покрывающий говоры, или язык, покрывающий диалекты), либо неродственные им языки (диалекты) ближайших соседей; на третьей — преимущественно языки штатов, включая хинди (а также урду), имеющие письменность, развитую литературу и служащие основным инструментом школьного образования; на четвертой — хинди; на пятой — английский язык.

Разумеется, предложенная схема весьма приближительна. Границы между ступенями довольно расплывчаты, и сами они не могут рассматриваться как нечто функционально вполне однородное. Так, на третьей и четвертой ступенях можно выделить сферу неофициальной или полуофициальной (устной) коммуникации, обслуживаемую просторечными или жаргонными разновидностями того или иного областного языка. Например, на четвертой — в общеиндийском масштабе — такую функцию исполняет так называемый базарный хинди, распространенный в портовых и промышленных городах за пределами собственно Хиндустана и определяемый С. К. Чаттерджи как подлинное

средство обиходной коммуникации (Verkehrssprache, Umgangssprache) для всей Северной Индии [4, 170, 264]. Таким образом, предложенная градация может как-то модифицироваться и расширяться или, наоборот, сужаться за счет выпадения каких-то ступеней или функционального совмещения соседних (например, второй и третьей). Практически мультилингвизм редко выходит за пределы трехязычия, реализующегося по-разному в зависимости как от функциональной стратификации используемых языковых разновидностей, так и от локальной языковой ситуации.

С точки зрения первой целесообразно различать два основных типа мультилингвизма: *бытовой*, или естественный, приобретаемый в живом общении, которое связано с удовлетворением основных житейских потребностей, и *деловой*, или привитой, приобретаемый в результате специального обучения языку в школе или какими-либо сходными путями. Бытовой мультилингвизм выражается во владении наряду с родным языком языковой разновидностью второй ступени, а также — в разговорной или просторечной форме — языком третьей — четвертой ступеней. Если же знание языка третьей или четвертой ступени — в данном случае в стандартной его форме — приобретается через школьное обучение, мультилингвизм можно считать *смешанным*. Для делового мультилингвизма обычно совмещение языковых разновидностей первой ступени («родной язык») с языками третьей и четвертой — пятой. Таким образом, распределение функциональных типов мультилингвизма связано с социальным статусом носителей языка, обуславливающим уровень их грамотности: бытовой свойствен неграмотным и малограмотным слоям населения, деловой (нередко наряду с бытовым, что дает смешанный тип) — лицам, обладающим как минимум средним образованием.

Локальная языковая ситуация определяет собственно лингвистическое содержание мультилингвизма, выражающееся в конкретном сочетании языковых разновидностей, используемых параллельно той или иной группой носителей. Здесь также можно выделить два основных, обобщенных типа. Мультилингвизм, который выражается в использовании языковых разновидностей, квалифицируемых как разные языки, назовем *полным*. В противовес ему мультилингвизм, выражающийся в использовании языковых разновидностей, подводимых одна под другую в терминах «язык» — «диалект [данного языка]» — «говор [данного диалекта]», будем считать *частичным*. Возможны и *промежуточные* случаи, как и у функциональных типов. Промежутируем сказанное примерами.

Частичный бытовой (а также функционально смешанный) мультилингвизм демонстрирует типичная для Бенгалии ситуация, описанная применительно к Бангладеш М. Чоудхури [5, 77]:

I	II	III	IV
чистая диалек- тная речь (дома)	модифицирован- ный диалект (вне дома)	стандартный «разговорный» (в формальной речи и на письме)	«высокий» бенгальский (только на письме)
/ai zaiyum/ /mui zai bam/ /ami zamu/	/ami jamu/	/ami jabo/	/ami jai bo/

(повсюду: 'я пойду')

Аналогичный тип мультилингвизма для Хиндустана (штат Уттар-Прадеш и прилегающие районы) дает сосуществование в устах одного носителя местного говора (I), регионального диалекта (II) и хинди или урду (III) [см.: 8, 92—96].

Полный бытовой мультилингвизм (главным образом в форме двуязычия) обычен для населения гондских районов Мадхья-Прадеша: гонди (I) и чхаттисгархи (II); реже — наоборот. Он разворачивается в функционально смешанный с прибавлением хинди на третьей ступени.

Пример функционально смешанного (а в иных случаях и чисто делового) полного мультилингвизма можно наблюдать на границе штатов Махараштра и Майсур: [диалект] каннада (I) — [диалект] маратхи (II или III) — английский (V) [см.: 7, 118—119]. Сохранению и развитию делового мультилингвизма способствует, между прочим, официально признанная «трехязыковая формула», предусматривающая изучение в процессе среднего образования наряду с родным двух неродных языков: хинди (а для хиндиязычного региона — какого-либо из других важнейших языков страны) и английского.

Конкретные примеры разнообразнейших частных проявлений индийского мультилингвизма можно умножать бесконечно, но нас интересует более общее его представление — те его качественные и количественные параметры, которые можно вывести из доступной статистики. Важнейшим источником таковой служат данные таблиц по двуязычию, содержащиеся в отчете о переписи населения Индии 1961 г. [3, 437—517]. Эти таблицы состоят из двух частей: одна характеризует использование 14 важнейших языков страны в качестве дополнительных к родному, другая показывает конкретное выражение и интенсивность (общую и по отдельным вторым языкам) двуязычия у носителей 114 языков. Эти языки (mother tongues) приводятся под названиями, которые дают им сами носители, так что сюда попадают и языковые разновидности, понимаемые составителями переписи как диалекты. За рамками таблицы остались языки, имеющие менее 10 тыс. носителей и менее 5 тыс. двуязычных. Кроме того, согласно инструкции по проведению переписи, отражению в опросных листах подлежало не более двух дополнительных языков, а при обработке материала по двуязы-

чию и составлении таблиц учитывался только первый из них. Таким образом, данные по двуязычию здесь заведомо неполны, а мультилингвизм в интересующем нас плане (как трехязычие, четырехязычие и т. д.) отражения здесь вообще не нашел. Однако таблицы содержат материал, позволяющий судить о некоторых любопытных общих закономерностях.

Чтобы оценить имеющиеся здесь данные, целесообразно сгруппировать языки в функционально однородные совокупности. В качестве таковых удобно принять, следуя от вершины предложенной выше иерархической лестницы, английский (V), хинди (и урду) (IV), языки штатов, включенные в Приложение VIII к Конституции Индии (III), языки малых народностей и племен, а также диалекты и говоры (II—I).

Английский в 1961 г. назвали своим вторым языком свыше 10 914 тыс. человек, т. е. 2,5% жителей Индии [6, 181]¹. Число говорящих на нем ниже среднего уровня в Раджастанхоне, Мадхья-Прадеше, Ориссе, Гуджарате, Бихаре и Майсуре (1,2—2%); выше — в Тамилнаде, Керале и Западной Бенгалии (3,6—4,2%), Панджабе (6,2%) и особенно в Дели (15%). Функциональный статус английского не вызывает вопросов. Это язык делового общения на высшем официальном уровне (государственном и надгосударственном), а также язык науки, культуры, высшего образования и средств массовой информации общиндийского значения. Он поныне сохраняет достаточно прочные позиции в названных сферах, несмотря на неуклонно возрастающую роль хинди и языков штатов. Деловой и престижный характер владения английским в качестве второго языка подчеркивается соотношением показавших его лиц по полу: мужчины составляют 75% (8196 тыс.), а женщины только 25% (2718 тыс.), т. е. индекс М:Ж=3,01 (колеблется от 2,0 в Керале до 9,0 в Бихаре)².

¹ Ввиду того, что третьи и последующие языки в таблицах, служащих нашим источником, не учтены, эта цифра, как и все остальные, относящиеся к использованию дополнительных языков, представляется заниженной. Никакими данными, позволяющими предложить обоснованные поправки, мы не располагаем.

² Индекс соотношения двуязычных мужчин и женщин (М:Ж) представляется нам достаточно красноречивым показателем функционального типа двуязычия. Бытовое двуязычие характеризуется индексом М:Ж=1,0 или близким к нему (при оценке его нужно учитывать и общее преобладание мужского населения в стране: в 1971 г. на 1000 мужчин приходилось 932 женщины, т. е. М:Ж=1,07). При индексе в пределах 1,5—2,5 можно предположить смешанное двуязычие. Дальнейшее его повышение свидетельствует о деловом характере двуязычия. В связи с этим уместно упомянуть, что число грамотных среди женщин в 1971 г. было вдвое меньше, чем среди мужчин, следовательно, по этому параметру индекс М:Ж в интересующий нас период превышал 2,0. Еще красноречивее соотношение по полу учащихся на разных ступенях образования (в 1972 г.): начальная школа — 1,7, средняя — 3,0, высшая (университет) — 5,5 [1, 7]. Конечно, при истолковании предложенных пропорций нужно также учитывать социальную или религиозную специфику той или иной конкретной группы населения.

Основные языки страны, поименованные в Конституции, служат официальными языками штатов, а хинди вместе с тем и официальным языком Индийского Союза. Исключение составляют урду, не связанный с какой-то целостной территорией, а служащий средством общения в первую очередь для значительной части членов мусульманской религиозной общины в Индии, и санскрит³.

Таблица 1 содержит основные интересующие нас сведения по этой группе языков: общее число носителей и процент носителей, проживающих за пределами основной области распространения языка⁴; показанное в переписи двуязычие в абсолютных цифрах и в процентах, а также роль в нем языков общеиндийского значения; использование данного языка в качестве дополнительного в целом по Индии, а также внутри и вне основной области его распространения. Цифры двуязычия сопровождаются предложенным выше индексом М:Ж. Для родного языка последний, естественно, всюду близок к 1,0. Исключение составляют носители хинди, живущие вне основной области распространения языка, для которых он составляет 1,78. Это можно рассматривать как указание на повышенную подвижность мужского хиндиязычного населения, связанную, очевидно, с исполнением деловых и официальных функций.

Исходя из данных табл. 1, значение включенных в нее языков по широте охватываемой ими территории можно квалифицировать как общендийское, региональное и локальное. К общендийским следует отнести хинди и урду. Принадлежа к числу важнейших дополнительных языков (хинди по абсолютным цифрам занимает первое место среди индийских, а вместе с урду превосходит английский), они характеризуются широким выходом (на 50%) за пределы основной области, распространяясь и на дравидоязычные штаты. Функционально хинди в нехиндиязычных штатах следует отнести к IV ступени предложенной иерархии коммуникативных форм, а в штатах «области хинди» он присоединяет и значительно более широкие функции языка III ступени. Индекс М:Ж показывает явно деловой характер двуязычия на хинди за пределами его основной области (2,98) против, казалось бы, смешанного в ее границах (1,81), но последняя цифра вызывает, как это будет показано ниже, серьезные сомнения в отношении ее достоверности. Урду, не имеющий статуса, подобного хинди, может рас-

³ Санскрит как язык традиционной учености и ортодоксальной религии распространен по всей Индии, и с престижной, но, разумеется, не с практической точки зрения, он может быть поставлен на ту же ступень, что и английский. Вторым языком его называли 194 тыс. человек при соотношении М:Ж=8,08.

⁴ В качестве таковой условно принимается соответствующий штат, а для хинди (и урду) — совокупность штатов Уттар-Прадеш, Мадхья-Прадеш, Бихар, Раджастан, Панджаб (практически та его часть, которая ныне образует штат Хариану) и территория Дели.

Таблица 1
Двуязычие носителей основных языков Индии и использование этих языков в качестве дополнительных*

Язык	Число носителей		Из них двуязычны**							всего, тыс.	Используют данный язык как дополнительный	
	всего, тыс.	% носите- лей вне основной области	% всего, тыс.	в том числе вторыми языками служат:				прочие	в основной области, тыс.		вне основной области	
				английский	хинди	урду	санскрит					
Хинди	133 435	3	6281 (3,79)	5	3315 (6,1)	—	782 (10,0)	138 (7,65)	2046 (1,71)	4711 (1,81)	4352 (2,98)	50
Урду	23 323	41	5152 (1,64)	22	447 (5,20)	1021 (2,45)	—	—	3684 (1,33)	1054 (9,41)	952 (3,20)	47
Телугу	37 668	18	5285 (1,53)	14	855 (5,10)	328 (2,86)	292 (3,42)	—	3810 (1,12)	2006 (1,19)	1273 (1,16)	38
Бенгальский	33 889	13	2923 (2,58)	8	1563 (3,97)	615 (2,22)	69 (1,76)	—	676 (1,36)	915 (1,57)	962 (1,60)	50
Панджаби	10 951	24	1398 (2,57)	13	407 (3,24)	726 (1,69)	234 (15,71)	31 (1,38)	31 (1,89)	352 (1,96)	113 (1,71)	24
Гуджарати	20 304	8	1471 (2,38)	7	424 (3,46)	774 (2,44)	78 (1,44)	5 (8,63)	190 (1,33)	430 (1,50)	128 (1,61)	23
Маратхи	33 287	9	3431 (2,41)	10	528 (3,55)	2018 (3,15)	65 (2,66)	—	820 (1,1)	2308 (1,31)	416 (1,47)	15
Каннада	17 416	12	2498 (1,55)	14	326 (4,54)	177 (3,92)	—	—	1995 (1,25)	3063 (1,29)	488 (1,16)	14
Ория	15 719	6	898 (2,28)	6	209 (8,95)	252 (2,76)	43 (1,53)	—	437 (1,25)	961 (1,24)	114 (1,24)	10
Тамильский	30 563	8	2471 (1,97)	8	1262 (3,1)	99 (2,06)	7 (1,53)	—	1067 (1,25)	3405 (1,09)	254 (1,63)	7
Малаялам	17 016	6	1209 (2,07)	7	762 (2,07)	81 (2,48)	7 (4,56)	8 (7,32)	351 (1,94)	133 (1,24)	85 (1,60)	39
Ассамский	6 803	0,3	610 (1,93)	9	158 (3,68)	150 (2,33)	—	—	302 (1,34)	1631 (1,36)	17 (3,25)	1
Кашмири	1 956	2	205 (4,1)	10	8 (7,03)	15 (0,93)	158 (6,52)	—	24 (1,30)	25 (1,22)	0,4 (3,59)	2

* [3].

** В скобках указан индекс М : Ж.

сма­триваться как дополни­тель­ное к нему сред­ство неофициальной или полуофициальной коммуни­кации, что обусловлено их генетическим единством, особенно заметным в разговорных их разновидностях. Этому способствует и широкая распространённость урду за пределами области хинди как основного (родного) языка (41%). Вместе с тем урду служит средством формальной коммуни­кации для значительной части членов мусульманской общины, о чем свидетельствует весьма высокий индекс М:Ж (5,11; при 9,41 в области хинди и 3,20 вне ее).

Региональными можно назвать телугу и бенгальский. Двухязычие на этих языках достаточно широко (в абсолютных цифрах и процентном выражении) представлено вне соответствующих штатов. Однако распространяется оно только на соседние области и, судя по ровному индексу М:Ж, носит там тот же функциональный характер, что и внутри штатов, — бытовой для телугу (1,18) и смешанный для бенгальского (1,58).

Остальные языки группы можно определить как локальные. В качестве вторых языков они используются преимущественно иноязычными меньшинствами внутри штатов. Выход двухязычия на них в соседние штаты невелик либо в процентном отношении, либо в абсолютных цифрах. Двухязычие это преимущественно бытовое, изредка (в панджаби, гуджарати) переходящее в смешанное. Узколокальный характер носят ассамский и кашмири.

Материал таблицы дает для функционального двухязычия IV ступени цифру в пределах 9—11 млн. человек, а для III ступени — около 20 млн.

Ниже в предложенной иерархии следуют те языковые разновидности, которые либо вообще не имеют устойчивой письменной традиции и литературы, либо играют в сфере письменного общения подчиненную роль по сравнению с перечисленными ранее. Зато именно они оказываются основными средствами неформального (устного) общения. Сюда входят как диалекты названных выше языков, так и разновидности, признаваемые самостоятельными языками. Весьма характерный пример представляет двухязычие малых народностей (главным образом так называемых зарегистрированных племен), живущих в иноязычном и по преимуществу лингвистически неродственном окружении, — дравидских Центральной Индии и мунда (табл. 2), а также ассамо-бирманских.

Здесь прежде всего привлекает внимание широкое распространение двухязычия. Среди дравидов Центральной Индии двухязычен в среднем каждый второй. Высок процент двухязычия и у народов мунда. Даже крупнейший из них — санталы — показывает 35% двухязычия, а у меньших оно доходит до 70%. Пониженный для данной группы процент двухязычных у отдельных народов может объясняться их сравнительной социально-экономической отсталостью, не требующей активных контактов с окружающим населением, а также географическими факторами,

Таблица 2

**Двуязычие дравидских народностей Центральной Индии
и народов мунда ***

Язык	Число носителей, тыс.	Из них двуязычно			Важнейшие дополнительные языки
		тыс.	%	М : Ж	
Дравидские:					
гонди	1384	679	49	1,09	хинди (чхаттисгархи), маратхи (халби)
курух	1133	506	45	1,12	хинди (включая садан и чхаттисгархи)
куи	510	131	26	1,65	ория
кхонд	168	69	41	1,12	ория, телугу
койя	141	91	64	0,99	телугу, ория
малто	89	21	23	1,55	сантальский, хинди
парджи	85	20	23	1,02	ория
колами	46	27	58	1,11	маратхи
Мунда:					
сантальский	3131	1100	35	1,21	бенгальский, ория, хинди
мундари	736	200	27	1,24	хинди (и садан), ория, бенгальский
хо	650	142	22	1,36	ория, хинди
савара	266	83	31	1,18	ория, телугу
корку	208	108	52	1,25	хинди
кхария	171	70	41	1,12	хинди (и садан)
бхумидж	131	95	72	0,98	ория
корва	16	11	69	0,99	хинди (и садан)

* [3].

препятствующими общению. Показательно в этом смысле, что среди гондов-мариа, населяющих малодоступные горные районы Бастара и ведущих в рамках родо-племенной организации еще весьма примитивный образ жизни, двуязычна только небольшая их часть — 17%.

Вторая особенность двуязычия в рассматриваемой группе — низкий индекс М:Ж, колеблющийся в пределах 1—1,25. Любопытно, что несколько повышается он как раз у тех групп, где процент двуязычных ниже среднего. Видимо, там, где двуязычие не является массовым (а для взрослого населения чуть ли не всеобщим), преобладание его у мужчин объясняется большей подвижностью последних, приводящей их к более широким контактам. В целом двуязычие это явно бытовое, о чем говорит и перечень языков, используемых в качестве дополнительных. В него входят сантальский, чхаттисгархи (диалект группы «восточный хинди»), садан (диалект группы «бихари»), халби (диалект маратхи, сближающийся с чхаттисгархи). Вероятно, в значительной мере как диалектные формы этих языков следует понимать названные в таблицах хинди, маратхи, ория, бен-

гальский и телугу, хотя нельзя исключать и знакомства здесь с их стандартными формами, следующего за распространением среди отсталых народностей начального и среднего образования.

Схожую с описанной картину демонстрирует двуязычие у носителей тибето-бирманских и некоторых других неиндоевропейских языков северо-восточных окраин Индии. Интенсивность двуязычия обычно высока (30—65%) при индексе М:Ж в среднем около 1,5. Основным дополнительным служит язык ближайших индоарийских соседей: ассамский для бодо, рабха, гаро, димаса, микир и др., непальский для лепча и т. п. Но есть здесь и исключения. Носители языка манипури, или мейтхен, представляющие значительное большинство населения автономной территории Манипур в горах на границе с Бирмой, показывают всего 15% двуязычных при индексе М:Ж около 2,5; последний при этом возрастает от 1,75 для бенгальского (основного дополнительного языка) и ассамского до 3,79 для английского и 7,00 для хинди. Особенно своеобразно двуязычие, показанное народностями лушей (мизо) и кхаси, — очень низкое (7 и 9% соответственно), причем дополнительными языками названы не языки ближайших соседей (ассамский и бенгальский), а английский и хинди. Любопытно, что для таких явно деловых и престижных языков, знание которых здесь приобретает через школу, индекс М:Ж у кхаси поразительно низок (1,16 для английского и 1,23 для хинди; ср. у лушей — 3,88 и 8,33 при среднем около 4,5). Такие данные заставляют подозревать здесь сознательное сокрытие бытового двуязычия под влиянием автономистских устремлений населения.

От того, что мы видели выше, резко отличается двуязычие, показанное для малых языков и диалектов, принадлежащих к индоарийской группе и функционирующих в близкородственном языковом окружении. Особенно показательны в этом отношении языковые разновидности в области распространения хинди (табл. 3). По соотношению мужского и женского двуязычия они могут быть разделены на две группы. В первую, где индекс М:Ж (3,5 и выше) говорит о деловом характере двуязычия, входят в качестве крупнейших компонентов формирующиеся литературные языки Бихара (бходжпури, майтхили, магахи), а также авадхи (диалект хинди, имевший значительную литературу в XVI—XVIII вв.) и диалекты пахари. Во вторую с очень ровным индексом на нижнем пределе смешанного двуязычия (1,65—1,90) входят диалекты раджастанхрани, бесписьменные диалекты Бихара и чхаттисгархи. Выделяются на общем фоне кулуи (2,10 при самой высокой для этой группы интенсивности двуязычия — 20%), багхелкханди (1,31; при очень небольшом числе зарегистрированных двуязычных — 8 тыс.) и малви (0,92).

В обоих случаях обращает на себя внимание малая интенсивность двуязычия. Оно не только несравненно ниже тех цифр,

Таблица 3

Двуязычие в области распространения хинди *

Язык или диалект	Число носителей, тыс.	Из них двуязычно			Важнейшие дополнительные языки
		тыс.	%	М : Ж	
Группа диалектов «восточный хинди»:					
авадхи	528	17	3	4,21	хинди
багхелкханди	557	8	1,5	1,31	хинди, английский
чхаттисгархи	2962	74	2,5	1,65	хинди, гонди, ория, английский
Группа языков и диалектов Бихара:					
бходжпури	7965	265	3	6,57	хинди, английский
майтхили	4985	190	4	3,72	хинди, английский
магахи	2819	108	3,5	4,05	хинди, английский
нагпури	93	16	17	1,71	хинди, курух и др.
сadan/сaдри	533	84	15	1,89	хинди, ассамский, мундари и др.
Группа языков и диалектов Раджастхана:					
раджастхани	804	54	7	1,88	хинди, английский, маратхи
марвари	6242	290	3	1,84	маратхи, хинди, английский
мевари	1854	17	1	1,85	английский, хинди
малви	1142	60	5	0,92	хинди
нимади	528	62	12	1,68	хинди
Группа диалектов пахари: (западный) пахари . . .	947	132	14	3,52	хинди, урду, кашмири
кумаони	1030	191	18	6,89	хинди, английский
гархвали	810	44	5	7,80	хинди, английский
джаунсари	54	7	14	4,02	хинди
сирмаури	111	7	7	8,13	хинди
мандеали	227	30	13	6,97	хинди
кулуи	50	10	20	2,10	хинди, английский
чамеали	44	6	14	3,43	хинди

* [3].

которыми характеризуется двуязычие неиндоарийских народностей, живущих в индоарийском языковом окружении (ср. табл. 2), но в большинстве случаев уступает и двуязычию носителей основных языков страны (ср. табл. 1), показавших в среднем 7—10%, ниже чего стоят только хинди (5%) и ория (6%); напротив, выше поднимаются панджаби (12,5%), телугу (14%) и урду (22%). Если малое распространение делового двуязычия в периферийных районах области хинди можно объяснить резким преобладанием здесь сельского населения (96% лиц, назвавших родными языками диалекты группы «бихари»,

98% — диалекты раджастанхрани, 98% — чхаттисгархи, 99% — авадхи, 96% — пахари), то низкого бытового двуязычия это не объясняет. Доля сельского населения у малых неиндоарийских народностей, отличающихся массовым бытовым двуязычием, не только не ниже, а выше показанной здесь. Остается допустить, что реальное бытовое двуязычие носителей индоарийских диалектов области распространения хинди не находит в переписи должного отражения. Здесь сказывается крайняя нестабильность обиходной стратификации бытующих в этой области языковых разновидностей. В оценке числа говорящих на них последние переписи [2; 3; 9, 333—340] серьезнейшим образом расходятся как между собой, так и с данными «Описания языков Индии» 1927 г. [11; 149, 158, 162, 171], о чем красноречиво свидетельствуют следующие цифры:

	«Описание языков Индии»	Перепись 1951 г.	Перепись 1961 г.	Перепись 1971 г.
Бходжпури	20 412 608	2 164	7 964 755	14 340 564
Магахи	6 504 817	3 728	2 818 602	6 638 495
Майтхили	10 263 357	97 757	4 984 811	6 121 922
Раджастанхани		645 001	804 274	2 093 557
Марвари	} 6 088 389	4 514 737	6 242 449	4 714 091
Мевари		2 014 874	1 853 769	817 974
Малви	4 350 507	866 895	1 142 478	644 032
Авадхи	16 143 548	3 001	528 281	136 259
Багхелкханди	4 612 756		557 034	231 231
Чхаттисгархи	3 755 343	902 908	2 962 036	6 693 445
Бунделкханди	6 869 201	10 086	22 065	376 036

Наблюдаемые здесь резкие скачки не могут быть объяснены ничем иным, кроме произвольных изменений языковой номенклатуры. Они порождаются обстоятельствами как объективного (недостаточной четкостью существующих языковых классификаций), так и субъективного свойства — престижными соображениями опрашиваемых носителей диалектов, с одной стороны, и политическими мотивами, которыми могут руководствоваться лица, проводящие перепись, — с другой. Престижные соображения и национальные чувства, побуждающие носителей многочисленных сильно различающихся диалектов и даже тех языковых разновидностей, которые могут быть лингвистически признаны самостоятельными языками, называть своим родным языком хинди, распространены довольно широко. Крайние результаты, к которым могут привести такие мотивы, встретив поощрение местных организаторов переписи, желающих подчеркнуть языковую консолидацию в области распространения хинди, демонстрирует отчет о переписи 1951 г., практически скрывший большинство диалектных и некоторые языковые различия в Бихаре, Уттар-Прадеше и Пенджабе. Показ носителями своих существенно отличных от литературного хинди диалектов (и языков) как «хинди» служит главной причиной крайне непол-

ного представления здесь бытового двуязычия. Вторую причину, действующую не только в области хинди, мы усматриваем в касающейся дополнительных языков оговорке, включенной в инструкцию по проведению переписи 1961 г.: «Таким языком или языками не должны считаться диалекты того же родного языка». Понятно, какие возможности произвольного толкования при нечеткости и спорности языковых классификаций допускает эта формулировка. Тем не менее, хотя и в ограниченной мере, в переписи нашло отражение двуязычие типа диалект (той или иной группы, включаемой в широкое понятие хинди) — хинди (стандартный литературный). Было бы правомерно включить в этот тип двуязычия диалекты группы «западный хинди» (такие, как брадж, канауджи, бундели), более близкие к стандартному хинди, чем ранее названные, но все же обладающие заметными структурными отличиями от него.

Что касается интенсивности подобного двуязычия, то, казалось бы, ее можно определять «от противного», полагая «одноязычными» тех, кто показал себя носителем диалекта и не назвал дополнительного языка, а остальных считать двуязычными (диалект + хинди). Например, авадхи называли родным языком 528 тыс. человек, из которых 17 тыс. двуязычны. Но, исходя из оценки числа носителей авадхи в «Описании языков Индии», их в 1961 г. должно было быть порядка 25 млн. Соблазнительно сделать вывод, что большинство носителей авадхи (кроме названных выше 500 тыс.) знает хинди и, следовательно, двуязычие здесь достигает 98%. Однако на деле значительная часть их, если не большинство, пользуется только своим местным говором и вдобавок к нему еще какой-то более широкой локальной разновидностью того же диалекта, т. е. в обоих случаях авадхи, а назвать его «хинди» их побудили соображения престижа или чувство принадлежности к той большой национальной и культурной традиции, которая воплощается через хинди во всем многообразии его форм.

Таким образом, перепись не дает прямых указаний на действительную интенсивность как делового, так и бытового двуязычия в областях с нечеткой стратификацией языковых разновидностей, поскольку частичное двуязычие типа «диалект — язык» находит здесь лишь случайное и заведомо неполное отражение, а частичное двуязычие низшего функционального уровня («говор — диалект») вообще не отражается. Судить о них приходится лишь по косвенным данным.

Некоторым указанием на верхний предел делового двуязычия может служить уровень грамотности соответствующей группы населения. Например, для области распространения хинди в 1961 г. средний уровень грамотности был близок к 18% (17,5% в Уттар-Прадеше, 18,2 в Бихаре, 16,9% в Мадхья-Прадеше) при резком преобладании мужской грамотности над женской (М:Ж около 4,0). Хинди родным языком здесь пока-

зали 118 млн. человек. Вытя носителей кхари боли (хиндустани) — диалекта, легшего в основу литературного хинди, получим исходную цифру для исчисления частичного двуязычия примерно в 100 млн. человек, что дает до 18 млн., получивших в дополнение к своему родному диалекту (местному языку) хотя бы элементарное знание хинди через школьное обучение. Но, очевидно, начальной грамотности еще не достаточно, чтобы активно пользоваться языком в формальном общении, в сфере культуры и т. п. Следовательно, активное деловое двуязычие не достигает названной цифры, причем может отстоять от нее весьма далеко, если соотнести его нижний предел, скажем, со средним образованием (это даст цифру в 4—5 раз меньшую).

Бытовое двуязычие, носящее частичный характер, может быть приближенно оценено, исходя из аналогии с соответствующим полным. Материал табл. 2 позволяет определить среднюю интенсивность последнего в 30—50% общего числа носителей. Эти цифры, по-видимому, мало зависят от степени лингвистической близости между основным и дополнительным языками. Малые дравидские народности Южной Индии — тулу, кодагу, бадага, ерукала, живущие в родственном языковом окружении, интенсивностью двуязычия практически не отличаются от центральноиндийских, чьи соседи говорят на индоарийских языках (табл. 4; ср. табл. 2).

Таблица 4

Двуязычие малых дравидских и индоарийских народностей *

Язык или диалект	Число носителей, тыс.	Из них двуязычно			Важнейшие дополнительные языки
		тыс.	%	М : Ж	
Дравидские:					
тулу	935	322	34	1,60	каннада
кодагу	79	43	54	1,38	каннада
бадага	85	34	40	2,40	тамилский
ерукала	74	47	63	1,02	телугу
Индоарийские:					
саураштри	157	119	75	1,08	тамилский
банджари	592	311	52	1,16	каннада, маратхи
каччи	392	135	35	1,23	гуджарати
раджбангси	19	6	32	1,08	бенгальский

* [3].

Мало отличается и двуязычие носителей индоарийских диалектов, среди которых имеются как изолированные от родственных языков (саураштри, банджари), так и непосредственно с ними соприкасающиеся (каччи, представляющий переходную между синдхи и гуджарати разновидность языка; диалект бенгальского раджбангси). Ту же интенсивность двуязычия (около

35%) демонстрируют не имеющие в Индии компактной территории расселения носители синдхи.

По-видимому, степень отражения бытового двуязычия, особенно частичного, определяется не столько величиной лингвистических различий между родным языком (говором, диалектом) и дополнительным, сколько сознанием этнической, лингвистической или культурно-религиозной обособленности носителей первого как некоей группы, противостоящей основным носителям второго. Как показывает пример хинди, ощущение культурно-религиозного единства часто оказывается более весомым, чем реальные языковые различия.

Таким образом, если мы можем, опираясь на доступные данные переписи 1961 г., хотя бы в самом приближенном виде представить себе интенсивность двуязычия на последовательных функциональных ступенях коммуникации, судить о мультилингвизме в его полном объеме перепись не дает оснований. Очень важно, чтобы последующие переписи отразили в своих отчетах не только вторые, но и третьи (а выборочно и последующие) языки. Конечно, ожидать при этом полного отражения мультилингвизма на его низших — бытовых — ступенях не приходится. Вопросы классификации и стратификации языковых разновидностей, связанных по линии говор — диалект — язык, слишком сложны и слишком тесно соприкасаются с различными факторами психологического, социального и политического порядка, чтобы их можно было однозначно решить и использовать при массовой переписи. Здесь остается рассчитывать на выборочные социологические и лингвистические обследования определенных групп населения, которые позволили бы уловить основные тенденции и пропорции, лежащие в основе общей картины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наик Дж. П. Образование в свободной Индии.— «Индия». 1974, № 1.
2. Census of India, 1951. Paper № 1. Languages. Delhi, 1954.
3. Census of India, 1961. vol. 1. India, pt II-C(ii). Language Tables. Calcutta, 1964.
4. Chatterji S. K. Indo-Aryan and Hindi. Calcutta, 1960.
5. Chowdhury M. The Language Problem in East Pakistan. — IJAL, vol. 26, № 3, pt III.
6. Davidson T. T. L. Indian Bilingualism and the Evidence of the Census of 1961.— «Lingua», 1969, vol. 22, pt 2—3.
7. Gumperz J. J. Some Desiderata in South Asian Areal Linguistics.— «Studies in Indian Linguistics», Poona-Annamalainagar, 1968.
8. Gumperz J. J., Naim C. M. Formal and Informal Standards in the Hindi Regional Language Area.— IJAL, vol. 26, № 3, pt III.
9. Language Handbook on Mother Tongues in Census. By R. C. Nigam. Delhi, 1972.
10. Linguistic Diversity in South Asia.— «International Journal of American Linguistics» (IJAL), 1960, vol. 26, № 3, pt III, paper 13.
11. Linguistic Survey of India. Comp. and ed. by G. A. Grierson, vol. I, pt 1. Introductory. Calcutta, 1927.
12. Weinreich U. Functional Aspects of Indian Bilingualism.— «Word», 1957, vol. 13, № 2.

М. К. Кудрявцев

**О ПОЛОЖЕНИИ ПЛЕМЕН В ИНДИИ
(В СВЯЗИ С НАУЧНЫМ СЕМИНАРОМ В СИМЛЕ)**

Активизация общественной жизни в Республике Индии с начала независимого ее существования охватила все национальные, социальные, религиозные, профессиональные и другие группы населения. Каждая из этих групп стремилась найти свое место в общественной структуре единого суверенного государства и определить свои отношения с другими общественными группами. Возникли и развили бурную деятельность соответствующие организации, научные институты и добровольные общества.

Объектом пристального внимания индийской общественности в течение последних двух десятилетий стало положение так называемых зарегистрированных племен и судьбы их в новой Индии. А речь в данном случае шла о более чем 400 племенах и народах, общей численностью в настоящее время около 40 млн. человек. Интерес к ним усиливался еще и тем, что многие из них составляли основное население в пограничных, особенно северных и восточных, районах страны.

Занимаясь и раньше некоторыми проблемами этой части индийского населения, автор во время научной командировки в Индию в 1974 г. специально интересовался ими, собирал статистические и литературные материалы, обсуждал «проблему племен» с индийскими коллегами, участвовал в конференции по прикладной антропологии, побывал в деревнях племен, где выяснял на месте некоторые вопросы. В результате сложились определенные представления о положении этой части населения страны и о возможных путях ее эволюции в современных условиях. В данной статье хотелось бы поделиться своими соображениями только по самым общим проблемам племен и их положению в индийском обществе.

Сначала изучим суждения индийских ученых, администраторов и общественных деятелей по этим основным проблемам. Сводкой разных, иногда противоречивых, но компетентных суждений по ним являются материалы «Семинара по племенной ситуации», проведенного в 1969 г. в Симле на высоком научном уровне, с участием виднейших ученых различных специально-

стей, ответственных сотрудников государственного аппарата и практических работников. Материалы семинара были опубликованы отдельной книгой в 1972 г. [1], на страницы которой и будут ссылки в этой статье.

Племенами в Индии обычно называют часть ее населения, состоящую из множества мелких, а иногда и весьма крупных, насчитывающих сотни тысяч и даже миллионы человек, отдельных этнических единиц, этнических групп и целых народов, издавна населяющих определенные территории, преимущественно в горных и лесных областях, говорящих на своих языках, ведущих свой традиционный, иногда весьма своеобразный образ жизни, обычно не исповедующих индуизм и не делящихся на касты. Для обозначения этих чуждых индусской ортодоксальности, не признающих кастовых различий племен и народов есть общий для многих индийских языков термин «адиваси» (абориген). Но в целях лучшей идентификации понятий в официальных документах, научной литературе и массовой печати мы будем называть их привычным термином «племена».

Большая часть этих этнических общностей была в свое время зарегистрирована и в совокупности составила специально оговоренную в Конституции Индии категорию граждан под названием «зарегистрированные племена», т. е. часть населения страны, занимающую, по мнению законодателей, особое положение в индийском обществе. По данным переписи населения 1961 г., которые фигурировали на семинаре, общая численность зарегистрированных племен приближалась к 30 млн. человек¹. Между племенами весьма велики различия по уровню социально-экономического и культурного развития — от примитивных охотников и собирателей до племен, стоящих на одном уровне с крупнейшими народами страны.

Зарегистрированные племена, несмотря на декларированное в Конституции создание особо благоприятных условий их дальнейшего развития, в значительной мере остаются отсталой в социально-экономическом и культурном отношении частью населения. Их достижения на путях прогресса за время независимости не удовлетворяют ни их самих, ни общество, ни правительство. Так, до сих пор невелико среди них число новых земледельцев, т. е. лиц, перешедших к земледелию и получивших землю, а грамотность большинства членов племен все еще в 2—3 раза ниже среднеиндийской.

Как естественный результат политической независимости страны и предоставленных ее населению гражданских прав, при возросшей грамотности, развитии коммуникаций и средств массовой информации, в условиях всеобщей активизации общественной жизни, естественно, росло и развивалось у племен этническое или национальное самосознание.

¹ По переписи 1971 г., 38 млн. человек.

В условиях развития самосознания недовольство своим положением, естественно, вызывало среди племен разного рода движения за улучшение материальных условий существования, обучение детей в школах на родном языке, расширение представительства того или другого племени в органах местного самоуправления и т. д. Но в отдельных случаях движения выдвигали требования территориальной, культурной и даже политической автономии племени или группы племен в существующей административной структуре страны. Как правило, эти движения были вполне лояльны и лишены сепаратистских тенденций. Но в иных случаях, когда речь шла о населении пограничных районов и на таком народном движении начинали спекулировать зарубежные силы, оно грозило переродиться в сепаратистское и вызвать нежелательные осложнения в деле национальной консолидации. Понятно, что подобные политические ситуации волновали правительство, научную и вообще широкую общественность.

Озабоченные судьбами племен, участники семинара видели свою задачу в изыскании кратчайших путей подъема благосостояния и культуры племен и эффективных средств смягчения социальной и политической напряженности в их среде. И большинство собравшихся оказалось единодушным в определении путей решения этой задачи. Таким путем они считали «интеграцию племен в русло индийской национальной жизни». Никто не выражал сомнений в закономерности постановки этой проблемы, в необходимости и осуществимости такой интеграции. Однако разногласия обнаружились в понимании сущности и целей интеграции, выбора средств и толковании понятий, с ней связанных.

Неясными оказались представления и о содержании понятия «племя», особенно в качестве критерия для образования группы «зарегистрированных племен». А ведь, казалось бы, как иронически замечает К. С. Матхур, «не только администраторы и антропологи, но всякий владеющий английским языком прохожий знает, кого в Индии называют племенами» [с. 457]. А знает он потому, что проблема племен в последнее время не сходит со страниц научной, общественно-политической и популярной прессы. Тем не менее не существует единого понимания термина «племя».

Высказывались даже парадоксальные предположения, что племен как таковых — таких, как античные, германские, американские или арабские, вообще нет и никогда не было в Индии, что термин этот был в свое время привнесен в Индию британскими чиновниками и приложен к совершенно иной общественной категории. Действительно, в Индии у так называемых племен, за малым исключением, нет уже ни собственно племенной организации, ни племенного самоуправления, ни советов, ни племенных вождей. Но предположение об отсутствии самих

племен парадоксально хотя бы потому, что 400 племен и 30 млн. населения в списке «зарегистрированных» — объективная реальность, с которой приходится считаться. Для уразумения этой реальности необходимо классифицировать ее, а для этого нужен научный подход.

Ни К. С. Матхур, ни другие не предложили научного определения племени. Единственное исключение составил вступительный доклад директора Института актуальных исследований в Симле проф. Н. Рая. Содержанию классического термина «tribe», или «tribus», как обозначения племени он находит древнеиндийский эквивалент в термине «джана» и говорит: «Общность людей, о которой идет речь на этом семинаре, не племена, а джаны, или народы, такие же, как народы других территорий и культурных областей Индии». Далее, перечисляя «другие народы», он называет панджабцев, тамилы, бенгальцев и др. [с. 21]. Нам этот подход кажется правильным и перспективным для понимания сущности проблемы зарегистрированных племен, Однако он требует не только учета этнических критериев, но и базирования на них всего анализа проблемы племен. К сожалению, большинство участников семинара, как и индийских антропологов вообще, не придает должного значения этническим признакам и тем более не склонно брать их за основу при составлении ответственных заключений. Вот почему призыв Суреш Сингха, открывшего семинар, чтобы «специально созданной комиссией были выработаны рациональные социальные и экономические критерии для определения племени» [с. XXV], может остаться без ответа.

Между тем 30 млн. индийских граждан, известных как зарегистрированные племена, существуют и составляют сложнейшую экономическую, социальную, культурную и политическую проблему для всего общества. Ни в одной другой стране, даже самой многонациональной и сложной по уровню социального и культурного развития народов, нет особо зарегистрированной части населения, которой было бы присвоено отличное от остальных жителей страны название и которая основным законом страны, конституцией, официально провозглашалась бы подопечной. И что бы в этом случае ни говорили другие статьи конституции о ее гражданском равенстве и даже некоторых отдельных правовых преимуществах перед другими, положение подопечного никогда не будет равным с положением опекуна, оно всегда будет унизительно, в особенности для тех племен, которые по уровню развития не уступают опекунам.

Так оно и есть в Индии.

В свое время колониальные власти и англичане в Индии вообще рассматривали всех индийцев в лучшем случае как подопечных. Но эти подопечные были слишком пестры в социальном, национальном и религиозном отношении, и задачи управления ими оказались сложными. И не для блага индийцев,

а для удобства управления опекуны внутри индийского общества выделили новые социально-административные категории: низшие (неприкасаемые) касты и отсталые племена. Те и другие существовали и раньше, но четких гражданско-правовых границ между ними и остальным обществом не было, а сами они никогда не рассматривали себя как отдельные всеиндийские общности со своими особыми интересами, правами и требованиями. Во время переписи населения 1931 г. обе группы были отдельно учтены и зарегистрированы. По отношению к ним предполагалось выработать особые меры опеки и покровительства. И в так называемом Законе об управлении Индией 1935 г. эти категории фигурируют уже под названием «зарегистрированные племена» и «зарегистрированные касты».

Если проблема неприкасаемых существовала в индийском обществе и до 1935 г. и даже приняла острый политический характер, то проблемы племен как некоей отдельной общности до тех пор вообще не существовало. Она была создана искусственно как продукт бюрократического, канцелярского творчества колониальных чиновников. Это и понятно: колониальной администрации для удобства управления индийцами полезно было всякое нововведение, разделяющее подданных и препятствующее их сплочению.

Но не ясно, почему в Конституции независимой Индии была сохранена эта особая категория граждан республики. С научной точки зрения не оправдано существование этой категории, ибо невозможно вразумительно ответить на вопрос: что может объединять, например, скотоводов тода, живущих в Южной Индии и говорящих на дравидийском языке, с живущими в джунглях Бихара примитивными охотниками и собирателями бирхорами, которых насчитывается менее тысячи, или исконными земледельцами Восточной Индии кхаси, говорящими на чуждом Индии, особом монкхмерском языке, и бхилами численностью более 3 млн., живущими на западе страны и говорящими на языке индоевропейской семьи. И выступая на семинаре, К. С. Матхур прямо заявил: «Племена Индии не имеют между собой ничего общего» [с. 460]. Все зарегистрированные племена в совокупности не имеют ни общего самосознания, ни общих органов самоуправления, ни общих общественных организаций. Они вовсе не обеспокоены якобы общими судьбами. Это беспокоит лишь их опекунов — всякого рода комиссаров, уполномоченных и целые учреждения правительственных ведомств, общественные и научные организации. Сами племена во всех этих организациях, как правило, не представлены.

Да и сама «проблема племен», или «ситуация племен» существует преимущественно в головах опекунов, из которых многие начинают понимать всю беспочвенность этой чисто схоластической проблемы. И прав тот же Н. Рай, когда по поводу включения в Конституцию республики «творения» колониаль-

ных чиновников говорил: «По-моему, это было неудачно и неразумно. Это определило наше отношение к таким народам и наш подход к решению их проблем, которые столь же их проблемы, как и всего индийского населения» [с. 21].

Какую-то видимость существования особой проблемы «зарегистрированных племен» порождает неправильное толкование действительно происходящих иногда конфликтов между отдельными племенами, а чаще между отдельными членами племен и отдельными же представителями или группами не принадлежащего к племенам населения. Тогда ученые, склонные к обобщениям, начинают толковать эти конфликты во всеиндийском масштабе — как проблему взаимоотношений «племен» и «неплемен», т. е. всего остального индийского населения.

На самом деле все эти конфликты носят конкретный, частный, местный характер. Сторонами в них выступают не безликие «племенные», а вполне определенные санталы, бодо, мизо и т. д., и не против безликих же «неплеменных», а против бенгальцев, ассамцев и др., и не вообще, а только против эксплуатирующих их бенгальцев и ассамцев. Бывали и затяжные конфликты целой локальной группы того или другого племени с местными землевладельцами или другой группой неплеменного населения по поводу ставших традиционными обид. Тогда неприязнь к притеснителям передавалась даже следующему поколению, возникали отрицательные эмоции по отношению к такого рода чужакам и употреблялись по их адресу нелестные термины, вроде «дику» (чужак), о чем говорили участники семинара. Но это местные термины, к тому же обозначающие определенные группы чужаков, а не вообще неплеменное население Индии. А термины «племена» и «неплемена» как общендийские понятия суть чисто схоластические категории. Не будь учреждена категория зарегистрированных племен, идея о мнимом общендийском конфликте «племен» и «неплемен» никому не пришла бы в голову.

Некоторые участники семинара считали необходимым провести перерегистрацию племен и пересмотреть список «зарегистрированных». В решении семинара даже записано, что следует создать для этого особую авторитетную комиссию из «социальных антропологов, социологов, экономистов-аграрников, общественных деятелей, администраторов и лидеров общественного мнения» [с. 630]. По этому поводу нелишне заметить, что даже семинар, составленный из ученых, высококвалифицированных администраторов и общественных деятелей, «забыл» включить в состав будущей комиссии, призванной решать судьбы племен, представителей самих племен. А ведь это значит, что судьбы их предполагается решать без их участия, что сам семинар встает в позу опекуна по отношению к племенам. Тем более характерна эта поза для организаций и обществ, менее просвещенных.

При такой постановке проблемы племена становятся пассивным объектом заботы о них правительства, ученых, отдельных энтузиастов и всего общества. А субъектом—радетелем за судьбы племен выступает кто угодно, только не сами племена. В этом, как нам кажется, обнаруживается слабая сторона подхода наших индийских коллег к проблеме племен. Всеми эта слабость ощущается, но не всеми осознается.

Но среди заинтересованных в судьбах племен есть и такие, кто подобно К. С. Матхуру и Сураджиту Синхе [с. 536—537] считает лучшим средством решения проблемы законодательную ликвидацию самой категории «зарегистрированных племен» как наследия колониализма, вызывающей искусственные конфликтные ситуации в индийском обществе и дополнительные проблемы на путях его интеграции. Проблемам интеграции были посвящены выступления организаторов семинара и несколько докладов на специальном заседании семинара, много внимания им было уделено и во многих других докладах, а также в дискуссии.

Проблема интеграции индийского общества закономерна и актуальна. Можно согласиться и с условиями интеграции, сформулированными на семинаре профессором Н. Раем: «Суверенная, независимая, территориально единая Индия, секуляризм и плановая экономика, методом которой является индустриализация, а целью — социализм» [с. 24]. Конечно, к этим условиям процесса интеграции можно прибавить и другие. Но если из всего этого образуется «русло индийской национальной жизни», то все население Индии будет в нем интегрировано. Однако в печати, в общественных, административных и научных кругах, как и на семинаре, интеграция предлагалась в качестве неизбежной перспективы именно для «зарегистрированных племен». Никто не говорил, например, о необходимости интеграции тамиллов, бенгальцев, маратхов и т. д. По-видимому, они считаются уже попавшими в «русло национальной жизни», а интеграция для них — либо пройденный без всяких опекунов этап, либо они вообще не нуждаются в ней как предварительном условии прогресса.

Не только грамотный обыватель в Индии, но и люди, причастные к судьбам племен, даже ученые, практически представляют себе интеграцию как полную ассимиляцию, утрату языка, этнонима, стирание этнической специфики, т. е. этническую дезинтеграцию и растворение племен в пресловутом «русле» или «главном потоке» национальной жизни. Многие представляют себе этот процесс как мелиорацию: застойные водоемы племенной жизни поглощаются единым свежим потоком национальной жизни. А задача ученых и всех друзей племен сводится к созданию наиболее благоприятных условий для этого процесса.

Проф. Г. Чаттопадхьяй, например, занимает даже более решительную позицию, заявляя: «Итак, мой совет сводится к

тому, чтобы совершенно отказаться от идеи интеграции, а думать о том, как помочь племенам как можно более детрибализоваться, чтобы в дальнейшем не было различий между ораном и бихарским индусом или мусульманином, тамилом и тода и т. д.» [с. 491]. По существу, многие в Индии разделяют эту позицию, но предпочитают высказываться менее откровенно. А позиция во многом спорная.

Семинар показал, что даже ученые не сомневаются в единстве судеб и едином пути для всех племен, довольствуясь при этом неопределенным, во всяком случае ненаучным, понятием «национальная жизнь» или терминологическими его модификациями как формулой, не требующей разъяснений и не подлежащей дискуссии. Между тем интеграция в такой ее постановке, как и понятие «русло индийской национальной жизни», — едва ли не самый слабый пункт во всей политике индийского общества по отношению к племенам.

Прежде всего никто не спросил племена о предпочтительных для них путях к прогрессу. А ответ на такой вопрос не может быть однозначным. Поэтому ничем не обоснованы высказанные даже на семинаре предположения, что большинство племен, во-первых, стремится к исчезновению с исторической сцены, а во-вторых, — к исчезновению именно «почетным» путем интеграции. При этом подразумевалось, что интеграция для них адекватна прогрессу. Некоторые из выступавших на семинаре допускали, что и в общем потоке национальной жизни племена могут сохранить кое-какие традиционные черты. Но никто даже не высказал предположения, что социальный и культурный прогресс возможен и при другом подходе: на базе развития родных языков, племенной культуры и традиций, национального самосознания, что в некоторых случаях это кратчайший путь прогресса, сопровождающийся интеграцией, но уже на более высоком национальном уровне. Никто при этом не вспомнил об опыте других многонациональных стран, например Советского Союза.

Интеграция как призыв к национальному единству звучит громко и гордо, но что она практически может значить для племен, ставших на этот путь? Куда вынесет их «русло» или «основной поток» «национальной жизни»? Какова реальная перспектива их дальнейшего существования?

Все племена живут в конкретном этническом и национальном окружении, обычно на территории расселения какого-либо крупного народа (или рядом с ним), не принадлежащего к категории «племен». Наоборот, этот народ относится к другой, схоластической категории «неплемен», с которыми племена будто бы находятся в постоянном конфликте, но интеграция, слияние племен с ними будто бы является неосознанной целью племен и вожаемой мечтой их радетелей из того же неплеменного слоя индийского общества.

Практически в результате процесса интеграции, как бы он ни протекал — легко или болезненно, племена превращаются не в каких-то абстрактных, не помнящих родства представителей индийской нации, а в конкретных тамилгов, бенгальцев, ассамцев, маратхов, гуджаратцев и т. д. Но после включения их в индуизированное кастовое общество тех же бенгальцев, тамилгов, маратхов они не могут занять в нем высокое социальное положение, а фактически пополняют собою ряды низших, иногда неприкасаемых каст, и уровень их жизни часто оказывается ниже положения и уровня племен. Это бросается в глаза даже постороннему наблюдателю в местах контактов «племен» с «неплеменным» населением.

Тревога по этому поводу звучала в выступлениях представителей племен на семинаре (Криелено Терхуджа и М. Д. Пугх — с. 548; Аламчиба Ао — с. 614 и др.). Старейшина индийских этнографов Н. К. Бос пытался успокоить их ссылкой на общие гуманные, гандистские основы политики по отношению к племенам. Но попытки решения проблемы и достигнутые результаты все же не удовлетворяли обычно ни племена, ни занятые их судьбами общественные круги.

Итак, положение племен в современной Индии все так же неопределенно, как было и на заре ее независимости. Для некоторых кругов общества оказались неожиданными требования, которые ему предъявили ими же опекаемые племена, и еще более неожиданными — уступки правительства, выражавшиеся в предоставлении некоторым из племен культурной и региональной автономии. Всякое движение племен за местное самоуправление и автономию теми же кругами рассматривалось как экстремистское и сепаратистское. Происходило это оттого, что в племенах видели не живую реальность, а некую абстрактную метафизическую категорию.

Прежний подход к племенам как выдумке британских чиновников, а с другой стороны — сохранение действительно канцелярской категории «зарегистрированных племен» как отдельной составной части общества явно не оправдали себя. Они заводят в тупик и ученых, и практических работников, пытающихся помочь этой части индийского населения. Вероятно, только этнические критерии позволят научно классифицировать категорию «зарегистрированных племен», выделив из этой массы и действительно племенные этнические общности, и неплеменные, и надплеменные группы, и народы, имеющие необходимые признаки для исключения их из числа племен как более развитая этническая общность. Если признать, что «зарегистрированные племена» — это этнические общности, стоящие на разных уровнях общественного развития, тем самым за ними будет признано право на самосознание и на дальнейшее развитие и можно будет таким образом выйти из тупика, в который зашла проблема племен. Естественные процессы интегра-

ции различных народов пойдут разными путями, и ученым не придется решать надуманные проблемы «зарегистрированных племен», которые возникли только потому, что когда-то эти племена были зарегистрированы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tribal Situation in India. Transactions of the Indian Institute of Advanced Study, vol. 13, ed. by K. Suresh Singh. Simla, 1972.

Б. К. Рой Бёрман

**ДИНАМИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ
ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПЛЕМЕН
И ПРИНЦИПЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
ПО ОТНОШЕНИЮ К ЭТОЙ ГРУППЕ НАСЕЛЕНИЯ
ИНДИИ¹**

В списке зарегистрированных племен Индии (адиваси) числится примерно 400 названий. Если учесть, что в этот список включены и подразделения отдельных племен и названия-синонимы, то количество племен сократится до 300. Группировка этих этнических общностей по их численности показана ниже.

Численность (человек)	Количество племен
Менее 1 тыс.	46
1—5 тыс.	68
5—10 тыс.	32
10—20 тыс.	30
20—50 тыс.	38
50—100 тыс.	26
100 тыс.—1 млн.	47
Свыше 1 млн.	6
	<hr/> 293

При всей рассредоточенности зарегистрированных племен имеется явно выраженный пояс их концентрации (с несколькими разрывами) — от дистрикта Тханы в Махараштре до северо-восточных границ Индии. Фактически расселение родственных этнических общностей продолжается и за пределами Индии, через страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, вплоть до Тихого океана. Геополитические последствия этого

¹ Д-р Бикрам Кешари Рой Бёрман — заместитель Генерального регистратора Индии, крупный индийский ученый, этнограф и социолог, уже известный советскому читателю (см.: «Страны и народы Востока», вып. XII, 1972). В основу статьи положены президентский доклад на антропологической секции XI Всеиндийской конференции по благосостоянию племен в Срикакуламе (1971) и доклад по вопросам культурной политики Индии на семинаре памяти В. И. Ленина, организованном Индийским институтом современных исследований в Симле (1972).

только недавно попали в поле зрения исследователей и политиков. Расширение пояса расселения связано с горными районами: Аравалли — на западе, Чхаттисгарх и Восточные Гаты — на востоке. На крайнем юге имеются отдельные участки концентрации племен в горах Нилгири, Аннамалаи и Кардамоновых.

Интересной особенностью в расселении зарегистрированных племен является то обстоятельство, что районы их концентрации находятся либо на рубежах крупных индийских культурно-лингвистических массивов, либо на границах страны. Это нельзя объяснять только природными условиями. Известно, что во многих горных и предгорных районах Джамму и Кашмира, Химачал-Прадеша и Уттаракханда (гималайских районов Уттар-Прадеша) нет таких этнических общностей. Однако и отрицать значение географического фактора было бы неправильно, это значило бы впасть в другую крайность. На границах Махараштры и Карнатаки (б. Майсур), Андхра-Прадеша и Карнатаки, Андхра-Прадеша и Тамилнада нет гор, и там отсутствует концентрация зарегистрированных племен.

Представляется, что, не преуменьшая значение географического фактора, следует выявить другие причины, обусловившие современное расселение племен на стыках различных этно-лингвистических и этно-политических формаций.

В одной из своих прежних работ автор установил, что такое расселение зарегистрированных племен может быть связано с их ролью моста или, наоборот, буфера между разнородными этно-лингвистическими и политическими образованиями [1]. Логично предположить, что в этих случаях доминирующие в культурно-политических контактах группы могли сознательно поощрять сохранение определенных особенностей культуры племен.

Зарегистрированные племена составляют около 7% населения Индии. Можно рассматривать эту группу как меньшинство в рамках индийского сообщества, но возможен и другой подход. В 287 талуках племена составляют большинство населения, и около половины их живет в этих талуках.

В рамках традиционного образа жизни уровень жизни племен низок, грамотность ничтожна, сфера их социального взаимодействия тоже ограничена, их чаяния почти всегда идут не дальше уровня тех районов, где они преобладают численно. В этом плане естественно, что племена осознают себя скорее как большинство, нежели как незначительное меньшинство.

Помимо этого племена могут осознавать себя не как меньшинство еще в одном смысле. Верно это исторически или нет, но племена считаются автохтонным населением в тех районах, которые они ныне населяют. Даже если в этих районах они не имеют численного преимущества, моральное удовлетворение им дает мысль о прошлом величии, и это в значительной мере влияет на их мировоззрение и отношение к нынешним обстоятельствам их жизни.

С распространением образования и средств сообщения интенсификация административной и социальной деятельности в районах племен привела к быстрым сдвигам как в объективных условиях их жизни, так и в умственном горизонте племен. Если в прошлом собирательство, примитивное земледелие, животноводство, ручное ткачество были основными занятиями племен, то в настоящее время значительное число из их среды перешло к работе на плантациях, в горнодобывающей и других отраслях промышленности, в сфере обслуживания и в свободных профессиях. «Примитивный мир племен» — это, по правде говоря, всего лишь «исчезающий след», но исторические и социальные особенности жизни племен вполне реальны.

Это объясняется многими причинами. Одна из них — наличие территориального пояса с количественным преобладанием племен. В районах с экономическим и политическим преобладанием адиваси существует целая сеть различного рода социальных, экономических и политических связей. Легко разорвать отдельные ячейки этой сети, но разрушить ее целиком очень трудно. Эта система не остается неизменной. Кое-где, чтобы поднять свое значение, две или более этнические общности устанавливают тесные связи между собой и объединяются. В таких случаях мифы, легенды и различные символы этнического самосознания истолковываются заново и наполняются новым содержанием. Качество окружающей цивилизации тоже играет свою роль. К примеру, то обстоятельство, что при включении в индуистское общество уделом племен становится низкое положение в кастовой иерархии, отрицательно влияет на их отношение к индуизму, даже если они включили индуистских богов и богинь в свой пантеон. В результате взаимодействия всех этих факторов племена продолжают существовать как особые социальные единицы, несмотря на массовый отход от традиционного образа жизни.

Кризис современного общества заставляет возрастающее количество людей из числа элиты племен осознать тот факт, что нет единой великой всемирной традиции, которой следует подражать. Это ведет к поискам нового смысла в старых этических ценностях, чтобы объединить их с этикой универсализма и сделать трайбализм альтернативной великой традицией. Оставив в стороне это романтическое представление, отметим, что растущее самосознание племен имеет практическое проявление в современном мире. Оно способствует преодолению «комплекса меньшинства», осознанию права на включение в большую национальную систему без утраты своей самобытности.

* * *

В 1952 году Комитет по благосостоянию племен Индийской конференции социальных работников, возглавляемый Л. М. Шрикантом, первым государственным комиссаром по де-

лам зарегистрированных каст и зарегистрированных племен, предложил следующую классификацию адиваси [5]:

1) племенные общины — племена, которые издавна живут в лесах и сильно отличаются своим образом жизни;

2) полуплеменные общины, которые в большей или меньшей степени перешли к оседлому земледелию и другим сельскохозяйственным занятиям;

3) племенные общины, прошедшие стадию аккультурации, т. е. переселившиеся в городскую, пригородную или сельскую местность, включенные в народное хозяйство и усвоившие многие черты культуры и быта окружающего населения;

4) полностью ассимилированные представители племен.

Рассматривая эту схему на IV конференции по благосостоянию племен в Корапуте в 1957 г., Т. С. Дас подчеркнул, что принципы этой классификации не единообразны. «Первая группа обитает в лесах, вторая — в сельской местности, третья — в городских кварталах и пригородах. Четвертая же группа не имеет особой территории. Занятия указаны для второй и третьей групп, но опущены для первой и четвертой. Сущность и степень ассимиляции определены лишь для третьей и четвертой групп» [3].

Критика Даса, несомненно, правильна, более того, к ней можно многое добавить. Главная посылка классификации комитета Шриканта состоит в том, что аккультурация составляет основной динамический элемент в развитии племен. По-видимому, в пользу этой посылки можно было найти аргументы в тот период, когда британские власти стремились отделить племена от остальной части нации, навязчиво подчеркивая их культурные особенности. Но после достижения независимости Индии, когда мы стремимся построить общество на базе общих экономических и политических целей, а не культурного единообразия, принятие или непринятие культуры окружающего населения может лишь ограниченно повлиять на процесс модернизации племен.

Полностью ассимилированные адиваси могут сохранить техническую отсталость и лелеять дорогие воспоминания о золотом прошлом; и не удивительно было бы, если бы среди них возникла атавистическая мечта о возрождении старых родоплеменных порядков. Некоторые движения адиваси в Гуджарате и Ассамской долине могут быть объяснены именно этими настроениями.

В этой связи нужно вспомнить и классификацию Элвина [4], который в 1943 г. делил племена на четыре группы: а) действительно примитивные, живущие в горах и не вступающие в контакты с населением равнин; б) лесных жителей, которые больше связаны с окружающим населением; в) тех, кто находится под влиянием внешних контактов, и г) ассимилированных представителей племен. Классификация Элвина не отличается

в принципе от классификации комитета Шриканта и страдает теми же недостатками.

Альтернативная схема классификации, предложенная Т. С. Дасом, заслуживает внимания. Дас учитывает образ жизни, род занятий, социальную организацию и степень ассимиляции. На этих основаниях он делит племена на пять больших групп: 1) собиратели и пастухи; 2) примитивные земледельцы на горных склонах; 3) плужные земледельцы на плоскогорьях, которые владеют землей; 4) плужные земледельцы, которые не имеют достаточного количества земли и перешли к разным другим занятиям; 5) полностью ассимилированные племенные группы, которые занимаются плужным земледелием или другой хозяйственной деятельностью.

Классификация Даса — определенный шаг вперед, и она более пригодна для разработки практических мер, которые должны исходить из нужд адиваси. Но эта классификация слишком субъективна, поскольку касается психологических особенностей с употреблением терминов, несколько произвольных и неопределенных («здоровый взгляд на жизнь», «жизнь дряхлеет» и т. д.).

Классификация племен должна быть достаточно всеобъемлющей, тогда она сможет послужить основой для выбора политики, изменений к лучшему жизненного уровня и в то же время удовлетворения новых надежд и чаяний, которые возникают под воздействием экономического развития, распространения новых идей и других факторов.

В основу классификации могут быть положены два основных принципа. Во-первых, ключевые факторы развития — образ жизни, характер взаимодействия хозяйственной деятельности и природной среды, уровень техники и уровень образования. Во-вторых, проблемы, непосредственно стоящие перед племенами: удовлетворение неотложных жизненных нужд, создание инфраструктуры роста с долговременной перспективой, обоснованный подход к развитию для удовлетворения социально-политических чаяний растущего среднего класса и образованной верхушки племен, с одной стороны, и трудящихся масс — с другой, связь их с соответствующими общественными слоями на общеиндийском уровне. Поскольку часть племен обитает в пограничных районах, необходимо гармоничное сочетание внутреннего развития и внешнеполитических аспектов.

На этой основе предлагается следующая классификация племен с соответствующими направлениями их развития: а) племена на стадии, предшествующей развитию (Tribes in pre-growth set); б) племена с зачатками процессов развития (Tribes with rudimentary growth set); в) племена с ограниченными и замедленными процессами развития (Tribes in truncated growth set); г) племена с неустойчивым развитием (Tribes in unbalanced growth set); д) племена в процессе устойчивого

развития (Tribes in balance growth set); е) племена в процессе динамического развития (Tribes in dinamic growth set).

Племена на стадии, предшествующей развитию. Они еще не отчуждены от традиционных источников существования, включая землю, имеют низкий уровень техники, неграмотны, живут в отдаленных районах, где отсутствует инфраструктура. Примеры: тагин, ванчо и другие племена в Аруначал-Прадеше, абуджхмариа в Мадхья-Прадеше, онге на о-ве Малый Андаман. Для этой категории земля является одновременно и источником средств к существованию, и символом престижа. Политика в отношении этой группы этнических общностей может быть определена следующим образом: борьба против отчуждения ресурсов, социальная деятельность официальных и общественных организаций по поднятию жизненного уровня на основе краткосрочных программ, содействие воспитанию первых представителей образованной элиты.

Племена с зачатками процессов развития. Они не отчуждены от традиционных ресурсов, хотя часть их земли изъята для общественных потребностей, у них низкий уровень техники и грамотности, но из их среды уже вышла группа образованных людей. Они обитают в труднодоступных районах с зачаточной инфраструктурой. Примеры: группа ади в Аруначал-Прадеше, джуанги в Ориссе.

Политика в отношении этой группы этнических общностей должна включать: борьбу против отчуждения земли, развитие инфраструктуры в районах их обитания, социальную деятельность и поощрение образования.

Племена с ограниченными и замедленными процессами развития. Они уже в значительной степени отчуждены от земли, имеют низкий уровень техники и образования, живут чересполосно с крупными народами Индии, в районах с относительно развитой инфраструктурой. Большинство племенных этнических общностей Западной и Южной Индии относится к этой группе. Земля для этой категории адиваси является прежде всего экономической базой, но в некоторых районах остается символом престижа. Если не будет прекращено обезземеление, крушение привычного образа жизни может привести к отчаянным действиям. Поэтому прежде всего нужно защитить их от дальнейшего отчуждения земли и организовать, где это возможно, возвращение земли, используя для этого как административные меры, так и общественное мнение. В экономическом плане требуется внедрение более передовой техники и рыночных отношений в традиционные отрасли хозяйства и диверсификация этих отраслей, а в перспективе и планирование трудовых ресурсов с учетом развития всего региона. Далее, необходимо поощрять социальную деятельность различных организаций с участием местной образованной элиты и содействовать политическому и общему образованию местных жителей.

Племена с неустойчивым развитием. Они не отчуждены от естественных ресурсов, у них достаточно высокий уровень техники и образования, живут они компактно, в определенных районах с недостаточно развитой инфраструктурой. Пример: группа мизо в Мизораме. Для этой категории этнических общностей владение землей имеет первостепенное политическое значение. Политика в отношении этой группы должна включать ряд первоочередных мероприятий. Поскольку простых административных мер против отчуждения земли недостаточно, необходима политическая борьба против этого зла. Далее требуется: расширение программ экономического развития и лучшее использование трудовых ресурсов с целью ускорения экономического роста на всех региональных уровнях; активизация деятельности общественно-политических организаций с целью создания наилучших возможностей для удовлетворения надежд и чаяний передовой, национально мыслящей местной элиты. Следует поощрять деятельность местных добровольных организаций и признать полезность социально-экономической помощи извне. Местные, региональные и общенациональные организации развития должны быть тесно связаны, однако деятельность неместных организаций должна быть только дополняющей, вспомогательной.

Племена в процессе устойчивого развития. Они не отчуждены от традиционных экономических ресурсов, имеют достаточно высокий уровень технологии и образования, заселяют четко очерченные регионы с довольно развитой инфраструктурой. Пример — кхаси штата Мегхала.

Для этой категории владение землей важнее с политической точки зрения, чем с экономической. Благодаря диверсификации экономической деятельности, однако, отчуждение земли, главным образом в общественных интересах может происходить в сравнительно больших размерах.

Приоритет в разработке политики развития для данной группы должен быть отдан усилению общественно-политических организаций, которые создают достаточно возможностей для удовлетворения чаяний местной образованной, передовой и национально мыслящей элиты. Необходимы мобилизация и сплочение тех сил внутри этнических общностей, которые заинтересованы в реформе традиционной аграрной структуры, чтобы сделать ее более демократичной, предоставляющей равные права для всех (если она еще не является таковой).

Экономическое развитие требует лучшего использования и планирования трудовых ресурсов, усиления программ экономического роста при согласовании программ развития на местных и региональных уровнях с общендийским развитием. Поощрение экономической деятельности местных добровольческих организаций должно сочетаться с дополнительной ролью различных организаций извне при тесных и многообразных связях

между ними. Необходимо также культурное взаимодействие как между этническими общностями адиваси со сходными чертами культуры, быта и традиций, так и между ними и другими народами Индии.

Племена в процессе динамического развития. Они отчуждены от традиционных источников существования, но имеют высокий уровень техники и образования, живут в районах со смешанным населением, с достаточно развитой инфраструктурой. Примеры: санталы, ораоны и мунда Бихара, лепча и меч Западной Бенгалии.

Для такого рода этнических общностей земля в настоящее время может иметь только экономическое значение, однако нельзя сбрасывать со счета исторические ассоциации и их психологическое осмысление. Поэтому лишь диверсификация экономических возможностей может способствовать преодолению сознания исторической несправедливости, связанной с потерей земли.

Первостепенную важность для этой категории имеет лучшее использование трудовых ресурсов в процессе экономического развития на разных уровнях и рост экономических возможностей для отдельных лиц. Далее, требуется закрепить землю за отдельными владельцами, принадлежащими к данной этнической общности, и запретить переход ее не только к пришельцам, но и к соплеменникам, причем это не чисто административная, а политическая задача. Необходимо расширить региональные программы экономического развития. Следует поощрять местные добровольные организации, занимающиеся культурной и созидательной деятельностью, а также те политические партии, профессиональные и крестьянские союзы, которые вовлекают местные народности в многообразные связи с окружающим населением.

Данная классификация пока может считаться предварительной, экспериментальной. Ее следует проверить, изучив значительное количество зарегистрированных племен в различных районах страны. Кроме того, здесь не содержится и теоретического обоснования классификации. Но, невзирая на эти оговорки, классификация может служить благой цели — доказательству того, что подходить к проблеме нужно комплексно и увязывать ее с другими проблемами страны.

* * *

Перейдем к рассмотрению культурной ситуации и культурной политики в отношении зарегистрированных племен.

Около 100 языков, выявленных переписью 1961 г., классифицированы как языки племен. Общее число говорящих на этих языках превышает 14 млн. Эта цифра включает и тех немногих индийцев, кто не относится к числу адиваси, но считает

их языки родными. В то же время обнаружено, что примерно половина адиваси говорит на особых языках племен, а другая половина — на языках окружающего населения. Большинство языков племен относится к аустрической или тибето-китайской семьям и только немногие — к дравидийской и индоевропейской. В Индии насчитывается 65 языков и диалектов аустрической семьи с числом говорящих на них 6192 тыс. и 226 языков и диалектов тибето-китайской семьи с числом говорящих 3184 тыс. Вместе эти две семьи охватывают 9,4 млн. человек. Кроме того, на языках племен дравидийской семьи (гонди, куи, курукх и др.) говорят свыше 3 млн. человек и на языках вроде бхильского или банджари, относящихся к индоевропейской семье, говорят еще около 3 млн. Языков племен насчитывается 44 с числом говорящих свыше 10 тыс., в том числе 4 — с числом говорящих свыше 1 млн. (сантали, бхили, гонди, курукх, или ораон) и 18 — от 100 тыс. до 1 млн.

На многих языках зарегистрированных племен имеется литература, но только кхампти в Аруначал-Прадеше и магх в Трипуре обладают своей письменностью, связанной в первом случае с тайской, а во втором — с бирманской. У онге с о-ва Малый Андаман нет никакой письменной литературы, но известно, что они выцарапывают какие-то грубые знаки и символы на коре деревьев. Автор, видевший эти знаки, считает, что необходимо специальное исследование, чтобы решить, являются ли эти знаки письменностью. Есть основания сомневаться в этом.

Бхотия в Гималаях говорят на диалекте тибетского языка, который обладает собственной письменностью и обширной литературой. Но в данном обзоре тибетский язык, как иностранный, не будет приниматься во внимание.

Таким образом, в большинстве случаев книги на языках племен издаются с применением латинского шрифта (приспособленного для передачи особенностей тех или иных языков с помощью диакритических знаков) или индийских шрифтов — деванагари, бенгальского, телугу, ория и др. В последние годы образованная элита зарегистрированных племен делала попытки приспособить письменности крупных региональных языков для своих нужд посредством введения подходящих диакритических знаков. Это было предложено, например, Культурной ассоциацией трипури для языка трипури.

Есть и другая линия развития, которая заслуживает упоминания. Во многих языках изобретаются тайные письмена. У санталов, например, имеется по меньшей мере три такие письменности. Их изобретатели верят, что эти письменности существовали в прошлом, затем вышли из употребления, а потом открыты вновь мистическим путем, по божественному повелению. Одна из этих письменностей принадлежит Рамдасу Туду из Гхатсилы, вторая — Рамчанду Мурму из Силды, а

третья — Рагхунатху Мурму из Маюрбханджа. Сообщают о наличии тайных писем у хо Сингхбхума и савара Корапута.

Тайные письма могут быть прибежищем при крушении политико-экономических чаяний. Существенно, что тайные письма у санталов появились именно в тех районах, где эта народность вела безуспешную борьбу против господства угнетателей, не принадлежащих к их этнической общности. Хо Сингхбхума имеют традиции упорной борьбы против колониальных властей XIX в., а затем брожение среди них было вызвано влиянием развития промышленности в Джамшедпуре. Земледельцы савара в Корапуте были поставлены в безвыходное положение в результате политики регулирования подсеčno-огневого земледелия.

Нельзя сказать, что именно политико-экономические неурядицы вызывают к жизни тайные письма, ибо многие этнические общности находятся в сходных условиях, но не все создают нечто подобное. Но при всем том нельзя исключить влияние этого фактора на создание тайных, полных мистицизма писем в качестве эмоционального прибежища.

Помимо трех видов тайных письменностей санталы используют также латинский, деванагари, ория и бенгальский шрифты. В пользу каждого из них действует ряд эмоциональных и социально-культурных факторов, и очень трудно принять один из них как всеобщий и единственный. Эту сложную проблему отягощают еще местнические, трайбалистские и сектантские факторы.

Санталы живут в нескольких штатах. Часть санталов — довольно влиятельная — полагает, что было бы лучше для их народа, если бы учебники печатались с использованием шрифта соответствующего региона, поскольку тогда можно одновременно овладеть и региональным языком, что будет полезно для практических целей.

Напротив, другая, в равной степени влиятельная, часть санталов высказывается за единую письменность для всех санталов, чтобы сохранить их культурное единство. Но эти трайбалисты разделены в религиозном отношении. Сплошь и рядом христиане предпочитают латиницу, а те, кто хочет большего сближения со своими индуистскими соседями, — шрифт деванагари. Новые виды письменности завоевали немного сторонников.

Ведомство Генерального регистратора Индии опубликовало библиографию изданий на языках племен [2]. Она включает публикации на 60 языках. Хотя в большинстве случаев это словари, разговорники, учебники и религиозная литература, есть и другие книги. Например, драма, роман и другие жанры литературы уже имеются на языках кхаси, сантали, мунда, ораон, хмар, пайте, тхадо, ангами, ао. Книги по философии, истории, экономике и т. п. изданы на языках гаро, качари, кхаси,

пайте, тхадю, ангами, тангкхул, сантали. Газеты и журналы печатаются на языках гаро, качари, кабуи, кхаси, ораон и сантали.

В колониальный период большинство книг на языках племен издавалось христианскими миссионерами. Они сосредоточивали внимание главным образом на разговорниках, словарях, учебниках для начальных школ и богослужебных книгах. Но были и другие, не менее важные направления в книгопечатании. Например, ведущий просветитель кхаси У. Джибон Рой в 1900 г. писал на родном языке о Чайтанье, другой выдающийся писатель этого народа, У. Сиб Чаран Рой, перевел в 1903 г. «Бхагавадгиту», а У. Хари Чаран Рой написал в 1910 г. драму по мотивам «Махабхараты», тоже на языке кхаси.

После достижения независимости было издано большое число учебников при финансовой поддержке правительства. Но повести, романы, пьесы и другая художественная литература издавались в основном по инициативе частных лиц. Иногда приходили на помощь литературные, культурные и другие современные типа организации племен. Известен случай, когда часть прибыли, полученной кооперативной транспортной ассоциацией, была вложена в издание литературы на языке данной этнической общности.

Резюмируем основные положения, необходимые для формирования культурной политики в отношении племен. Во-первых, свыше 50% адиваси живут в районах, где они составляют большинство населения, и эти районы имеют более или менее четко очерченные границы. Во-вторых, особенности расселения племен показывают, что они являются составными частями индийской мозаики и что их отличительные особенности являются не следствием их изоляции, а производным многих факторов. В-третьих, как следствие модернизации у данных этнических общностей развивается самосознание и «комплекс меньшинства». В-четвертых, борьба адиваси за социальную и экономическую справедливость нередко направляется по каналам борьбы за собственную культуру. Источниками для формирования культурной политики являются: а) национальная традиция, б) идеология глобального уровня, в) перспектива «социального строительства» (social engineering), г) конституционные и политические установления, д) действующие формы социальных и социально-экономических отношений внутри страны, е) технические и другие вопросы.

Выбитый на камне эдикт Ашоки подтверждает заинтересованность великого правителя в благосостоянии горцев. Самовыражение индийской традиции — это единство в различии. В этом основа национальной ориентации в определении культурной политики.

Статья 29 (1) Конституции гласит, что любая группа граждан, обитающая на любой части территории Индии и имеющая

особый язык, письменность или культуру, вправе сохранить их. Статья 350А Конституции устанавливает следующее: «Каждый штат и любой местный орган власти внутри штата должны создать возможности для обучения в начальной школе на родном языке детей, принадлежащих к лингвистическим меньшинствам; президент может давать любому штату такие указания, какие он считает необходимыми или правильными для обеспечения указанных возможностей».

Самой собой разумеется, что эти положения Конституции полностью применимы к зарегистрированным племенам. При проведении в жизнь прогрессивных мероприятий, предусмотренных Конституцией, необходимо принимать во внимание целый ряд технических обстоятельств. Например, существует мнение, что обучение на языке, не обладающем развитой литературой, тормозит культурное развитие народа. Однако это мнение опровергается мировой практикой и специальными исследованиями.

Помимо технического аспекта очень важны для определения культурной политики существующие формы социально-экономических отношений. Для этой цели индийские племена можно разделить на три группы: этнические общности Северо-Восточной Индии; народы с исторической традицией государственности типа гондов, бхумиджей и т. д.; все остальные. Большинство этнических общностей Северо-Восточной Индии не имеет традиций интенсивного взаимодействия в социальной и культурной областях с остальными народами страны. Их взаимоотношения больше шли по линии экономической и политической. К тому же некоторые из них имеют родственные группы по другую сторону границы; несмотря на обитание в двух различных государствах, они сохраняют свою культурную общность. Эти племена ныне стремятся интегрироваться в политическую систему Индии, и в то же время они заинтересованы в поддержании социальных и экономических связей за пределами Индии. Встает вопрос, какой должна быть культурная политика в отношении таких пограничных народностей. Представляется, что здесь надо отделить культурные вопросы от политических.

В Центральной Индии некоторые этнические общности, например гонды, еще в средние века сумели создать свои государства. Обычно это государства — вассалы моголов, маратхов или других великих держав тех времен. Хотя позднее они потеряли государственность, они помнят об этом, и кое-где возникают стремления к возрождению прошлого.

В попытках найти свое место в современном мире племена образуют политико-экономические и культурные комплексы на территориальной основе. В одной из работ автора [8] описаны характерные особенности таких территориально-культурных комплексов, а также различного рода национальные движения адиваси, зависящие от характера их элиты и отношений с политической системой Индии в целом. В орбите этих территори-

альных этно-культурных движений находят себе место и другие формы. Многие из племенных этнических общностей Индии внутренне неоднородны. Есть общности, распадающиеся на отдельные местные и родственные группы, есть такие, где ярко выражены черты феодальных отношений, а многие уже включились в рыночные отношения. Следовательно, они имеют внутреннюю стратификацию. Эта стратификация тоже должна приниматься во внимание, как и общая тенденция демократизации национальной политики.

В настоящее время практическое осуществление политики в области культуры адиваси включает употребление соответствующих языков в обучении, поощрение литературы на этих языках, развитие музыки, танца, прикладного искусства и ремесел племен, сохранение памятников их истории и культуры.

Только в немногих случаях учебники на языках племен, составленные при поддержке государства, действительно применяются в школах. Даже в Северо-Восточной Индии программа введения таких учебников не выполняется во многих местах, включая Аруначал-Прадеш. На этой территории из-за противоречивости культурной политики подготовленные аруначальской администрацией учебники на местных языках были изъяты. Но в Мегхалае, где представители соответствующих народностей сами осуществляют власть, язык кхаси изучается в средней и даже высшей школе. В Манипуре, где составленные образованными христианами учебники не нашли применения даже в большинстве частных миссионерских школ, наблюдается сильная тяга к литературе для взрослых на родных языках, включая периодику. Очевидно, образованная элита адиваси смотрит на свои языки скорее как на инструмент культуры, чем как на основу образования. Это обстоятельство следует учитывать в практической деятельности. Во многих районах проблема поощрения литературы связана с проблемой стандартизации языков. После освобождения проблема усложнилась в результате взаимодействия факторов местного и общиндийского значения.

В отношении поощрения музыкальной и вообще творческой деятельности племен тоже имеются свои проблемы и трудности. Например, женские танцы никогда не предназначались для публичного исполнения. Ныне сплошь и рядом подход изменился. Присутствуя на представлении санталов, автор почувствовал, что их танцу можно было бы прибавить изысканности, не затрагивая его основы. В сархуле — фестивале цветов — цветок является главным символом, но достойны поощрения и опыты санталов в создании других живописных образов. Это освободит новые творческие силы растущей сантальской интеллигенции, хотя есть опасность, что сознательное поощрение романтического символизма может задержать распространение трезвого, светского, рационального подхода к действительности. Здесь можно привести один поучительный пример из истории

культурного возрождения в разных странах мира. Очарование романтического символизма создало источник, который помог оказать сопротивление бесплодному формализму, с одной стороны, и едкому цинизму — с другой. Такой источник крайне необходим в эру массовой культуры.

Существует и проблема кинофильмов на языках племен и об их жизни. Недавно был выпущен фильм на языке мизо, очень хорошо принятый зрителями-мизо. Выпущен и ряд фильмов на английском и региональных индийских языках с пояснениями по ходу действия на языках племен. Главная тема этих фильмов — экзотические элементы культуры племен, и это вызывает их недовольство и обиду. Следовательно, проблема «этнических» фильмов требует еще изучения.

Некоторые художественные ремесла адиваси ныне стали частью национального культурного достояния. Но в условиях работы на широкий рынок эти ремесла теряют как свою социальную основу, так и, в конечном счете, оригинальный характер.

Многие памятники истории адиваси, например государства качари в Динапуре (Нагаленд), заброшены, разрушаются и требуют охраны. Но помимо физического разрушения налицо вандализм другого рода, в форме этноцентризма и отрицания исторической роли малых народов. В самом сердце территории племен автор встречал исторические памятники, которые описывались и истолковывались исследователями в полном отрыве от легенд и традиций местного населения. Такого рода исследования могут лишь омрачить отношения между малыми этническими общностями и остальными народами Индии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рой Бёрман Б. К. Некоторые особенности размещения «зарегистрированных племен» Индии.— «Страны и народы Востока», вып. XII, М., 1972.
2. Bibliography of Publication in Tribal Languages. Office of the Registrar General, India, Delhi, 1968 (Mimeo).
3. Das T. C. Classification of the Tribals of India.— Report of the Fourth Conference for Tribes and Tribal Areas Held at Koraput, April 1957.
4. Elwin V. The Aborigines. 1943.
5. Report of the Tribal Welfare Committee of the Indian Conference of Social Work. Report of the Commissioner for Scheduled Castes and Scheduled Tribes for the Period Ending 31st December 1951. App. 1.
6. Roy Burman B. K. Pattern of Distribution of the Scheduled Tribes of India and Its Possible Implications.— Souvenir of the National Seminar on Welfare of Tribes and Denotified Communities. Bhopal, 1964.
7. Roy Burman B. K. Socio-Political Processes in India and Integration of the Tribal Societies.— Urgent Research in Social Anthropology, ed. by B. L. Abbe and Satish Sabarwal. Simla, 1969.
8. Roy Burman B. K. National Movements among the Tribes.— «Secular Democracy», Annual Number, 1971, vol. IV, № 3—4.
9. Sahlin M. D. Culture and Environment: the Study of Cultural Ecology.— Theory in Anthropology, ed. by R. A. Manners and D. Kaplan, 1968.

Л. П. Видьяртхи

ДВЕСТИ ЛЕТ ИНДИЙСКОЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ (1774—1974) ¹

Антропология появилась позднее других в системе наук вообще и общественных наук в частности. В Великобритании и США научная антропология ведет свое происхождение с момента открытия теории эволюции Дарвином в 1859 г., и Маррет был прав, утверждая, что «антропология была детищем Дарвина и именно дарвинизм сделал ее развитие возможным». В Индии, однако, развитие антропологии и этнографии не было связано с определенной теорией. Она была необходима британской администрации для сбора сведений о племенах и кастах Индии, чтобы обеспечить успешное управление, а также помочь христианским миссионерам обращать их в христианство.

Настоящая статья ставит целью осветить некоторые основные вопросы, касающиеся возникновения и развития антропологии и этнографии, которые в Индии до 1947 г. развивались медленно, и лишь в течение последних трех десятилетий их рост ускорился. За этот период антропология как комплексная наука о человеке завоевала твердое положение в университетах, исследовательских центрах и государственных учреждениях, расположенных в разных частях Индии, и вышла на широкую дорогу. До 1946 г., например, только один факультет Калькуттского университета давал университетское образование в этой области науки. В настоящее же время в 16 университетах антропология и этнография изучаются на аспирантском и научно-исследовательском уровнях. Кроме того, эта наука заняла место среди других общественных наук, а также в изучении биологии человека и в ряде других высших учебных заведений. Свыше десятка исследовательских учреждений в этой области были основаны за последние 15 лет и успешно функционируют. Прикладная антропология тоже нашла свое место

¹ Д-р Лалита Прасад Видьяртхи — крупный индийский ученый, профессор, руководитель департамента антропологии в университете г. Ранчи (штат Бихар), президент Международного союза антропологических наук (1974—1978). Статья представляет собой краткое авторское изложение книги проф. Л. П. Видьяртхи «*Rise of Social Anthropology in India*».

благодаря признанию со стороны Плановой комиссии и других государственных учреждений, занимающихся социальным строительством в целом и проблемами беднейших слоев населения в частности.

На общендийском уровне в 1946 г. была основана Антропологическая служба Индии, которая включает изучение этнографии (cultural anthropology), физической антропологии, лингвистики и социальной психологии. Эта организация может внести немалый вклад в науку. Антропология и этнография представлены и в Национальной академии наук. Индийский научный конгресс со своей стороны также внес серьезный вклад, поощряя исследования в этой области. За последнее десятилетие Национальный институт общинного развития в Хайдарабаде, Индийский институт современных исследований в Симле, Индийский совет общественных наук в Дели занялись изучением культурных процессов в Индии и тем самым косвенно способствовали и развитию этнографии.

Ранние попытки. Спорадические попытки дать обзор этнографических исследований в Индии время от времени предпринимались С. Ч. Роем, Д. Н. Маджумдаром, Г. С. Гхурие, Ш. Ч. Дубе, Н. К. Босе, Л. П. Видьяртхи и С. Синхой. Рой попытался составить библиографию по проблемам каст и племен еще в 1922 г. [85]. В своей статье он охватил журнальные публикации, соответствующие разделы региональных справочников и монографии о племенах. Будучи первой попыткой такого рода, работа Роя содержит систематизированную информацию о ранних публикациях по этой отрасли знаний, которая ярко показывает полное преобладание британских администраторов, иностранных миссионеров и путешественников в проведении этнографических исследований в Индии. Спустя два с половиной десятилетия Маджумдар в своих лекциях в Нагпурском университете рассмотрел развитие этнографии и показал прогресс индийской этнографии в результате усилий британских администраторов и ученых. Но в его обзоре совсем не упоминаются американские ученые. Маджумдар [58] старается связать развитие этнографической науки в Индии (которая, по его мнению, в то время занималась главным образом изучением примитивных племен) с западными теориями культурного развития. Он рассматривает различные области исследований в Индии в свете существующих теорий и предлагает их дальнейшее направление. Другой, наиболее важный обзор Маджумдара представлен в виде приложения к труду Гхурие, изданному ЮНЕСКО [59]. В этой своей работе Маджумдар дает весьма компетентную сводку преподавательской и исследовательской работы в области этнографии в Индии. Одно из его замечаний по этому поводу заслуживает воспроизведения: «Этнография в Индии не идет в ногу с развитием этой науки в Англии, континентальной Европе или США. Этнографы в Индии знакомы с трудами вид-

ных английских и некоторых континентальных ученых, но их знание американской этнографии недостаточно» [там же, 164].

Гхури в упомянутом труде [42] определяет значение Бомбея как центра социологических, Калькутты и Мадраса — как центров этнографических исследований, а Лакхнау рассматривает в качестве центра комплексного развития экономической науки, этнографии и социологии. Поскольку и Гхури, и Чаттопадхьяй получили свои ученые степени под руководством У. Х. Риверса в 1923 г., после чего заняли посты руководителей департаментов в Бомбее и Калькутте, можно сказать, что первоначальный импульс для развития антропологии, этнографии и социологии в Индии получен из Кембриджа.

Выступая на IV Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Вене в 1952 г., проф. Дубе также представил свое предложение, касающееся неотложных задач этнографии в Индии. В своем докладе [17] он говорил о прискорбных предубеждениях и недоверии общественности и популярных политических руководителей к этнографам. Он специально изучает исчезающее племя, его фольклор и искусство, его занятия, социальную структуру и т. д. Он также внушает мысль об активном сотрудничестве между правительством, университетами и отдельными учеными, как индийскими, так и иностранными, предлагает создать международную организацию для усиленного изучения этнографических проблем в Индии.

По-видимому, пересмотрев и расширив этот свой доклад в свете позднейших достижений, Дубе помещает еще одну работу в сборнике, посвященном памяти Д. Н. Маджумдара [19]. Критически оценивая развитие современной индийской этнографии, он подчеркивает ее слабости, которые проявляются как в технике исследования, так и в методологии. Но главный пафос статьи не столько в том, что есть, сколько в том, что должно быть, в связи с чем автор выдвигает ряд предложений теоретического, методологического и практического порядка, которые могут положительно сказаться на развитии этнографии в Индии. В том же сборнике напечатана статья Ф. Бейли, который обращает внимание на несоответствие между ведущимися исследованиями и «богатством этнографического материала, требующим усиленного изучения и объяснения структуры общественных явлений» [5].

Одна из последних и наиболее полных публикаций по этому вопросу принадлежит Босе [9]. Это брошюра, изданная при содействии Индийского научного конгресса. После краткого обзора более ранних работ Босе рассматривает развитие этнографии в Индии за последние полвека, располагая материал по трем разделам: доисторическая археология; антропология; этнография. Уделяя наибольшее внимание этнографии, Босе перечисляет главные работы по изучению деревень и семейно-брачных отношений, но особенно — кастовых проблем. Его попытка

связать исследования индийских этнографов с господствующими научными школами была неудачной, а по теоретическим вопросам этнографии он ограничился изложением собственной теории культуры, тогда как о других теориях он не упоминает, видимо, из-за ограниченного объема брошюры. Хотя обзор и оценки Босе, несомненно, вполне современные и наиболее содержательные, в целом они остаются неполными, поскольку автору не удалось осуществить свои намерения.

Видьяртхи в двух своих работах рассматривает развитие этнографических исследований в Индии и современные тенденции этой науки. Усовершенствовав прежнюю классификацию, он разделил историю этнографии на периоды — первоначальный (formative) — 1774—1919 гг., конструктивный — 1920—1949 гг. и аналитический — с 1950 г. Он подробно охарактеризовал направления исследований деревень и кастовой системы (структура власти, системы родства, социальная организация, деревни племен, прикладная этнография). Работа, представленная в виде доклада VII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук в Москве, впервые содержит систематизированную характеристику этапов развития индийской этнографии [106]. В статье, опубликованной в том же году и на базе сходного материала [107], он обращает внимание на комплексный подход этнографов, привлекающих данные различных социальных наук для более полного понимания человека и общества.

Особо останавливается он на проблемах изучения сельских общин и отсталых этнических общностей в Индии. Автор подчеркивает, что индийские ученые не должны упускать из виду то, что можно назвать «индийской самобытностью» (Indianness). Эта самобытность в социальных науках вытекает из нашего особого мироощущения и системы ценностей. Точно также идеи индийских мыслителей, отраженные в древних рукописях, содержат социологические данные и должны быть использованы для понимания культурных процессов и истории индийской цивилизации.

Синха в докладе на конференции в Нью-Йорке [92] выступил в поддержку классификации Видьяртхи. Он также подтвердил мнение о подражательности индийских этнографических исследований и обратил внимание на то, что индийские этнографы вообще немедленно реагируют на новейшие теории Запада, не заботясь о продолжении прежней линии конструктивных усилий и о логической связи их с индийской действительностью и целями развития. В противовес мании подражания Западу он старается изыскать возможности для утверждения индийских традиций в этнографии. В области изучения индийской цивилизации он выделяет нескольких ученых, а именно: Босе — за его вклад в разделение Индии на две основные зоны материальной культуры независимо от языковых различий, обоснование ин-

дийского единства в многообразии, изучение экономической идеологии без конкуренции (non-competitive economic ideology), индуистской модели поглощения племен, взаимоотношений между деревнями и локальными центрами различных рангов; Шриниваса — за разработку проблем санскритизации и доминирующей касты; Карве — за изучение собирательного (agglomerative) характера индуистского общества; Синха — за исследование эволюционного процесса становления индийского общества на племенной основе; Видьяртхи — за изучение сакральных комплексов.

Продолжая рассмотрение индийского вклада в научную теорию, Синха заметил, что индийские этнографы и антропологи не уделяли достаточного внимания разработке специальной исследовательской методики, необходимой для планомерного изучения специфических культурных особенностей и процессов субконтинента. Однако он обращает внимание и на некоторые исключения. Например, Дас удачно использовал метод генеалогии при исследовании социальной организации пурумов. Босе, изучая историю возникновения и развития индийских храмов, учитывал их пространственное размещение, т. е. использовал методы географии человека для изучения культурно-исторических проблем; он же привлек историю семьи для изучения социальных изменений в городских центрах. Чаттопадхьяй и Мукхерджи применили статистические методы для выявления социальных сдвигов; Карве сочетала анализ текстов с полевыми исследованиями при изучении систем родства и т. п.

Синха предпринял настойчивую попытку привлечь исторические традиции для создания общего фундаментального описания свойственного индийскому народу образа жизни во всех его формах. Для этого необходимо выработать программу аналитических исследований соответствующих проблем. Далее он отметил, что «только на основе такого фундаментального исследования индийские ученые смогут эффективно участвовать в международных усилиях по завоеванию новых рубежей этнографической науки».

В дополнение к этим работам по развитию этнографии в Индии имеется еще несколько обширных обзорных статей и предисловий в ряде книг по различным проблемам этнографии. Среди авторов обзорных работ заслуживают особого упоминания Луи Дюмон и Д. Покок, которые в ряде публикаций в специальных сборниках [16а] пытаются очертить важнейшие области исследований в индийской этнографии. В первом из этих сборников они критически оценивают состояние изучения деревень, а также систем родства [21]. Рассматривая эти два вопроса с точки зрения мировой этнографической литературы, они выделяют книгу «Сельская Индия» под редакцией Мариотта [110] и работы Карве по системам родства [52; 53]. Второй сборник [22] посвящен обзору изучения каст с особым внима-

нием к трудам французского социолога Бугле [10] и Хокарта [45]. В их следующей работе рассматриваются различные концепции религии в Индии [23]. Черпая материал из трудов Шриниваса [95], Стивенсона [98], Мариотта [63] и Элвина [31], Дюмон и Покок вступают в дискуссию о концепциях ритуального очищения и осквернения, «сокровенной сути» индуизма, функциях жрецов и т. д.

Все публикации Дюмона и Покока имеют определенную ценность. В них можно найти оценку социологических и этнографических исследований в Индии и их критическое сопоставление с мировой литературой, особенно по изучению Африки. Но Бейли прав, указывая на слишком узкий подход и слишком узкую перспективу этих обзоров, которые много теряют от «худшей формы этноцентризма» их авторов [4, 101].

Позднее тенденции этнографических исследований время от времени рассматривались в ряде предисловий к специальным монографиям о племенах, кастах или отдельных деревнях. Несмотря на их разбросанность и случайность, они также имеют определенную ценность. Можно сослаться, например, на книги Маджумдара [60], Прасада [71], Шриниваса [96], Матхура [64], Видьярathi [105], сборники под редакцией Дубе [33] и Шриниваса [50] и т. д. Но, несмотря на наличие ряда обзоров различных авторов и других разрозненных материалов, которые появлялись время от времени, книга автора настоящей статьи «*Rise of Social Anthropology in India*» является первой всеобъемлющей и вполне современной оценкой развития и состояния этнографии в Индии.

Периодизация исследований. Любое историческое исследование нуждается в классификации и выделении хронологических периодов. Поскольку во времена Роя [85] было преждевременно периодизировать этнографические исследования, он классифицировал их просто по источникам публикаций (т. е. журналы, справочники, монографии и т. д.), а затем и по национальной принадлежности их авторов. В двух упоминавшихся работах Дубе и Босе мы не находим ясно выраженной классификации в определенной исторической последовательности. Дубе [19] указывает на три периода развития этнографии: самый ранний — составление и публикация обзоров по кастам и племенам, включающих краткие и часто поверхностные перечисления обычаев и ритуалов различных групп; второй период характеризуется детальными монографическими описаниями отдельных племен, главным образом в результате личных исследований; третий период начался после завоевания независимости и отличается как значительным числом работ, так и улучшением их качества. Босе [9] выделяет три периода: составление энциклопедических справочников о племенах и кастах; создание описательных монографий; аналитическое изучение деревень, брачных обычаев, семьи, каст и т. д. Подобная классификация не имеет большого

значения, поскольку она не рассматривает этнографическую литературу в свете преобладающих тенденций соответствующих периодов. Определение периодов развития этнографии с точки зрения тенденций развития, теории, методов и собранного материала требует всестороннего подхода, учета многообразных параметров, чтобы для каждого периода определить как общие, так и особенные его черты.

Попытка составить классификацию с точки зрения господствующих тенденций в рамках исторических периодов была сделана Маджумдаром, который расставил вехи на пути развития этнографии. Заимствуя термины у Пеннимена [69], Маджумдар [58] разделил этнографические исследования в Индии на периоды: становления (formulatory) — 1774—1911 гг., конструктивный — 1912—1937 гг. и критический — с 1938 г.

Для периода становления единственной отправной точкой может служить создание Азиатского общества Бенгалии, положившее начало изучению природы и человека в Индии.

Начало второго периода по Маджумдару ознаменовано публикацией в 1912 г. обширной монографии о мунда индийцем С. Ч. Роем [83], который, кстати, оказал большое влияние на формирование Маджумдара как ученого. На наш взгляд, конструктивный период начался около 1920 г. Примерно в это время был учрежден департамент социологии в Бомбее во главе с Ф. Геддесом (1919) и начал работать департамент антропологии в Калькутте во главе с Р. П. Чандой (1921), а С. Ч. Рой стал издавать в 1921 г. первый журнал («Journal of Anthropology»). Все эти события внесли новый дух в развитие науки. Поэтому начало конструктивного периода в индийской антропологии и этнографии, по-моему, следовало бы отнести к 1920 г., когда четко определился коренной поворот в индийской этнографической науке.

Третий, критический период Маджумдар начинает с 1938 г., когда индийские и английские этнографы и антропологи собрались по случаю серебряного юбилея Индийского научного конгресса в Лахоре, подвели итог этнографическим и антропологическим исследованиям в Индии, обменялись мнениями и совместно наметили планы на будущее. Согласно Маджумдару, это и обозначило начало критического периода. С этим событием совпала публикация в том же году его проблемной монографии о племени хо, которая первоначально была представлена в Кембриджский университет в качестве докторской диссертации. Эта книга [55] отражала поворот от традиционного описательского исследования к анализу развития культуры.

Когда Маджумдар писал свой очерк и предлагал свою периодизацию, он не мог предвидеть ускоренного развития индийской этнографии в последующие десятилетия, особенно после достижения независимости. Поэтому мне представляется правильным отнести начало того периода, который Маджумдар на-

зывает «критическим», к 1948 г., т. е. ко времени после завоевания независимости, поскольку в этом году началось сотрудничество американских ученых с Лакхнауским университетом и центральным министерством общинного развития. Американские ученые, как, например, Оскар Льюис (консультант министерства) и Моррис Оплер, прибыли в Индию с большими программами этнографических исследований. Кроме того, некоторые индийские ученые, включая Дубе, посетили этнографические учреждения в Америке. Далее этот период ознаменовался изданием книги Шриниваса о религии и общественном устройстве кургов, которая имеет большую ценность как аналитическая работа [95]. Представляется более правильным назвать этот период не критическим, как это сделал Маджумдар, следовавший Пеннимену, а аналитическим.

Итак, уточним еще раз периодизацию развития индийской этнографии: первоначальный период, или период становления (1774—1919), конструктивный (1920—1947) и аналитический (с 1948 г.): Из этой периодизации, конечно, не следует, что один период одновременно и полностью сменяет предыдущий. Фактически в разных частях Индии наблюдаются поразительно несхожие степени развития этнографической науки, что заставляет при обобщении на уровне всей Индии признавать региональные особенности и ограничения. В подтверждение можно отметить, что, хотя в Ассаме и других северо-восточных пограничных районах развитие этнографии началось очень давно, она все еще находится здесь на стадии описательной, т. е. относится к конструктивному периоду. Точно так же и в других частях Индии современные социальные исследования, предпринимаемые различными учреждениями и отдельными лицами, включают и справочные работы о племенах и кастах, типичные для первоначального периода, и монографии и описания, присущие конструктивному периоду, и аналитические исследования на современном теоретическом уровне.

Начало исследований: период становления. Азиатскому обществу Бенгалии принадлежит первый вклад в развитие этнографических исследований. Сэр Уильям Джонс, основавший это общество в 1774 г., его первый президент, определил поле деятельности общества как изучение природы и человека в Индии и руководил рядом исследований и публикаций в этой области.

С этого времени британские администраторы, миссионеры, путешественники и другие лица, интересующиеся этнографией, собирали материалы о племенных и сельских общинах, писали об их жизни и культуре в периодических изданиях: «Journal of Asiatic Society of Bengal» (1784), «Indian Antiquity» (1872), а позднее в «Journal of Bihar and Orissa Research Society» (1915) и «Map in India» (1921). Помимо исторической и географической информации они собирали также сведения по этнографии и издали серии газеттиров — энциклопедических

справочников по дистриктам, ряд справочников о племенах и кастах, а затем и несколько специальных монографий о племенах Ассама. При проведении переписей, особенно 1931 и 1941 гг., группа английских и индийских ученых была занята сбором сведений о племенах и кастах Ассама и других районов Индии.

Ученые английские администраторы, занимавшие посты в различных районах, например Рисли, Далтон и О'Малли в Восточной Индии, Рассел в Центральной Индии, Тэрстон в Южной Индии, Крукс в Северной Индии, составили энциклопедические описания жизни и культуры народов, населяющих соответствующие регионы. Значение этих описаний подчеркивается тем обстоятельством, что Антропологическая служба Индии в настоящее время запланировала переиздание некоторых из них с необходимыми дополнениями. Общие описания индийской этнической ситуации также были опубликованы администраторами Кемпбеллом [12], Латамом [54] и Рисли [81]. Целью всех этих изданий было ознакомление правительственных чиновников и других официальных лиц с систематизированным описанием племен и каст Индии, что должно было повысить эффективность колониального управления.

За общими описаниями природы и населения того или иного региона последовали попытки создать подробные работы об отдельных племенах, а в некоторых случаях и кастах. Например, Бриггс [11] в 1920 г. издал книгу о чамарах. Следует отметить написанные со знанием дела монографии об отдельных племенах Шейкспирса [91], Гардона [44], Миллса [65; 66], Парри [68], Григсона [43] и др. Далее, ряд миссионеров, например Боддинг [6], Хофмэн [46] и другие, также увлекались этнографическими и лингвистическими описаниями. Все они находились под сильным влиянием таких английских ученых, как Риверс [82], Селигмен [90], Радклиф Браун [72] и Хаттон [47], которые написали ряд монографий на индийских материалах.

Первым индийцем, написавшим исчерпывающие монографии по племенам Индии, был С. Ч. Рой. За его первой, исключительно важной работой о мунда [83] последовала серия из пяти книг об ораонах [84], бирхорах [86], религии и обычаях ораонов [87], горных племенах Ориссы [88; 89]. Эти труды Роя были оценены тогда английскими учеными очень высоко. В президентском докладе, прочитанном на ежегодном собрании Индийского антропологического института в Калькутте 5 января 1938 г., Хаттон назвал Роя «отцом индийской этнологии». При духовной поддержке английских ученых и материальном поощрении тогдашнего губернатора Бихара сэра Эдуарда Гэйта Рой провел выдающиеся этнографические исследования в Бихаре. Вслед за ним Р. П. Чанд опубликовал в 1916 г. свою книгу об индоарийской расе, вызвавшую большой интерес к изучению культурной истории Индии.

Конструктивный период. Этнография в Индии действительно стала расти феноменально быстро, когда она была включена в учебные планы двух важнейших университетов — Бомбея в 1919 г. (социология) и Калькутты в 1921 г. (этнография и антропология). Эти два центра привлекли ряд ученых и квалифицированных исследователей для осуществления важных работ. Скоро было предпринято изучение таких малоисследованных проблем, как системы родства, социальная организация и т. д. Именно Гхурие [40], Чаттопадхьяй [14; 15], Шринивас [93; 94], Маджумдар [55], Карве [52], а также некоторые другие ученые внесли в это свой вклад. Этнографы П. Н. Мишра, Л. К. Айер, К. П. Чаттопадхьяй, Т. С. Дас, Д. Н. Маджумдар в Восточной и Северной Индии, Г. С. Гхурие, Иравати Карве, Л. К. Анантакришна Айер и А. Айяппан в Западной и Южной Индии положили начало научным исследованиям, организуя полевые экспедиции, писали книги и статьи, готовили специалистов в области культуры и этнографии племен и сельских общин.

Большой скачок был сделан в 1938 г., когда на объединенной сессии Индийского научного конгресса и Британской ассоциации по случаю серебряного юбилея конгресса был поставлен на обсуждение вопрос о прогрессе индийской антропологии и этнографии и знаменитые этнографы из-за рубежа вместе с индийскими учеными всесторонне рассмотрели планы будущих этнографических исследований в Индии. В это время некоторые этнографы после написания докторских работ внесли теоретическое направление в этнографические исследования. Изучая и анализируя свои материалы по индийским общинам, они подняли теоретический уровень индийской этнографии. Работы Маджумдара о меняющейся общине хо в Сингхбхуме [57], Шриниваса о брачно-семейных отношениях в Майсуре [93] и Н. К. Босе об индуистской модели поглощения племен [7] представляли собой коренной поворот в индийской этнографии.

Далее, приход в науку Верье Элвина и его серия проблемных публикаций о племенах Мадхья-Прадеша и Ориссы — байга [24], агариа [25], мариа [26], об общинных домах муриа [27] и о религии савара [31] — принесли мировое признание индийской этнографии. Работы Фюрер-Хаймендорфа [35; 36; 37; 38; 39] о племенах Хайдарабада и другие служили высоким образцом для этнографов.

Таким образом, индийская этнография, которая возникла и первоначально развивалась под влиянием английской науки, в конструктивный период достигла зрелости. Сложившаяся традиция изучения племен вплоть до конца 40-х годов XX в. находилась в поле зрения сначала просвещенных английских администраторов и миссионеров, а затем английских и индийских этнографов. Имелся и ряд работ по кастовым учреждениям [1; 11; 48]. В науке, истоки которой были в Кембридже, Оксфорде и Лондоне, индийская этнография выделялась своими моногра-

фическими описаниями, прежде всего систем родства и социальной организации.

Аналитический период. После второй мировой войны и завоевания независимости усилились контакты американских этнографов с Индией. Ряд американских ученых — Моррис Оплер из Корнелльского университета, Оскар Льюис из Иллинойского, Дэвид Манделбаум из Калифорнийского — и много их учеников прибыли в Индию на длительное время. Они работали здесь в следующих областях: систематическое изучение индийских деревень для проверки некоторых гипотез, усовершенствование методики, проверенной на других объектах, и помощь в выполнении программ общинного развития.

Исследования деревень и каст. Американские ученые не только создали ценные, в том числе и в теоретическом плане, труды по культуре индийской деревни, но и способствовали тому, что молодые и старые этнографы усилили свою работу по изучению деревень и кастовой системы.

Начало этого периода совпало также с публикацией книги Шриниваса о кургах Южной Индии [95], которая сама по себе есть образец, свидетельствующий о переходе от описательного к аналитическому периоду, а также от изучения племен к изучению этнической общности с более высоким уровнем социального развития. Эта книга служит как бы разграничительной линией конструктивного и аналитического периодов. Точно так же и книга Иравати Карве об индуистской системе родства [53] знаменует поворотный пункт в индийской этнографии. Кроме того, Дубе, Маджумдар и другие создали ряд трудов по сельским общинам с теоретической направленностью. Все это означает, что индийские этнографические исследования в полном смысле слова вписались в мировую литературу по этнографии.

Практическая работа. Правительственные программы общинного развития стимулировали исследования индийских социологов и этнографов по изучению и оценке процессов, вносящих перемены в сельскую и племенную Индию. В программах развития сформулированные американцем Солом Таксом концепции «этнографии действия» впервые частично заменили принципы прикладной этнографии, культивировавшейся британской колониальной администрацией. В целом ряде публикаций Маджумдара [56], Дубе [18], Элвина [32], Видьяртки [103; 105], Джая [51] и в двух сборниках под редакцией Видьяртки [2; 49] рассматривались практические вопросы осуществления государственных программ. Тем самым этнография в Индии утвердилась как важная научная дисциплина с точки зрения теории и практики.

С конца 60-х годов упор был сделан на изучение роли человека в технологическом, экономическом и социальном прогрессе. Индийский институт современных исследований в Симле организовал два больших семинара по задачам исследований

и по положению племен; труды этих семинаров имели огромную ценность [101; 102]. На объединенном семинаре, организованном Индийской антропологической ассоциацией и департаментом антропологии в Ранчи в 1971 г., ряд заседаний был посвящен прикладным и практическим исследованиям [80]. Различные научно-исследовательские учреждения по проблемам адиваси, отделы социального благосостояния Плановой комиссии, министерств внутренних дел и сельского хозяйства, институты планирования семьи и т. д. внесли ценный вклад в практические исследования. Полная оценка этих работ содержится в двух сборниках с участием автора [2; 80].

Социально-психологические исследования. Под определенным американским влиянием в рамках Антропологической службы Индии началось изучение культуры и личности под руководством Б. С. Гуха, окончившего Гарвардский университет. Два психолога, Ума Чаудхури и П. Ч. Рай из Антропологической службы Индии, предприняли полевые исследования специально среди адиваси с целью установить расовые различия, тип личности и другие социально-психологические характеристики. Их исследования опубликованы [16; 73; 74; 75; 76; 77; 78]. Новый импульс культурно-психологические исследования получили, когда американский антрополог Сиддхарт провёл полевые исследования в индуистской гуджаратской деревне [97], а английский психиатр Карстейрс — среди различных общин Раджастан [13]. Исследования по социальной психологии и культуре провели также работники университета Ранчи и Аллахабада. Библиографический обзор новейших исследований в области психологической антропологии содержится в статье автора [109].

Изучение фольклора. Изучение народного творчества, которое не шло дальше нерегулярного сбора народных песен и сказок адиваси, публиковавшихся затем в приложениях к этнографическим монографиям, получило систематический характер благодаря В. Элвину, который написал книги о мифах Махакошала, Центральной Индии и Ориссы [28; 29; 30]. С течением времени некоторые этнографы и специалисты по литературам бходжпури, ассамской, маратхи стали выявлять социальные элементы, скрытые в фольклоре; был опубликован ряд книг, раскрывающих социальную, историческую и бытовую сущность фольклора. Происхождение и развитие фольклорных исследований в Индии рассматриваются в специальном сборнике под редакцией автора данной статьи [34].

Изучение структуры власти и лидерства. Попытки анализировать структуру власти и процесс «принятия решений» (decision making) в индийском обществе начались сравнительно недавно. И нужно отдать должное американскому профессору Оскару Льюису и его индийским сотрудникам за то, что они взялись изучать эту проблему. Результатом изуче-

ния деревень в Северной и Южной Индии были две книги, опубликованные при содействии Плановой комиссии и содержащие анализ власти в сельской Индии при различной роли авторитетных групп (factions), базирующихся на родственных связях или кастовой солидарности. Эти первые работы вдохновили ряд американских, английских и индийских ученых на дальнейшее изучение проблемы лидерства в различных районах сельской Индии.

Этнография религии. Другая область этнографии, которая отражает влияние английской и американской школ и заслуживает особого упоминания, — это изучение религий. Изучение примитивных религий было начато Маджумдаром, и его объяснение бонгаизма (формы верований хо) [57] совпадает с современным направлением в изучении религий. Всесторонняя характеристика примитивной религии принадлежит Элвину [31]. В книге о религии савара Ориссы он поддерживает концепцию «спиритизма», предложенную Роем в его исследовании о религии ораонов [87]. Изучение религии в индийской деревне начато Шринивасом, который в книге о кургах Южной Индии [95] развивает концепцию санскритизации, чтобы объяснить изменения, происходящие в индуистской деревне.

Проявлением интереса этнографов к религии явилось создание двух сборников, в которых рассматриваются различные аспекты религий в индийском обществе и в Южной Азии вообще, одного — под моей редакцией [3], а другого — под редакцией американца Эдуарда Харпера [79]. Обе книги включают оригинальные работы о религиозных представлениях у адиваси и сельских жителей. Сборник под моей редакцией посвящен памяти Маджумдара и открывается статьей Гопалы Сарана «Профессор Маджумдар и этнография религии». М. Мариотт, А. Айяппан, К. Н. Шарма и Р. С. Сривастава представили статьи, которые проливают свет на некоторые основные и характерные черты индийской религии и философии. Другие статьи более частного порядка, в них рамки исследования ограничиваются большей частью одной деревней. Так, Карстейрс и Матхур описывают комплексы религиозных ритуалов и обычаев, изученных ими в трех типичных деревнях Раджастхана и в деревне района Малва в Мадхья-Прадеше. И. П. Сингх рассказывает нам о религии в сикхской деревне, а Видьяртхи пишет о сакральном комплексе деревни адиваси. Хотя в этих статьях описываются небольшие объекты, но их теоретические выводы гораздо шире.

Т. Н. Мадан, И. Атал, Т. Р. Сингх, Г. Чаттопадхьяй, К. Н. Сахай и С. Синха анализируют религиозные праздники, культы отдельных божеств в деревнях и т. д., но таким образом, что их работы приобретают большое методологическое значение. В предисловии Босе к этому изданию сказано, что оно «охватывает широкий круг проблем — от особенностей отправления

религиозных культов в разных районах Индии до анализа некоторых обычаев и ритуалов, бытующих среди адиваси, и их изменений под влиянием индуизма».

В сборнике под редакцией Э. Харпера опубликованы материалы конференции по религиям Южной Азии, которая происходила в августе 1961 г. Он состоит из 9 статей: Д. Манделбаума, Дж. Берремена, П. М. Коленды, М. Оплера, Дж. Дж. Гамперза, Билза, Ялмана и Харпера.

Еще одно издание — «Традиционная Индия: структура и сдвиги», сборник под редакцией Милтона Зингера [100] — также вносит большой вклад в современное изучение религиозных традиций. Эта книга в отличие от двух предыдущих содержит статьи, в которых анализируются и истолковываются традиционные тексты — устные и письменные. Хотя темой книги является понимание образа «новой Индии» в свете ее богатого и глубокого наследия, в целом почти все статьи опираются именно на религиозные традиции, которые вытекают из общего, своеобразного и неповторимого выражения индийской истории. В этих статьях исследуются различные аспекты индийской цивилизации и анализируются некоторые стороны культурных связей и явлений, включая и религиозные особенности. В то же время часть статей непосредственно касается религий определенных групп населения. К примеру, Мак-Кормак исследует связи внутри секты лингаятов, а В. Рагхаван дает общий анализ методов религиозного обучения в Южной Индии. Темы других статей — религиозные особенности анавиров Гуджарата, чамаров Сенапура, наяров и др. В специальной монографии Видьяртхи [104] попытался дать полное описание священного города Гая в качестве элемента индийской цивилизации, исходя из теорий Редфилда и Зингера. Все это помогает пониманию религий в Индии как великой формы традиционной жизни общества.

Многие монографии о деревнях, которые были упомянуты выше, также трактуют о религии и ее важной роли в сельской жизни. В своей докторской диссертации — описании деревни Сенапур — Пленналп дал широкую картину религиозной жизни и религиозных ценностей в индусской деревне [70].

Изучение городов. Исследования Роберта Редклифа, Милтона Зингера и Маккима Мариотта в Индии указали дальнейшие теоретические и методологические направления в изучении сельских общин как элементов индийской цивилизации. «Великая» и «малая» традиции Индии были переосмыслены, и их изучение открыло новые перспективы для понимания индийской цивилизации. Это привело к началу этнографического рассмотрения больших и малых общин разного типа. И это не все. Индийские этнографы, первоначально под влиянием чикагской школы этнографии, начали изучать древние и современные города, во-первых, в качестве элементов индийской цивилизации

и, во-вторых, как центры народной жизни. Изучение процессов урбанизации, индустриализации и городского планирования также были предприняты несколькими социологами, причем эта работа финансировалась Плановой комиссией.

Методологический труд Милтона Зингера по Мадрасу, работа Мариотта по городку Ваи (близ Пуны), изучение Джамшедпура Мартином Ораоном выдвинули на авансцену исследования культурной роли городов, и многие этнографы при финансовой поддержке Плановой комиссии стали работать в этой области. Таким образом, было расширено поле деятельности этнографии — от изучения примитивных этнических групп к сельским общинам и затем к городским и промышленным центрам. Босе изучает Калькутту [8], Маджумдар — Канпур [62], Б. Сингх и Мукхерджи — Лакхнау [67], Видьяртхи — Ранчи [108] и Гаю [104]. Все это показывает, как был реализован импульс в изучении культурной и экономической роли городов, полученный от чикагских этнографов, а также от Плановой комиссии Республики Индии.

Наконец, под американским влиянием университеты поняли и реализовали необходимость включения различных отраслей этнографии и антропологии в свои учебные планы. Здесь также ощущалась необходимость сотрудничества между учеными разных специальностей для более полного понимания социальных и культурных особенностей индийских общин. В целом ряде наших публикаций и исследований, будь то о городах или сельских общинах, о религиях или структуре власти, ясно отражена эта тенденция к сотрудничеству различных наук. После создания Индийского совета по социальным научным исследованиям и благодаря усилиям министерства просвещения в области реорганизации Антропологической службы Индии эта тенденция в общественных науках будет и далее расширяться и утверждаться.

Из предыдущего краткого обзора видно, что этнографические и антропологические исследования в Индии, которые возникли и развивались под английским влиянием, а затем расширили свое поле деятельности под влиянием американской науки, находятся на мировом уровне этнографии и антропологии. Полагаю, что, если в изучении систем родства и семейно-брачных отношений британская этнография еще остается образцом для индийских ученых, то в изучении племен и сельских общин британский функциональный подход должен дополняться американским культурно-историческим подходом. Такой подход становится все более необходимым вследствие растущего интереса к изучению новой, идущей вперед Индии в связи с ее традиционными структурами. Наряду с этой свежей струей в этнографии на смену описательным работам об отсталых этнических группах приходят аналитические исследования разного рода общин, где делаются попытки выработать термины и кон-

цепции и применить передовые теории и методы для понимания общества и культуры.

Наряду с академической ориентацией этнографии былых времен очевидны поиски более широкого подхода к пониманию различных сторон всего комплекса индийского общества. Далее, под влиянием работ американских ученых становится все больше взаимосвязанных исследований ряда объектов (*net work studies*) и анализа ключевых объектов как частей целого («*part-whole*» analysis) и меньше исследований отдельных, изолированных объектов (*isolate studies*). Эта тенденция ведет прежде всего к выявлению общих особенностей, присущих разнообразным общинам в Индии. Взятая в целом, индийская этнография как часть мировой науки добилась прогресса за последние три десятилетия и была признана как университетами, так и правительством в качестве важной дисциплины, изучающей этносы на всех уровнях их культурного развития в их целостности, но с точностью и ориентацией на опыт.

Индийская этнография и антропология продолжают идти вперед. Они далеко продвинулись при сотрудничестве с британскими, а затем и американскими учеными и под их влиянием. Конечно, они и впредь будут влиять на развитие индийской этнографии. Наука не имеет границ, и наука о человеке в Индии еще может многому научиться в области теории и методов общественных наук у других, передовых в научном отношении стран мира.

Но это не значит, что этнография в Индии должна отвергнуть то, что можно назвать «индийским духом» или «индийской самобытностью» («*Indianness*»). По-видимому, этого и не произошло, несмотря на притягательную легкость подражания. На этом основании проф. Кребет сказал, что Индия прислушивалась к Англии, Америке и к себе самой. Можно считать, что результатом этого является синтетический подход [59, 173], который следует использовать с учетом нашей своеобразной культуры и системы ценностей, нашего наследия и исторического опыта. Далее, у нас имеются собственные мыслители, которые проливали свет на социальные проблемы в разные времена, и мы должны отдать им должное. Среди них особо следует выделить Махатму Ганди, чье учение и идеалы — в смысле их применения в общественных науках — представляются в виде подводной части айсберга, и их еще нужно серьезно исследовать.

Наряду с наследием индийских мыслителей древние тексты (веды, упанишады, смрити, пураны, эпические произведения и т. д.) содержат социальную информацию, и они требуют внимательного исследования с целью развития «индийского духа», «индийской самобытности» в этнографии, что было бы особенно ценно для изучения культурных процессов и истории цивилизации в Индии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Anantakrishna Iyer L. K. The Kahars of Mysore.—«Man in India», Ranchi, 1929, vol. 9.
2. Applied Anthropology in India. Ed. by L. P. Vidyarthi. Allahabad, 1968.
3. Aspects of Religion in Indian Society. Ed. by L. P. Vidyarthi. Meerut, 1961.
4. Bailey F. G. For a Sociology of India.—«Contribution to Indian Sociology». 1959, № III.
5. Bailey F. G. The Scope of Social Anthropology in the Study of Indian Society.—«Indian Anthropology: Essays in Memory of D. N. Majumdar», ed. by T. N. Madan and G. Sarana. Bombay, 1962.
6. Bodding P. O. The Santhal Medicine.—«Memoirs of the Asiatic Society of Bengal». 1925, vol. 10, № 2.
7. Bose N. K. Hindu Method of Tribal Absorption.—«Proceedings of Indian Science Congress». 1941.
8. Bose N. K. Social and Cultural Life of Calcutta.—«Geographical Review of India», vol. XX, Silver Jubilee Number, 1958.
9. Bose N. K. Fifty Years of Science in India: Progress of Anthropology and Archaeology. Calcutta, 1963.
10. Bouglé C. Essais sur le régime des castes. Paris, 1908.
11. Briggs G. W. The Chamars. Calcutta, 1920.
12. Campbell J. Ethnography of India.—«Journal of Asiatic Society of Bengal». 1856, vol. 35.
13. Carstairs G. M. The Twice-Born. London, 1957.
14. Chattopadhyay K. P. Some Malayalam Kinship Terms.—«Man in India», Ranchi, 1922, vol. II, № 2.
15. Chattopadhyay K. P. An Essay on the History of Newar Culture.—«Journal and Proceedings of Asiatic Society of Bengal (New Series)», 1925, vol. XXIII, № 3.
16. Choudhary U. A Comparison of Santal Mental Test Reactions in Rural and Urban Areas.—«Bulletin of the Department of Anthropology», 1955, vol. 4, № 1.
- 16a. Contributions to Indian Sociology. Ed. by L. Dumont and D. Pocock. Paris—The Hague, 1957—1962, № 1—6.
17. Dube S. C. The Urgent Task of Anthropology in India.—«Proceedings of the IVth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences Held in Vienna in 1952», 1956.
18. Dube S. C. Approaches to the Tribal Problem.—«Indian Anthropology in Action», ed. by L. P. Vidyarthi. Ranchi, 1960.
19. Dube S. C. Social Anthropology in India.—«Indian Anthropology: Essays in Memory of D. N. Majumdar», ed. by T. N. Madan and G. Sarana. Bombay, 1962.
20. Dumont L. and Pocock D. Kinship.—«Contributions to Indian Sociology», 1957, № 1.
21. Dumont L. and Pocock D. Hocart «On Caste Relation and Power» and Bouglé: «The Essence and Reality of the Caste System».—«Contribution to Indian Sociology», 1958, № 2.
22. Dumont L. and Pocock D. Religion, Critical Essay.—«Contribution to Indian Sociology», 1959, № 3.
23. Elwin V. The Baiga. London, 1939.
24. Elwin V. The Agaria. Oxford, 1943.
25. Elwin V. Maria Murder and Suicide. Oxford, 1943.
26. Elwin V. The Muria and Their Ghotul. Oxford, 1947.
27. Elwin V. Folktales of Mahakausal. Oxford, 1944.
28. Elwin V. Myths of Middle India. Oxford, 1949.
29. Elwin V. Tribal Myths of Orissa. Oxford, 1954.
30. Elwin V. Religion of an Indian Tribe. Oxford, 1955.
31. Elwin V. A Philosophy for NEFA. Shillong, 1958.
32. Emerging Patterns of Rural Leadership in Southern Asia. Ed. by S. C. Dube. Hyderabad, 1965.

34. Essays in Indian Folklore. Ed. by L. P. Vidyarthi. Calcutta, 1973.
35. Fürer-Haimendorf C. The Chenchus, Jungle Folk of the Deccan. London, 1943.
36. Fürer-Haimendorf C. The Reddis of the Bison Hills: a Study in Acculturation, vol. 1—2. London, 1945.
37. Fürer-Haimendorf C. The Tribal Population of Hyderabad. Hyderabad, 1945.
38. Fürer-Haimendorf C. The Agriculture and Land Tenure among the Apa Tanis.—«Man in India», 1946, vol. 26.
39. Fürer-Haimendorf C. Notes on Tribal Justice among the Apa Tanis.—«Man in India», 1946, vol. 26.
40. Ghurye G. S. A Note on Cross Cousin Marriage and Rural Organisation—Kathiawal.—«Journal of University of Bombay», 1943, vol. 5, pt 1.
41. Ghurye G. S. Social Change in Maharashtra. Pt I.—«Sociological Bulletin», vol. I, 1952; Pt II, 1954.
42. Ghurye G. S. The Teaching of Sociology, Social Psychology and Social Anthropology.—«The Teaching of Social Sciences in India», UNESCO Publication, 1956.
43. Grigson W. V. The Maria Gonds of Bastar. London, 1938.
44. Gurdon P. R. T. The Khasi. London, 1912.
45. Hocart A. M. Les castes, Paris, 1938; Caste. London, 1950.
46. Hoffman J. Encyclopaedia Mundarica in 13 volumes, vol. 13, Patna, 1950.
47. Hutton J. H. Census of India 1931. Vol. I, India. Pt IIIB, Ethnographic Notes. Simla, 1931.
48. Hutton J. H. Caste in India. Cambridge, 1946.
49. Indian Anthropology in Action. Ed. by L. P. Vidyarthi. Ranchi, 1960.
50. India's Village. Ed. by M. N. Srinivas. Calcutta, 1955.
51. Jay E. The Anthropologist and Tribal Welfare: Hill Maria—a Case Study.—«Journal of Social Research», 1959, vol. 11, № 2.
52. Karve I. Kinship Terminology and Kinship Uses of the Maratha Country.—«Bulletin of the Deccan College Research», vol. 2—4. Poona, 1950.
53. Karve I. Kinship Organisation in India. Poona, 1953.
54. Latham R. G. Ethnography of India. London, 1859.
55. Majumdar D. N. A Tribe in Transition: a Study in Culture Pattern. London, 1937.
56. Majumdar D. N. The Changing Canvas of Tribal Life.—«Eastern Anthropologist», The Tribal Number, 1949.
57. Majumdar D. N. The Affairs of a Tribe: a Study in Tribal Dynamics. Lucknow, 1950.
58. Majumdar D. N. Anthropology under Glass.—«The Journal of the Anthropological Society of Bombay», Bombay, 1950.
59. Majumdar D. N. Special Report on the Teaching of Social Anthropology.—«The Teaching of Social Sciences in India», UNESCO Publication, 1956.
60. Majumdar D. N. Caste and Communication in an Indian Village. Bombay, 1958.
61. Majumdar D. N. The Light That Failed.—Anthropology and Tribal Welfare, ed. by L. P. Vidyarthi. Ranchi, 1959.
62. Majumdar D. N. Social Contours of an Industrial City. Bombay, 1961.
63. Marriott M. Little Communities in an Indigenous Civilization.—«Village India», Chicago, 1955.
64. Mathur K. S. Caste and Ritual in a Malwa Village. Bombay, 1964.
65. Mills J. P. The Lhota Naga. London, 1922.
66. Mills J. P. The Rengma Naga. London, 1937.
67. Mukherjee R. K., Singh B. Social Profiles of a Metropolis. Bombay, 1961.
68. Parry N. E. The Lakhers. London, 1932.
69. Penniman T. K. A Hundred Years of Anthropology. London, 1935.

70. Plannal p. Religion, Line and Values in a Hindu Village. Doctoral Dissertation Submitted to Cornell University, 1956.
71. Prasad M. Myth of the Caste System. Patna, 1957.
72. Radcliffe Brown A. R. The Andaman Islanders: a Study in Social Anthropology. Glencoe (Ill.), 1922.
73. Ray P. C. Differences in Concrete Intelligence among Jaunsaries.—«Journal of Asiatic Society». 1951, vol. XVII.
74. Ray P. C. Differences in Concrete Intelligence among the Bhils of Central India.—«Indian Journal of Psychology». 1951, vol. 26, pt I—IV.
75. Ray P. C. Maze Test Performance of the Bhils of Central India.—«Bulletin of the Department of Anthropology». 1953, vol. II, № 1.
76. Ray P. C. The Tensional Feeling among the Abors and Gallong.—«Indian Journal of Psychology». 1955, vol. 30, pt 1—2.
77. Ray P. C. The Children of the Abor and Gallong. Education and Psychology Monograph. Delhi, 1957.
78. Ray P. C. The Lodha and Their Spirit-Possessed Men. Darjeeling, 1966.
79. Religion in South Asia. Ed. by E. B. Harper. Seattle, 1964.
80. Researches in Applied and Action Anthropology: Papers Presented to the Centennial Conference of S. C. Roy. Ed. by B. N. Sahai. Delhi, 197—.
81. Risley H. Tribes and Castes of Bengal. Calcutta, 1891.
82. Rivers W. H. R. The Todas. London, 1906.
83. Roy S. C. Mundas and Their Country. Calcutta, 1912.
84. Roy S. C. The Oraons of Chotanagpur. Ranchi, 1915.
85. Roy S. C. Researches in Anthropology in India.—«Man in India». 1922, vol. II.
86. Roy S. C. The Birhor, a Little Known Jungle Tribe of Chotanagpur. Ranchi, 1925.
87. Roy S. C. Oraon Religion and Customs. Ranchi, 1928.
88. Roy S. C. The Hill Bhuiyas of Orissa. Ranchi, 1935.
89. Roy S. C. The Kharia, vol. I—II. Ranchi, 1937.
90. Seligman G. G., Seligman B. F. The Veddas of Ceylone. Cambridge, 1911.
91. Shakespears J. The Lushai Kuki Clans. London, 1912.
92. Sinha S. Is There an Indian Tradition in Social/Cultural Anthropology: Retrospect and Prospect.—«The Nature and Function of Anthropological Traditions». New York, 1968.
93. Srinivas M. N. Marriage and Family in Mysore. Bombay, 1942.
94. Srinivas M. N. The Social Organisation of South India (Note).—«Man», 1946, vol. 46, № 86.
95. Srinivas M. N. Religion and Society among the Coorgs of South India. Oxford, 1952.
96. Srinivas M. N. Caste in Modern India and Other Essays. Bombay, 1962.
97. Steed G. P. Notes on an Approach to a Study of Personality Formation in a Hindu Village.—«Village India», ed. by M. Marriott. Chicago, 1955.
98. Stevenson H. N. C. Status Evaluation in Hindu Caste System.—«Journal of the Royal Anthropological Institute», London, 1954, vol. 84.
99. Tax S. e. a. An Appraisal of Anthropology Today. Chicago, 1953.
100. Traditional India: Structure and Change.—«Journal of American Folcllore», 1958, vol. 78, № 281 (Special Number, ed. by M. Singer).
101. Tribal Situation in India. Ed. by K. S. Singh. Simla, 1972.
102. Urgent Research in Social Anthropology. Ed. by B. L. Abbe and S. Saberwal. Simla, 1969.
103. Vidyarthi L. P. Anthropology, Authority and Tribal Welfare in India.—«Eastern Anthropologist», 1957, vol. XI, № 1.
104. Vidyarthi L. P. Sacred Complex in Hindu Gaya. Bombay, 1961.
105. Vidyarthi L. P. Cultural Contours of Tribal Bihar. Calcutta, 1964.
106. Vidyarthi L. P. Researches in Social Sciences in India: Some Preliminary Observations.—«Social Science Information», Paris, 1966, vol. V, № 1.

107. Vidyarthi L. P. Social Anthropological Researches in India: Some Preliminary Observations.—«Journal of Social Research», Ranchi, 1966, vol. IX, № 1.
108. Vidyarthi L. P. Cultural Configurations of Ranchi. Calcutta, 1969.
109. Vidyarthi L. P. Psychological Anthropology: Psycho-Anthropological Researches in India.—«Journal of Social Research», 1969, vol. XII, № 2.
110. Village India. Ed. by McKim Marriott. Chicago, 1955.

П. Ф. Беликов, Л. В. Шапошникова

**ИНСТИТУТ «УРУСВАТИ»
(НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. К. РЕРИХА
И Ю. Н. РЕРИХА В ИНДИИ)**

Долина Кулу... Узкая полоса плодородной земли, втиснутая между западными и восточными отрогами Гималайских гор. Весь район расположен далеко от крупных городов Индии, от центров ее культуры. Тем не менее эта отдаленная и малоизученная область представляет собой осколок древнейшей культуры Индии. Вряд ли где-нибудь еще в стране можно найти столь своеобразную и интересную местность. Склоны Гималаев вплотную подходят к реке Беас, протекающей по долине. В некоторых местах достаточно пройти несколько сот метров, чтобы оказаться на тропе, которая поднимается прямо в горы. До сих пор цивилизация мало коснулась Кулу. Долину и сейчас можно считать богатейшим историко-этнографическим и природным заповедником. К Кулу прилегают малоизученные области индийских Гималаев — Лахуль, Спити, Чамба. Все, вместе взятое, представляет огромный интерес для различного рода исследований, начиная с геологии и кончая этнографией и археологией.

Этот регион интересен также с точки зрения важных проблем, связанных с этногенезом народов Индии. Основным населением этих областей являются потомки древних кунинда, или каннета, упоминавшихся в ведах. Есть основания полагать, что кунинда населяли Кулу и в доведический период. В связи с этой проблемой представляется уникальной изолированная долина Малана, расположенная за перевалом Чандракани. Немногочисленные жители Маланы до сих пор сохранили древнее наречие, традиции и культуру, на которые внешний мир оказал незначительное влияние. Население долины Кулу является живым источником для историка, этнографа и лингвиста. Земля Кулу и смежных с нею районов хранит немало древних, еще не известных нам реликвий, поэтому археологические раскопки имеют здесь большие перспективы.

Богатый животный и растительный мир индийских Гималаев, специфика геологической структуры, возможность вести ме-

теорологические наблюдения делали эту область ценной для ученых самых разных профилей, и у Николая Константиновича Рериха было достаточно оснований выбрать ее в качестве места для Гималайского института научных исследований. «Гималаи, — писал русский художник и ученый, — являются неистощимым источником не только аюрведических исследований, но и со стороны исторической, философской, археологической и лингвистической всегда будут неисчерпаемы. Место института в древней долине Кулу, или Кулута, тоже было удачно. В этих местах жили риши и мудрецы Индии. Многие легендарные и исторические события связаны с этими нагорьями. Тут проходил Будда, и в свое время процветали десятки буддийских монастырей. Здесь находятся развалины дворцов Пандавов, пещера Арджуны; здесь собирал Махабхарату риши Виаса. Здесь и Виасакунд — место исполнения желаний» [9, 124].

Комплексный институт «Урусвати» («Свет утренней звезды») имеет свою трудную и славную историю. Он основан Н. К. Рерихом 24 июля 1928 г.¹ в Дарджилинге после завершения им Центральноазиатской экспедиции. В декабре 1928 г. институт был перебазирован в долину Кулу.

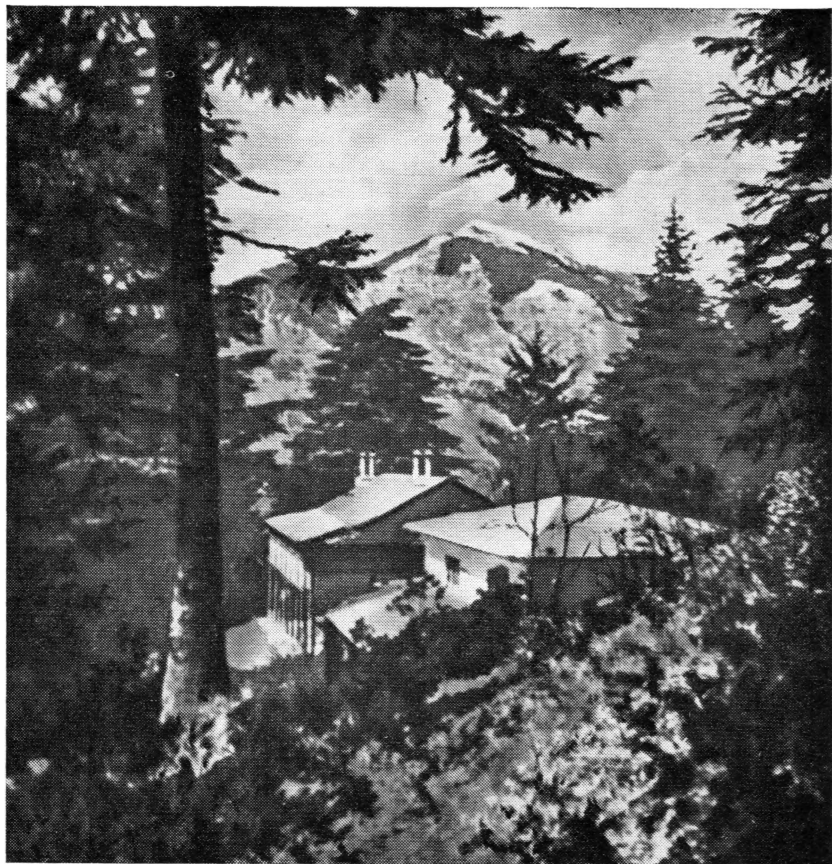
Инициативу открытия в Индии специального научного учреждения именно русским исследователем Азии нельзя считать случайностью. Русские ученые-востоковеды и путешественники в XIX—XX вв. активно осваивали малоизученные просторы Азии. Круг их интересов лежал в области того древнего и прямого пути, который связывал народы Юго-Восточной Азии с Россией через Сибирь и Тибетское нагорье в направлении Индии.

Правда, этот исторически сложившийся путь был чреват многими опасностями, вызванными не только суровой природой, но и тем барьером, который воздвигала вокруг себя «священная» Лхаса. В течение столетий его преодолели лишь отдельные смельчаки, переодетые паломниками-буддистами, попытки же приблизиться к Лхасе с научно-исследовательскими экспедициями успеха не имели.

Тем не менее русские исследователи никогда не отказывались от намерений проникнуть в таинственные области Азии, и вряд ли путешествие Н. К. Рериха можно рассматривать изолированно от общих усилий и сложившихся традиций отечественного востоковедения. Во всяком случае хорошо известно, что Н. К. Рерих тщательно следил за его достижениями и со многими из своих современников-востоковедов был тесно связан.

Великая Октябрьская революция и последовавшие за ней политические события усложнили работу русских исследователей

¹ Дата принята согласно указаниям самого Н. К. Рериха [14, 229]. В публикациях фигурируют и иные даты: 12 июля 1928 г. [18, 88] и 1929 г. [16, 262]. Последняя датировка, по-видимому, связана с началом деятельности института в долине Кулу.

Институт «Урусвати» в Кулу

в колониальных владениях западных стран. Великобритания всегда противодействовала пребыванию русских ученых в своих колониях, а в начале 20-х годов шансы появления в них русских исследователей практически были сведены ею к нулю. Это испытал на себе и Н. К. Рерих. Только трехлетнее пребывание в США и широко развернутая международная культурно-просветительская деятельность помогли ему в конце 1923 г. приехать в Индию, о чем он мечтал уже с начала 10-х годов.

К концу 1924 г. Рерих подготавливает большую экспедицию в Центральную Азию. Ее маршрут дважды пересекал Тибетское нагорье: с юга на север — в его западных областях и с севера на юг с обратным выходом в Индию — в восточной части. По своим масштабам такая экспедиция не имела прецедента в истории изучения Центральной Азии.

Рериху удалось осуществить свое, на первый взгляд казавшееся несбыточным намерение. Его Центральноазиатская экспедиция 1925—1928 гг. — самостоятельная тема, выходящая за рамки этой статьи. Мы упомянем лишь об одной характерной детали. Возвратиться в Индию с территории Советского Союза Рерих мог обходным путем, по китайской территории. Но он выбрал наиболее трудное направление — через владения Лхасы, которым уже пытались пройти его славные предшественники Пржевальский и Козлов. Завершая начатое ими дело, Рерих все-таки вынужден был обойти Лхасу круглым путем по совершенно неизвестным областям Трансгималаев. Однако это непредвиденное обстоятельство лишь обогатило науку многими ценными открытиями.

Николай Константинович Рерих вышел с экспедицией, в составе которой находились его жена Елена Ивановна и старший сын Юрий Николаевич, в марте 1925 г. Экспедиция двинулась из Сиккима через Сринагар в Центральную Азию и вернулась в Сикким в конце мая 1928 г., перевалив через Гималайский хребет с севера в районе Джомолунгмы. На своем пути экспедиция собрала обширнейший научный материал. Вопрос о его систематизации, обработке и дальнейшем использовании так или иначе должен был возникнуть перед Рерихом. Решить его можно было по-разному: передать находки заинтересованным научным учреждениям Запада, которые частично финансировали экспедицию, найти подходящее научное учреждение в самой Индии или же заняться продолжением успешно начатого дела самостоятельно. Рерих остановился на последнем, как на единственно приемлемом для себя решении.

Интересы Рериха никогда не замыкались изучением какой-либо одной страны или национальной культуры Востока. Начав свою научную деятельность с археологических изысканий в северо-западной части России, Рерих увлекся проблемой исторических миграций народов Азии, влиянием их древних культур на более молодую культуру славянских племен. И это привело к тому, что в конце концов исследовательская деятельность Рериха-ученого охватила обширнейшую территорию, включившую в себя северо-запад России, Алтай, Монголию, северо-запад Китая и Гималаи.

Приехав в 1923 г. в Индию, Рерих спешит в Сикким, к южным склонам Гималаев, откуда ведут пути через Тибет и Монголию до самой Сибири. Первые дневниковые записи Николая Константиновича [12; 20] больше повествуют о Тибете и Монголии, чем собственно об Индии. Много в них упоминаний и о России. Рерих как бы готовится к походу в те области Центральной Азии, куда не смогли проникнуть его соотечественники с северного направления.

Стремление внести свою лепту в русское востоковедение, согласовать свою деятельность с теми задачами, которые при-

обретали актуальность для Советского Союза, никогда не угасало в Рерихе. Об этом свидетельствуют как его постоянные усилия наладить связи с советскими учеными, так и его контакты с советской дипломатией за рубежом начиная с 1924 г. Николай Константинович имел полное право заметить в «Листах дневника»: «Для кого же мы все трудились? Неужели для чужих? Конечно, для своего, для русского народа мы переведали и радости, и трудности, и опасности. Много где нам удалось внести истинное понимание русских исканий и достижений. Ни на миг мы не отклонялись от русских путей. Именно русские могут идти по нашим азийским путям» [9, 244].

Особый интерес Рериха к тем районам Азии, которые ближе подходили к сибирским землям, вполне понятен. Однако как для русского востоковедения в целом, так и для Рериха индология сохраняла свое ведущее место. И изучение возможностей прямого общения России с Индией через Тибет в прошлом, настоящем и будущем все больше и больше сближало Рериха с индийской культурой, останапливало его внимание на проблемах, связанных с русско-индийским культурным и научным сотрудничеством. Поэтому организация на индийской территории независимого научного учреждения, преследующего такие цели, имела для Николая Константиновича первостепенное значение. Он писал: «Если поискать да прислушаться непредубежденно, то многое значительное выступает из пыли и мглы. Нужно, неотложно нужно исследовать эти связи. Ведь не об этнографии, не о философии думается, но о чем-то глубочайшем и многозначительном. В языке русском столько санскритских корней. Кое-какие ответы на такие запросы имеются, но ведь они разрозненны и забыты в пыли неведомых полок библиотечных. Пора русским ученым заглянуть в эти глубины и дать ответ на пытливые вопросы. Трогательно наблюдать интерес Индии ко всему русскому. В нем не только доверие к русской мощи, но и нечто родственное [...]. Тянется сердце Индии к Руси необъятной. Притягивает великий магнит индийский сердца русские. Истинно „Алтай—Гималаи“ — два магнита, два равновесия, два устоя. Радостно видеть жизненность в связях индо-русских» [там же, 268].

«Алтай—Гималаи» — книга, собранная из путевых записей Н. К. Рериха 1923—1928 гг. Как бы объявляя о своих намерениях и настроениях, он открывает книгу словами, записанными еще по пути в Азию: «„Урус карош“ — кричит лодочник в Порт Саиде, увидав мою бороду. Всюду на Востоке звенит этот народный привет всему русскому. И сверкает зеленая волна, и красная лодка, и бело-голубая одежда, и жемчуг зубов: „Карош урус!“ Привет Востока!» [5, 10].

В двух английских изданиях «Алтай — Гималаи» [21; 22] начальные слова русского оригинала рукописи по вполне понятным причинам были опущены. Книга «Алтай—Гималаи» содер-

жит записи о Цейлоне, Сиккиме, Кашмире, Синьцзяне, Советском Алтае, Монголии, Тибете, собственно Индии. И если мы взглянем на географическую карту, то увидим, что место, выбранное Рерихом для нового института, находится в центре той громадной территории, которую охватывали его научные интересы. При этом они не ограничивались прямой специальностью Рериха-ученого — археологией. Помимо археологического отдела при институте «Урусвати» сразу же были открыты отделы естественных наук и медицины, научная библиотека, музей для хранения экспедиционных находок. Отделы имели свои специализированные подразделения. Так, при археологическом отделе существовали секции общей истории, истории культуры народов Азии, истории древнего искусства, лингвистики и филологии. Отдел естественных наук занимался ботаникой и зоологией, метеорологическими и астрономическими наблюдениями, изучением космических лучей в высокогорных условиях. В медицинском отделе наряду с изучением древнетибетской медицины и фармакопеи была организована биохимическая лаборатория, в которой исследовались современные средства борьбы против рака.

Институт «Урусвати» был задуман Н. К. Рерихом как научно-исследовательское учреждение по комплексному изучению обширных территорий Азии, заселенных народностями, древнейшая культура которых оказала в свое время исключительное влияние на развитие мировой культуры, в первую очередь европейских народов, несправедливо забывших, а подчас и сознательно искажавших предысторию своей цивилизации.

Солидаризуясь с народами Востока, с их представителями науки и прогрессивной общественной мысли, Рерих отказывался примириться с подобной несправедливостью. Недооценка прошлого, настоящего и будущего народов Востока, с умыслом или непреднамеренно подкрепляемая европоцентристскими теориями, уже сама по себе была для него острой научной проблемой, требующей немедленного и коренного пересмотра. Поэтому и значение Н. К. Рериха как ученого нельзя определять исходя только из тех научных дисциплин, в которых он непосредственно вел научную работу. Рерих был также и замечательным организатором науки, ее идеологом, активно боровшимся за то, по его словам, «руководящее знание», которое содействовало бы воцарению справедливости на всем земном шаре.

Предпосылки возникновения института «Урусвати» можно в основном свести к следующим:

- 1) научная деятельность Н. К. Рериха до 1917 г., выражавшая общие традиции русских востоковедов и исследователей Центральной Азии;

- 2) экспедиция 1925—1928 гг., блестяще завершившая деятельность русских путешественников XIX и начала XX в. Впер-

вые был проложен маршрут из Сибири через Тибетское нагорье и Трансгималаи прямо в Индию;

3) необходимость научной обработки собранных в экспедиции материалов;

4) повышенный интерес Н. К. Рериха к Индии и его давнишнее стремление наладить регулярное научное и культурное сотрудничество между Россией и Индией.

Мы сейчас не касаемся художественных интересов и устремлений Рериха. Он всегда и при всех обстоятельствах, конечно, оставался художником. Искусство народов Востока, в том числе индийское, было ему бесконечно дорого и оказало на его живопись заметное влияние. Через всю богатую творческую жизнь Рериха изобразительное искусство проходило красной нитью. Однако было бы ошибочно полагать, что только оно привело Рериха в Азию. Достаточно упомянуть, что одним из первых его визитов по приезду в Индию в 1923 г. было посещение научного института Дж. Боса в Калькутте. Известный индийский ученый серьезно отнесся к предложению Рериха о сотрудничестве и вскоре навестил его в Сиккиме. В дальнейшем институт Дж. Боса и «Урусвати» не прерывали научных контактов.

Задачи, поставленные Рерихом перед этим новым научно-исследовательским учреждением, были поистине грандиозны, а то, что «Урусвати» находился в тогда еще колониальной Индии, намного усложняло их решение. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что далеко не все намеченное Рерихом удалось полностью реализовать. Более достойно удивления то, что ему удалось так много сделать в неимоверно трудных условиях 20—30-х годов и что многие поставленные им проблемы не только не потеряли актуальности в наше время, но приобрели еще большее значение. Предвидение крутого поворота в судьбах народов Востока не обмануло Рериха, и все его начинания оказались на редкость перспективными.

Первыми практическими шагами по укреплению положения института «Урусвати» была поездка в западные страны. В июне 1929 г. Николай Константинович и Юрий Николаевич посетили Нью-Йорк. Там заканчивалось строительство 24-этажного здания, предназначенного для размещения музея, Института объединенных искусств, Международного центра искусств и других культурных организаций, созданных американскими сотрудниками Рериха. Среди них были весьма влиятельные люди — видные деятели науки и культуры. Поэтому по приезду в США Рерихи были приняты президентом Гербертом Гувером и мэром Нью-Йорка Дж. Уокером.

Интерес к недавно закончившейся Центральноазиатской экспедиции Рериха был в США исключительно велик, так как экспедиция эта была осуществлена при содействии американских научных и культурных организаций, шла под американ-

ским флагом, и еще до ее окончания Ньюйоркский музей им. Н. Рериха получил от художника в дар около 300 полотен азиатской тематики, вызвавших усиленный приток посетителей.

Для дальнейшего развития научной работы в Индии Рериху была необходима американская поддержка. Она придавала институту «Урусвати» респектабельность в глазах английских властей и способствовала созданию его материально-технической базы. Поэтому при Музее им. Н. Рериха в Нью-Йорке сразу же было открыто отделение «Урусвати», которому художник пожертвовал ценнейший Канджур-Танджур — буддийский священный канон на тибетском языке, состоящий из 300 книг. Другой Канджур-Танджур, также вывезенный из Центральной Азии, остался в Кулу.

Рерих довольно скоро наладил деловые связи с научными учреждениями Америки и Европы, заинтересовал их обменом научной информацией и предоставлением помощи на местах ученым, посещающим Азию. В частности, сразу же была достигнута договоренность об оказании организационной помощи сотруднику Мичиганского университета, д-ру Вальтеру Кельцу, выехавшему в долину Кулу для изучения и сбора альпийской флоры Гималаев.

Весной 1930 г., после посещения Парижа и Лондона, Николай Константинович и Юрий Николаевич были уже готовы выехать обратно в Индию, но их задержали совершенно непредвиденные обстоятельства. Позже, отмечая трехлетие работы института «Урусвати», Рерих писал: «Не забудем, что из тридцати шести месяцев существования более восьми месяцев ушло на прискорбные и совершенно ненужные трения, нанесшие глубокий как денежный, так и моральный вред» [14, 300].

Эти трения, грозившие срывом всех планов Рериха, были вызваны попыткой англичан воспрепятствовать возвращению Рерихов в Индию. Это была уже вторая акция британского министерства иностранных дел, направленная против Рериха. Первая, чуть было не стоившая жизни всем членам Центральноазиатской экспедиции, была предпринята зимой 1927 г., когда по требованию англичан экспедиция была задержана лхасскими воинскими подразделениями на высокогорном плато в Тибете.

Не добившись в Лондоне въездных виз в Индию, Николай Константинович и Юрий Николаевич выехали в принадлежавшую тогда Франции колонию Пондишери, где занялись обследованием местных древних погребений с урнами и саркофагами.

Только к концу 1930 г. Рерих и его старший сын попадают обратно в Кулу, где безвыездно находилась жена художника Елена Ивановна и приглашенный еще в июне 1928 г. из Риги в Индию секретарь института «Урусвати» — Владимир Анатольевич Шибав.

По возвращении в Кулу Николай Константинович немедленно приступает к подготовке новых экспедиций как в самой долине, так и в прилегающих к Западным Гималаям областях Тибета. В 1931 г. он уже ведет экспедицию из Кулу через перевал Ротанг в Лахуль. Перевалы Западных Гималаев да и весь Кашмир представляли для него исключительный интерес, так как через них шли пути к Средней Азии, пески которой скрывали остатки древних культур народов, общавшихся на востоке и юге с Китаем и Индией, а на западе и севере с европейскими странами и Сибирью.

В течение двух лет институтом «Урусвати» было проведено пять экспедиций непосредственно в долину Кулу и экспедиции в Лахуль, Бешар, Кангру, Лахор, Ладак и Занскар, систематизированы находки Центральноазиатской экспедиции, подобрана научная библиотека, богатая уникальными древними манускриптами. В музее института появились ценные ботанические, орнитологические, зоологические коллекции, возведено новое здание биохимической лаборатории.

Руководство институтом «Урусвати» было возложено на Юрия Николаевича Рериха, который и состоял его бессменным директором. Универсальные познания Ю. Н. Рериха позволяли ему следить за разнохарактерными областями научных исследований, координировать и направлять их работу.

Сам Николай Константинович, проводивший ежедневно несколько часов за мольбертом и обремененный множеством других дел, в том числе перепиской с несколькими сотнями корреспондентов, не переставал уделять институту «Урусвати» много внимания и был его вдохновителем и идейным наставником. Большую помощь ему оказывали: жена Елена Ивановна, которая была президентом — основателем института, и младший сын — Святослав Николаевич, художник, знаток древнего искусства и местных фармакопей, хороший ботаник и орнитолог. Многосторонность знаний и занятий каждого члена семьи Рерихов при их слаженном сотрудничестве и неутомимой энергии давала особенно эффективные результаты и много способствовала успеху и широкому признанию института «Урусвати» как в самой Индии, так и далеко за ее пределами.

Деятельность института опиралась на международный обмен научной информацией и ее накопление из тех первоисточников, которые предлагали сотрудникам института малоизученные области Азии. Н. К. Рерих писал по этому поводу: «Когда мы основывали институт, то прежде всего имелась в виду постоянная подвижность работы. Со времени основания каждый год происходят экспедиции и экскурсии. Не нужно отказываться от этой уже сложившейся традиции. Если все сотрудники и корреспонденты будут привязаны к одному месту, то сколько неожиданных и хороших возможностей замерзнут [...]. Нужно то, что индусы так сердечно и знаменательно называют „аш-

рам". Это — средоточие. Но умственное питание „ашрама“ добывается в разных местах. Приходят совсем неожиданные путники, каждый со своими накоплениями. Но и сотрудники „ашрама“ тоже не сидят на месте. При каждой новой возможности они идут в разные стороны и пополняют свои внутренние запасы» [6, 76].

Некоторые экспедиции института возглавлялись самим Николаем Константиновичем. Так, в 1931 г. он посетил Лахуль, в столице которого — Кейлонге — был создан филиал института «Урусвати» для регулярных летних наблюдений. В последующие годы туда обычно выезжала месяца на два Елена Ивановна.

Путевые записи Н. К. Рериха свидетельствуют, что, как историк, он всегда мыслил широко и стремился объяснить причины глубочайшего взаимопроникновения древних культур. В Лахуле он записывал: «В историческом и археологическом отношении край мало исследован. Картина „Менгиры в Гималаях“ будет напоминать о менгироподобных камнях, утверждаемых с древнейших времен и до наших дней на горных перевалах. Обычай этот имеет несомненную связь с древними менгирами Тибета, открытыми нашей экспедицией в 1928 году, подобными менгирам Карнака [...]. Ладак, Дартистан, Балтистан, Лахуль, Трансгималаи, часть Персии, Южная Сибирь (Иртыш, Минусинск) изобилуют разнообразными сходными в техническом отношении изображениями, невольно напоминающими скалы Богуслана и изображения ост-готов и прочих великих переселенцев» [14, 261].

Одновременно с походом в Лахуль другая группа сотрудников «Урусвати» находилась в Ладаке, где собирала превосходные коллекции в окрестностях Леха.

Придерживаясь собственных научных концепций и неприемлемых для западных колонизаторов взглядов на ближайшее общественно-политическое развитие стран Востока, Н. К. Рерих отнюдь не игнорировал значения американских и европейских культурных и научных организаций и налаживал с ними контакты, без которых деятельности «Урусвати» грозила бы некоторая односторонность.

Например, уже первые экспедиции, проведенные силами института, позволили собрать и обработать для Мичиганского университета в США богатую энтомологическую коллекцию и гербарий из 3700 единиц, представлявших около 1500 видов растительности. Для Ботанического сада в Нью-Йорке была составлена коллекция семян и собрано 3800 образцов растительного мира Гималаев. Департаменту земледелия США (Вашингтон) была послана коллекция семян, музею Гарвардского университета (Кембридж, США) — зоологическая коллекция, Национальный музей естественной истории в Париже получил около 2 тыс. образцов горных растений и коллекцию семян.

Медицинский отдел института «Урусвати» наладил сотрудничество с биохимиками Гарвардского университета. Большой интерес вызвали переводы на европейские языки древних манускриптов по тибетской медицине и фармакопее. При участии лам-лекарей впервые был составлен атлас тибетских лекарственных растений.

Сразу же завоевали признание труды Юрия Николаевича Рериха по лингвистике и филологии. Его сотрудничество с известным знатоком тибетской литературы и местных диалектов, профессором Дарджилингского университета, ламой Лобзанг Мингюр Дордже было особенно плодотворным. Лобзанг Мингюр Дордже подолгу оставался в Кулу для совместной с Юрием Николаевичем работы.

Тесные связи с такими светилами индийской науки, как Чандрасекар Раман, Джагадиш Чандра Бос, с такими видными представителями индийской литературы, философии, искусства, просвещения, как Рабиндранат Тагор, Обининдранатх Тагор, Асит Кумар Халдар, Сунити Кумар Чаттерджи, Рамананда Чаттерджи, Сарвапалли Радхакришнан, Свами Сананд Сарасвати, Тейджа Сингх, Дас Гупта, К. П. Тампи, Р. М. Равал, и многими другими придавали институту «Урусвати» особый вес и значение в глазах западных ученых. Большую популярность деятельности института принесли и изданные в Нью-Йорке, Лондоне и Париже книги Н. К. Рериха и Ю. Н. Рериха о своих азиатских путешествиях и исследованиях.

Не удивительно, что в списках почетных советников по науке, членов-корреспондентов и постоянных сотрудников «Урусвати» скоро появились и имена таких известных западных ученых, как лауреаты Нобелевской премии А. Эйнштейн, Р. Милликен, Л. Бройль, президент Американского археологического института Р. Маггофин, знаменитый путешественник Свен Гедин, профессор Института Пастера в Париже С. И. Метельников, профессор Гарвардского университета, индолог Чарльз Ланман, профессор К. К. Лозин-Лозинский (Париж), французский археолог К. Бюиссон, директор Ботанического сада в Нью-Йорке Е. Д. Меррил и многие другие.

О доверии к институту «Урусвати» и признании за ним больших научно-исследовательских возможностей свидетельствует и последняя азиатская экспедиция, проведенная в 1934—1935 гг. под личным руководством Н. К. Рериха и при участии Ю. Н. Рериха и нескольких специалистов-ботаников. Эта экспедиция была предпринята по инициативе Департамента земледелия США и имела свои специфические задания. Из-за хищнического использования земельных и лесных угодий американское сельское хозяйство несло большой урон от эрозии почв. Полное обеззеленение в некоторых районах страны влекло за собой распространение пустынь. Департамент земледелия, обеспокоенный угрожающим характером этих явлений, предложил

Н. К. Рериху организовать изучение и отбор засухоустойчивой барханной растительности, которую можно было бы использовать на сожженных солнцем полях западных районов США.

В апреле 1934 г. Н. К. Рерих договорился в Нью-Йорке об условиях финансирования и оснащения экспедиции, а в мае уже направился в Маньчжурию, где экспедиция приступила к работе в районах степной Барги и западного нагорья Хинганского хребта. В 1935 г. экспедиция была переброшена в Северный Китай и исследовала предгорья Хингана и окраины пустыни Гоби. Всего Рерихом было послано в США около 2 тыс. посылок различных травяных семян, разнообразных видов засухоустойчивых трав и кустов. В Америке они испытывались и размножались на специальных плантациях, откуда и поступали в оголенные равнины западных штатов.

Кроме прямых заданий экспедиции, ее участники, как всегда, занимались археологической разведкой, сбором фольклорного и лингвистического материала. Удалось также собрать много образцов лекарственных растений, а в одном из старинных монастырей был обнаружен и переписан редчайший тибетский медицинский манускрипт.

Н. К. Рерих и Ю. Н. Рерих вернулись в Кулу в декабре 1935 г. Цели экспедиции 1934—1935 гг. не были для Рериха случайными. Актуальная для нашего времени проблема охраны природы тревожила его с самого начала столетия, а в 20—30-х годах он неоднократно выносил этот вопрос на широкое обсуждение. Он писал: «Люди, которые еще в простоте душевной полагают, что „Бог траву родит“, забывают пословицу: „На Бога надейся, а сам не плошай“. Когда приходится видеть систему орошения египетских пустынь, мне всегда приходит мысль: как сравнительно мало нужно сделать, чтобы, казалось бы, мертвая поверхность опять зацвела! И в этом смысле каждый, как специалист, так и доброжелательный обыватель, одинаково должны сойтись, чтобы помочь целым странам. И в этой помощи будущим поколениям будет одно из тех безымянных благодеяний, которыми держится бытие [...]. Да, нужно уметь беречь не только рукотворные ценности человечества, но и простирать ту же заботливость и ко всем истинным источникам жизни. Потому оживление пустынь как в своем буквальном значении, так и в переносном, духовном понимании является благородной задачей человечества. Да процветут все пустыни!» [11].

Успешная деятельность института «Урусвати» превратила его в одно из крупных научных учреждений Индии. Институт сотрудничал со многими научными организациями стран Европы и Америки. Обменивался публикациями с 285 институтами, университетами, музеями, библиотеками, научными обществами. Выпускался ежегодник «Журнал Института гималайских исследований Урусвати». Многие научные учреждения различных стран стремились получить это издание. Статьи, содержавшие-

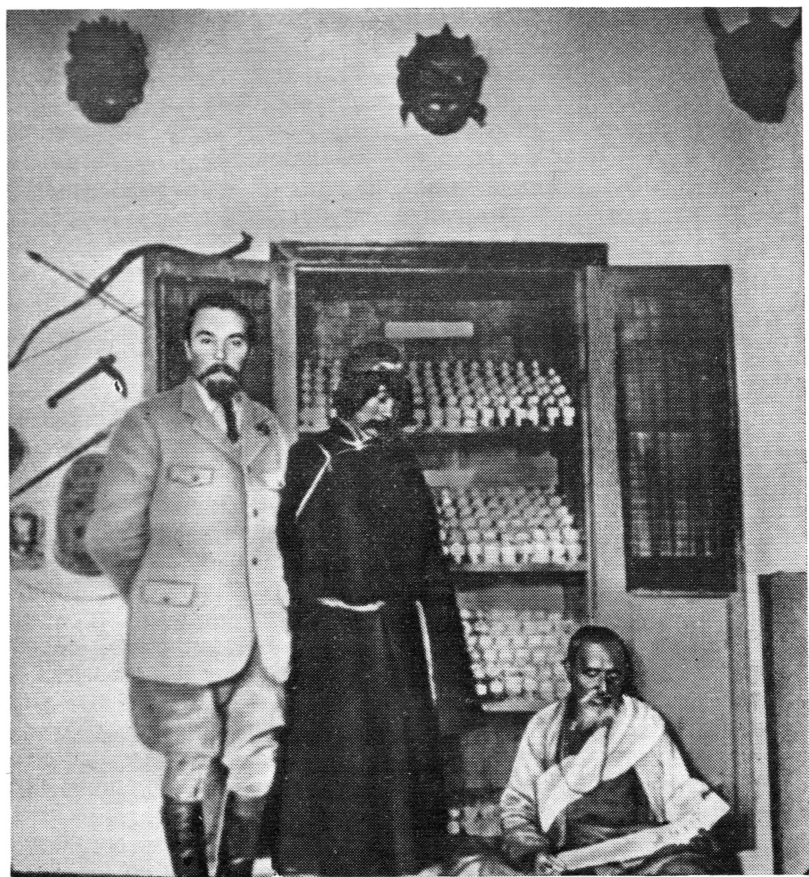
ся в нем, затрагивали важнейшие проблемы, связанные с рядом ведущих научных дисциплин. В журнале публиковались материалы по археологии, этнографии, лингвистике, философии, ботанике, фармакологии, геологии и т. д. Большой раздел журнала был посвящен отчетам и дневникам регулярно проводившихся экспедиций. В этой связи необходимо отметить выдающуюся роль Ю. Н. Рериха, которую он сыграл в научной работе института и его публикациях. Статьи Ю. Н. Рериха занимали значительное место в журнале «Урусвати». Им были опубликованы ценнейшие работы, такие, как «Проблемы тибетской археологии», «К изучению Калачакры», «Тибетский диалект Лахуля» и т. д. Отдельными изданиями вышли такие важные работы Юрия Николаевича, как «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета», где он проследил контакты различных культур и цивилизаций, «По тропам Центральной Азии», в основу которой легли его дневники во время Центральноазиатской экспедиции.

Публиковались и монографии сотрудников. Среди них важнейшее место занимала серия «Tibetica», посвященная древностям Тибета, создателем которой был Ю. Н. Рерих.

Работая в качестве директора института и будучи его ведущим сотрудником, Юрий Николаевич оказал огромное влияние на организацию и развитие разнообразных исследований. Он первый произвел ряд археологических раскопок в Кулу и прилегающих областях индийских Гималаев. В Лахуле он обнаружил три типа древних погребений, по преданию принадлежавших пришельцам с севера. В погребениях нашли человеческие останки, этническую принадлежность которых трудно было установить, железные изделия и керамику. Как археолог и этнограф, Ю. Н. Рерих всегда стремился проследить взаимные влияния различных культур. Так, изучая резьбу по дереву лахульских горцев, он отмечал, что «некоторые орнаменты любопытно напоминали одну из нордических резб по дереву» [17, т. 2, 150].

В Кулу, Лахуле, Спити Ю. Н. Рерих собрал ценнейшую этнографическую коллекцию и провел лингвистическое обследование Лахуля. В старинных буддийских монастырях ему удалось собрать уникальную коллекцию тибетских рукописей и книг. Вместе с этим Ю. Н. Рерих упорно трудился над созданием тибето-санскритско-русско-английского словаря, макет которого впоследствии был передан им Институту востоковедения АН СССР. Вся эта деятельность Юрия Николаевича снискала ему мировое признание в востоковедных кругах.

В формировании его как ученого важнейшую роль сыграли постоянное сотрудничество с отцом и работа в институте «Урусвати». Николай Константинович Рерих рано начал готовить своего старшего сына к востоковедной деятельности. Еще в Петербурге, в гимназические годы Юрий Николаевич учился у знаменитого русского египтолога Б. А. Тураева и монголо-

Ю. Н. Рерих с сотрудником Калимпонгского университета, ламой Лобзанг Мингюром и собирателем трав из Тибета

да А. Д. Руднева. В 1919—1923 гг. он обучался в Школе восточных языков Лондонского университета, затем в Гарвардском университете и Школе восточных языков при Сорбонне (Париж). К двадцати двум годам он получил степень бакалавра по отделению индийской филологии и звание магистра индийской филологии.

Когда в конце 1923 г. Юрий Николаевич приехал в Индию, он был уже хорошо подготовленным индологом, тибетологом, тюркологом и иранистом. Путешествие по обширным неисследованным районам Азии, многогранные интересы отца, его связи и организаторские способности открыли перед молодым ученым такие возможности и такое поле деятельности, которые

редко кому представляются. И эти возможности Юрий Николаевич блестяще использовал.

Весьма плодотворной была работа института и в области естественных наук. Регулярно проводившиеся экспедиции значительно расширили наши знания об одном из районов Гималайских гор. Собранные во время экспедиций коллекции — ботанические, зоологические, палеонтологические, геологические, орнитологические — представляли научный материал огромной ценности.

Сотрудники института регулярно участвовали в международных научных конгрессах. Скоро уже не сам институт, а другие научные учреждения Европы и Америки стали искать контактов с «Урусвати». Предлагали сотрудничать в организации разного рода экспедиций, в области изучения раковых заболеваний, интересовались переводами тибетских трактатов, посвященных древней медицине. Настойчиво добивались сотрудничества с институтом в долине Кулу Парижский госпиталь и Парижский национальный музей, Американская ассоциация медицинских колледжей, разного рода востоковедные научные учреждения.

Однако, несмотря на это, институт испытывал большие затруднения. Причина крылась в самом обычном обстоятельстве — в отсутствии средств. Их поступление носило спорадический характер и зависело от финансовых возможностей сотрудничающих с «Урусвати» научных и культурных учреждений, от единовременных частных или общественных субсидий, от издательской деятельности. В начале 30-х годов западные страны были охвачены жесточайшим экономическим кризисом. Суммы для обеспечения бесперебойной работы института получить было все труднее. Подчас приходилось довольствоваться только личными доходами Н. К. Рериха с продажи картин, а этого, конечно, не могло хватить для научно-исследовательской деятельности целого коллектива ученых.

В 1938 г. Николай Константинович с болью писал: «Пресеклись средства. Одними картинками не удастся содержать целое научное учреждение. Давали все, что могли, а дальше и взять негде. Между тем общий интерес к Гималаям все возрастает. Ежегодные экспедиции направляются сюда со всех концов мира. Новые раскопки раскрывают древнейшие культуры Индии. В старых монастырях Тибета обнаруживаются ценнейшие манускрипты и фрески. Аюрведа опять приобретает свое прежнее значение, и самые серьезные специалисты опять устремляются к этим древним наследиям. Стоит лишь вспомнить, какие интересные исследования произвел д-р Бернارد Рид, доказавший, что основы древнейшего письма близки нынешним открытиям. Все есть, а денег нет» [9, 125].

На третьем томе пришлось прекратить издание ежегодника «Урусвати». В 1935 г. американский бизнесмен Луи Хорш путем обманных махинаций с акциями присвоил здание музея

им. Н. Рериха в Нью-Йорке со всем его имуществом. Это усугубило и без того трудное финансовое положение института. Однако деятельность его не только не прерывалась, но в некотором направлении даже форсировалась Н. К. Рерихом. Ему необходимо было установить связи с советскими научными организациями, которые могли бы оказать содействие при уже конкретно намеченном сроке возвращения русского художника и ученого в Советский Союз. В «Листах дневника» Рерих отмечает: «В 1926 году было уговорено, что через десять лет и художественные, и научные работы будут закончены. С 1936 года начались письма, запросы. Г. Г. Ш.² извещал, что Суриц³ предложил пожертвовать для музеев четыре картины. Наше французское общество писало Верховному совету о Пакте⁴. Писали в Комитет по делам искусства. Посылали книги. Ждали вестей» [там же, 245].

После провалившихся попыток не допустить Рериха в Индию в 1928 и 1930 гг. англичане установили за ним неусыпное наблюдение. Дело доходило даже до поисков в Кулу нелегальной радиопередаточной станции и запросов в США с просьбой о расследовании «политической благонадежности» культурных организаций, возникших там по инициативе Рериха или его ближайших сотрудников.

Всегда благожелательное отношение к Советскому Союзу, статьи об экономических и культурных достижениях его народов, горячий патриотизм Рериха, а также его дружба с лидерами освободительного движения в Индии вызвали подозрения у английских властей. Поэтому Николай Константинович вынужден был вести себя сугубо осторожно. Прямая переписка с советскими учреждениями, даже получение из Советского Союза научных изданий были крайне затруднены и грозили самыми нежелательными последствиями.

Поэтому Рериху приходилось прибегать к помощи третьих лиц, проживавших в основном в Париже и Прибалтике. Во второй половине 30-х годов особые надежды Николай Константинович возлагал на Прибалтику, возможно, пытаясь использовать ее в качестве промежуточного плацдарма при возвращении на родину. В письме от 26 августа 1936 г. он предупреждает председателя рижского музея им. Рериха: «Досмотрите, чтобы о Шв.⁵ сейчас ничего дурного не писалось в связи с нами» [10], а в письме от 24 августа 1938 г. выражает желание

² Г. Г. Ш. — Г. Г. Шклявер, секретарь французского общества им. Рериха.

³ Я. З. Суриц — посол Советского Союза во Франции (1937—1940).

⁴ Речь идет о Пакте Рериха по охране культурных ценностей при вооруженных столкновениях.

⁵ Ввиду того, что переписка Рериха подвергалась цензуре, он не употреблял в письмах слов: Россия, Советский Союз, заменяя их словами: Швеция, Шв. Москва в переписке с Прибалтикой превращалась в Стокгольм или Центральный город.

переслать из Индии в Ригу свои архивы и просит сообщить о возможности их размещения в музее [там же].

В 1937 г. в «Урусвати» обращается с рядом вопросов известный советский биолог и генетик Николай Иванович Вавилов. Между ним и Святославом Николаевичем, изучавшим растительный мир Гималаев, состоялся обмен письмами, в результате которого в Ботанический сад Академии наук СССР были посланы семена редких злаков. Как для переписки, так и для транспортировки посылок опять-таки приходилось прибегать к содействию членов правления Музея им. Рериха в Риге Р. Я. Рудзитиса и Г. Ф. Лукина. Однако несмотря на риск, Рерих пытался установить и прямые связи с советскими учеными и организациями. Так, в письме к Р. Я. Рудзитису от 15 января 1938 г. он сообщает: «Мы получили из того же учреждения, где Вав[илов], запросы о семенах и пошлем их непосредственно. Нет ли у Вас новостей в этих направлениях, расписок и тому под.?» [там же].

Рижский Музей им. Рериха в 1939 г. выпустил альманах «Мысль», а в 1940 г. «Литературные записки», в которых наряду с патриотическими статьями самого Николая Константиновича были помещены статьи советских авторов и опубликованы различные данные об экономических и культурных достижениях в Советском Союзе.

Сложнейшая политическая обстановка перед началом второй мировой войны тормозила многое, что было предпринято Н. К. Рерихом, она же оказывала отрицательное воздействие на его усилия по установлению регулярной связи с советскими научными организациями и затрудняла подготовку к его возвращению в СССР.

Война, вспыхнувшая в 1939 г., не замедлила губительно сказаться на работе института «Урусвати». Уже в июле 1940 г. Н. К. Рерих, предвидя его неминуемую консервацию, записал в «Листах дневника»: «Сперва мы оказались отрезаны от Вены, затем от Праги. Отсеклась Варшава [...]. Постепенно стали трудными сношения с Прибалтикой. Швеция, Дания, Норвегия исчезли из переписки. Замолк Брюгге. Замолчали Белград, Загреб, Италия. Прикончился Париж. Америка оказалась за тридевять земель, и письма, если вообще доходили, то плавали через окружные моря и долго гостили в цензуре. Вот и в Португалию уже нельзя писать. На телеграмму нет ответа из Риги. Дальний Восток примолк. Из Швейцарии Шауб Кох еще двадцатого мая просил срочно прислать материалы для его книги. Но и Швейцария уже оказалась заколдованной страной. Всюду нельзя. И на Родину невозможно писать, а оттуда запрашивали о травах. Кто знает, какие письма пропали? [...]. Грустно видеть, как события обрубают все ветви работы. И не вырасти новым побегам на старых рубцах. Будет что-то новое, но когда?» [9. 200].

Николай Константинович Рерих так и не получил ответа на этот вопрос. 13 декабря 1947 г., в самый разгар послевоенных сборов на родину, счет его земным дням оборвался. Тем не менее начинания, которые он сам не успел завершить, далеко не исчерпали своих возможностей.

Значительная часть художественного и литературного наследия Н. К. Рериха, согласно его посмертной воле, была привезена в Советский Союз, получила широкое признание и продолжает служить гуманным идеалам нового человеческого общества, в победу которого всегда неуклонно верил Николай Константинович.

Научные взгляды на значение Востока в прошлом и будущем человечества, которые разделял Рерих, давно уже заняли прочное место в нашем востоковедении, а сотрудничество между советскими учеными и учеными стран Востока, в том числе Индии, полностью оправдало его смелые прогнозы.

Между тем научная деятельность Николая Константиновича, отважного путешественника, впервые проложившего прямые пути между Россией и Индией через Центральную Азию, все еще недостаточно освещена. Институт «Урусвати», прекративший свою работу в 1939 г., как был, так и остается в законсервированном состоянии. Н. К. Рерих не успел распорядиться его судьбой при жизни, как сделал это со своим художественным наследием, отобрав для отправки в Советский Союз свыше 400 картин, которые и привез с собой в 1957 г. его сын Юрий Николаевич. Возвращение его на родину имело большое положительное значение для нашего востоковедения.

Юрий Николаевич Рерих проработал у нас лишь два с половиной года. Его преждевременная кончина в 1960 г. была воспринята как тяжелая потеря для советского и мирового востоковедения. Святослав Николаевич Рерих передал привезенную братом из Индии библиотеку в распоряжение Института востоковедения АН СССР, где на ее базе был организован научный кабинет им. Ю. Н. Рериха. Это позволило сотрудникам и ученикам Юрия Николаевича успешно продолжать начатую им работу. Однако многое, что намечал и мог бы с пользой для отечественного востоковедения сделать Ю. Н. Рерих, осталось неосуществленным. Среди этого едва ли не первостепенное значение имеет дальнейшая судьба научных материалов и исследований института «Урусвати».

* * *

Одному из авторов этой статьи — Л. В. Шапошниковой — весной 1972 г. довелось побывать в Кулу и при содействии Святослава Николаевича Рериха подробно ознакомиться с положением дел на месте. По-видимому, здесь мало что изменилось после смерти основателя института «Урусвати». Только к вил-

ле Рерихов и зданиям института пролегла узкая асфальтированная дорога. В те далекие годы снизу в горный поселок Нагар приходилось добираться на лошадях. О прошлом еще напоминают ставшие ненужными керосиновые лампы. По вечерам окна виллы светятся теперь электрическим светом. Такие же огоньки мерцают и внизу по всей долине.

Каждый день к дому Рерихов поднимаются группы экскурсантов, тех, кто проводит жаркий сезон в Кулу, шумные компании студентов. Они останавливаются у ворот виллы и робко спрашивают, здесь ли находится галерея картин Николая Рериха. Их встречает седой, неизменно приветливый, сын художника и сам художник, Святослав Николаевич Рерих. Он ведет посетителей в комнаты первого этажа, где по стенам развешаны гималайские этюды его отца. Люди подолгу стоят у этих картин, удивляются, что они написаны русским, а потом спускаются вниз по склону к серому камню, на котором высечены слова: «Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Викрам эры, соответствующего 15 декабря 1947 года. ОМ РАМ».

Чуть выше виллы стоит деодаровая роща. Вместе со Святославом Николаевичем поднимаемся по тропинке, выходящей по некрутому склону. Метров через пятьсот мы оказываемся на небольшой площадке, поросшей ярко-зеленой травой. Здесь стоят два здания Гималайского института научных исследований. На одном из них еще сохранилась вывеска. «Урусвати» — коротко гласит надпись.

— Весь этот склон и роща, — говорит Святослав Николаевич, — принадлежат институту. Всего двадцать акров земли, которую мой отец, Николай Константинович, отдал для этой цели. Вот в этом доме, — Святослав Николаевич показал на первый из них, — работали и жили зарубежные сотрудники института, а в следующем размещались индийские ученые.

Чуть в стороне, ниже по склону, виднеется груда камней, бывшая, очевидно, когда-то фундаментом. Оказывается там стоял дом, в котором жили тибетские ламы, помогавшие Юрию Николаевичу Рериху в его исследованиях.

Мы начали осмотр домов. Шаги гулко отдавались в пустых помещениях. Комнаты тянулись одна за другой. В одном из помещений мы остановились перед дверью. На ней висел массивный замок. Заржавевший механизм замка долго не поддавался. Наконец, он со скрипом открылся. Мы толкнули дверь и оказались в большом зале. Свет с трудом пробивался сквозь плотно закрытые ставни. Когда глаза привыкли к этому сумеречному полумраку, можно было увидеть повсюду стоящие ящики. Они громоздились друг на друге. Ящиков было много, и толстый слой пыли покрывал их. По стенам стояли застекленные шкафы.

— Наши коллекции, — коротко бросил Святослав Николаевич.

Выяснилось, что здесь хранились коллекции, частично оставшиеся от Центральноазиатской экспедиции, и коллекции, собранные экспедициями самого института. Богатейший научный материал, к которому несколько десятков лет не прикасалась рука ученого. В застекленных шкафах и ящиках находилась ценная этнографическая и археологическая коллекция. Орнитологическая коллекция насчитывала около 400 видов редчайших птиц, некоторые из них сейчас уже исчезли. Ботаническая коллекция полностью представляла флору долины Кулу. Геологическая — содержала немало редких минералов. Тут же были и зоологическая, фармакологическая, палеонтологическая коллекции.

Мы проходим в следующее помещение, по стенам которого тянутся полки с книгами. Библиотека насчитывает четыре тысячи томов. Кроме книг, в распоряжении Святослава Николаевича находится рукописный архив Рерихов, который ждет своих исследователей.

В одном из зданий мы обнаружили остатки оборудования биохимической и физической лабораторий. Книги уже давно никто не снимал с полок, лабораторным оборудованием не пользовался...

Но тем не менее все это не производило тягостного впечатления запустения и упадка. Казалось, что люди только недавно покинули эти стены, какими-то независящими от них обстоятельствами неожиданно и внезапно оторванные от интересной работы. Они успели только упаковать коллекции и закрыть на замки двери библиотеки и лабораторий. Много лет назад Николай Константинович Рерих писал: «Урусвати — Гималайский институт научных исследований начался в 1928 г. под самыми хорошими знаками» [9, 124].

Может быть, действительно эти знаки были хорошими? И может быть, наступит время, когда откроют ящики с коллекциями и шкафы с книгами, расставят по своим местам беспорядочно сложенное лабораторное оборудование и ныне пустые комнаты наполнятся звуками шагов и голосами? А в институте, основанном большими русскими учеными Рерихами, начнут работать те, для кого, собственно, все и создавалось, — индийские и советские ученые.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликов П. Ф. Николай Рерих в Индии. — «Страны и народы Востока», вып. XIV. М., 1972.
2. Беликов П. Ф., Князева В. П. Рерих. М., 1972 («Жизнь замечательных людей»).
3. Зарницкий С., Трофимова Л. Путь к Родине. — «Международная жизнь», М., 1965, № 1.

4. Окладников А., Беликов П., Маточкин Е. Рерих — исследователь Азии.— «Сибирские огни», 1974, № 10.
5. Рерих Н. К. Алтай — Гималаи. М., 1974.
6. Рерих Н. К. Врата в будущее. Рига, 1936.
7. Рерих Н. К. Держава света. Нью-Йорк, 1923.
8. Рерих Н. К. Зажигайте сердца. М., 1975.
9. Рерих Н. К. Из литературного наследия. М., 1974.
10. Рерих Н. К. Письма к Р. Я. Рудзитису.— Архив Г. Р. Рудзитис. Рига.
11. Рерих Н. К. Пусть процветут пустыни.— «Рубеж». Харбин, 1935, № 43.
12. Рерих Н. К. Пути благословения. Рига, 1924.
13. Рерих Н. К. Сердце Азии. Нью-Йорк, 1929.
14. Рерих Н. К. Твердыня пламенная. Париж, 1932.
15. Рерих Ю. Н. Избранные труды. М., 1967.
16. Рерих Ю. Н. Экспедиция академика Н. К. Рериха в Центральную Азию.— «Вопросы географии». М., 1960, сб. 50.
- 16а. Рериховские чтения. Материалы конференции. Новосибирск, 1976.
17. Journal of Urusvati Himalayan Research Institute of Roerich Museum, vol. 1—3, 1931—1933.
18. Roerich Museum: a Decade of Activity 1921—1931. New York, 1931.
19. Roerich G. N. Sur les pistes de l'Asie Centrale. Paris, 1933.
20. Roerich G. N. Trails to Inmost Asia. London, 1931.
21. Roerich N. Altai Himalaya. New York, 1929.
22. Roerich N. Altai Himalaya. London, 1930.
23. Roerich N. Heart of Asia. New York, 1930.
24. Roerich N. Himalayas — the Abode of Light. Bombay, 1947.
25. Roerich N. Himavat. Allahabad, 1947.
26. Roerich N. Shambala — the Resplendent. New York, 1930.
27. Roerich S. Art in the Kulu Valley. Bombay — Kulu, 1967.

А. В. Шнитников

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОЛЕДЕНЕНИЯ ГИМАЛАЕВ И ТЕНДЕНЦИИ ЕГО БУДУЩЕГО РАЗВИТИЯ

Известно, что последняя эпоха четвертичного оледенения (назовем ее по альпийской схеме вюрмской, или — по русской — валдайской) энергично приближается к своему завершению. Это отлично выражено в состоянии горного оледенения земного шара. На многих горных сооружениях ледники исчезли полностью, иногда очень давно, иногда лишь в самое последнее — геологически или исторически — время. На других они продолжают уменьшаться в размерах, причем это происходит стадийно: в фазах трансгрессивных (разных рангов) они еще наступают, но отступление в течение фаз регрессивных всегда больше наступления в фазах трансгрессивных. В конечном же итоге происходит процесс деградации.

Процесс этот на всем земном шаре развивается закономерно. Естественно, что в зависимости от физико-географической зональности в генеральном процессе наблюдаются отклонения, характерные для региональных или локальных особенностей того или иного района оледенения.

Именно такие особенности типичны для различных узлов оледенения Гималаев и прилежащих к ним других горных сооружений. В наибольшей степени с точки зрения принципов общих закономерностей они выражены в характере и состоянии оледенения обоих главных склонов Гималаев и других связанных с ними горных сооружений — южного и северного. В то время как северный склон обращен в сторону сухой, континентальной Центральной Азии, южный подвергается постоянному (в многолетнем аспекте) мощному воздействию муссонов Индийского океана.

В итоге оледенение северных склонов всего центральноазиатского гигантского узла горных сооружений в процессе общего распада последнего оледенения деградирует относительно быстро и энергично. На это помимо самого состояния горных ледников этих склонов указывают также: отмирание за исто-

рическую эпоху ранее крупных рек бассейна Тарим — ее правых притоков; общее ухудшение питания озер Центральной Азии, как крупнейших — Лопнор, Кукунор, так и небольших высокогорных озер Тибета; усыхание и омертвление многих ранее оживленных частей всех этих бассейнов.

И наоборот, оледенение южных склонов тех же сооружений, в наибольшей степени Гималаев, хотя и деградирует в общем генеральном направлении развития ландшафтной оболочки в послеледниковое время, однако этот процесс несравним по своей энергии с соответствующим процессом, развивающимся на северных склонах. Он происходит намного медленнее, чем распад оледенения всех остальных горных сооружений земного шара.

Поскольку ледники южных склонов питаются обильными муссонными осадками, для их существования имеются весьма благоприятные условия, и они сохраняют крупные размеры. Это способствует хорошему питанию вытекающих из них рек, а также обилию атмосферных осадков вне зоны оледенения.

Все эти условия содействуют сохранению в странах, расположенных к югу от Гималаев, хорошей общей увлажненности и относительно ровных и благоприятных условий для развития и существования органической среды ландшафтной оболочки, в частности для хозяйственной деятельности человека.

Необходимо подчеркнуть, что различия в состоянии оледенения южных и северных склонов Гималаев в большой степени определяются послеледниковым поднятием этого мощнейшего горного сооружения. В то время как на северном склоне условия оледенения в результате этого постоянного, направленного процесса непрерывно ухудшаются, на южном они по этой же причине, ясной и без дополнительных обоснований, улучшаются, замедляя тем самым наступление неблагоприятных условий питания рек, стекающих с южных склонов Гималаев и орошающих земли Индии и Пакистана.

При наличии такого рода закономерностей возникает совершенно естественный вопрос, тесно связанный с практическими народнохозяйственными интересами: какова вероятная тенденция развития оледенения Гималаев в близком и далеком будущем, в особенности на южных склонах? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться, хотя бы вкратце, к общим планетологическим закономерностям, определяющим изменчивость тех или иных компонентов ландшафтной оболочки.

Изменчивость, т. е. закономерные колебания развития ландшафтной оболочки и ее отдельных компонентов, зависит от ряда факторов, как экзогенных, так и эндогенных, в основном определяемых неравенствами сил тяготения и колебаниями солнечной активности.

Первые из них создают в явлениях развития ландшафтной оболочки особенно хорошо выраженные волны ритмичности

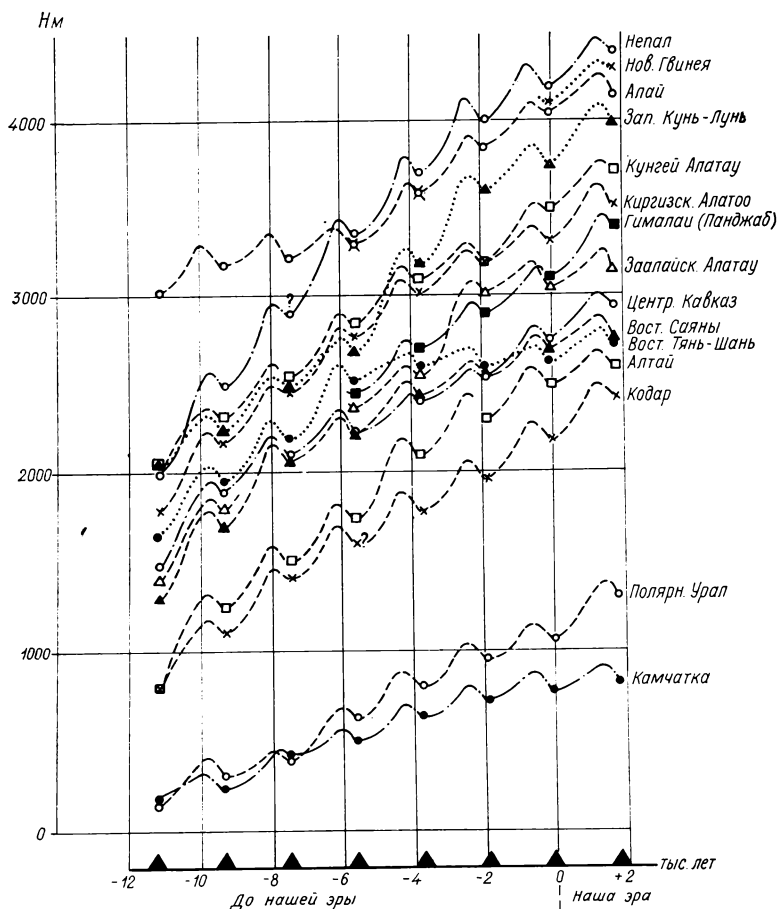

Рис. 1. Распад оледенения некоторых горных сооружений Евразии в послевюрмское время

различных рангов (подробнее см. работы автора [7—12] и [5]). Среди многих других ритмов внешних сил, определяющих собой возникновение ритмичности в процессах развития и изменчивости компонентов ландшафтной оболочки, воздействие которых на ландшафтную оболочку синхронно для всех компонентов, а реакция последних в зависимости от ряда факторов происходит с той или иной степенью сдвига фаз, наиболее мощным и реальным, возможно, является ритм неравенств приливных сил длительностью несколько менее 2000 лет (1800—1900 лет). Для целого ряда компонентов ландшафтной оболочки он хорошо выражен в течение всей эпохи голоцена [8; 11]. Можно показать его на примере послевюрмского распада оледенения горных сооружений Евразии.

На диаграмме (рис. 1), составленной как на основе работ автора, так и некоторых работ Е. В. Максимова [2—4], закономерности этого важнейшего географического процесса показаны путем сопоставления во времени высоты стадияльных морен различных горных сооружений Евразии с ритмами неравенств сил мирового тяготения, выражающихся на земном шаре в приливных силах. Высоты стадияльных морен в диаграмме размещены или в соответствии с их возрастом, если он известен по первоисточникам, или — при наличии полного ряда из восьми послевюрмских морен — на соответствующих порядковых местах от максимума Вюрма. В тех случаях, когда ряд морен неполон и их возраст неизвестен, размещение становится несколько условным и определяется общим характером закономерностей этой диаграммы. Отсутствующие морены или сомнительные их положения отмечены знаком вопроса.

Как видно на рис. 1, размещение рядов морен выглядит весьма строго. Прежде всего необходимо отметить следующую закономерность: кривые различных горных сооружений почти полностью параллельны и не пересекаются (пересекаются лишь те, которые относятся к горным сооружениям Южной Азии — Гималаям, Кунь-Луню). Другой хорошо выраженной закономерностью является размещение кривых в строгом соответствии с физико-географической зональностью: горные сооружения с наиболее суровыми климатическими условиями расположены в самом низу диаграммы; наверху — наиболее южные горные сооружения. Интересно, что все Тяньшанские хребты (Алатау) легли кучно, но в их расположении отражены их физико-географические особенности. Таким образом, эта диаграмма может стать основой физико-географического анализа, давая в то же время общую картину распада последнего оледенения горных сооружений Евразии.

Насколько строги физико-географические закономерности изменчивости горного оледенения Евразии в процессе его общего распада, можно видеть из сопоставления высот одновозрастных конечных морен некоторых из горных сооружений этого огромного континента. На основе материалов табл. 1 выведены непосредственные связи между одностадияльными моренами горных сооружений, находящихся в различных частях Евразии. Помимо горных сооружений, расположенных непосредственно на континенте, сопоставляются также хребты, находящиеся на прилежащих к нему крупных островах — Новой Гвинее (с юга) и Японских островах (с востока). Такое сопоставление делает более надежной картину развития ландшафтной оболочки в целом, тем более что в дальнейшем в этот анализ включается и Антарктида.

На рис. 2-а показаны результаты непосредственного сопоставления положения в одних и тех же послевюрмских стадиях высот конечных морен Новой Гвинее (гора Карстенса) с

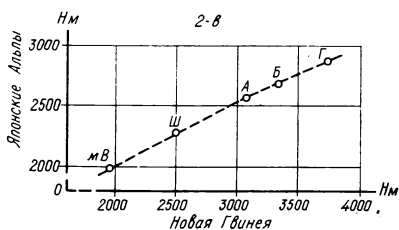
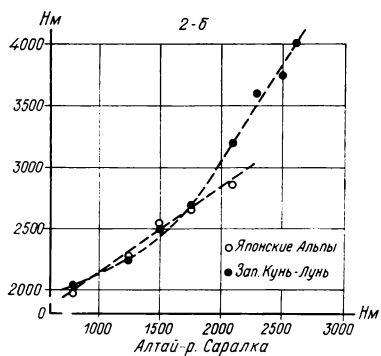
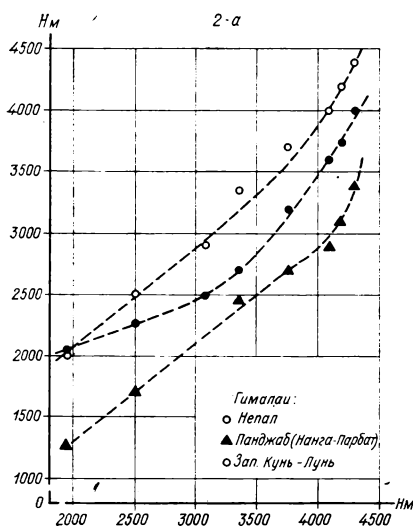

Рис. 2. Взаимозависимость высот стадияльных морен горных сооружений Евразии

высотами морен Гималаев и Западного Кунь-Луня. Видно, как закономерно происходили процессы распада горного оледенения в этих районах Евразии и Океании в течение всей эпохи голоцена (если за голоцен принять все послевюрмское время). В то же время для каждого из сооружений характерно свое направление распада его оледенения, в зависимости от тех или иных региональных черт.

Не менее интересен и рис. 2-б, на котором сопоставлены Западный Кунь-Лунь и Японские Альпы с Алтаем (долина р. Саралки). В Японских Альпах ряд конечных морен неполон, так как на них к стадии Гшнитц оледенение закончилось и впоследствии если и возникало, то лишь в трансгрессивные фазы каждой стадии. На рис. 2-б видна строго закономерная взаимосвязь распада оледенения Алтая и Японских Альп, которая приближается к функциональной. Для пары Алтай — Западный Кунь-Лунь характерно несколько иное явление. В первых трех стадиях распад оледенения обоих этих сооружений происходил сходно с предыдущей парой. Однако с четвертой стадии (Гшнитц) процесс на Западном Кунь-Луне ускорился и характер связи приобрел иные черты, не нарушив общей закономерности явления.

Не менее закономерно выглядит связь распада оледенения Японских Альп и Новой Гвинеи (рис. 2-в), где она также близка к функциональной.

Таблица 1

**Высоты конечных морен горных сооружений Евразии в эпоху
голоцена (стадии послевюрмского времени),**

м

Горные сооружения	Максимум Вюрма	Шли- рен	Аммер- зее	Бюль	Гшнитц	Даун	Эгезен	Фер- нау
Гималаи:								
Непал	2000	2500?	2900?	3350	3700	4000	4200	4450
Панджаб (Нанга- Парбат)	1250?	1700	?	2450	2700	2900	3100	3400
Западный Кунь-Лунь	2050	2250	2500	2700	3200	3600	3750	4000
Новая Гвинея	1950	2500?	3074	3350?	3750	4090	4190?	4300
Японские Альпы	1980	2275	2560	2670	2860			
Алтай (долина р. Са- ралки)	800	1250	1500	1750	2100	2300	2600	

Наконец, чтобы выявить еще более общие закономерности развития ландшафтной оболочки земного шара в послевюрмское время, на рис. 3 показаны результаты сопоставления Гималаев и Западного Кунь-Луны с явлениями, развивающимися в Восточной Антарктиде. Здесь вместо положения конечных морен использованы высоты береговых террас, которые некоторыми авторами [1] рассматриваются как послевюрмские и которые нами уже анализировались [10]. И в этом случае можно констатировать наличие хорошо выраженной взаимосвязи между развитием ландшафтной оболочки в южной части Евразии (по данным о распаде оледенения) и совершенно иного континента — Антарктиды — по данным о характере террас ее восточной части, т. е. тоже на основе результатов распада последнего оледенения.

Для характеристики чувствительности этого метода раскрытия закономерностей развития ландшафтной оболочки нужно отметить еще одно обстоятельство. Как видно из табл. 1, среди морен Нанга-Парбат недостает морены второй стадии после максимума Вюрма (стадии Аммерзее). По интерполяции кривой связи Нанга-Парбат и Новой Гвинеи (см. рис. 2-а) ее высотное положение оказывается близким к 2300 м. Интерполяция кривой связи морен Нанга-Парбат и высоты террас Восточной Антарктиды (рис. 3) дает совершенно такое же высотное положение этой морены. Мы не знаем, существует ли морена стадии Аммерзее на леднике Диамир у Нанга-Парбат и какова степень ее выраженности, или же по каким-то локальным условиям эта морена здесь не была отложена. Однако ее закономерное место отвечает высоте около 2300 м. Можно добавить, что непосредственное сопоставление высот одностадиальных морен Нанга-Парбат и Западного Кунь-Луны дает примерно ту же высоту этой морены — около 2200 м.

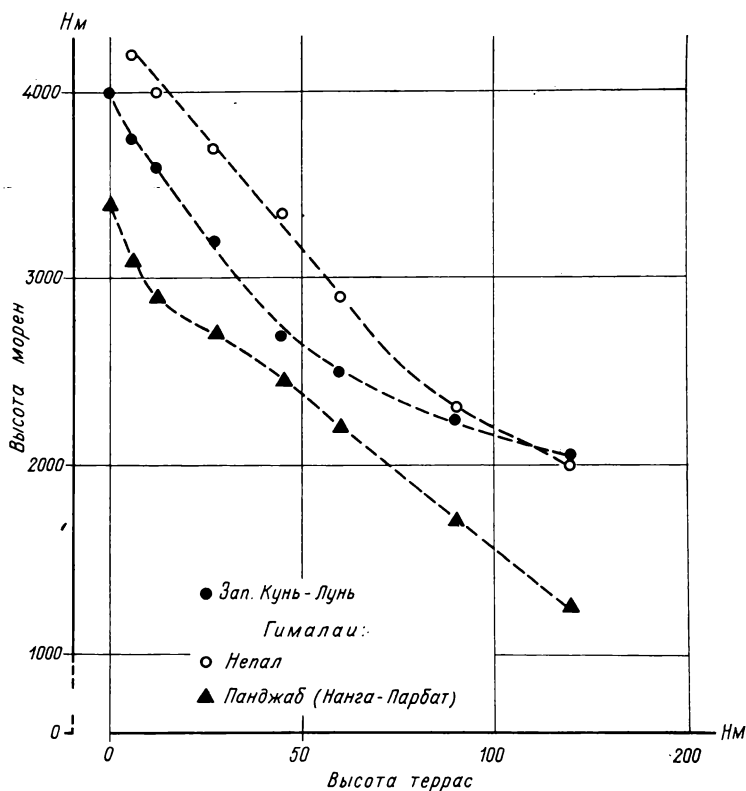

Рис. 3. Взаимозависимость высот береговых террас Восточной Антарктиды и стадияльных морен горных сооружений Евразии

В конечном итоге анализ основных закономерностей распада последнего оледенения всех горных сооружений Евразии свидетельствует о строгом принципиальном единстве этого процесса не только для всего полушария, но и для всего земного шара. Естественно, что локальные и региональные особенности, на которых останавливаться здесь нет возможности, остаются в полной силе. Но на региональных особенностях оледенения горных сооружений Южной и Центральной Азии остановиться необходимо, так как именно они и представляют главный интерес.

Прежде всего нужно отметить характер различия в распаде оледенения южных склонов Гималаев (Непал, Панджаб) и Восточного Тянь-Шаня (долины р. Музарта и ее притоков) как представителей континентальных территорий Центральной Азии. В табл. 2 приведены сведения о полной амплитуде и амплитуде за первые три стадии распада последнего оледенения (от максимума Вюрма до Бюль) для некоторых ледниковых долин рассматриваемых узлов оледенения Евразии.

Амплитуды распада последнего оледенения

Горные сооружения	Общая амплитуда, м (A_0)	Амплитуда первых трех стадий, м (A_1)	$K = \frac{A_1}{A_0}$
Гималаи:			
Непал	2400	1350	0,56
Панджаб (Нанга-Парбат)	2150	1200	0,60
Западный Кунь-Лунь	1950	650	0,30
Восточный Тянь-Шань (Музарт, Топу-Давана, Тугбельчи, Чонте- рексу)	1100	900	0,80

Имеющиеся сведения о высотном положении стадияльных морен в ряде долин Восточного Тянь-Шаня [6] нанесены на рис. 4. Из сопоставления данных табл. 2 и рис. 3 можно сделать следующие выводы: 1) распад оледенения почти во всех его рассматриваемых узлах наиболее энергично происходил в первых трех стадиях — от 0,56 до 0,80 общей амплитуды; лишь в Западном Кунь-Луне в эту часть голоцена распад был менее энергичным; 2) в Западном Кунь-Луне распад наиболее энергично происходил в последние три стадии, вплоть до современности, когда он охватил 0,41 всей амплитуды; 3) за три последние стадии распад оледенения Восточного Тянь-Шаня охватил лишь 0,27 амплитуды.

Это объясняется тем, что относительно маломощное оледенение Восточного Тянь-Шаня в течение первых трех стадий голоцена энергично деградировало и приблизилось к почти полному исчезновению. Сохранились лишь наиболее крупные ледники, но уже в малых размерах. В дальнейшем они постепенно сокращались, но снова развивались в трансгрессивные фазы каждой стадии. Современное оледенение Восточного Тянь-Шаня маломощно.

Оледенение Западного Кунь-Луна развивалось по-иному. Принадлежа к сильно охлажденной высокой части Азии, Западный Кунь-Лунь в течение первых трех стадий в значительной мере еще сохранял благоприятные условия для оледенения. И наоборот, в течение последних трех стадий, с сильным поднятием Гималаев, закрывших его от воздействия южных тропических муссонов, и со значительным прогревом и усыханием Центральной Азии, оледенение этого массива весьма быстро и энергично деградировало.

В Гималаях амплитуда отступления ледников в первых трех стадиях по своему абсолютному значению сильно превышает амплитуды ранее названных узлов. Как видно из табл. 2, эта величина несколько превышает половину всей амплитуды

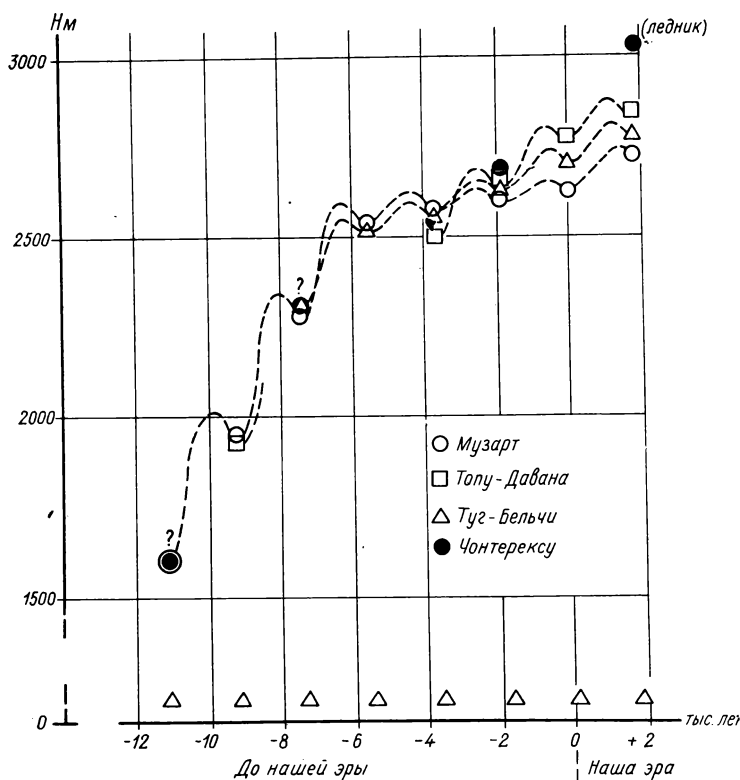

Рис. 4. Зависимость распада оледенения Восточного Тянь-Шаня от неравенств сил тяготения

($K=0,56-0,60$). В течение всех остальных четырех стадий режим ледников южных склонов Гималаев был и остается более устойчивым, чем в течение трех первых, и намного более устойчивым, чем у континентального Западного Кунь-Луня. Это указывает на то, что режим существования ледников южных склонов уже в течение нескольких тысячелетий находится в условиях благоприятных, во всяком случае более благоприятных, нежели режим континентальных горных сооружений.

Направленный распад их оледенения продолжается так же, как на всех других горных сооружениях земного шара, еще сохраняющих остатки оледенения. Это направленное отступление периодически прерывается трансгрессивными фазами, когда происходят длительные остановки ледников и даже их временное (в течение 200—300 лет) наступление. Например, так называемый малый ледниковый век в XVI—XIX столетиях в действительности был не чем иным, как трансгрессивной фазой последней — седьмой от максимума Вюрма — стадии многовековой изменчивости компонентов ландшафтной оболочки, ста-

дии Фернау. По ряду причин физико-географического характера [см. 12] ледники Гималаев перешли к следующей регрессивной фазе лишь с самого конца XIX в. или даже с начала XX в. [15; 16; 14], в то время как на западе Евразии их отступление началось с начала XIX или даже со второй половины XVIII в. Нет сомнения и в том, что еще в историческое время размеры ледников действительно были меньше, чем в XVIII—XIX вв. и несколько ранее. В отношении ледника Чоголунгма это достаточно ясно показано Киком [15] и другими авторами. Это же вытекает и из работ Ахмеда, Янгпанги [13; 14] и других.

Обрисованные выше закономерности, имеющие исторический характер, более того — характер многовековой изменчивости, хорошо подтверждаются для современности данными другого рода. На рис. 5 показан температурный режим ряда пунктов приэкваториальной зоны и в южном полушарии почти за последние сто лет — с 70-х годов XIX в. по 50-е годы XX в.

Наибольший интерес представляет температурный режим в г. Симла, сведения о котором имеются с 80-х годов прошлого века. Средняя годовая температура воздуха в Симле устойчиво снижалась в течение последних двух десятилетий XIX и первых лет XX в. Далее в течение нескольких лет наблюдалось довольно устойчивое состояние на наиболее низком уровне, а затем, начиная с 10-х годов XX в., начался период медленного, но почти постоянного повышения температуры воздуха, продолжавшийся по меньшей мере вплоть до 60-х годов.

Сопоставление температурного режима Симлы, южного предгорья Гималаев, за последние сто лет с обрисованным выше состоянием ряда крупных ледников южного склона Гималаев свидетельствует о наличии глубоких связей между этими двумя компонентами ландшафтной оболочки в зоне южного обрамления Азии.

Какой же из этих компонентов в данном случае превалирует? Создается ли общий температурный фон севера Индостана ледниковым режимом Гималаев, что, учитывая мощность этого горного сооружения, представляется возможным? Или наоборот, общий температурный режим зоны определяет собой режим ледников Гималаев? Ответ на эти вопросы можно получить из анализа температурного режима других районов приэкваториальной зоны южного полушария (рис. 5).

Наиболее показательным является г. Окленд в Новой Зеландии, где за последние сто лет проявились две хорошо выраженные фазы вековых колебаний климата: фаза снижения температурного фона, развивавшаяся с конца 60-х годов XIX в. вплоть до начала XX в. Дальше произошел перелом и началась новая фаза — медленного, но устойчивого повышения температуры воздуха, усилившегося в 50—60-е годы. Сопоставление температурного режима Симлы и Окленда свидетельствует об их большом сходстве; в то же время очевидно, что режим в

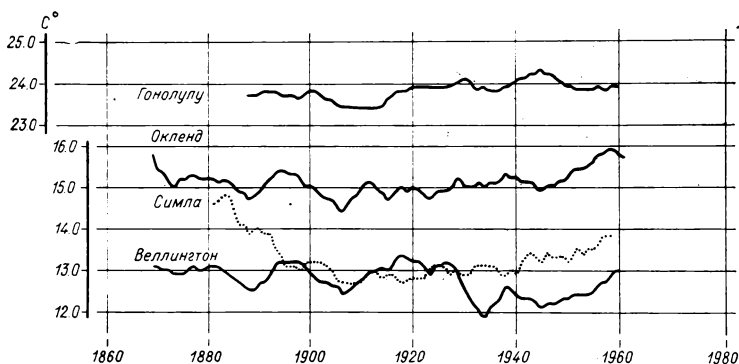

Рис. 5. Средняя годовая температура воздуха (шестилетние скользящие)

Окленде не может находиться в зависимости от состояния оледенения Гималаев, он связан с иными планетарными процессами. На это же указывает и температурный режим еще одного пункта в центре Тихого океана — Гонолулу. Ряд наблюдений в нем более короток, чем в двух предыдущих, — нет фазы 70-х годов XIX в. Однако часть фазы снижения температуры конца прошлого столетия есть в более сглаженной форме. Имеется непродолжительная переломная фаза в 1905—1915 гг., также сглаженная, и наконец фаза повышения температуры после 1915 г. Как и остальные фазы температурного режима в Гонолулу, эта фаза сильно сглажена, однако по общему температурному фону Гонолулу весьма схож как с континентальной Симлой, так и с далеким Оклендом.

Наблюдается некоторое различие режима трех рассмотренных районов с близким к Окленду Веллингтоном. Однако внутривековые фазы этих двух пунктов вполне удовлетворительно между собой согласуются; лишь вековая фаза повышения температуры воздуха сдвинута на более позднее время — на 30-е годы XX в.

Все изложенное выше указывает на то, что состояние горного оледенения Гималаев находится в зависимости от крупных планетарных процессов и развивается как их функция, что не исключает некоторого его влияния на температурный фон районов, непосредственно прилегающих к ним. Изложенные выше положения дают возможность сделать некоторые выводы относительно вероятного направления дальнейшего развития оледенения южных склонов Гималаев: 1) основной процесс его природного развития — дальнейшее многовековое отступление горных ледников; 2) в соответствии с текущей регрессивной фазой многовековой изменчивости компонентов ландшафтной оболочки общее отступление ледников будет достаточно устойчивым, однако на его фоне будут развиваться явления внутривековой изменчивости с кратковременными задержками отступления;

продолжительность текущей регрессивной фазы определяется несколькими столетиями; 3) благоприятные условия природного орошения южных склонов Гималаев и продолжающийся процесс послеледникового поднятия Гималаев способствуют замедлению распада горного оледенения южных склонов и тем самым улучшению питания территорий Индостана природными водами; этого нельзя сказать об оледенении глубококонтинентальных горных сооружений Южной и Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронов П. С. Новые данные по геоморфологии Восточной Антарктиды. — «Информационный бюллетень Советской антарктической экспедиции», 1962, № 33.
2. Максимов Е. В. Многовековая изменчивость ледников бассейнов Иссык-Ата и Аламедина в Киргизском Алатау. — «Известия Всесоюзного географического общества», 1963, № 6.
3. Максимов Е. В. Единый характер сокращения вюрмских ледников в горах Средней Азии, Восточной Сибири и Камчатки. — «Доклады АН СССР», 1965, т. 164, № 3.
4. Максимов Е. В. Признаки общепланетарного единства в сокращении горных ледников последнего оледенения. — «Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода», 1966, № 31.
5. Тушинский Г. К. Космос и ритмы природы Земли. М., 1966.
6. Федорович Г. А., Янь Тин-сянь. Новые данные о характеристике и количестве оледенений китайской части Тянь-Шаня. — «Природные условия Синцзяна», 1960.
7. Шнитников А. В. Единство изменчивости океанических трансгрессий, движений земной коры и горного оледенения Евразии в послевюрмскую эпоху. — «Доклады АН СССР», 1953, т. 92.
8. Шнитников А. В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария. — «Записки Географического общества СССР», 1957, т. 16.
9. Шнитников А. В. Динамика компонентов ландшафтной оболочки в эпоху голоцена. — «Вопросы голоцена (к VI конгрессу ИНКВА)», 1961.
10. Шнитников А. В. О некоторых закономерностях развития оледенения Антарктиды. — «Гляциологические исследования в период Международного геофизического года», 1964, 13, 49—56.
11. Шнитников А. В. Приливообразующая сила как фактор изменчивости горного оледенения. — «Географический сборник», 1964, т. XVII.
12. Шнитников А. В. Сопряженность явлений в атмосфере и литосфере и неравенства приливных сил. — «Тезисы докладов V совещания по проблемам планетологии», 1965.
13. Ahmed N. Milam Glacier, Kumaun Himalayas. — «Association internationale d'hydrologie scientifique», 1962, publication № 58.
14. Jangpangi B. S., Vohra C. P. The Retreat of the Shunkalpa (Ralam) Glacier in Central Himalaya, Pithoragarh District, Uttar Pradesh, India. — «International Association of Scientific Hydrology», 1962, Publication № 58.
15. Kick W. Variations of Some Central Asiatic Glaciers. — Там же.
16. Kick W. Der Chogo-Lungma-Gletscher im Karakorum, 2. Teil. — «Zeitschrift für Gletscherkunde und Glazialgeologie», 1964, Bd V, H. 1.
17. Kurier T. K., Munshi M. M. Sonapani Glacier of Lahaul Kangra District, Punjab, India. — «International Association of Scientific Hydrology», 1962, Publication № 58.
18. Tewari A. P., Jangpangi B. S. The Retreat of the Snout of the Pindari Glacier. — Там же.

М. П. Петров

АРИДНЫЕ ОБЛАСТИ ИНДИИ И ИХ ОСВОЕНИЕ

Природные особенности. Аридные области Индии лежат в тропическом поясе Южной Азии, между восточной окраиной Иранского нагорья и западной окраиной Деканского плато, занимая площадь около 11 % территории страны.

Две пустыни расположены на западе и северо-западе Южно-азиатского субконтинента — Тар и Тхал (рис. 1). Пустыня Тхал лежит в междуречье Инда, Тримаба и Джелама, в пределах Пакистана (Западный Панджаб). Пустыня Тар, бо́льшая по площади, находится в Западной Индии, в штате Раджастан.

Возникновение и существование песчаных пустынь обусловлено двумя главными причинами — климатическими и геолого-геоморфологическими. Так, положение пустыни Тар в низких широтах (25—30° сев. шир.), в пределах тропического пояса, определяется высокой интенсивностью солнечной радиации. Средние месячные температуры летом доходят до 35°, а максимальные — до 49°. Это самые жаркие районы Индии. Даже в зимний, прохладный период месячная температура воздуха всегда выше 10°, но в декабре изредка бывают небольшие заморозки (рис. 2).

Особенности влагооборота над засушливыми областями Индии и Пакистана характеризуются динамикой двух основных типов воздушных масс. В зимнее время над Западной Индией преобладают северо-западные воздушные течения, идущие с перегретого Иранского нагорья. Этот период продолжается примерно с конца декабря по февраль. В это время стоит безоблачная прохладная погода с частыми штилями. Воздух сухой, теплый, мало запыленный. Но уже в марте наступает жаркая сухая погода, продолжающаяся до конца мая — начала июня. В этот период воздух жаркий, сухой и сильно запыленный из-за частых бурь, но небо безоблачное, с ослепительно ярким солнцем.

Летом невыносимая жара, до 46° в тени, дуют часто штормовые ветры, поднимаются тучи пыли. Ветер гонит по поверхности потоки песка, которые засыпают дороги и постройки.

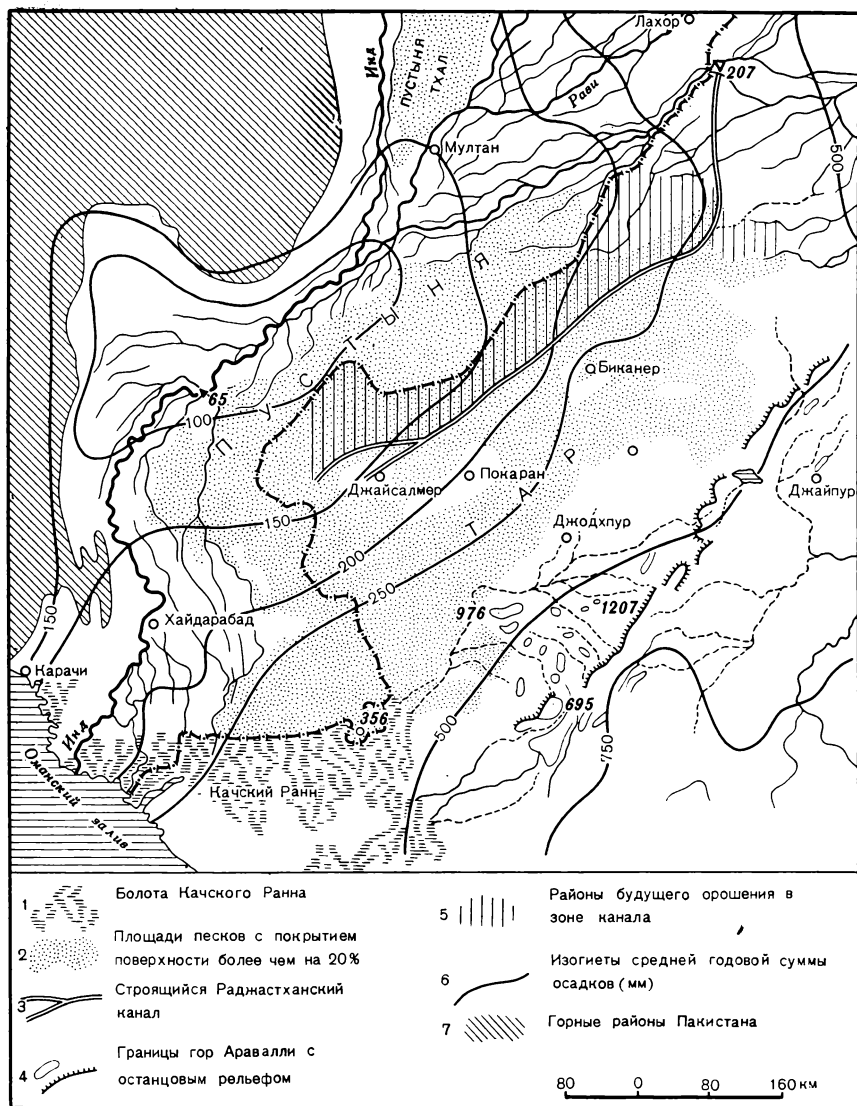

Рис. 1. Аридные области Индии и Пакистана

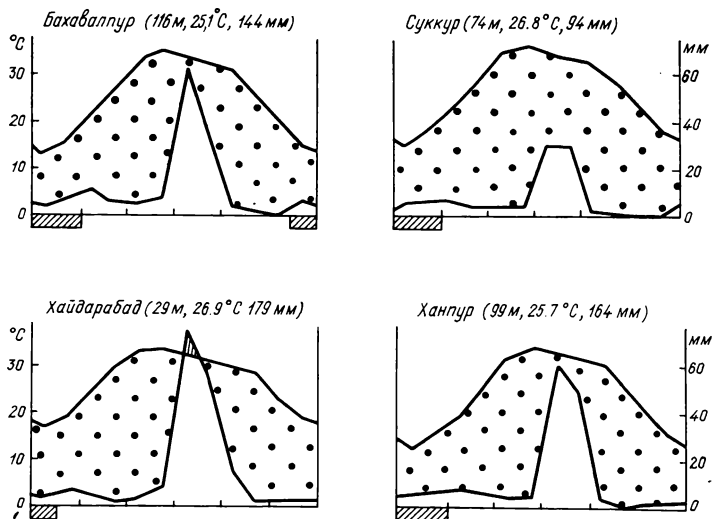

Рис. 2. Климатодиаграммы аридных областей Индии и Пакистана. Цифры первого ряда: высота станции над уровнем моря, средняя годовая температура воздуха, среднее годовое количество осадков (мм). Нижняя линия — осадки; верхняя — температура воздуха. 1 — время сухого жаркого периода; 2 — время влажного прохладного периода

В такие дни солнце от восхода до захода закрыто пыльным туманом и на него можно смотреть без темных очков.

Затем наступает сезон влажного юго-западного муссона. Он продолжается с июня по сентябрь. В это время над Раджастханом формируется область низкого давления и выпадает максимум осадков. Пустыня и саванна накапливают в почве запас влаги, заполняются все водохранилища. Растительность оживает, начинается бурная вегетация. Саванна и пустыня представляют собой обширные зеленеющие равнины с красочными пятнами цветущих трав и кустарников.

К октябрю область низкого давления над Индией разрушается и муссон отступает. Устанавливается более прохладная, но еще достаточно теплая, тихая ясная погода, небо чистое, голубое. Такая погода стоит до начала января, когда наступает зимний, более холодный период.

Пустыня Тар в геолого-геоморфологическом отношении связана с древней долиной Инда, которая лежит в области обширного предгорного прогиба между западной окраиной Деканского плато (горы Аравалли) и восточной окраиной Иранского нагорья (Мекранские и Сулеймановы горы).

Пограничная полоса контакта западной окраины Деканского плато с древней долиной Инда очень сложная. Постепенно понижающееся плато к западу от гор Аравалли перекрыто толщей виндхийских песчаников, которые размыты водными пото-

ками, сбегаящими с гор Аравалли. Выработанные в них долины рек и депрессии заполнены тонкозернистым аллювием. Здесь в рельефе чередуются останцовые гряды виндхийских песчаников с обширными межгрядовыми депрессиями. Длительный континентальный режим обусловил образование на останцовых грядах значительной толщи элювия (кора выветривания).

Западнее г. Нагаура виндхийские песчаники погружаются и перекрыты древнеаллювиальными отложениями Пра-Инда. Рельеф древней долины Пра-Инда характеризуется наличием двух террасообразных уровней. Более высокая терраса расположена в периферической части долины. Она сложена песчано-галечниковым аллювием, перекрытым мощной (до 1,5 м) толщей известковой коры-канкара. Возраст ее определяется как нижнечетвертичный [2].

Низкая терраса сложена более рыхлым песчаным аллювием, вероятно, верхнечетвертичного возраста. Поверхность этой равнины в условиях сухого климата подверглась активному перереванию. В результате сформировался плащ золотых песков мощностью до 15—20 м, лежащих на древнеаллювиальных песчаных отложениях.

Таким образом, можно согласиться с мнением В. А. Николаева и А. М. Рябчикова, что «история формирования ландшафтов пустынь и сухих саванн Раджастанхана неоднородна и имеет различную длительность. Относительно молодыми в геологическом отношении представляются пустынные комплексы, развившиеся на переветренных песках верхнечетвертичной аллювиальной равнины. Несколько древнее ландшафты сухих саванн на древнеаллювиальных равнинах с канкаром. И еще более древними, видимо, являются ландшафты цокольных денудационных равнин и педимента Аравалли. На них кое-где сохранились красноцветные сиаллитные коры выветривания. Очевидно, еще в первой половине антропогена районы Западного и Центрального Раджастанхана отличались значительной аридностью, получая ограниченное количество осадков и в строго определенные сезоны года. В последующие эпохи аридность еще больше возросла» [1а, 52]. Такая концепция пока вполне приемлема, так как в распоряжении географов нет более полных геоморфологических и геологических материалов.

Растительность аридных областей Индии (штат Раджастанхан), к западу от гор Аравалли, в зависимости от почвенно-геоморфологических условий и степени увлажнения весьма разнообразна.

На предгорной равнине Аравалли и в бассейне р. Луни, расположенном в области предгорного прогиба, распространена сухая саванна, переходящая на западе, в районе г. Джодхпура, в опустыненную саванну, а затем в песчаную пустыню Тар. Индийская саванна — обширная равнина с желтым фоном выгоревших трав, одиночными деревьями акаций и куртинами

кустарников. Частично она освоена под земледелие. Почвы ее красно-бурые, часто грубоскелетные. Для сухой саванны характерны ксерофильные редколесья на выходах кристаллических пород докембрия или виндхийских песчаников, перекрытых на значительной площади песчано-глинистыми аллювиальными отложениями бассейна р. Луни. Наиболее распространенными кустарниками и деревьями являются: *Prosopis spicigera*, *Acacia senegal*, *A. leucophloea*, *Tecoma stans*, *Ziziphus mauritiana*, *Cassia articulata*, *Capparis decudua*¹. Из многолетних и однолетних трав преобладают *Panicum antidotale*, *Cenchrus catharticus*, *Elyonurus hirsutus*.

Среди этой саванны разбросаны оазисы с небольшими населенными пунктами. Земледелие имеет различный характер — орошаемое — за счет использования речных вод, или полуполивное, и богарное, обеспечиваемое муссонными осадками. Местами для орошения используются подземные воды, добываемые через обычные колодцы с помощью быков и буйволов или насосными установками. Кое-где крестьяне начинают применять для орошения подземные воды путем их откачки насосами. С самолета, с высоты 2000 м, хорошо видно чередование массивов возделываемых полей, залежных земель, разгороженных выгонов для скота и не освоенной под земледелие саванны.

Опустыненная саванна служит переходом к настоящей песчаной пустыне Тар. Ландшафты ее более аридные, но довольно разнообразны: гряды и сопки коренных пород чередуются с древнеаллювиальными межгрядовыми равнинами и небольшими массивами полуподвижных песков. Последние являются антропогенным ландшафтом.

Соответственно этому растительность имеет ряд отличий. На скальных выходах разбросаны редкие куртины кустарникового молочая (*Euphorbia perfoliata*), по скалистым овражкам обычны низкорослые деревца (*Acacia arabica*, *Prosopis spicigera*), кусты *Ziziphus nummularia*. Почвы здесь или отсутствуют — их заменяют толщи элювия, или это слаборазвитые грубоскелетные.

По широкому межгрядовым понижениям господствует опустыненная саванна на красно-бурых мелкоземлистых почвах, развитых на древнем аллювии р. Луни и ее притоков. Одиночные деревья *Prosopis spicigera*, *Acacia arabica*, *Ziziphus nummularia* имеют изуродованные кроны, так как местные жители часто заготавливают веточный корм для скота. Травянистый покров даже в опустыненной саванне довольно обилен и представлен, как и в сухой саванне, крупными злаками — *Elyonurus hirsutus*, *Cenchrus catharticus*, *Saccharum munja* и др. Используются эти территории главным образом под пастбища.

Типичные псаммофильные группировки характерны для большей части пустыни Тар. Здесь на заросших песчаных грядах

¹ Латинские названия растений здесь и далее приведены по [6].

Рис. 3. Обарханенные грядовые пески пустыни Тар к западу от пос. Рамгарх (здесь и далее фото автора)

встречаются разреженные заросли кустарников — *Capparis decidua*, *Crotalaria burhia*, *Leptadenia pyrotechnica*, с редким травянистым покровом на межкустовых пространствах и на подкронных пятнах. На обарханенных вершинах песчаных гряд растительность более разреженная и представлена одиночными кустами кандымов (*Calligonum polygonoides*, *Calligonum* sp.), *Leptadenia pyrotechnica*, *Capparis decidua*, *Indigofera argentea*, *Crotalaria burhia* с одиночными экземплярами полукустарников — *Aerva javanica*, многолетних — *Cyperus arenarius*, *Lasiurus hirsutus*, *Panicum antidotale*, *P. turgidum*, *Cenchrus barbatus*, *C. ciliaris*, *Farsetia jaquemontii* и однолетних трав — *Tribulus alatus*, *Aristida* sp. (рис. 3).

По межгрядовым понижениям с плотными засоленными почвами более обычны редкие заросли галофильных кустарников — *Hammada salicornica*, *H. recurvum*, *Salsola foetida*. Межгрядовые понижения с песчаными почвами заняты довольно густыми зарослями многолетних и однолетних трав — *Tephrosia*, *Indigofera*, *Alysicarpus* и др. (рис. 4).

В период муссонных осадков пустыня Тар покрывается обильной растительностью, образующей зеленый фон. С наступ-

Рис. 4. Заросшие грядовые пески пустыни Тар (к западу от пос. Рамгарх)

лением жары травы высыхают, однако кустарники продолжают вегетацию. В зимние месяцы общий фон пустыни светло-коричнево-желтый с светло-зелеными редкими пятнами кустарников.

Хотя пустыни и саванны Западной Индии отделены от пустынь Средней Азии мощными горными поднятиями Иранского нагорья и горами Гиндукуша и лежат в различных природных поясах, в их ландшафтах есть общие черты. Внешне ландшафт пустыни Тар очень напоминает песчаную пустыню Каракумы. Это сходство обусловлено, с одной стороны, единством некоторых физико-географических процессов — геологических, геоморфологических, а с другой — древними связями флоры Южно-азиатского субконтинента, Иранского нагорья и равнин Средней Азии. Весьма вероятно, что с Иранского нагорья, как более древнего участка суши, в пустыню Тар спустился ряд ирано-туранских видов. К их числу можно отнести виды родов *Calligonum*, *Ephedra*, *Hammada*, *Tamarix*. Эти кустарники сближают флору пустыни Тар с флорой пустынь Средней Азии. Однако ознакомление с характером растительности показало, что большая часть видов кустарников и трав пустыни Тар другого генезиса — это или местные, аборигенные виды или выходцы из пустынь Аравии и Северной Африки. Кое-где, так же, как и в Каракумах, среди заросших песков лежат небольшие массивы подвижных барханных песков с редкими кустами кандыма. Пески пустыни Тар в центральной части менее засолены, чем в

Каракумах. Здесь встречается меньше солончаков и галофильной растительности.

Древние крепости. Пустыни и полупустыни Индии издревле обитаемы. Тысячи лет назад на их территории появились первобытные люди и зародилось пастбищное животноводство и земледелие. В средние века здесь существовали феодальные княжества с мощными крепостными сооружениями.

На территории современного Раджастан в VII—XV вв. возникло несколько феодальных княжеств, которые просуществовали до раздела Индии в 1947 г. С этого времени они, сохранив свои права и богатства, объединились в Союз княжеств Раджастана, ликвидированный только в 1956 г. Лишь в последние годы, после крупных социальных реформ, права махараджей были ограничены. Правительство в Индии выкупило их земли, и они были проданы крестьянам. Союз княжеств был реорганизован в штат Раджастан.

Каждый феодальный князь имел свою резиденцию, основу которой составляла крепость. Около крепостей с течением времени возникали города — Биканер, Джайсалмер, Джодхпур и др. В настоящее время это крупные населенные пункты с сотнями тысяч жителей.

Один из древних городов Раджастана — Джодхпур — был основан в 1459 г. Он расположен вокруг большого кряжа высотой около 140 м, сложенного песчаниками. На вершине кряжа находится средневековая крепость, окруженная массивными отвесными стенами. Это одна из самых крупных крепостей Раджастана.

Интересной особенностью построек аридных областей Индии является широкое использование местных строительных материалов во всех типах сооружений — от небольших жилых домов до роскошных архитектурных ансамблей дворцов махараджи. В частности, для этого разрабатывают повсеместно встречающиеся выходы на дневную поверхность виндхийских красно-розовых песчаников и базальтов. Последние из-за недостатка местной строительной древесины используются на изготовление полов, потолочных перекрытий, изгородей и даже мебели — столов, скамеек, кроватей и т. п. Эта порода имеет прямослойную трещиноватость и легко раскалывается на длинные пластины, столбы и пр. Местные песчаники — прекрасный строительный материал, также сравнительно легко поддающийся обработке. Из его крупных блоков построены крепости, дворцы, городские стены и многие здания.

Таков же облик города Джайсалмер. Большую часть его занимает мощная крепость, которая построена на большом естественном кряже коренных пород. Кряж имеет около 450 м длины и 220 м ширины, высота его примерно 75 м (рис. 5). Это одна из самых древних крепостей Раджастана — она построена еще в XII в. Крепость производит внушительное впечатле-

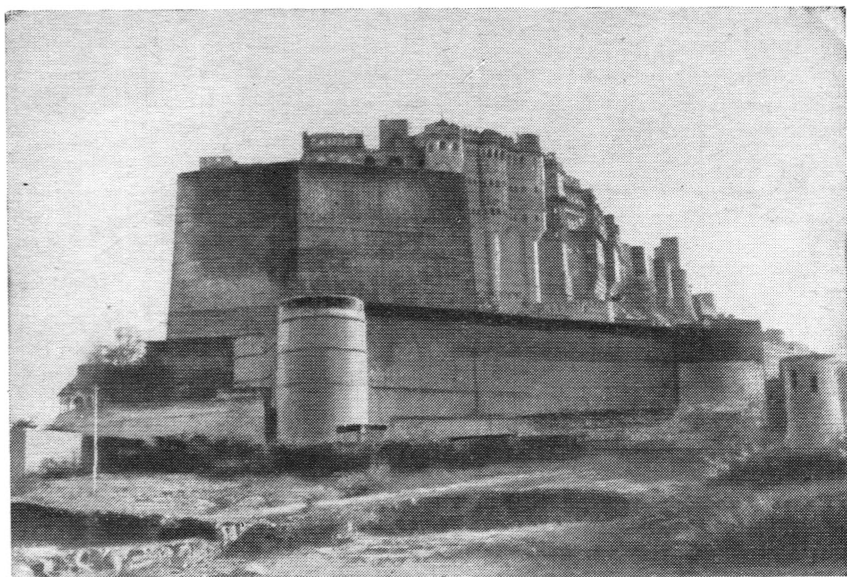

Рис. 5. Крепость в Джайсалмере

ние. Основой сложного оборонительного сооружения являются зубчатые стены. Они почти отвесны, высота их вместе с обрывами кряжа несколько десятков метров. Сложены стены из крупных каменных блоков песчаника размером 4,5 на 4,5 м. Цитадель окружена двумя рядами крепостных сооружений, образующих двойную линию обороны. Бастионы в форме полубашен примыкают к стенам по всей их окружности. Они увенчаны очень высокими толстостенными башнями с бойницами (рис. 6).

Джайсалмер и его крепость в настоящее время потеряли оборонное значение. Это забытый городок, расположенный в пустыне. В отличие от Джодхпура, где вокруг крепости раскинулся большой город, у подножья Джайсалмерской крепости построек очень мало. Вся жизнь сосредоточена внутри, за мощными крепостными стенами. В прошлые времена она, несомненно, была более оживленной, о чем можно судить по зданиям дворцов и храмов.

Наиболее впечатляющим и крупным архитектурным сооружением следует считать четырехэтажный храм Джайн Темпл. Он построен из того же песчаника, что и стены крепости. Весь фасад здания с многочисленными висячими балкончиками украшен замечательным и очень сложным по композиции орнаментом, вырезанным на камне. Резьба по камню достигла в штате Раджастан очень высокого искусства. А в Джайсалмере без-

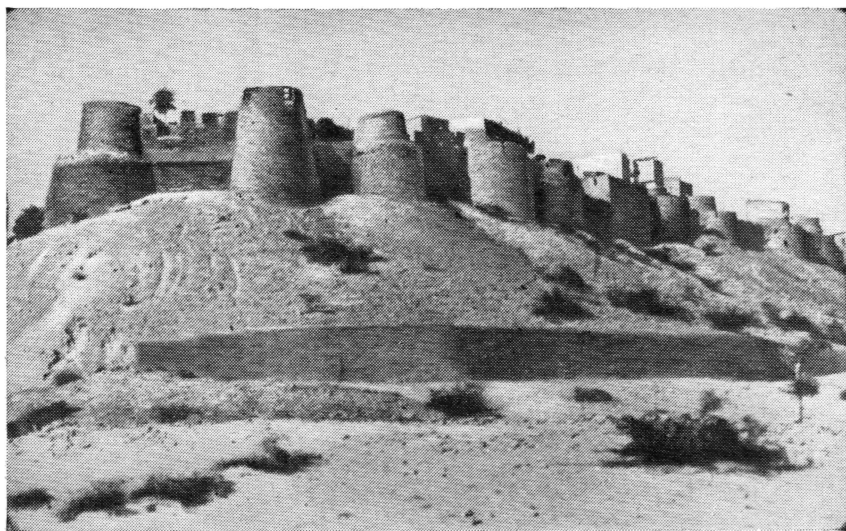

Рис. 6. Бастионы крепостной стены в Джайсалмере

вестные мастера средневековья достигли совершенства. Здесь и изображения различных индийских божеств и богинь, фигуры танцовщиц, целые мифологические сцены, павлины и просто художественный орнамент.

Часть Джайн Храма занимает ценнейшее хранилище древних рукописей Индии — Джайн Бхадра Сури Чиана Бхандар. Коллекция его состоит из 1126 рукописей, написанных на пальмовых листьях, и 2257 рукописей — на бумаге. Среди них самая длинная и хорошо сохранившаяся рукопись, написанная черными чернилами, имеет длину 90 см, ее разрисованный деревянный переплет свидетельствует о высокой степени книжного искусства древности. Некоторые рукописи датируются раньше XII в. Кроме того, в библиотеке хранится много книг по индийской философии, поэзии и драматургии.

Городу внутри крепости тесно. Некоторые улицы, застроенные высокими трех- и четырехэтажными каменными зданиями, так узки, что жители верхних этажей могут легко переговариваться через улицу. Внешне город сохранил свои средневековые черты, но в нем кипит уже новая жизнь.

Использование природных ресурсов и его последствия. Природные условия засушливых областей Индии, как и пустынь Средней Азии, благоприятствуют развитию орошаемого земледелия и животноводства.

В недрах пустыни Тар обнаружены обнадеживающие запасы нефти и газа. Вероятно, со временем эта область, как и пу-

стыни Средней Азии, окажется новым нефтегазоносным районом промышленного значения.

Все ландшафты Раджастанхана и Панджаба имеют хорошо выраженный отпечаток многовекового воздействия. Результаты его ярче всего проявляются около крупных населенных пунктов, где повсеместно почти сплошь уничтожена естественная растительность, а в районах распространения легких песчаных почв встречаются массивы подвижных барханных песков. В настоящее время воздействие человека на окружающую его природу усиливается. Оно проявляется в различных направлениях, но наибольшее значение имеет процесс уничтожения естественной растительности и разрушения почв.

В пустынях и саваннах Раджастанхана довольно много скота. Здесь разводят и круглый год выпасают на естественных пастбищах свыше 10 млн. голов овец и коз и около 0,5 млн. верблюдов (рис. 7). Количество скота то возрастает, то снижается, что зависит от количества выпадающих осадков. Если оно велико несколько лет подряд, то обильной становится растительность пастбищ и поголовье скота увеличивается. Если же вслед за этим наступает засушливый год, то на пастбищах развивается мало травы и ее не хватает для всех животных. Начинается страшное бедствие — массовый падеж скота. Так периодически изменяется количество поголовья. Это явление типично для всех засушливых областей земного шара.

Многовековое использование пастбищ по мере роста населения и поголовья скота привело к их деградации. Животноводы Раджастанхана уже давно используют на корм скоту не только травянистую, но кустарниковую и древесную растительность (веточный корм)². Помимо этого, население вырубало и корчевало деревья и кустарники пустыни и саванны, употребляя их на топливо и постройки. Объемы заготовок древесины и веточного корма систематически превышали естественный прирост. Часто эксплуатация растительности велась нерационально, что не обеспечивало естественного возобновления растений. Все это привело к тому, что ценные пастбищные угодья ухудшились, а легкие песчаные почвы в результате уничтожения скреплявшей ее растительности подверглись развеиванию. В глубине пустыни Тар повсеместно возникли и возникают массивы подвижных песков. Можно сказать, что природа аридных областей Индии, особенно в восточных и северных районах, находится в настоящее время в угрожаемом состоянии. Летом, в период сильных северо-западных ветров, атмосфера Раджастанхана сильно запылена. Часты сухие бури. Ветер поднимает тучи пыли и мелкого песка. Все это резко ухудшает условия жизни.

Необходимы мероприятия по предотвращению дальнейшего

² Кстати сказать, на пастбищах Средней Азии основными кормовыми растениями являются травянистые, полукустарниковые и мелкокустарниковые растения.

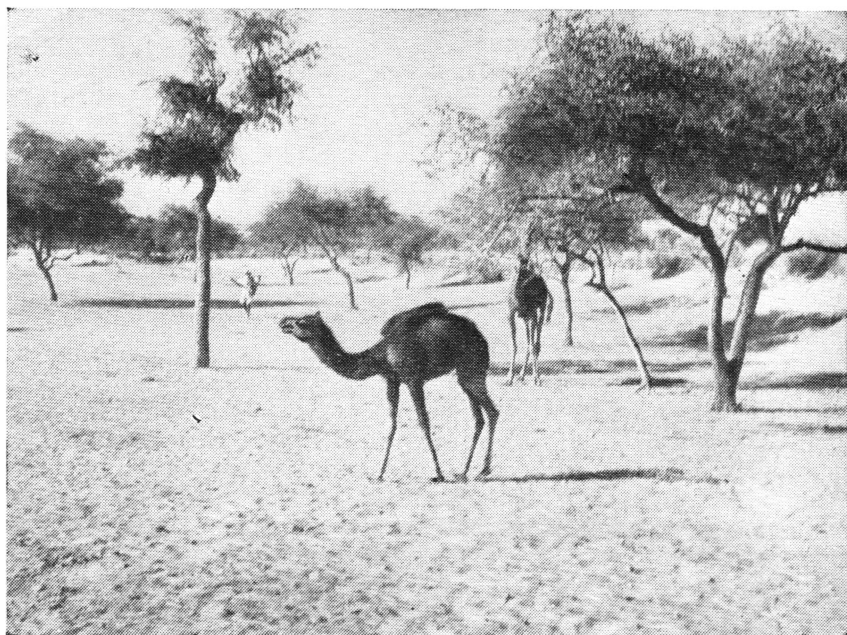

Рис. 7. Верблюды на пастбище в опустыненной саванне
(к западу от г. Покарена)

активного развеивания легких песчаных почв. Этого можно добиться двумя путями — строгим регулированием эксплуатации растительного покрова (выпас, заготовка на топливо) и широкими агролесомелиоративными мероприятиями (закрепление и облесение уже возникших массивов подвижных песков).

Особенности климата и лесорастительные условия подвижных песков в аридных областях Индии вполне благоприятны для их фитомелиорации, а также для создания защитных лесных насаждений. Методика агролесомелиоративных работ на песках в засушливых районах Индии благодаря многолетним усилиям Института по изучению аридной зоны (Джодхпур)³

³ Работа института направлена на изучение аридных ландшафтов Индии, тенденций их изменения под воздействием засушливого климата и хозяйственной деятельности человека с целью управления этими процессами. Исследования ведутся по комплексному методу. Берется какой-то засушливый район, всесторонне изучаются его природные особенности (гидрогеология, климат, почвы, водообеспеченность, растительность, животный мир и т. д.). На этой основе составляется план освоения территории (land use). Институт имеет несколько опорных пунктов: в полуаридной области, в г. Пали (площадь около 40 га) и в поселке Джухунджуну, в 250 км к северу от Джодхпура, — для разработки методов растениеводческого освоения саванны; в районе поселков Кайлан и Бериганга, в окрестностях Джодхпура, — для разработки методов использования каменистых и щебнистых остан-

уже выявлена — подобран ассортимент растений, разработана агротехника и т. п. Нужны лишь соответствующие правительственные постановления, обеспеченные средствами, и хорошо разработанные проекты соответствующих мероприятий [5]. Защитные насаждения впоследствии, через 5—10 лет, смогут войти в эксплуатацию для регулируемого выпаса и заготовки древесины на топливо.

Загрязнение воздуха в аридных областях Индии — следующая важная проблема. Оно имеет два максимума и два типа. Зимой города загрязняются смесью пыли и дыма; это характерно для большей части индийских городов. Летом, когда в Раджастане возрастает активность ветра, резко усиливается дефляция почв и перенос пыли. В этот период часты пыльные бури и ураганы. В воздухе неделями висит густая пелена пыли.

В городах воздух загрязнен смесью пыли, дыма от десятков тысяч очагов, продуктов сгорания угля и мазута в топках заводов и фабрик (серный ангидрид). В больших городах с обилием автомашин воздух насыщается токсичными газами — окисями углерода, азота и свинца, содержащимися в отработанных газах. В течение суток характер загрязнения меняется так: утром воздух относительно чистый, так как за ночь облако смога, насытившего город днем, частично уносится ветром за его пределы и пыль оседает; днем, по мере усиления движения транспорта, воздух над улицами обогащается пылью и отработанными газами, а над фабричными районами больших городов стелется дым фабричных труб.

Наиболее загрязнен воздух в вечерние часы, когда жители города возвращаются домой и готовят ужин. В это время на дворах разжигаются десятки и сотни тысяч очагов. Если вечером посмотреть на город с высокой точки, то хорошо видно, как всюду поднимаются тонкие столбики дыма. На высоте они расползаются, сливаясь в сплошную пыльно-дымную пелену. Ею окутан весь город. Становится трудно дышать: во рту и горле возникает горечь, от которой трудно избавиться, щиплет глаза.

Население Раджастана из года в год увеличивается. Особенно быстрый его прирост в ближайшие десятилетия будет связан с расширением площади орошаемых земель в результате завершения строительства Раджастанского канала (рис. 8), а также в результате освоения месторождений полезных ископаемых (нефть, газ и др.).

Все это требует более бережного обращения с природой и осуществления ряда мероприятий по более рациональному использованию природных богатств.

Заключение. Перспективы освоения аридных территорий Ин-

цовых гряд; около г. Биканера — для разработки методов облесения и закрепления подвижных песков, окружающих город; в пограничном с Пакистаном поселке Гарда-Роуд — для разработки методов защиты железных дорог от песчаных заносов.

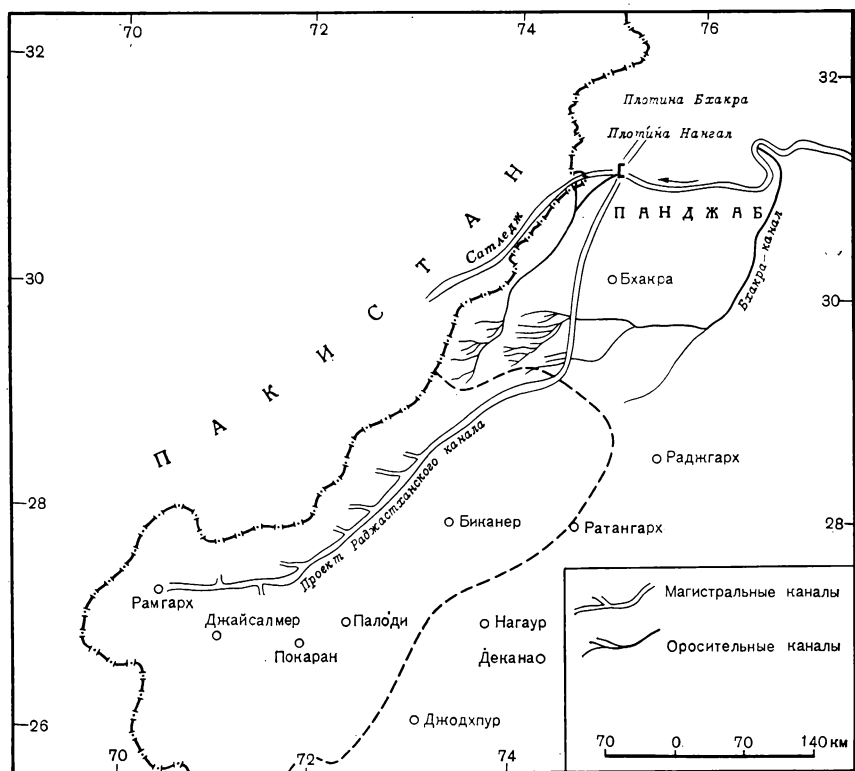

Рис. 8. Схема Раджастханского канала в пустыне Тар

дии на ближайшие десятилетия вырисовываются довольно четко. Освоение их природных ресурсов пойдет следующими путями:

1. Значительное расширение площади орошаемых земель, в связи со строительством Раджастханского магистрального канала, что вызовет бурное развитие орошаемого земледелия [4]. Ниже указана предполагаемая структура земельного фонда в зоне Раджастханского канала (в % к общей площади) [3]:

Земли с интенсивным земледелием	15,3
Земли с ограниченным орошаемым земледелием и пастбищами	18,0
Земли с ограниченным суходольным земледелием и пастбищами	30,2
Земли с лесонасаждениями и ограниченными пастбищами	30,8
Земли, использование которых не определено	5,7

2. Увеличение поголовья скота за счет рационализации выпаса и отбора более продуктивных пород. Однако рассчитывать

на значительный прирост поголовья не приходится, так как в связи с освоением части естественных пастбищ под орошаемое земледелие площадь их уменьшится.

3. Ликвидация последствий перегрузки пастбищ и развеивания песков и песчаных почв в аридных областях Индии. Для этого нужно провести ряд мероприятий: а) для разгрузки уже деградированных пастбищ необходимо освоить обширные площади отдаленных пастбищных массивов, которые пока не используются из-за отсутствия водоемов; в этих районах должны быть построены новые колодцы и созданы водосборы дождевых вод из полисинтетических покрытий с подземными водохранилищами типа туркменских наливных колодцев — чирле; б) необходимо прекратить временно выпас на сильно деградированных пастбищах и обеспечить их фитомелиорацию, что позволит восстановить пастбища быстрее, чем при их естественном воспроизводстве; в) как на вновь осваиваемых, так и на восстановленных пастбищах должен быть введен регулируемый выпас с определенным типом пастбищеоборота — в зависимости от пород скота и численности поголовья.

4. Сохранение фауны аридных областей, которая до настоящего времени широко эксплуатируется — производится заготовка шкур и мяса антилоп и горных козлов, пушнины и пр. Поголовье многих крупных животных неуклонно сокращается, главным образом за счет возросших в последние годы отстрела и отлова охотничье-промысловых животных и сокращения площади естественных кормовых угодий. Общий учет поголовья ценных животных позволит установить норму ежегодного отстрела их. Осуществление этих мероприятий возможно только при государственной помощи и консультации специалистов. В штате Раджастан это уже частично осуществляется благодаря усилиям правительства Индии и наличию в Джодхпуре Института по изучению аридной зоны.

5. Новой отраслью хозяйства в засушливых областях Индии станет нефтяная и газовая промышленность. Проведенное в последние годы в пустыне Тар разведочное бурение показало, что ее территория может рассматриваться в перспективе как нефтегазоносный район. Разработка этих месторождений преобразует облик пустыни. Через ее просторы будут проложены на сотни и тысячи километров нефте- и газопроводы, возникнут новые населенные пункты промышленного типа.

В заключение интересно сопоставить пути использования природных ресурсов пустынь и полупустынь Индии и Средней Азии как в прошлом, так и в настоящем. Они во многом сходны. Человек со своими стадами появился в пустынях Средней Азии, вероятно, немного позднее, чем в Раджастане. Расстояние от долины Инда до северных предгорий Копет-Дага через Иранское нагорье в 1 тыс. км могло быть преодолено за несколько благоприятных весенних сезонов. Не исключена воз-

возможность, что пастбищное животноводство возникло на юге Средней Азии самобытно. За это говорит наличие в Туркмено-Хорасанских горах, в Южном Тянь-Шане и на предгорьях диких родичей современных домашних животных (дикая лошадь, дикий осел, баран-муфлон).

В настоящее время пути освоения природных ресурсов Западной Индии и Средней Азии так же однотипны. Различаются лишь темпы развертывания этих работ. Так, если богатые месторождения нефти и газа в пустынях Средней Азии уже широко эксплуатируются, для чего построены газо-нефтепроводы в несколько тысяч километров, то в пустыне Тар еще только развертываются поисковые работы (геофизические исследования, разведочное бурение и пр.). Далее, через пустыни Средней Азии уже проложено несколько крупных ирригационных каналов (Каракумский, Аму-Бухарский, Голодностепский и др.). В Западной Индии строится запроектированный Раджастханский канал. На протяжении почти 200 км первой очереди канал уже дает воду полям в пустыне. В районе г. Чаттаргарх, на границе первой и второй очереди строительства, полным ходом идут работы на распределительной оросительной сети. Когда строительство будет закончено, пустыню Тар рассечет широкий зеленый коридор длиной 525 км [1].

В целом же мероприятия по освоению богатых природных ресурсов в засушливых областях Индии имеют правильную ориентировку и планы. Их осуществление лишь дело времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалев И. Индия: человек покоряет пустыню.— «Известия», 8.VI.1976.
- 1а. Николаев В. А., Рябчиков А. М. Аридные ландшафты Раджастхана.— «Известия Всесоюзного географического общества», 1965, № 1.
2. Спейт О. Х. К. Индия и Пакистан. М., 1957.
3. Chandrasekhara C. S., Sundaram K. V. A Note on the Anticipated Land-use Changes in the Rajasthan Canal Area.— «Bombay Geographical Magazine», 1964, № 1.
4. India, Regional Studies. Chapt. 9. The Marusthali. Calcutta, 1968.
5. Kaul R. N. The Indian Subcontinent. Indo-Pakistan.— «Afforestation in Arid Lands». The Hague, 1970.
6. Puri G. S. and others. Flora of Rajasthan.— «Record of the Botanical Survey of India». Calcutta, 1964, vol. XIX, № 1.

**ХРОНИКА РАБОТЫ ВОСТОЧНОЙ КОМИССИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР ПО ИЗУЧЕНИЮ ИНДИИ
(1972—1976 гг.)¹**

1972

27 января Заседание, посвященное национальному празднику Индии — Дню Республики. — Е. Я. Люстерник. Вступительное слово. — И. В. Сахаров. Обзор предварительных данных переписи населения Индии 1971 г. — А. М. Сенков. Проект кратчайшего водного пути, соединяющего СССР и Индию.

14 февраля Заседание Отделения истории географических знаний. — В. П. Грицкевич. Путешествие по Кашгари, Памиру, Хунзе и Раскему уроженца Литвы Бронислава Громбчевского (1885—1890).

10 мая Обсуждение рукописи аннотированного библиографического указателя «Индия» (автор И. В. Сахаров)². Выступали: Е. Я. Люстерник, М. К. Кудрявцев, В. А. Ромодин, Ю. В. Маретин, В. В. Перцмахер, А. П. Раскин, И. В. Сахаров, Д. А. Ольдерогге.

* * *

В 1972 г. вышли в издаваемой Восточной комиссией серии сборников статей «Страны и народы Востока» (соответственно выпуски XII и XIV) вторая и третья книги «Индия — страна и народ»³.

1973

26 января Заседание Восточной комиссии совместно с Ленинградским отделением Общества советско-индийских культурных связей и Городским индологическим семинаром, посвященное национальному празднику Индии — Дню Республики. — Е. Я. Люстерник. Вступительное слово. — С. А. Маретина. Опыт СССР в решении национального вопроса в Индии. — И. В. Сахаров. Новые данные о религиозном составе населения Индии.

28 февраля В. В. Перцмахер. Индия в произведениях русских художников начала XX века.

¹ См.: И. В. Сахаров. Восточная комиссия Географического общества СССР и ее работа по изучению Индии. (Приложение). — В сб.: Страны и народы Востока, вып. V. Индия — страна и народ, [кн. 1]. М., 1967, с. 17—22; Хроника работы Восточной комиссии Географического общества СССР по изучению Индии (1967—1971 гг.). — В сб.: Страны и народы Востока, вып. XII. Индия — страна и народ, кн. 2. М., 1972, с. 298—301.

² В 1974 г. указатель вышел в свет: И. В. Сахаров. Индия. Рекомендательный указатель литературы. Науч. ред. и авт. предисл. Г. Г. Котовский. М., «Книга», 1974. 143 с.

³ Кн. 2. Сост. и отв. ред. И. В. Сахаров. М., «Наука», 1972. 308 с.; Кн. 3. Сост. и отв. ред. И. В. Сахаров. М., «Наука», 1972. 331 с.

30 мая А. Н. Зелинский (Москва). «Колесо времени» в культуре народов Азии.— Н. В. Гуров. Южнодравидийская легенда о прародине.

14 июня Встреча членов Восточной комиссии с Ашоком Митрой, секретарем Президента Индии.

24 октября Заседание, посвященное 1000-летию со дня рождения Абу Рейхана Бируни.— В. Г. Эрман. «Индия» ал-Бируни и характер его работы над индийскими источниками.

11 декабря Заседание Океанографической комиссии.— А. Е. Антонов. Предварительные результаты советско-индийской экспедиции «Муссон-73».

18 декабря Ученый совет Географического общества СССР присудил Почетный диплом подготовленным Восточной комиссией сборникам «Индия — страна и народ» (книги 1—3), выпущенным в свет издательством «Наука» в серии «Страны и народы Востока» (вып. V, 1967; вып. XII, 1972; вып. XIV, 1972). Кроме того, среди членов авторского коллектива Почетного диплома персонально были удостоены Л. И. Бонифатьева, М. К. Кудрявцев, С. А. Маретина, В. А. Пуляркин, И. В. Сахаров, Г. В. Сдасюк, Б. П. Супрунович; дипломами были награждены также сотрудники Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» О. М. Гармсен, О. К. Дрейер, Н. Б. Зубков и Л. И. Юревич.

1974

25 января Заседание Восточной комиссии совместно с Городским индологическим семинаром, посвященное национальному празднику Индии — Дню Республики.— В. И. Балин. Вступительное слово.— И. В. Сахаров. Предварительные данные переписи 1971 г. о языковом составе населения Индии.— Г. А. Зограф. Многоязычие в Индии.

22 марта С. И. Авербух (Харьков). Античные свидетельства по этнографии Северо-Западной Индии в конце IV в. до н. э.

13 декабря Географическое общество СССР посетил декан факультета экономики университета в Дибругархе (Ассам) проф. Рамакришна Мехротра.

29 ноября Заседание Отделения медицинской географии совместно с Восточной комиссией.— В. И. Филимонов. Материалы по медицинской географии Индии (по личным наблюдениям).

27 декабря Общее собрание членов Географического общества СССР, организованное Восточной комиссией и посвященное 100-летию со дня рождения Н. К. Рериха.— М. П. Петров. Вступительное слово.— А. Н. Зелинский (Москва). Алтай и Гималаи в творческом сознании Н. К. Рериха.— П. Ф. Беликов (Таллин). Жизнь Н. К. Рериха в Гималаях.— В. В. Перцмакер. Н. К. Рерих о русско-индийских связях.— Р. А. Григорьева. Работа над фильмом о Н. К. Рерихе.— В. С. Ревякин (Томск). Н. К. Рерих и Алтай.

1975

21 января Общее собрание членов Общества, посвященное 100-летию со дня рождения Н. К. Рериха.— М. П. Петров. Вступительное слово.— Л. Н. Гумилев. Вклад Ю. Н. Рериха в историю Востока.— А. Н. Зелинский (Москва). Центральноазиатская экспедиция Н. К. Рериха (1925—1928).— С. Н. Рерих (Индия). Слово об отце.

11 февраля Заседание Отделения этнографии.— С. А. Маретина. Становление частного землевладения у горных народов Северо-Восточной Индии.

12 марта М. К. Кудрявцев. Три месяца в Индии (октябрь—декабрь 1974 г.).

29 мая Заседание Восточной комиссии совместно с Отделением экономической географии.— В. А. Пуляркин (Москва). Скважинная иррига-

ция в Южной Азии.— Г. В. С д а с ю к (Москва). Развитие территориальной структуры хозяйства в современной Индии.

1976

23 января Заседание, посвященное национальному празднику Индии — Дню Республики.— В. В. П е р ц м а х е р. Вступительное слово.— И. В. Сахаров. Западная Бенгалия по личным впечатлениям (октябрь 1975 г.), с показом цветных диапозитивов.

15 марта Заседание Комиссии топонимики и транскрипции географических названий.— В. В. П е р ц м а х е р. Индийские географические названия за пределами Индии.

7 декабря Ученый совет Географического общества СССР присудил Золотую медаль имени Н. М. Пржевальского Г. В. Сдасюк за монографию «Индия: география хозяйства» (М., «Мысль», 1975).

И. В. Сахаров

CONTENTS

G. N. Veits (Leningrad) and I. I. Egorov (Moscow). Public Sector in the Economy of Independent India	5
G. V. Sdasyuk (Moscow). Territorial Structure of India's Economy: Problems of Development	27
A. M. Goryacheva (Moscow). Territorial Concentration of India's Factory Industry	35
L. I. Bonifatieva (Moscow). The Main Features of the Urbanisation in India	47
B. K. Roy (Delhi). Depressed Areas and Zonation of Districts to the Set up of Physiogeographical Regions in India for Regional Development	63
V. A. Pulyarkin (Moscow). Shifting Cultivation in India and Actual Problems of Its Transformation	71
B. P. Suprunovich (Moscow). Village Survey Monographs in Census of India, 1961	86
B. P. Suprunovich. The Population of Kerala	96
B. I. Klyuev (Moscow). On a Peculiar Form of the Nativistic Movement in India	127
V. A. Chernyshov (Moscow). Janapada Andolan (A Movement for the Development of Vernaculars): History and Present Situation	154
G. A. Zograf (Leningrad). Polylinguism in India	191
M. K. Kudryavtsev (Leningrad). On the Condition of the Scheduled Tribes in India (in Connection with the Scientific Seminar in Simla)	206
B. K. Roy Burman (Delhi). Categorization of the Tribals in Terms of Growth Set and Approach to the Cultural Policy in Respect of the Tribal Population of India	216
L. P. Vidyarthi (Ranchi). Two Hundred Years of Anthropology in India (1774—1974)	230
P. F. Belikov (Tallin) and L. V. Shaposhnikova (Moscow). «Urusvati» Institute (N. K. and G. N. Roerichs' Research Activities in India)	250
A. V. Shnitnikov (Leningrad). Geographical Features of Glaciation of the Himalayas and Tendencies of Its Future Development	271
M. P. Petrov (Leningrad). Arid Regions in India and Their Development	283
Indian Studies of the Oriental Commission of the Geographical Society of the USSR (Chronicle of Work 1972—1976). Compiled by I. V. Sakharov	299

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Н. Вейц (Ленинград), И. И. Егоров (Москва). Государственный сектор в экономике независимой Индии	5
Г. В. Сдасюк (Москва). Территориальная структура хозяйства Индии: проблемы развития	27
А. М. Горячева (Москва). Территориальная концентрация ценовой промышленности Индии	35
Л. И. Бонифатьева (Москва). Важнейшие особенности урбанизации в современной Индии	47
Б. К. Рой (Дели). Отсталые территории и зонирование дистриктов для целей регионального развития по физико-географическим районам Индии. Пер. Б. П. Супруновича	63
В. А. Пуляркин (Москва). Подсечно-огневое земледелие в Индии и современные проблемы его преобразования	71
Б. П. Супрунович (Москва). Монографические описания деревень в переписи населения Индии 1961 г.	86
Б. П. Супрунович (Москва). Население штата Керала	96
Б. И. Ключев (Москва). Об одной разновидности партикуляристских движений в Индии	127
В. А. Чернышев (Москва). «Джананапада андолан» (движение за народный язык): история и современность	154
Г. А. Зограф (Ленинград). Многоязычие в Индии	191
М. К. Кудрявцев (Ленинград). О положении племен в Индии (в связи с научным семинаром в Симле)	206
Б. К. Рой Бёрман (Дели). Динамическая классификация зарегистрированных племен и принципы культурной политики по отношению к этой группе населения Индии. Пер. Б. П. Супруновича	216
Л. П. Видьяртхи (Ранчи). Двести лет индийской этнографии и антропологии (1774—1974). Пер. Б. П. Супруновича	230
П. Ф. Беликов (Таллин), Л. В. Шапошникова (Москва). Институт «Урусвати» (Научная деятельность Н. К. Рериха и Ю. Н. Рериха в Индии)	250
А. В. Шнитников (Ленинград). Географические особенности оледенения Гималаев и тенденции его будущего развития	271
М. П. Петров (Ленинград). Аридные области Индии и их освоение	283
Хроника работы Восточной комиссии Географического общества СССР по изучению Индии (1972—1976 гг.). Составитель И. В. Сахаров	299

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА,
вып. XIX

*Индия — страна и народ,
книга 4*

*Утверждено к печати
Восточной комиссией
Географического общества СССР
Академии наук СССР*

Редактор *О. М. Гармсен*
Младший редактор *С. П. Какачикашвили*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *Р. Ш. Чемерис*

Сдано в набор 10/XI-1976 г. Подписано к печати
14/IV-1977 г. А-00044. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бум. № 1
Печ. л. 19. Уч.-изд. л. 20,82. Тираж 2100 экз.
Изд. № 3973. Зак. № 813. Цена 2 р. 44 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

